ВАГИФ ГУСЕЙНОВ

От Ельцина к...?

1 ХРОНИКА ТАЙНОЙ БОРЬБЫ

ДОСЬЕ

Annotation

Кому достанется Россия после Ельцина? Лужкову, Черномырдину, Лебедю, Зюганову, Чубайсу, Немцову или совсем другому избраннику, чье имя пока неизвестно? Буквально с первых дней инаугурации Б. Ельцина на второй президентский срок развернулась жестокая, тайная и явная, война за право быть его преемником.

Книга руководителя одной из московских аналитических служб генерала В. А. Гусейнова повествует о невидимых схватках за власть в Кремле, развернувшихся с 1996 года. В ход идут лжепрогнозы и фальсификации, финансовые скандалы и утечка «доверительной информации».

- Вагиф Гусейнов
  -
  - ОБ АВТОРЕ
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
    - 1. ПРИСЯГА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
    - 2. О ЧЕМ ДОГОВОРИЛИСЬ С БЕЛАРУСЬЮ
    - 3. О ЧЕМ ДОГОВОРИЛИСЬ С ЧЕЧНЕЙ

Вагиф Гусейнов
ОТ ЕЛЬЦИНА К…? Хроника тайной борьбы
Книга первая. СПАСИТЕЛЬНАЯ СОЛОМИНКА
Август 1996 — декабрь 1997

ОБ АВТОРЕ

Вагиф Алиовсатович Гусейнов родился в Азербайджане, в городе Кубе.

Этот город, расположенный на склонах Большого Кавказа, помнит Лермонтова. Был там и Александр Дюма во время путешествия по России.

Свою журналистскую деятельность В. А. Гусейнов начал в 60-х годах во время службы в армии. Потом работал в ряде СМИ в Баку: корреспондентом Азербайджанского радио и телевидения, главным редактором республиканской молодежной газеты.

В 1974–1978 гг. руководил комсомолом республики, был избран секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, первым заместителем начальника одного из управлений МИД СССР, в 1989–1991 гг. был последним председателем КГБ Азербайджана.

Генерал-майор КГБ В. А. Гусейнов уволился со службы после августа 1991 года.

В настоящее время он руководитель одного из аналитических центров. Входит в состав совета директоров московской корпорации «Система» и совета директоров концерна «Система Массмедиа». Член совета по внешней и оборонной политике.

Часть первая
ПИРРОВА ПОБЕДА

Глава 1
ТОЛЬКО НЕ КОММУНИСТЫ!

Чей это лозунг. — Действительно ли он устраивал всех. — О некоторых особенностях предвыборной борьбы за президентское кресло. Отставка О. Сосковца, А. Коржакова и М. Барсукова. — Почему Б. Н. Ельцина возвели на престол на второй срок.

До апреля 1996 года в правительственных кругах США не сомневались в победе Бориса Ельцина на президентских выборах 16 июня. Иначе с какой стати Международный валютный фонд выделил бы России 10-миллиардный кредит? Всем было ясно, что заокеанский подарок преподносился под конкретную личность Ельцина.

Апрельская встреча в Москве президента США Билла Клинтона с лидером российских коммунистов Геннадием Зюгановым поколебала прежнюю уверенность администрации США в победе Бориса Николаевича. Американские эксперты признали серьезную политическую роль КПРФ как выразителя интересов многих социальных групп, наиболее пострадавших в ходе неудачных рыночных реформ.

В связи с этим представители деловых кругов США высказали серьезные опасения по поводу возможного прихода к власти на выборах в России лидера коммунистов. В этом случае, по мнению бизнесменов, произойдет немедленное сворачивание рыночных реформ, неизбежное ухудшение отношений между Россией и США и, как следствие, глобальное снижение активности американских предпринимателей на российском рынке.

Администрация США располагала сенсационной информацией, которая не была обнародована в России. Правда, наиболее проницательные московские политики подозревали, что рейтинг Ельцина среди избирателей весной 1996 года был ниже, чем у Зюганова, но необходимыми доказательствами не располагали. ЦРУ же полностью владело обстановкой в России. По конфиденциальным докладам джентльменов из Лэнгли, даже частично выполненные президентом Ельциным обязательства: положить в короткие сроки

конец войне в Чечне и погасить все задолженности по зарплате, отнюдь не способствовали росту его популярности.

Американские аналитические центры прогнозировали неизбежность второго тура голосования. По их мнению, участвовать в нем будут Б. Ельцин и Г. Зюганов, так как разрозненные представители «третьей силы» не являлись серьезной альтернативой ни тогдашним представителям власти, ни коммунистам. Но именно сторонники «третьей силы» смогут «решить судьбу России, отдав свои голоса одному из фаворитов предвыборной гонки».

Интересен расклад западных специалистов относительно симпатий и антипатий российского электората.

В конфиденциальных докладах своим правительствам зарубежные аналитики исходили из результатов парламентских выборов в России в декабре 1995 года. Выборы в Государственную Думу показали внимательным наблюдателям, что электорат в стране был жестко поделен еще в 1991 году, вернее, в переходный период от 1990 к 1992 году, и с тех пор конфигурация избирателей не претерпела почти никаких изменений.

Особенно устойчивость российского электората заметна на краях политического спектра. В 1995 году лидер ЛДПР снова получил 6 миллионов голосов, что и в 1993-м. Совершенно очевидно, что в условиях нормальной политической борьбы он не сможет получить сколько-нибудь заметно больше. Его успех на выборах 1993 года, когда он почти в два раза улучшил свои показатели по сравнению с 1991 и 1995 годами, во многом объясняется экстремальными условиями той избирательной кампании. Тогда Жириновскому отдали свои голоса все умеренные националисты и краснобелые (их просто не допустили к участию в выборах), которые все-таки пришли к урнам, а не выбрали бойкот «незаконных выборов», а также эмоциональные сторонники Руцкого, которых, как показали эти выборы, было гораздо больше, нежели реальных.

Анпилов получил 2,5 миллиона голосов, которые в 1995 году получил А. Макашов, и ясно, что бы ни случилось, эти 2,5 миллиона голосов радикал-коммунистического толка будут и впредь проявляться на выборах — если будут голосовать, а не бойкотировать, пока ситуация не изменится радикально.

Это совсем чистые примеры. Западные специалисты проводили и более тщательный анализ. Если, отмечали они, выделить чисто демократический электорат Явлинского («Яблоко» лежит на пересечении демократов и центра. — В. Г.), то, приплюсовав к нему демократов, проголосовавших за другие блоки, можно получить примерно то же количество избирателей, которые в 1991 году проголосовали против сохранения СССР.

Анализ всех ранее прошедших выборов показывает, что 12–13 постоянных миллионов Зюганова как раз и составляют чисто коммунистический электорат. Вспомним 16 миллионов голосов, поданных за Рыжкова 12 июня 1991 года. Впоследствии они перешли к Зюганову (12–13 миллионов) плюс миллион Рыжкова-Бабурина.

Около 6 миллионов голосов, поданных за Черномырдина — это электорат партии власти, который лишь в самом крайнем случае переметнется на сторону оппозиции, как переметнулся от Рыжкова к Ельцину в 1991 году — да и тогда формально Ельцин был в России уже больше «власть», чем Рыжков. Ну и четыре с небольшим миллиона голосов Явлинского также представляют собой достаточно устойчивое образование на пересечении демократического и центристского электората. Однако если он попытается вступить в некоторую равноправную коалицию, то не исключено, что его электорат может легко раствориться.

Итак, более или менее четко поделенными являются от 30 до 35 миллионов человек, то есть до 50 процентов всего потенциального российского электората. Остальные 35–40 миллионов — это весьма аморфный и размытый центр, не имеющий ярко выраженных политических пристрастий. Электоральное поведение этой части избирателей формируется под влиянием умеренно-патриотических (часто замешанных на ностальгии по СССР) идей в сочетании (иногда сложном) с идеями социальной справедливости (скорее, несправедливости того, что происходит в стране), приправленных житейскими мудростями типа «лучшее — враг хорошего», «лишь бы не было войны» и т. д.

Казалось бы, наличие столь широкомасштабной группы не определившихся избирателей противоречит высказанному ранее тезису о том, что электоральное поле поделено. Однако анализ поведения этой группы показывает, что особо больших надежд на политический

прорыв через ее консолидацию ждать не следует. Если на поддержку этого электората претендует множество партий, то каждая имеет шанс получить долю симпатий. Здесь работает принцип больших чисел. Кто-то из лидеров партий понравился или сказал что-то, что совпало с настроением. Когда же предлагаемый выбор недостаточно разнообразен, то подобные избиратели либо примыкают к одной из реальных политических сил, либо просто Не идут голосовать.

Есть два возможных подхода к тому, как структурировать эту часть избирателей, поучали западные эксперты предвыборный штаб Б. Ельцина. Первый — это стать радикальным выразителем одной из сторон сложносоставного мировоззрения избирателей этой группы. Например, патриотической или же идеи социальной справедливости в ее некоммунистическом варианте. Но поскольку ни одна из сторон у всей группы не является доминирующей, да *и* избиратель этот опасается радикализма, причем именно радикализма своих собственных идей в первую очередь, все «чистые» патриотические и социал-демократические группировки оказываются в Достоянном проигрыше.

Второй подход заключается в том, чтобы попытаться воспроизвести в некотором усредненном виде ту сложную смесь идей, которая характерна для всей группы в целом. Или даже в самом радикальном виде, как это пытался сделать Конгресс русских общин (КРО), представляющий себя надпартийной, надклассовой и даже надрелигиозной структурой — здесь явно проявила себя оборотная сторона приземленного аппаратного сознания лидеров. Но здесь тоже ничего не вышло, так как напоминало попытку оперировать средней температурой пациентов в больнице, включая, возможно, и тех, кто уже в морге: в итоге даже с Лебедем пять процентов не натянули. Впрочем, урок не пошел впрок, о чем свидетельствует очередная попытка В. Шумейко создать движение «Реформы — новый курс», ориентированное на этот электорат.

Уже то обстоятельство, что ни один из видных политиков не принял участия в его учреждении (С. Филатов не в счет, он со времен учреждения Партии социальной демократии (ПСД) А. Яковлева все никак не может успокоиться), не было выработано четкой линии во взаимоотношениях с Ельциным (не то оно его осуждает, не то приветствует), показывает надуманность такого рода попыток.

Люди из предвыборного штаба Ельцина понимали: единственное, что способно консолидировать названную группу избирателей — это харизма. В свое время на эту группу безотказно действовала харизма Ельцина. И даже потускнев, она еще дала хорошие результаты на референдуме 1993 года.

И не стоит думать, что образ Ельцина не сыграет и на этот раз — нет ничего более живучего, чем устоявшаяся харизма. Так убеждали обеспокоенную президентскую семью близкие ей лица из числа специалистов, взявшихся за неимоверно трудную задачу, — добиться избрания Ельцина на второй срок.

Верившие в счастливую звезду Ельцина исходили из того, что среди потенциальных претендентов на пост президента мог быть лишь А. Лебедь. Но он только начинал приобретать популярность, а лидеры КРО пытались, используя имя А. Лебедя, завоевать сторонников среди избирателей. Что произошло в действительности, стало ясно в феврале.

Пока известности А. Лебедя хватило на то, чтобы привести его в парламент. Отметим, что весной 1996 года ситуация существенно отличалась от парламентской 1989 года, — тогда Ельцину удалось в полной мере раскрутить свой образ борца с номенклатурой за счастье народное. Во второй Государственной Думе Лебедь мог просто-напросто затеряться. Да и прямые трансляции из Думы телевидение давно не ведет. Очевидно, что и коммунисты, которые предстали ведущей и самой заметной силой в парламенте, будут стараться приглушить Лебедя. Впрочем, еще неизвестно, прибавило бы А. Лебедю популярности, окажись он в парламенте вместе со сторонниками КРО.

Итак, перед президентскими выборами 1996 года сложилась следующая ситуация. Во-первых, КПРФ с 13 миллионами голосов избирателей, 2,5 миллиона Анпилова, три миллиона голосов аграриев и рыжковцев. Если кандидат КПРФ выдвигался бы как единый кандидат левых сил — в целом он смог бы получить более 18 миллионов голосов. Было очевидно, что Зюганов — наиболее реальный претендент на пост президента — его авторитет среди электората, особенно после парламентских выборов 1995 года, был наиболее высоким. Поэтому вряд ли КПРФ решилась бы выдвинуть еще кого-нибудь даже ради дополнительных голосов центристов: опыт «Демократической России» с Б. Ельциным еще не забылся.

Во-вторых, у I?. Ельцина было шесть миллионов голосов партии власти. Понятно, что Е. Гайдар своих избирателей отдаст Ельцину (не Г. Явлинскому же!). Понятно, что Г. Явлинский с четырьмя миллионами голосов может забыть о втором туре. Шести миллионов сторонников В. Жириновскому также маловато для второго тура. Предполагалось, что центристский электорат в меньшей степени отойдет к Г. Зюганову (а у него уже более 18 миллионов избирателей) и В. Жириновскому, в большей — Б. Ельцину и Г. Явлинскому, (маловероятно, чтобы Г. Явлинский обошел Б. Ельцина).

Так что из реальных претендентов, у которых была бы возможность выхода во второй тур голосования, было двое: Б. Ельцин и Г. Зюганов. Правда, был еще третий — А. Лебедь. Если в 1991 году два кандидата обеспечили проведение выборов в один тур, то в 1996 году ситуация изменилась: претендентов стало трое, что вызвало неотвратимость двух туров.

Возникал вопрос: если во второй тур выйдут Б. Ельцин и Г. Зюганов, у кого из них больше шансов? У Б. Ельцина? Вполне возможно, ибо центристский электорат, от которого будет зависеть исход выборов, в силу своей житейской премудрости предпочтет старое зло новому. Но у Г. Зюганова была возможность для победы, если он станет единым кандидатом левопатриотических сил. Возможность выхода во второй тур А. Лебедя была маловероятной, — трудно предположить, что А. Лебедь одержит победу над Г. Зюгановым. Он мог бы получить преимущество в том случае, если бы сторонники партии власти, демократов и Г. Явлинского поддержали бы его на выборах. Но так могло произойти лишь теоретически, на бумаге.

Исход выборов зависел не столько от настроений избирателей, сколько от предвыборной тактики претендентов, то есть от профессионализма и сплоченности стоящих за ними интеллектуальных команд, которые сумеют найти методы привлечения центристского электората.

Поэтому первой задачей участия коммунистов в выборах должно быть привлечение профессиональных команд, умеющих работать с этим электоратом.

Президентская команда была изначально слабо сплочена и именно эту проблему ей пришлось решать в первую очередь.

С учетом всего вышесказанного и отечественные, и зарубежные аналитики ожидали дальнейшего усиления позиций А. Коржакова в окружении президента, поскольку только у него имелась возможность создать сплоченную команду. Хуже всего дело обстояло у А. Лебедя: ему-то команда нужна была на порядок более сильная, чем прочим претендентам.

В аналитических докладах рассматривался даже такой фантастический поворот событий, как выдвижение В. Черномырдина на пост президента. Кто угодно, лишь бы не коммунисты!

Может ли премьер при конкуренции с Б. Ельциным попасть во второй тур президентских выборов? Шансов у В. Черномырдина, более приемлемого для центристского электората, на победу над Г. Зюгановым было больше, чем у Б. Ельцина. Но он — В. Черномырдин, разумеется, сможет объявить о своем участии в выборах, если не будет премьер-министром, или его назначит своим преемником Б. Ельцин. Правда, по высказыванию А. Коржакова, президент дал понять, что таковым В. Черномырдина не видит. Так что коммунистической Думе стало невыгодным отправлять В. Черномырдина в отставку.

Пойдет ли Ельцин на серьезную реорганизацию правительства в ближайшее время? Вряд ли. Скорее всего, он ограничится отставкой А. Козырева, да под вопросом министр финансов В. Пансков, который уже долгое время находится в больнице и может попроситься в отставку по состоянию здоровья, после чего весь блок финансовых ведомств — министерство финансов, Госналогслужба, налоговая полиция, Центральный банк — будет перестроен. Кроме того, учитывая явно неудачный для движения «Наш дом — Россия» исход голосования в армии, Б. Ельцин может пойти и на отставку П. Грачева. Совершенно очевидно, что объявленные 80 процентов голосов военных в поддержку НДР не что иное, как блеф. В армии — сплошь протестное голосование. Отставки близких к министру обороны генералов уже начались (В. Воробьев), да и А. Коржаков отзывался в своем интервью о П. Грачеве пренебрежительно.

Так что серьезных реорганизаций правительства ждать не следует, а вот что Ельцин будет дистанцироваться от деятельности своего кабинета министров и чаще критиковать его — это было очевидно. Не исключено, что в отношении отдельных министров и высокопоставленных чиновников пойдет в ход и компромат,

собираемый Службой безопасности президента и ФСБ. В преддверии выборов следовало ожидать усиления борьбы с коррупцией, ибо этот лозунг весьма привлекателен.

Объектом анализа была и ситуация в Государственной Думе. Коммунисты со своими сторонниками имели в нижней палате парламента около 150 голосов. Естественно, их первой задачей стал поиск недостающих 35 голосов для того, чтобы самостоятельно распределить все значимые места в Думе. При этом для привлечения независимых депутатов коммунисты могли пойти даже на выделение из своих рядов еще двух фракций — аграрной и «розовой». Создание аграрной фракции весьма вероятно.

В случае, если коммунистам не удастся добиться большинства на период распределения думских портфелей, они могут договориться с одной из трех других фракций в Думе, что заведомо даст им большинство, причем НДР исключалась. С пропагандистской точки зрения более приемлем был бы союз с Г. Явлинским, однако он, как и Г. Зюганов, претендует на одни и те же места в Думе, в то же время с В. Жириновским их интересы пересекаются мало. В. Жириновский нацелен на весь блок внешнеполитических комитетов — по международным делам, СНГ, геополитике, а также на комитет по обороне, промышленности и социальным вопросам.

Коммунисты хотят взять себе весь блок экономических вопросов, в чем они сталкиваются с Г. Явлинским, и комитет по безопасности. Как бы ни сложился ход переговоров, второстепенные комитеты вроде комитета по делам женщин Г. Зюганов готов отдать хоть НДР.

5 января 1996 года на свое последнее заседание собрался Совет Федерации первого созыва. Предстояла его реорганизация, так было решено, что сенаторы будут работать на непостоянной основе. Кто будет председателем Совета Федерации вместо В. Шумейко, который так и не сумел успешно довести свою многомесячную борьбу за сенаторское кресло? Было бы естественно, если бы председателем верхней палаты парламента стал один из руководителей законодательных органов субъектов Федерации.

Однако не было ни одного кандидата, обладающего общероссийской известностью, за исключением А. Тулеева, который остался в сенате, хотя и избран в Думу. Но вряд ли сенаторы решились бросить столь дерзкий вызов президенту. Нужен был кто-то другой.

Претендент на пост руководителя верхней палаты, по мнению отечественных и зарубежных наблюдателей, должен быть достаточно хорошо известен в России и политически относительно нейтрален. Кроме того, желательно, чтобы он был вхож к президенту. В наибольшей степени этим условиям отвечал екатеринбургский губернатор Э. Россель и глава администрации Московской области А. Тяжлов. Последний к тому же возглавлял Ассоциацию глав администраций и имеет то преимущество, что постоянно находится в Москве. Однако недостатки характера А. Тяжлова делали его в глазах сенаторов мало приемлемой кандидатурой. Что касается Э. Росселя, то его политические амбиции также могли вызвать отторжение.

В связи с отсутствием приемлемых кандидатур на пост председателя верхней палаты в Совете Федерации активно обсуждался вопрос — а нужен ли вообще постоянный руководитель сената? Мол, сенаторы могут занимать этот пост поочередно. А раз не нужен постоянный председатель, то не нужен и аппарат, поскольку он обслуживал преимущественно председателя и его заместителей. Предлагалось расширение личных канцелярий сенаторов с урезанием центрального аппарата до технического секретариата.

Будет ли в таком случае работоспособен Совет Федерации? Трудно сказать. Одно только ясно — он будет непредсказуем. Победит ли такая точка зрения на структуру сената, станет ясным после того, как соберется Совет Федерации второго созыва.

Такая ситуация сложилась в начале 1996 года в основных структурах власти.

Какое положение сложилось с Центральным банком?

С. Дубинин, судя по всему, решительно взялся за перекраивание российского казначейства. В связи с отставкой В. Геращенко, главы Сбербанка, — крупнейшего коммерческого банка страны, контрольный пакет акций которого принадлежит Центробанку, С. Дубинин предпринял попытку перевести в Сбербанк бывшую и. о. председателя Центробанка Т. Парамонову и наиболее преданных ей членов команды А. Войлукова и А. Козлова — «чтобы геращенковским духом и не пахло». Впрочем, он быстро передумал, не захотев создавать правление Центробанка «в изгнании», да еще на столь влиятельном месте.

Всю зиму шли залоговые аукционы, призванные обеспечить поступление денег в бюджет. Эти аукционы сопровождались большим

числом шумных скандалов, что не удивительно, если учесть, что они ознаменовали собой один из решающих этапов передела собственности, к тому же проводились при явном неодобрении действующей Государственной Думы, попытки которой приостановить передел собственности регулярно натыкались на вето президента. Нетрудно предположить, что новая Государственная Дума активнейшим образом попытается вмешаться в этот процесс и именно этот вопрос будет наиболее важным в ее работе.

В рамках изучения предвыборной ситуации в России американские специалисты активизировали сбор информации о политических настроениях в Российской армии. Аналитиков интересовала в первую очередь степень лояльности офицерского состава в президенту, а также к таким кандидатам на пост главы российского государства, как Г. Зюганов и В. Жириновский. Особый упор делался на изучение политических симпатий российского офицерства в ряде крупных военных округов, в частности, Московского, Уральского, Северо-Кавказского. Их интересовала степень авторитета командующих среди офицеров этих округов, информация о политических симпатиях полкового и дивизионного звена Сухопутных войск Российской армии.

По оценке одного из руководителей института дипломатии государственного департамента США С. Вудби, весной 1996 года по уровню боеготовности и обученности офицерского состава Российская армия занимала девятое место в мире.

Многие канадские журналисты и дипломаты высказывали убежденность в «предопределенности» победы Б. Ельцина на президентских выборах. По их мнению, коммунистическая оппозиция в лице Г. Зюганова являлась для президента России достаточно серьезным соперником, но не настолько, чтобы помешать ему остаться на второй срок на посту главы государства.

Дипломаты подчеркивали, что Канаду, как и другие страны Запада, в качестве президента России устраивает лишь кандидатура Б. Ельцина. В случае победы Г. Зюганова канадцы не исключали возможности применения к России определенных санкций, в том числе в виде свертывания программ западной технической помощи.

Политические круги Австралии положительно оценивали деятельность Б. Ельцина и также были заинтересованы в его победе на выборах, считая факт переизбрания гарантией дальнейшего развития

демократических реформ. Однако затянувшийся чеченский конфликт и методы его разрешения, по их мнению, при определенных условиях могли привести российскую политическую систему к изменению в тоталитарном направлении.

Избрание Г. Зюганова на пост главы государства австралийцы считали нежелательным, но его шансы на победу оценивали достаточно высоко. Вместе с тем они при любом исходе выборов не заинтересованы в свертывании политических и экономических связей с Россией, являющейся привлекательным рынком сбыта австралийских продовольственных товаров.

По оценкам специалистов Института европейской политики Лувенского университета, изложенным в аналитической записке для правительственных департаментов Бельгии, на фоне жесткого соперничества двух основных кандидатов в президенты России Б. Ельцина и Г. Зюганова наблюдался рост популярности тогдашнего главы государства. По мнению руководителя института профессора К. Малфлит, это объяснялось в первую очередь тем, что поддерживавшие лидера коммунистов избиратели ориентировались не на личность, а на идею. Электорат Г. Зюганова стабилен, не имеет резерва роста и составляет примерно 30 процентов от числа активных избирателей.

В то же время Б. Ельцин активно завоевывает симпатии тех избирателей, которые ориентированы на харизматическую личность. Таковой среди кандидатов в президенты, кроме Ельцина, является только А. Лебедь, но его позиции, по мнению Малфлит, гораздо слабее. А. Лебедь оттягивает на себя часть потенциальных избирателей обоих претендентов. Однако для лидера коммунистов генерал более опасен, чем для нынешнего президента, поскольку воплощает те качества, которых недостает Г. Зюганову — «жесткость» и «сильная рука». В силу этого участие А. Лебедя в предвыборной гонке выгоднее Б. Ельцину.

По мнению бельгийцев, если не произойдут какие-либо чрезвычайные события, Б. Ельцин в оставшееся до выборов время сможет привлечь на свою сторону значительную часть колеблющихся и укрепит шансы на победу в президентской кампании. Специалисты института считают, что Бельгии пока нет необходимости пересматривать свою политику в отношении России.

Представители деловых и правительственных кругов США в последнее время активно используют российских предпринимателей, выезжающих за границу, для изучения ситуации, складывающейся в регионах РФ в период предвыборной кампании. Проявляется повышенный интерес к возможности прихода к власти коммунистов и к политической ориентации бизнесменов России.

Американцами высказывалось мнение о необходимости оказания всемерной поддержки президенту России. Отмечалось, что российские предприниматели должны сыграть в этом основную роль, так как они, как никто другой, заинтересованы в продолжении курса реформ. С этой целью при финансовой помощи США предлагалось создавать структуры типа «Ротари-клубов», через которые можно было бы формировать определенное мнение россиян и оказывать влияние на местные органы административного управления.

По мнению представителей английского юридического бизнеса, в Великобритании возможное поражение на выборах президента РФ рассматривалось как нежелательное, но не влекущее каких-либо серьезных внешнеполитических изменений. Поясняя такую позицию, представитель английской юридической фирмы «Constant and Constant» Дж. Томас отметил определенную предсказуемость руководителя российского государства, что устраивало правительственные и деловые круги Великобритании. Одной из главных причин возможного поражения президента РФ англичане считают тяжелые социальные последствия, обусловленные слишком высоким темпом проводимых в России экономических реформ. По мнению Томаса, при любом исходе президентских выборов в России международные контакты с ней должны развиваться, при этом потребность в юридических консультациях будет возрастать, что предполагает укрепление позиций «Constant and Constant» на российском рынке.

Официально дистанцируясь от вмешательства во внутрироссийские дела, МИД Украины выражал заинтересованность в продолжении курса реформ и демократизации общественных отношений в России, развитии предпринимательства. По мнению украинских дипломатов, такой курс способствует либерализации внешних связей, динамичному развитию экспортно-импортного обмена России с другими странами. Все эти процессы, выгодные Украине,

увязываются с перспективой победы на выборах президента РФ Б. Ельцина.

Некоторые западные наблюдатели обращали внимание на то, что по мере приближения выборов в выступлениях Б. Ельцина «слышится все большая напряженность и нервозность».

Его последние выступления полны разнообразных обещаний, в том числе и невыполнимых. Например, «покончить к 2000 году с воинской повинностью в стране», по мнению экспертов, совершенно не реально.

Заявления Ельцина о готовности вступить в коалицию буквально с любой партией, за исключением коммунистов, входили в противоречия с появившейся в последнее время информацией о возможности предложения «главному коммунисту Зюганову» поста премьер-министра. Как отмечают наблюдатели, создается впечатление, что Ельцин готов пойти на все, чтобы привлечь большее число голосов избирателей на свою сторону.

По оценкам некоторых западных аналитиков, президент России Б. Ельцин «сможет занять на президентских выборах лишь третье место, не попав даже во второй тур голосования». Именно поэтому, как считают иностранцы, в последнее время предпринимались усилия для укрепления позиций президента и поиска возможных «нетрадиционных» путей выхода из «предвыборного тупика».

Позиция США по поводу возможной отмены выборов в России неоднократно излагалась публично и в частном порядке и сводилась к тому, что «Конституция должна соблюдаться и выборы должны быть проведены в запланированные сроки». В США будут крайне разочарованы возможной победой Г. Зюганова, однако правительствам западных государств будет очень сложно примириться с отменой выборов.

По мнению правительственных кругов Австрии, на предстоявших президентских выборах в России победу скорее всего одержит Г. Зюганов, который пользуется существенной поддержкой населения и по сути является не коммунистом, а социал-демократом. Австрийцами лидер КПРФ и его сторонники рассматриваются как «новое поколение коммунистов», с которыми можно сотрудничать, и в случае победы Зюганова каких-либо изменений в политике Австрии по отношению к России не ожидается.

Как считают австрийцы, возврат к прошлому в России исключен и реформы продолжатся, причем они будут иметь социальную направленность и в то же время ориентироваться на возрождение отечественной промышленности. Австрийские бизнесмены, работающие на российском рынке, намерены увеличить инвестиции в российскую экономику.

Одновременно в австрийских деловых и политических кругах существует страх перед маловероятной, но все же возможной победой на выборах Жириновского. К лидеру ЛДПР относятся как к популисту и «человеку с больной психикой».

Возможность переноса выборов президента РФ также обсуждается в кругах, близких к главе австрийского правительства. По убеждению австрийцев, нарушения Конституции РФ недопустимы и выборы должны состояться в срок. В противном случае Россия будет рассматриваться как недемократическое государство, попирающее собственный Основной закон.

Иностранные дипломаты практически единодушны во мнении, что выборы пройдут в два тура и основными претендентами на высший государственный пост будут Ельцин и Зюганов. Они считают, что, несмотря на то, что по последним опросам рейтинг президента практически сравнялся с рейтингом Зюганова, Ельцину и его окружению «не следует обольщаться». К опросам необходимо подходить более скептически, так как они не отражают всего спектра общественного мнения.

По информации из японских дипломатических и деловых кругов, правительство этой страны всерьез обеспокоено возможностью победы Г. Зюганова или В. Жириновского на предстоящих президентских выборах.

Токио, заинтересованный в том, чтобы правительство Б. Ельцина осталось у власти, готов предоставить ему финансовую поддержку. При этом, однако, японцы хотят получить гарантии ее реализации в пределах Дальнего Востока России. В правящих кругах страны существует твердое убеждение, что истраченные на поддержку региона средства позволят создать здесь благоприятные условия для деятельности компаний Японии, а также своего рода «японскую партию» среди местного населения. По их мнению, это будет способствовать решению «территориального вопроса», а также даст

Японии преимущество в случае автономизации Дальнего Востока от центральной части России.

Английские корреспонденты, анализируя возможные результаты президентских выборов в России, не исключали победы лидера коммунистов Г. Зюганова. Исходя из этого и учитывая позицию наиболее влиятельных политиков из окружения Г. Зюганова, победа коммунистов, по мнению англичан, скорее всего приведет к дестабилизации отношений России с Западом вообще и с Великобританией в частности. Западные дипломаты и политики отмечали, что в России набирают силу антизападные настроения. Именно поэтому Запад, как никогда ранее, заинтересован в победе Б. Ельцина. В связи с этим Международный валютный фонд предоставил России очередной многомиллиардный заем, несмотря на то, что Москва бессмысленно тратит огромные средства на войну в Чечне. Этот заем рассчитан лишь на то, чтобы помочь Ельцину «подкупить некоторые категории избирателей».

Корреспонденты отмечали, что в России надо поддерживать саму демократию, а не отдельных лиц, называющих себя демократами, и рекомендовали направлять в Россию независимых наблюдателей, чтобы они «могли поднять тревогу, если команда Ельцина попытается подтасовать результаты выборов».

У Запада не подготовлено никаких планов на случай победы коммунистов. Но соседние с Россией страны в случае прихода к власти коммунистов будут рассчитывать на поддержку именно западных стран. По мнению корреспондентов, уже сейчас было бы по меньшей мере благоразумно приостановить сокращение западных вооруженных сил, так как «Россия в состоянии хаоса, располагающая избытком ядерного оружия и склонная к империалистической экспансии, никому ничего хорошего не обещает».

Анализируя ход предвыборной кампании Г. Зюганова, немецкие корреспонденты подчеркивают, что его появление в Бонне поставило политические круги ФРГ в сложное положение. По неофициальным сообщениям представителей МИД ФРГ, канцлер Коль и министр иностранных дел Кинкель считают визит несвоевременным. Предполагается, что он может каким-то образом отразиться на ходе предвыборной борьбы, в которой Запад, по общему мнению, стоит на стороне Ельцина. Поэтому с Зюгановым не встречался ни один из

представителей исполнительной власти. Другое дело — парламентарии. Зюганов посетил руководителей обеих фракций правящего блока ХДС/ХСС и либералов, встретился с лидерами оппозиции — как с социал-демократами, так и с «зелеными» и с группой ПДС.

Понять, какую позицию заняли те или иные боннские политики по отношению к своему гостю, трудно. Как будто сговорившись, лидеры основных блоков — христианско-демократического и социал-демократического — отказались не только рассказывать о содержании своих бесед, но даже не допустили на встречу теле- и фоторепортеров.

Чеченский узел. Важнейшим фактором, влиявшим на расстановку политических сил, продолжала оставаться чеченская проблема. Взятие Грозного обозначило конец первого, наиболее «шокового» этапа конфликта. К моменту его завершения четко выявились позиции ведущих социальных и политических групп, определилась реакция общественного мнения. Дальнейший ход событий в целом становился предсказуемым: ни «решительное поражение», ни «решительная победа» России в чеченской войне не представлялись возможными. Полномасштабные переговоры (а не договоренности о перемирии) с режимом Дудаева были бы явно беспредметными, скорее всего они могли выйти в затяжную фазу с фрагментами вспышек военных действий, проведения террористических актов, актов гражданского неповиновения и т. д.

Единственно реальным можно было считать сценарий, при котором чеченская война приобретала затяжной, тлеющий характер. При оптимальном для Москвы варианте постепенно удалось бы «чеченизировать» конфликт, свести его военную составляющую к возведению опорных баз, охране наиболее важных объектов и коммуникаций. Предпосылки такого варианта — в налаживании внутричеченского диалога на местном уровне, расколе лагеря сторонников Дудаева, легитимизации альтернативной ему власти, которая в перспективе могла бы взять на себя организацию выборов и установление приемлемых для Москвы форм отношения Чечни с Российской Федерацией.

Трагические события в городе Буденовске внесли существенные коррективы в развитие событий. Во-первых, вынудили российское руководство сесть за стол переговоров с представителями Д. Дудаева,

тем самым де-факто признать легитимность его режима. Во-вторых, основательно встряхнули вершину государственной власти, еще более обнажили ее просчеты при решении сложных проблем в области межнациональных отношений, продемонстрировали слабость силовых структур и уязвимость государственной системы мер по обеспечению безопасности страны, а также укрепили сомнения в способности властей эффективно противодействовать преступным посягательствам на жизнь и здоровье граждан России. Все это основательно било прежде всего по авторитету Б. Ельцина.

Дорогостоящая военная кампания в Чечне в конечном итоге не дала обещанных народу результатов. Более того, следствием эффективных террористических акций боевиков Д. Дудаева мог быть возврат к исходной (до начала боевых действий) политической ситуации в этом регионе. Всем было очевидно: чем бы ни завершился переговорный процесс по разрешению кризиса, Чечня будет являться постоянным фоновым раздражителем, осложняющим ситуацию в России.

Экономика. Большинство экспертов сходилось во мнении, что российская экономика уже близка ко «дну» кризиса. В то же время инфляция в 1995–1996 годах вновь стала двузначной. Очевидно, что если даже правительство удержит свою макроэкономическую линию, существенно сбить темпы инфляции не удастся. Но и это достаточно проблематично, учитывая последствия чеченского кризиса, возраставшее давление лоббистов и азарт популистских решений, в который входили политики в преддверии президентских выборов.

В этих условиях максимализировалась вероятность популистской игры, срывавшей планы президента и правительства. Подобные решения не столько поднимали популярность самих парламентариев в глазах населения, сколько окончательно добивали доверие к президенту. Именно таким косвенным путем они надеялись увеличить собственные шансы на предстояв-их выборах.

Внешняя политика. Положительным моментом, вписывавшимся в логику «демократического» сценария, была внешняя политика. Общая заинтересованность в сохранении добрых отношений с Западом (не сводимая к вопросу о кредитах МВФ) побудила Москву ослабить элементы антизападной риторики, сдержанно реагировать на критику

по поводу чеченских событий, на откладывания приема России в Совет Европы.

Региональные элиты. За прошедшие два года региональная элита стала более самостоятельной, иерархизировалась, почувствовала большую уверенность. Однако в скрытой борьбе с центром она не шла дальше того, чтобы подчеркнуть свою дистанцированность от него, расширить свои властные полномочия, сыграть на струнах местнического патриотизма. Сепаратистские мотивы отсутствовали. По-видимому, радикальных изменений в государственном устройстве страны никто из региональных лидеров сейчас не хочет. В этом смысле ситуация вокруг Чечни выявила их заинтересованность в сохранении Федерации.

Усилился страх региональных лидеров перед президентом и в то же время дал дополнительные стимулы к поиску его преемника. Вырисовываются параметры требований к кандидату, приемлемому для региональных элит: номенклатурная укорененность (как Ельцин), предсказуемость (отсутствие которой — главный недостаток Ельцина).

Состояние массового сознания. На старте президентской избирательной кампании массовое сознание находилось в ином, чем перед парламентскими выборами 1993 и 1995 годов, состоянии.

После мощнейшего лавинообразного процесса декоммунизации массового сознания в годы горбачевской перестройки, который был использован Б. Ельциным и демократами на президентских выборах 1991 года, уже в 1993 году появились явные признаки идеологического отката, представлявшего собой реакцию на очень высокие темпы социальных перемен, неопределенность будущего и потерю социальных статусов и самоидентификации. В тот момент общество оказалось фактически расколото на сторонников «партии движения» и «партии прошлого» — доли тех, кто желал вернуться в доперестроечное время, и тех, кто желал жить в настоящем, приблизительно сравнялись. Так, в октябре 1993 года треть населения предпочитали рыночную систему плановой (в феврале 1992 года — 52 процента) и столько же — планирование рынка (в феврале 1992 года — 27 процентов).

Осью, организующей политическое пространство, оставалось отношение к президенту. Ельцин был «полюсом притяжения» реформаторских сил, так что в избирательной кампании 1993 года

сохранилась биполярная логика — «партия президента» против остатков «партии Верховного Совета». Это обстоятельство плюс проведение в те же сроки референдума по Конституции и выборов в Совет Федерации обеспечили относительно высокую мобилизацию избирателей.

В 1996 году в обществе шло два параллельных процесса. В поведенческом плане продолжалась индивидуальная адаптация к новому обществу, «разгосударствление» личной жизни и становление «приватного» человека. Этот социально-психологический сдвиг привел к дерадикализации общества, росту аполитичности и негативного отношения к власти. В то же время все заметнее становился «ностальгический синдром». В сентябре 1994 года всего 22 процента опрошенных утверждали, что жить стало лучше, чем до перестройки, а 58 процентов были недовольны настоящим. В декабре того же года сторонники планирования превышали «рыночников» в соотношении 41:26. 70 процентов опрошенных сожалели о распаде СССР, причем 40 процентов определяли себя как сторонники восстановления Советского Союза. До 60 процентов населения были убеждены в том, что свобода и демократия принесли с собой утрату порядка, а сторонники порядка побеждали демократов в соотношении 76:9. Приведенные данные опубликованы в сборнике ВЦИОМ «Экономические и социальные перемены», 1995 год, № 1, с. 23–24.

Таким образом, в обществе возникло новое «идеологическое» большинство, сформированное массовой реакцией на сложности социальных перемен. Это большинство было готово наказать нынешнюю команду реформаторов за тяжелые испытания, однако не собиралось реставрировать «старый порядок». Во-первых, новый «приватный» человек поддерживает принципиально иные, чем «человек советский», ценности: он ориентируется на «законность и порядок», «стабильность» и «достойную жизнь» и не приемлет «мобилизационную» идеологию тоталитарного режима. «Центристское» неприятие крайностей все сильнее укореняется в массовом сознании. Во-вторых, большинство населения фактически интернационализировало основные достижения перестроечного периода: свободу слова, сближение со странами Запада, свободу выезда из страны, свободу предпринимательства. Наконец, как это ни парадоксально, реформаторам легче собрать большинство в стране по

конкретным проблемам, чем по принципиальным идеологическим вопросам.

Вместе с тем произошел разрыв между властью и обществом, который был многократно усилен чеченским конфликтом. Примером мог служить наблюдавшийся с начала чеченской войны всплеск антимилитаристских настроений. По данным фонда «Общественное мнение», общество поддерживало акции солдатских матерей, пытавшихся забрать своих детей, воевавших в Чечне (75 процентов), и положительно относилось к отказам военнослужащих выполнять приказы в ходе военных действий в Чечне (53 процента).

Сильнее всего антивоенная установка проявилась в родительской части общества. Согласно опросу фонда «Общественное мнение», 42 процента респондентов собирались на президентских выборах голосовать за противников военных действий в Чечне и лишь 8 процентов — за их сторонников.

В обществе нарастал негативизм по отношению к личности президента. На протяжении последних лет популярность Ельцина неуклонно снижалась, но при этом сохранялся устойчивый отрыв от следовавшей за ним когорты политиков. Осенью 1994 года отрыв сошел на нет, а с декабря того же года опросы ВЦИОМ фиксировали, что по степени доверия населения Б. Ельцин уже уступал Г. Явлинскому. Не исключено, что одним из мотивов, подтолкнувших федеральную власть к введению войск в Чечню, была надежда, что «маленькая победоносная война» восстановит пошатнувшийся рейтинг президента. Результаты, однако, оказались противоположными ожидавшимся. В первом туре президентских выборов, по данным фонда «Общественное мнение», за Ельцина готовы проголосовать только 3 процента опрошенных, а за Явлинского — 14 процентов.

Чечня наложилась на старую поляризованную структуру, не создав вместо нее новой. Чеченский конфликт привел к деструктуризации политического пространства. Прежняя ось, вокруг которой оно было организовано — отношение к президенту — оказалась сломленной. Политические лидеры были вынуждены определяться в чеченском вопросе помимо или даже вопреки своим про- или антипрезидентским предпочтениям, партии оказались идеологически дезориентированы. Биполярную логику окончательно сменила логика «борьбы всех против всех».

Политические лидеры попытались воспользоваться ситуацией в своих интересах, и тем фактически открыли избирательную кампанию. Однако, за исключением Явлинского, большинство из них ничего не приобрели или даже потеряли в глазах избирателей. Это относится как к критикам (Е. Гайдар), так и сторонникам (В. Жириновский) «чеченской кампании».

Пожалуй, с наименьшими потерями из чеченского кризиса вышел В. Черномырдин. Он сумел дистанцироваться от президентского курса в Чечне и благодаря этому не подорвать своей репутации. Все большая часть элиты начала рассматривать его в качестве потенциального преемника Ельцина. В 1996 году он пользовался не слишком большой поддержкой электората и только 4 процента опрошенных считали, что он лучше остальных справился бы с ролью президента. Его имиджу не хватало политического измерения, и он рассматривался массовым сознанием как технократ, призванный выполнять чисто технические функции.

Политическое пространство демократов. Отмеченные тенденции к распаду и перегруппировке рядов в наибольшей мере затронули лагерь демократических сил. Катализатором обоих процессов стало разложение фракций Государственной думы первого созыва, которое во многом стимулировалось исполнительной властью. В результате чеченских событий даже пропрезидентские думские фракции, например, «Демократический выбор России» перешли в фактическую оппозицию Б. Ельцину. Это заставило исполнительную власть предпринять усилия по формированию лояльных к ней депутатских групп, что не могло не подорвать прежнюю фракционную структуру.

Начавшись с парламентских фракций, кризис затем вышел за рамки Государственной думы и охватил сами партии. На угрозу распада они ответили попытками реорганизации и перегруппировки своих рядов, однако эти попытки оказались малоэффективными.

В итоге на старте избирательной президентской кампании сформировалась четырехполюсная структура политического пространства демократов: партия «Демократический выбор России» бывшего премьер-министра Е. Гайдара, движение «Вперед, Россия!» бывшего министра финансов Б. Федорова, движение «Яблоко» Г. Явлинского, федеральная партия «Демократическая Россия» Л.

Пономарева и Г. Якунина, созданная из остатков движения «Демократическая Россия» — главной опоры президента Б. Ельцина в период борьбы с коммунистическим режимом.

В эпицентре кризисных процессов оказалась самая многочисленная в первой Думе, но не преодолевшая пятипроцентный барьер на выборах во вторую Думу, фракция «Выбор России», через которую осуществлялись связи демократов с исполнительной властью. События в Чечне, когда лидеры «Выбора России» выступили с резкой критикой президента Б. Ельцина, не только породили конфликт в недрах фракции и привели к выходу из нее ряда видных членов, например, министра иностранных дел А. Козырева, но и перенесли процесс разрушения внутрь самой партии ДВР — ушел председатель исполкома, известный предприниматель и главный спонсор партии О. Бойко, трое других членов исполкома также оставили свои посты. Произошло саморазрушение «партии Гайдара», она утратила лидерские позиции в политическом пространстве демократов.

Остальным демократическим центрам не удалось в полной мере использовать распад «Выбора России» для структурной реорганизации демократического лагеря. В некоторых из них наблюдались сходные центробежные процессы. Примером может служить депутатская группа Либерально-демократический союз «12 декабря». Образование ее лидером Б. Федоровым собственного политического движения «Вперед, Россия!» фактически уничтожило ЛДС в ее первоначальном виде.

Единственным островком стабильности в демократическом лагере оставалась фракция «Яблоко» Г. Явлинского. Заявляя о себе как о демократической альтернативе президенту Б. Ельцину, она с самого начала отличалась большой компактностью и внутренней. дисциплиной и к тому же была лишена обременительных связей с исполнительной властью. Это позволило ей без кадровых и политических потерь пережить наиболее острую фазу «чеченского кризиса». В результате к преддверию президентских выборов она занимала позицию лидера демократических сил, оттеснив с нее «партию Гайдара».

В целом, однако, потенциалу демократических сил был нанесен существенный ущерб. Резко ослабло их влияние в Думе. Во внедумском пространстве границы электорального поля еще более сузились вследствие подрыва политического лидерства «Выбора России».

Политическое пространство «центра». По сравнению с флангами политического спектра его центральная часть отличалась относительной разряженностью и слабой организованностью. Брешь, образовавшаяся в результате катастрофического поражения на парламентских выборах 1993 года основной центристской силы — «Гражданского Союза», давала о себе знать и в начале 1996-го. Партия ПРЕС, созданная тогдашним вице-премьером С. Шахраем, не смогла заполнить эту брешь в Думе и тем более за ее пределами.

В результате конфликта в ПРЕС из нее вышел руководитель Комитета по связям со странами СНГ, председатель объединения «Предприниматели за новую Россию» К. Затулин. На выборах 1993 года ПРЕС сумела пройти в Думу во многом благодаря поддержке, которую она получила от лидеров некоторых национальных образований в составе РФ. В 1995 году, в новых условиях, региональные лидеры не оказали ПРЕС активной поддержки, во многом из-за ее солидарности с действиями федеральных властей в чеченском конфликте.

Не прошла в Думу второго созыва и самая малочисленная фракция ДПР, которой едва удалось преодолеть пятипроцентную планку на выборах 1993 года. После выхода из состава фракции ее харизматического лидера Н. Травкина она раскололась фактически пополам, что лишило ее шансов на выборах 1995 года. Не дал ожидаемых результатов и наметившийся было альянс ДПР с бывшим секретарем Совета безопасности Ю. Скоковым.

Потерпело поражение и избирательное объединение «Женщины России», строившееся на чисто корпоративных принципах.

К центру тяготела и Партия социальной демократии, с самого начала задумывавшаяся как поддерживаемая исполнительной властью версия социал-демократии. Однако во главе этой партии встали уже «отыгранные» фигуры перестроечной эпохи — бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев, бывший министр обороны Е. Шапошников и другие. Организационные способности этих политиков оценивались невысоко. Естественным союзником ПСД могло стать Российское движение демократических реформ (РДДР), возглавлявшееся политиками того же перестроечного поколения — бывшим мэром Москвы Г. Поповым, мэром Санкт-Петербурга А. Собчаком. Но это люди, давно исчерпавшие кредит доверия россиян.

В целом в «правом секторе» политического «центра» были попытки накопления определенного потенциала из организаций и лидеров, способных набрать «критическую массу», достаточную для формирования одного или нескольких жизнеспособных избирательных объединений. Однако замедленность протекавших здесь процессов привела к тому, что они не успели завершиться до декабря 1995 года.

Ситуация в «левом секторе» политического «центра» характеризовалась тем, что большинство левоцентристских партий было малочисленным и сами по себе они не представляли серьезной политической силы. Это относилось и к новообразованной Социал-демократической народной партии В. Липицкого, собранной из осколков Народной партии «Свободная Россия» после разрыва с ее прежним лидером А. Руцким. Любая из левоцентристских партий по отдельности или даже их блок не могли рассчитывать на широкую поддержку избирателей. Для этого им не хватало главного — авторитетных лидеров общероссийского масштаба.

На роль таких лидеров претендовали Ю. Скоков и И. Рыбкин. Через возглавляемую им Федерацию товаропроизводителей, объединявшую наиболее консервативную часть директоров государственных предприятий, Ю. Скоков включил в свою политическую орбиту фракции НРП и ДПР. Чеченские события были им использованы для укрепления связей с руководством республик РФ, выразивших открытое несогласие с действиями федеральных властей.

В активе И. Рыбкина были важнейшие институционные ресурсы — четвертый по значимости пост в государстве и хорошие отношения с исполнительной властью, налаженные связи со структурами и лидерами из внедумского пространства. Однако и он потерпел неудачу на выборах 1995 года, поскольку его политическая судьба зависела не столько от успехов «малой» левоцентристской Социалистической партии трудящихся (СПТ), с которой он был тесно связан, сколько от развития его отношений с Аграрной партии России (АПР), по списку которой он был избран в первую Думу, а также от перспектив вовлечения в политику Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР).

АПР формально относилась к лагерю оппозиции, но в 1995 году все больше начала смещаться в направлении левого «центра». ФНПР, наследница традиционных советских профсоюзов, держалась в стороне

от «большой политики». Мобилизация ресурсов ФНПР, располагавшей привилегированными отношениями с исполнительной властью, мощным аппаратом и разветвленными связями в трудовых коллективах, способствовала бы превращению «левого центра» политического спектра в реальную политическую силу, противостоявшую оппозиции. Наличие у ФНПР ярко выраженных корпоративных интересов делало ее удобным партнером для исполнительной власти.

Общая разряженность в нише политического центра во многом была обусловлена тем, что за годы президентства Б. Ельцина так и не возникло особой «партии власти». Речь в данном случае идет не о «команде» из приближенных к президенту лиц, а о некоем самостоятельном политическом образовании. Вместе с тем административная, политическая и экономическая элиты страны ощущали, да и сейчас ощущают острую потребность в политической организации, которая была бы достаточно респектабельна: внешне дистанцирована от Б. Ельцина, но при этом укоренена в структурах власти; менее идеологизирована, чем существующие партии, и меньше, чем они, завязана на лидеров популистского толка. Такая «партия власти» обладала бы высокой притягательностью для самых различных социальных и политических групп.

Надо отдать должное: федеральная исполнительная власть прилагала активные усилия, чтобы вывести «центр» первой Думы из состояния «болота» и придать ему большую организованность. Пример — формирование трех думских фракций «Стабильность», «Дума-96» и «Россия». Эта задача стала особенно актуальной после того, как в результате чеченских событий исполнительная власть по существу лишилась в Думе постоянной опоры. Острый кризис в отношениях с «Выбором России» и ускорившийся распад этой фракции вместе с ненадежностью «центристского» думского «болота» сделали проблему скорейшего обретения организованной поддержки в парламенте особенно настоятельной.

Наиболее прозорливые аналитики уже тогда предсказывали: новые депутатские объединения вряд ли будут способны сыграть двойную роль — парламентского «филиала» исполнительной власти и одновременно ее «партийного» представителя в разворачивавшейся избирательной кампании. Любые новые думские образования

неизбежно будут отличаться большой неустойчивостью и склонностью к самораспаду. Едва ли они смогут пережить саму Думу.

Ниша «партии власти» в предвыборной кампании была занята общественно-политическим движением «Наш дом — Россия» во главе с премьер-министром В. Черномырдиным. Это избирательное объединение, созданное «под себя», рассчитывало на активную поддержку самых различных управленческих структур, особенно на региональном уровне. И в самом деле, оно добилось существенной мобилизации голосов местного электората. Правда, спустя некоторое время над фракцией НДР в Думе и в целом над этим движением повис тот же дамоклов меч, что и над проправительственным «Выбором России» Е. Гайдара.

Политическое пространство оппозиции. После выборов 1995 года оппозиция разделилась на «статусную», получившую фракционное представительство в Федеральном собрании и доступ к атрибутам государственной власти, и «уличную», не имевшую ни первого, ни второго. Постепенно она стала убеждаться в появлении реальной возможности мирным путем прийти к власти или, по крайней мере, приобщиться к ней с минимальной «потерей лица».

В Государственной думе первого состава оппозиционным фракциям, в отличие от демократов и центристского «болота», удавалось избегать серьезных расколов. Тем не менее состояние политического ПОЛЯ оппозиции в начале 1996 года как в думском, так и во внедумском пространстве мало чем отличалось от того, в котором находились демократы. Оппозиционный лагерь почти так же был фрагментирован и служил местом конкуренции между различными партиями, движениями и лидерами.

Структура оппозиционного лагеря характеризовалась четырехполюсностью. Помимо двух центров — «лидеров» — КПРФ и ЛДПР, и занимавшей особую нишу АПР, существовал еще один более слабый, раздробленный, но автономный национал-патриотический «полюс» — Российский общенародный союз С. Бабурина, обновленный Фронт национального спасения И. Константинова и другие.

Из них, пожалуй, только ЛДПР располагала харизматическим лидером, способным претендовать на роль руководителя общероссийского масштаба. Это гарантировало, ей представительство в

Думе нового созыва. Однако харизма В. Жириновского к тому времени изрядно потускнела, его попытки проникнуть в политический истеблишмент так и не увенчались успехом. К моменту президентских выборов 1996 года из всех политических фигур именно он вызывал у россиян наибольшее недоверие.

Остальные центры оппозиции не имели лидеров, обладавших качествами, необходимыми для руководителей общероссийского масштаба. Председатель КПРФ Г. Зюганов за пределами возглавляемой им партии не пользовался авторитетом, считали президентские аналитики. Они убеждали Ельцина, что сила коммунистов не в их лидерах, а в многочисленности и организационной мощи, унаследованных еще от советских времен.

В отличие от двух предыдущих, третий центр возник в политическом поле оппозиции относительно недавно, после выборов в Государственную думу первого созыва. Это — Аграрная партия России (АПР) М. Лапшина. Первое время она представляла собой нечто среднее между «сельскохозяйственным» филиалом КПРФ и корпоративным объединением, способным к прагматическому торгу и временным соглашениям с исполнительной властью. В начале 1996 года ее можно было уже считать не оппозиционной, а скорее, полуоппозиционной силой левоцентристской ориентации.

Что касается четвертого полюса оппозиции — национал-патриотического, то здесь также ощущалась нехватка лидеров общероссийского масштаба. Отсюда — острая конкуренция претендовавших на лидерство кандидатов, не имевших прочных связей с национал-патриотическим движением. Среди таких «сторонних» кандидатов выделялись бывший вице-президент А. Руцкой и Ю. Скоков. Несмотря на свою популярность у части избирателей, А. Руцкой в 1996 году не располагал реальными шансами на лидерство, так как его кандидатура по разным причинам отторгалась большинством оппозиционных центров. Созданное им движение «Держава» пребывало в фактической изоляции. Психологически и политически он маргинализировался, постепенно смещаясь на территорию, занимаемую В. Жириновским. Список, первым номером в котором значилась бы фамилия А. Руцкого, вполне мог бы рассчитывать не менее чем на пять процентов от общего числа голосов. Об этом свидетельствовали тогдашние опросы общественного мнения.

В то же время в результате кризиса в НПСР А. Руцкой лишился собственной партийной базы, а его организаторские способности вызвали серьезные сомнения.

Из всех более-менее заметных фигур оппозиции кремлевские аналитики отдавали предпочтение Ю. Скокову. Его сильная сторона — в масштабах и качестве политических связей, что объясняется его происхождением из высшего эшелона команды Ельцина. Располагаясь в полуоппозиционной буферной зоне, он запросто мог претендовать на роль «объединителя» сил оппозиции и левого «центра».

Вместе с тем отмечалось, что потенциал Ю. Скокова все же не следует переоценивать. Он не обладает личной харизмой, малоизвестен широкой публике, хотя и пользовался определенным авторитетом в номенклатурных кругах, особенно провинциальных. Скоков силен в закулисных интригах, но не в публичном пространстве. В критические моменты, как это было перед выборами 1993 года, он склонен попросту уходить в тень.

Кремлевским аналитикам казалось, что в случае образования сильного, опиравшегося на городские и сельские профсоюзы блока умеренно социалистической ориентации, он оказался бы привлекателен для многих представителей «статусной» оппозиции, и это могло бы взорвать весь оппозиционный лагерь изнутри. Главным итогом такой масштабной перегруппировки стало бы расширение политического поля «центра» за счет укрепления, а, возможно, и лидерства его «левого центра», а побочным продуктом — резкое ослабление оппозиции и даже вытеснение ее на политическую периферию.

Отсутствие широкого левоцентристского блока представлялось чреватым расширением политического поля оппозиции за счет захвата им «левого сектора центра». К 1996 году основные центры оппозиции были нацелены именно на такой захват.

Разногласия. Как отмечали наблюдатели, в окружении президента существовали разногласия вокруг вопросов, связанных со стратегией проведения предвыборной президентской кампании. Служба безопасности президента во главе с А. Коржаковым, С. Филатов, В. Шумейко еще летом 1995 года предлагали Ельцину сначала тщательно изучить политическую ситуацию, в том числе результаты предстоявших в декабре парламентских выборов, и только после этого объявить о своем баллотировании. Группа В. Илюшина, первого помощника

президента, в состав которой входили помощники Г. Сатаров, Ю. Батурин и другие, считавшиеся либералами, полагали, что Б. Ельцин должен ускорить объявление выдвижения своей кандидатуры. Это было связано с опасением, что на декабрьских выборах победу одержат противники не только самого президента, но и «системы, которая создана вокруг президента».

Аналитики все же считали, что наиболее вероятно заявление о повторном выдвижении Б. Ельциным будет сделано после парламентских выборов, что позволит снять возможные обвинения со стороны оппозиции в использовании служебного положения в предвыборный период. Тем более, что, судя по некоторым признакам, предвыборная кампания Бориса Николаевича фактически началась уже в 1995 году.

Она характеризовалась попытками создания нового образа Б. Ельцина, «выражающего интересы всех россиян». В ход пошли заигрывание с электоратом, что выразилось в спешном подписании указа о поддержке малого предпринимательства, поддержка отечественных сельскохозяйственных производителей, а также усиление индивидуальной работы с региональными лидерами. Со стороны официальных должностных лиц президентской администрации, и особенно помощника М. Краснова, отмечалось стремление вытеснить коммунистическую оппозицию с поля государственности, показать отличие государственной политики власть предержащих от всесилия государства в понимании коммунистов — в этом якобы заключается новая опасность возврата к тоталитаризму. Особое внимание уделялось молодежи — на Старой площади планировалось проведение собрания представителей разных молодежных объединений численностью до 1 тысячи делегатов, которым предстояло осознать, что президент — гарант будущего.

По мнению политологов, развитие внутриполитических событий после урегулирования парламентско-правительственного кризиса могло пойти в русле следующих вариантов предвыборной борьбы. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению выдвигаемых вариантов, нельзя не затронуть охотнорядско-белодомовский конфликт, случившийся летом 1995 года и едва не закончившийся либо отставкой кабинета министров, либо роспуском Госдумы. Парламентско-правительственный кризис, последовавший после трагедии в

Буденновске в середине июня 1995 года, стал, безусловно, ключевым событием, определившим развитие ситуации в России накануне парламентских и президентских выборов.

Ставшая уже привычной для россиян обстановка неустойчивости в политике, кризиса в экономике и правового беспредела нашла свое воплощение в захвате чеченскими террористами большой группы заложников. Драматические события на юге России отчетливо продемонстрировали несовершенство системы государственного управления, обеспечения безопасности страны, отсутствие отлаженного механизма принятия решений в кризисных ситуациях, некомпетентность многих руководителей создали опасный прецедент достижения политических целей с помощью терроризма.

Неудавшийся штурм больницы, сопряженный с гибелью людей, заставил Кремль сделать жесткий выбор между использованием традиционного принципа «политической целесообразности» и спасением, даже на самых унизительных условиях, жизни рядовых граждан. При этом как на лакмусовой бумажке проявились пристрастия ведущих политиков и общественных деятелей, занимавших высшие государственные посты или претендовавших на место на политическом Олимпе.

Надо отдать должное председателю правительства В. Черномырдину, который в критический момент, несмотря на жесткий настрой «силовиков» и вполне определенную позицию самого президента, взял на себя ответственность о прекращении штурма и лично возглавил переговоры с террористами, послужившие прелюдией начала мирных переговоров в Чечне.

Последовавший за буденновской трагедией парламентско-правительственный кризис выразился не только в принятии Госдумой вотума недоверия правительству, но и затронул интересы самого президента — по инициативе фракции коммунистов была предпринята попытка начать процедуру импичмента, для чего было собрано 165 подписей депутатов, а также посягнул на один из главных устоев незыблемости президентской власти — Госдума проголосовала за внесение ряда изменений в Конституцию России, усиливавших контроль нижней палаты за деятельностью правительства. Такие шаги Госдумы вызвали эмоциональную реакцию как со стороны президента,

однозначно поддержавшего правительство, так и главы кабинета, в свою очередь поставившего перед Госдумой вопрос о доверии.

Однако при тщательном анализе ситуации выявилось, что роспуск Госдумы в тот момент был невыгоден В. Черномырдину, возглавлявшему движение «Наш дом — Россия», поскольку по закону о выборах в Госдуму в голосовании принимают участие объединения, зарегистрированные не менее чем за полгода до момента проведения выборов. Невыгоден роспуск парламента был и президенту, поскольку он рисковал войти в историю ярым противником парламентаризма, а главное, получавшим явно не устраивавшие его результаты досрочных выборов в Госдуму. В Кремле победило мнение, что укрепление демократии — это укрепление власти, а поэтому в Госдуме должны быть «разумные», то есть управляемые депутаты.

В этой ситуации глава государства, рейтинг которого в связи с растиражированной средствами массовой информации причастностью к санкционированию штурма в Буденновске еще более снизился, предложил создать для преодоления кризиса согласительную комиссию из представителей Кабинета министров, Совета Федерации и Госдумы под руководством президента в интересах принятия ряда взаимных обязательств, которые могли бы свести к минимуму возможность повторения подобных ситуаций. В их числе: совместные усилия кабинета и парламентариев по доработке бюджета на 1996 год, отказ Думы от принятия социально-экономических решений, по которым правительство даст отрицательные заключения; достижение мирного урегулирования в Чечне и обеспечение мер безопасности в связи с чеченским конфликтом; создание совместной комиссии под руководством президента к реформированию Вооруженных Сил; ускорение принятия ряда законов, в том числе о формировании Совета Федерации и об избирательных округах — по мнению Б. Ельцина, в отличие от принятого Госдумой закона, верхняя палата должна быть представительным, а не выборным органом, в который входили бы по два представителя от каждого субъекта Федерации; совместное внесение поправок к Конституций; обязательство Госдумы не рассматривать вопрос о доверии правительству без предварительных консультаций с президентом и без обсуждения на согласительной комиссии.

В дополнение к этой широкомасштабной программе сотрудничества ветвей власти Б. Ельцин и В. Черномырдин проводили активные консультации с лидерами фракций и независимыми депутатами, принявшие в ряде случаев характер торга. Аграриям взамен на лояльность были обещаны дополнительные ассигнования в связи с засухой и повышение закупочных цен на сельхозпродукцию. С лидерами фракции ЛДПР «в принципе» обсуждалась возможность включения представителей партии в состав правительства. Но все же главным «товаром» в торге стали «силовые» министры. Только принятый в последний момент указ президента об увольнении В. Ерина, С. Степашина и Н. Егорова обеспечил требуемый результат повторного голосования в Госдуме о вотуме недоверия кабинету — за это решение 1 июля проголосовало только 193 депутата вместо 241 десятью днями ранее.

Явилось ли благополучное разрешение парламентско-правительственного кризиса свидетельством изменения расклада сил в окружении президента и усиления влияния на него со стороны умеренных центристов и прагматиков, а в более общем плане точкой отсчета нового политического времени? Ряд аналитиков считал, что сдача «силовиков» — вынужденный тактический ход президента. Об этом, в частности, свидетельствовало появление «странного» президентского указа о дислокации федеральных войск на территории Чечни во время мирных переговоров, о котором даже не знали члены правительственной делегации, явное нежелание чеченской стороны повторно встретиться с российскими представителями на переговорах 5 июля, а также новое назначение В. Ерина в Службу внешней разведки, мало похожее на проявление «государева гнева». Эти рецидивы возможного силового решения чеченской проблемы в общем-то имели свою логику — при успехе мирных переговоров оправдать многочисленные жертвы в Чечне было бы трудно и вина за них, пусть даже не в юридическом, а пока в моральном плане, ляжет не только на окружение, но и на самого президента. Ситуация усугублялась наличием с обеих сторон непримиримых сторонников войны, которые не хотели смириться с переговорами и шли на провокации, связанные с гибелью мирного населения.

Были, конечно, и другие, более оптимистичные мнения о том, что трагедия в Буденновске означала поворот в курсе президентской власти

в сторону использования в разрешении спорных вопросов политических методов. В пользу его, в частности, мог послужить такой аргумент — при мирном урегулировании федеральными властями чеченского конфликта у оппозиции в преддверии парламентских и президентских выборов выбивался крупный козырь, связанный с темой Чечни, исчезал также повод для критики со стороны многих зарубежных стран.

Кто оказался прав, показало дальнейшее развитие событий. Бесспорно другое — трагедия в Буденновске способствовала более взвешенному подходу исполнительной власти к принятию решений, затрагивавших интересы и само право на жизнь мирных российских граждан. Обсуждение в Госдуме вопроса об импичменте президента и начатое рассмотрение в Конституционном суде правомерности указов президента и нормативных актов правительства о восстановлении конституционного порядка в Чечне хотя и не привели к вынесению обвинительного вердикта, но стали, с учетом предстоявших президентских выборов, определенными сдерживающими факторами в принятии главой государства важных решений, особенно сопряженных с применением силы. Важное значение при этом имела практическая реализация предложенного президентом механизма консультаций, призванного стать своего рода «системой раннего оповещения об угрозах политической стабильности». Забвение вроде бы привлекательных документов, подобных Договору об общественном согласии, носит, к сожалению, неединичный характер.

Миротворческая роль в освобождении заложников укрепила позиции В. Черномырдина как самостоятельной политической фигуры, способной принимать ответственные решения. Характерно, что действия председателя правительства во время буденновской трагедии носили беспрецедентно публичный характер, а это, по мнению ряда наблюдателей, преследовало цель застраховать его от возможных происков силовиков. В. Черномырдин во время пребывания президента в Галифаксе даже позволил себе высказать критику в адрес руководителей «силовых» ведомств, которые подчиняются непосредственно главе государства. Существует мнение, что отставка «силовиков» была не только уступкой правительства Думе, но и президента — главе правительства. При этом Б. Ельцин вновь

почувствовал уверенность в привычной для себя роли «верховного арбитра».

«Не вижу в действиях премьера ошибок», — заявил Борис Николаевич по возвращении из Галифакса в отношении ситуации в Буденновске.

Как заметили наблюдательные аналитики, Ельцин сумел найти приемлемый для себя вариант выхода из невыигрышной ситуации.

Результаты преодоления парламентско-правительственного кризиса, усиление позиций В. Черномырдина внесли некоторые коррективы в сценарии кампании по выборам в парламент и президента России. При этом надо учитывать, что, несмотря на победу премьера, двукратное голосование в Госдуме почти половины депутатов в поддержку вотума недоверия правительству явилось серьезным предупреждением кабинету, да и не только ему, признаком того, что в стране сохранялся источник социально-политической конфронтации. В этой связи, по мнению наблюдателей, было бы логичным ожидать от премьера при выступлении в Госдуме 19 июля 1995 года не только в общем-то весьма спорной констатации «признаков стабилизации экономики», но и изложения конкретных мер по внесению изменений в проведение реформ, прежде всего в плане давно обещанного усиления их социального вектора.

Итак, парламентско-правительственный кризис был урегулирован. В каком направлении следовало ожидать развития предвыборной борьбы за президентское кресло? Предполагалось три варианта.

Первый вариант предусматривал выдвижение Б. Ельцина на второй срок. Черномырдин остается главой правительства — по крайней мере, до президентских выборов. Факт повторного выдвижения президента сплотит его противников как «слева», так и «справа», что делало шансы на переизбрание более проблематичными.

Во втором варианте Черномырдин объявлялся преемником Ельцина. На Западе такой вариант приветствовался бы. В ходе предвыборной кампании премьера поддержало бы большинство региональных элит, значительная часть традиционного актива демократов, умеренные патриоты и даже часть «левых». Основным соперником В. Черномырдина виделся выразитель интересов левопатриотического альянса Г. Зюганов или Ю. Скоков. Эта пара, по

прогнозам многих аналитиков, могла бы выйти во второй тур, где у премьера были бы неплохие шансы одержать победу.

Третий вариант не исключал возможности разжигания противоречий между Б. Ельциным и В. Черномырдиным — по аналогии с осенью 1994 года. Недоброжелатели премьера в окружении президента имелись, поскольку побежденные всегда видят в победителе своего главного врага. А с учетом личных амбиций Бориса Николаевича повод для смещения Виктора Степановича найти не трудно. В частности, просматривалась обеспокоенность Кремля в отношении возможного усиления альянса В. Черномырдин — Ю. Лужков. Отчасти этим можно объяснить «личное поручение» президента мэру Москвы по Буденновску.

Второй вариант представлялся экспертам наиболее оптимальным с точки зрения обеспечения стабильности обстановки в стране. Но наиболее реальным все же представлялось повторное выдвижение Б. Ельцина, поскольку он стал фактически заложником созданного им аппарата. Одним из аргументов, подкреплявших последнее предположение, стала негативная реакция со стороны кремлевского окружения президента в адрес «Краснопресненской набережной» по вопросу исполнения полномочий главы государства во время болезни Б. Ельцина. Сама ссылка пресс-секретаря премьера на Конституцию была расценена как неуместная.

Эксперты стали отмечать усиление влияния на формирование курса реформ первого вице-премьера А. Чубайса. По некоторым данным, в Кремле его называли любимцем президента. Даже представления Генпрокуратуры о нарушениях Госкомимуществом порядка приватизации оставались без должного реагирования. Объективно А. Чубайс стал лидером «питерской команды», в состав которой вошли А. Кох, С. Беляев, П. Мостовой, С. Васильев, А. Илларионов и П. Филиппов и другие. Считаясь либералом-рыночником, Чубайс в то же время проводит жесткую федералистскую экономическую политику. По характеристикам ближайшего окружения, является приверженцем административного стиля работы, возглавляет множество различных комитетов и комиссий. По оценкам зарубежных специалистов, имеет далеко идущие политические амбиции, для достижения цели не остановится ни перед чем. Уже создана команда имиджмейкеров А. Чубайса во главе с недавно ставшим руководителем

информационных программ ОРТ А. Евстафьевым. Лондонский журнал «Экономист» назвал А. Чубайса «президентом 2010 года». В то же время его судьба пока целиком зависела от положения Б. Ельцина и возможных его преемников.

Что было еще характерно для предвыборного президентского марафона? Участились попытки властей «наладить диалог» с представителями средств массовой информации. Журналисты ведущих изданий и информационных программ приглашались в Судебную палату по информационным спорам при президенте РФ, где им были предъявлены претензии в передержках, распространении слухов. Констатировалось, что отношения власти и СМИ достигли критической точки. В этой связи Судебная палата совместно с Союзом журналистов объявили о намерении создать Совет по информационной политике. Пока же вопросы руководства СМИ решались без всякого Совета, а как и прежде, в результате лоббирования конкретных лиц. Чего стоила хотя бы апелляция бывшего руководителя пятого канала РГТК Б. Курковой к А. Коржакову (главный телохранитель президента заявил, что и так работает, как вице-президент), а также закончившаяся победой борьба за смещение главного редактора «Российской газеты». Новым руководителем официального правительственного издания назначен А. Юрков, который на первой встрече с ее коллективом, оценивая состояние газеты, заявил, что «жанр доносов несовместим с профессиональной журналистикой».

Продолжала набирать силу тенденция активного вхождения в политику финансово-промышленной олигархии России. На заседании координационного совета «Круглого стола бизнеса России» было отмечено, что для формирования своего лобби в парламенте необходимо провести в Госдуму через одномандатные округа 60 кандидатов. В координационный совет входили известные предприниматели И. Кивелиди и А. Киселев, участвовал также управляющий делами администрации президента П. Бородин. А всего эта структура представляла 278 организаций из 73 субъектов Федерации, в том числе отлаженную московскую систему, поддерживалась рядом средних финансовых компаний и коммерческих банков. По некоторым данным, «Круглый стол бизнеса России», имевший притязания сформироваться в самостоятельную и реально

претендовавшую на власть политическую силу, однозначно стоял на стороне президента.

Все чаще объектом взаимного сотрудничества предпринимателей и политиков становились вопросы, далекие от чистого бизнеса. Первые были заинтересованы в стабильности своего положения, вторые — в получении средств для проведения предвыборной кампании.

По оценкам экспертов, для ее финансирования блоку, партии или движению необходимо от 100 тысяч до нескольких миллионов долларов. Такие деньги получить непросто. Естественно поэтому, что партийные кассы многих российских политических структур нередко имеют «двойное дно». Легальную часть представляют членские взносы, оплаченная лекционная деятельность, добровольные пожертвования. Вторая, «теневая» часть, включает значительные средства, образованные при прямой, но латентной поддержке банковско-коммерческих структур, а в некоторых случаях и с привлечением бюджетных средств.

По мнению отдельных экспертов, вероятными источниками финансирования выборной кампании некоторых партий и объединений могли быть следующие:

Движение «Наш дом — Россия» могло рассчитывать на средства Союза нефтегазопромышленников, в том числе РАО «Газпром», НК «Лукойл», ЮКОС, консорциума банков, предложивших кредит под залог пакета госакций (»Империал», «Менатеп» и др.).

Аграрная партия России. Банков, разделяющих идеологию аграрного лобби, практически нет. Лидеры АПР считали, что на ведение избирательной кампании потребуется 2–2,5 миллиарда рублей. Основной денежный ресурс — бюджетные кредиты, дотации, субсидии.

КПРФ возлагала надежды на партвзносы (2–3 тысячи рублей в месяц) 500 тысяч членов партии. Кроме того, дополнительно по 5 тысяч рублей собиралось на избирательные нужды. Часть средств поступила от собственных коммерческих структур, а также ряда банков (»Тверьуниверсалбанк» и др.).

«Демократический выбор России» достаточных средств для проведения выборов не имел. Концерн «Олби» во главе с О. Бойко от финансирования ДВР публично отказался, активно сотрудничал с официальными структурами, заявлял о сотрудничестве с НДР. Лидеры

ДВР вели поиск спонсоров, в том числе и на региональном уровне. Администрация Брянской области перечислила 100 миллионов рублей Институту экономических проблем переходного периода, возглавляемого Е. Гайдаром.

«Яблоко» — крупный спонсор так и остался неизвестным. Муссировалась информация о ставке на Г. Явлинского финансовой группы «Мост». Объединение искало поддержки среднего бизнеса, вплоть до «продажи» двух вакантных мест в списке кандидатов на выборах по центральному списку финансировавшим блок коммерческим структурам.

ЛДПР уже не могла в полной мере рассчитывать на услуги трастовой компании GMM (А. Ненахов). В этой ситуации логична была ставка на помощь через посредников зарубежных сторонников — Й. Хамбруша, главы австрийской торговой фирмы; Э. Нойвирта — торговца лесом; В. Гирке и В. Ноймана — руководителей «Общества по организации опекунства», занимавшихся скупкой предприятий на территории бывшей ГДР. Они выделили В. Жириновскому 3 миллиона марок на избирательную кампанию 1993 года; лидера правой партии DVU Г. Фрея, а также мелких и средних предпринимателей, заинтересованных в использовании лоббистских возможностей ЛДПР.

Специалисты отмечали, что если крупный бизнес поддержит правоцентристов и обеспечит им победу, это будет не только победа «партии власти», но и победой «партии капитала». Увы, этим ожиданиям не суждено было сбыться. Итоги парламентских выборов декабря 1995 года перечеркнули прогнозы карасей-идеалистов, плохо знавших жизнь своей страны.

Несмотря на то, что официальные должностные лица в преддверии президентских выборов все чаще говорили о стабилизации в экономике, инфляция росла, продолжался спад в машиностроении, легкой промышленности и других отраслях. Программа правительства на 1995–1997 годы не выполнялась. «Болезнью» отечественной экономики по-прежнему оставался вопрос привлечения инвестиций и правильного их использования.

Продолжал испытывать значительные трудности нефтегазовый комплекс. К началу 1996 года капитальные вложения в нефтяную отрасль сократились втрое. Бездействовала почти треть наличного фонда скважин. Половина технических средств была изношена более

чем на половину, и только 14 процентов из них отвечали мировому уровню. На погашение налогов у нефтедобытчиков уходило более 60 процентов доходов, у нефтепереработчиков — 75 процентов. Платить акциз почти в 40 тысяч рублей с тонны нефтяникам было нечем.

Экспертные прогнозы свидетельствовали о том, что запасы зерна в мире сократятся в 1996 году до самой низкой черты с тех пор, как ведется подобная статистика — до 255,4 млн. тонн, что соответствует 52 дням нормального мирового потребления. В связи с этим неизбежно должны были возрасти мировые цены сначала на хлебобулочные изделия, затем на говядину, свинину, мясо домашней птицы, яйца, молочные продукты и напитки. В 1995 году урожай зерновых в мире уменьшился с прежних 1 780 млн. тонн до 1 744 млн. тонн. На этом фоне бодрые заверения российских министров о том, что импортировать зерно страна не будет, вызывали недоумение.

Положение в сельском хозяйстве между тем сложилось настолько угрожающе, что явилось основанием для рассмотрения в Совете Федерации вопроса о продовольственной безопасности страны. Главная причина заключалась в резком ухудшении, обвальном падении финансового состояния сельских товаропроизводителей. Абсолютное большинство хозяйств утратило собственные оборонные средства. Ситуация усугубилась кризисом неплатежей. Кредиторская задолженность таких хозяйств достигла астрономической суммы — 25 триллионов рублей. На положение в агропромышленном комплексе отрицательно повлиял ценовой диспаритет. Рост цен на автомашины, сельхозтехнику, запчасти к ним, горюче-смазочные материалы, минеральные удобрения значительно опережал подъем закупочных цен на сельхозпродукцию. От такого диспаритета и некоторых других факторов предприятия АПК понесли гигантский ущерб. Затратив на урожай около 40 триллионов рублей, выручили за проданную продукцию почти вдвое меньше — 21 триллион рублей. Ценовой антагонизм продолжал расти, возрастала опасность, что его последствия станут необратимыми.

Короче, страна пребывала в глубоком кризисе. Одна из его причин — разрушение экономических связей между бывшими странами СНГ. С открытием внешних границ стало полностью очевидным, что подавляющая часть продукции неконкурентноспособна не только

потому, что она хуже по потребительским свойствам, но и неизмеримо дороже по энергозатратам и материалам.

Все это явилось основой для проведения клиринговых поставок товаров, объем которых снижался, а также поставило на повестку дня вопрос о выработке общей для всех стран СНГ структурной перестройки промышленности под эгидой межгосударственного экономического комитета. По сути, это означало реальное подчинение экономик всех стран Содружества самой сильной из слабых — России, а если сюда добавить Платежный союз, то возникал наиболее рациональный путь выхода из структурного кризиса. Но, если в него вступить, мало что осталось бы от столь горячо оберегаемого в Киеве, Ташкенте, Баку и других столицах суверенитета. Этим во многом и объясняется противоречивость, лабиринты и даже тупики интеграции.

Со смешанным чувством недоумения и обиды восприняли многие россияне итоги сочинской встречи президентов Б. Ельцина и Л. Кучмы, в ходе которой была найдена формула для статуса Черноморского флота, установлена норма раздела кораблей — 81,7 процента России и 18,3 процента Украине, а также береговой инфраструктуры — 50:50.

Было очевидно, что сочинское соглашение оставило неурегулированной сложнейшую проблему, касающуюся будущего статуса Севастополя. Довольно туманное рамочное соглашение по Черноморскому флоту, без определения правового статуса российской его части, скорее всего, преследовало достаточно ограниченную цель: не дать российско-украинским отношениям охладеть окончательно и удержать Киев от совсем уж чрезмерного флирта с Западом. Основания для беспокойства имелись: в Вашингтоне Украину считали сферой интересов НАТО, к тому же имеющей «жизненно важное значение для интересов национальной безопасности США».

В преддверии президентских выборов в России активно развивались украинско-германские отношения. Все это способствовало определенному отходу политики Л. Кучмы от предвыборной пророссийской, свидетельством чему были заявления президента Украины о том, что Киев не может остаться вне военных блоков, а также отказ от участия в Таможенном союзе. Обескураженные россияне убеждались, что Украина все больше претендовала на роль «буфера и моста» между Россией и Европой, противовеса влияния РФ в Европе.

И уж вовсе странны были заявления и действия многих кремлевских политиков, в штыки встретивших попытки соседней Белоруссии интегрироваться в экономику России. Недостаточно четкая позиция Б. Ельцина в этом вопросе вынуждала дистанцироваться от него значительную часть избирателей, не забывших Беловежские соглашения, в результате которых начались несчастья для большинства населения.

На таком фоне разворачивалась предвыборная президентская кампания.

Глава 2
ОСЕНЬ БЕЗ ПРЕЗИДЕНТА

Инаугурация. — Тридцать три слова. — Болезнь Б. Н. Ельцина, инсинуации вокруг нее. — Осень-96: политическая и экономическая ситуации. — Новая стратегия правящей элиты РФ. — Интриги в высших эшелонах власти. — Ю. Лужков между Кремлем и Белым домом.

Чем больше отдаляется во времени президентский выборный марафон, тем больше всплывает разных подробностей, о которых рядовые россияне тогда и не подозревали.

Первым нарушил молчание бывший начальник Службы безопасности президента А. Коржаков. В своей книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката» он поведал немало шокирующих деталей, неизвестных широкой публике.

Характеризуя роль дочери президента Татьяны на кремлевском Олимпе, А. Коржаков подчеркивает, что она очень зависима от советников отца Б. Березовского и А. Чубайса. Она рассматривает некоторые правительственные группы как непослушных маленьких мальчиков, а в других видит прекрасных принцев — как в сказке, которая становится былью. Для нее американские консультанты, которых Чубайс привез в Россию, были, разумеется, иностранными принцами. По их совету Ельцин поехал в Ростов во время президентской выборной кампании и попробовал танцевать джигу так, словно у него здоровое сердце молодого человека. В тот день, по словам А. Коржакова, президент чувствовал себя ужасно. Но хотя он выглядел отчаянно уставшим и бледным, Татьяна все еще вдохновляла его выйти на сцену.

«Иди, иди, папочка, ты это можешь», — сказала она.

Музыканты начали исполнять популярную мелодию, и Ельцин еще больше развернулся, пытаясь изобразить что-то вроде «змеи». Наина начала припрыгивать вокруг, в тактичном отдалении от него. Но шеф никогда не умел танцевать, и никто из окружавших не надеялся на

чудеса. Они только молились за то, чтобы кандидат в президенты не упал замертво на глазах ошеломленной аудитории.

После танца Татьяна бросилась целовать Ельцина. Она кричала: «Ты просто великий, папочка. Ты такой удивительный! Что за подвиг!»

Коржаков, по его словам, спросил Татьяну: «Что вы делаете со своим отцом?!» — «Саша, ты не должен придираться», — ответила она.

«Именно тогда я понял, — пишет А. Коржаков, что Татьяна — девушка-простушка, чья роль — передать идеи других людей. Ельцину и посылать ему напоминания о себе — в духе все того же детского послания: Ты великолепен, папа! Держись!»

В 1998 году, уже будучи депутатом Государственной думы, А. Коржаков разоткровенничался на пресс-конференции: «Весной 1996 года я предложил перенести выборы на два года. Причем не просто так, я знал подлинное состояние здоровья Ельцина, я советовался и с членами Совета Федерации, и с оппозицией, и с коммунистами. И все были «за», лишь бы только президент дал на это отмашку, а дальше работа пойдет.

— И что бы мы в результате получили?

— Представьте себе, если бы мы перенесли выборы на два года, кто бы сегодня стал выбирать Ельцина? Я думаю, такого сумасшедшего вы не найдете в стране. То есть совершенно другая политическая ситуация была бы.

— Ну уж…

— Да, может быть, мы бы пришли за два года правления с ним к такому же кризису. Но у нас было бы больше вариантов выхода из него. Но вся пресса тогда навалилась на меня, что я преступник, готовлю государственный переворот. И Ельцин кричал: не лезь в политику. И кто оказался прав? Ведь он фактически дискредитировал президентскую власть. Чем он дольше правит, тем больше очков набирает коммунистическая оппозиция, тем больше набирают жириновцы и другие».

В 1998 году многие средства массовой информации начали смело предполагать, что президентская гонка 1996 года основательно подорвала и без того слабое здоровье Бориса Николаевича.

В том, что оно было слабым, когда Ельцина избирали президентом, убеждала своих читателей и московская газета «Время» (15 октября

1998 г.) свидетельствами своего обозревателя Татьяны Малкиной. Публикация появилась в связи с «Итогами» известного телекомментатора Е. Киселева, в которых он рассказал и показал, как президент Ельцин споткнулся и чуть не упал в аэропорту в Ташкенте, куда прибыл с рабочим визитом. По Киселеву, у россиян — больной и некомпетентный президент.

Публицист «Времени» откликнулась на этот сюжет следующим образом: «Всем пишущим о президенте журналистам, включая коллег из телекомпании НТВ, доподлинно известно, что, скажем, летом 1996 года Борис Ельцин был ничуть не здоровее, чем сейчас. Признаться, иногда нам казалось, что он вот-вот умрет, ну прямо у нас на руках. Хотя донос и не принято сочетать с исповедью, скажу честно — вы не можете себе представить, сколько нелепых, ужасных и опасных выступлений и выходок Ельцина довелось наблюдать тем, кто проехал с ним всю Россию в ходе предвыборной кампании. Мы так никогда о них и не написали. Хотите верьте, хотите нет — исключительно из страха перед коммунистическим реваншем. На НТВ тогда лежала особая ответственность — миллионы доверчивых зрителей. И НТВ не подкачало — Ельцин в исполнении Независимого телевидения был бодр, свеж, румян, голосист. Репортажи безбожно монтировались. Кто знает, не будь Евгения Киселева, удалось бы Борису Николаевичу опять стать президентом или нет. Одним словом, это был заговор российских журналистов против Геннадия Зюганова. Для одних этот заговор был добровольным гражданским выбором, для других — вопросом политической стратегии и экономической целесообразности».

Однако вернемся в 1996 год. 9 августа. Кремль. Инаугурация — церемония вступления президента в должность. По некоторым обстоятельствам, и не столько по погодным, она прошла в щадящем режиме, заняв по времени всего 25 минут. Завершилось торжество тридцатью артиллерийскими залпами. Если бы не звучавшая в тот момент в зале в исполнении хора и оркестра ода Глинки «Славься», праздничный салют можно было бы принять за канонаду, докатившуюся до Кремля из Грозного.

«Лучше бы орудия, салютовавшие президенту, помогли нашим в Грозном», — под такой «шапкой» вышла назавтра одна из популярных московских газет, назвав действо в Кремле «торжественным празднованием дней национального позора». Телетрансляция

произвела тягостное впечатление: невыносимо было смотреть, как смертельно больной президент, который не мог произнести ни слова, кроме присяги, состоявшей из 33 слов, с большим трудом считывал их с «телетекста», запрятанного в клумбу. Казалось, что из-за кулис за ним наблюдают со скрещенными пальцами и заклинанием: «Только не упади!»

На приеме, который состоялся после торжества, Борис Николаевич смог произнести единственный тост: «За молодую и вечно изменяющуюся Россию».

Консилиум врачебный — выводы политические. Известие о болезни президента, проведенном консилиуме вызвали вал сообщений, слухов, гаданий, размышлений, вариантов о возможных результатах и последствиях от самых позитивных до весьма мрачных. Несмотря на стыдливые оговорки о необходимости соблюдать этические нормы и правила, о том, что рассуждения аморальны, мысли запретны, главные вопросы, занимавшие умы политиков, политологов, журналистов, общественность — о вариантах политических решений в связи с возможной «стойкой неспособностью президента исполнять свои обязанности», о стабильности власти, ее будущем, претендентах и шансах в состязании за «кремлевский приз».

Комментарии официальных источников были, как всегда, противоречивы и неоднозначны, но из потока информаций все же можно было выделить некоторые значимые составляющие происшедшего.

Сообщения о болезни руководителя государства в сравнении с информацией о болезни прошлых вождей приобрели небывалую открытость, но из советской эпохи сохранилось стремление читать «между строк», выделять неточности, недоговоренности, умолчания.

Тревогу не только российского, но и мирового сообщества вызывали сообщения о самочувствии президента. Весьма краткие появления лидера на экранах телевизоров с несколькими фразами не развеивали некоторых сомнений. Комментарии к сообщениям официальных и зарубежных деятелей от медицины, политики, журналистов вызывали ряд вопросов. И самый главный среди них: чем на самом деле страдает президент?

Специалисты отмечали, что трудно поверить, будто одно лишь атеросклеротическое поражение сосудов сердца, которое проявляется

чаще всего приступами стенокардии, превратило энергичного государственного деятеля, столь эффектного в августе 1991 года, в «каменного гостя» эпизодических телерепортажей после выборов 1996 года. Нет ли у него какого-то иного недуга, о котором осведомленные российские лица и «приближенные» зарубежные специалисты предпочитали тогда умалчивать, взяв время на размышление и подготовку к операции в несколько месяцев.

Второй волновавший всех вопрос: почему для участия в консилиуме был приглашен всего лишь один «кардиологический патриарх» из США? В подобных ситуациях, к примеру, при подготовке операции Р. Рейгану, американцы собрали на консилиум 27 лучших специалистов. Совещание медицинских светил длилось 16 часов. Стратегия, выработанная врачами, позволила бывшему президенту до сих пор радоваться жизни.

Этот вопрос вызывал догадки относительно того, не является ли участие знаменитого американского кардиолога М. Дебейки на консилиуме по оценке здоровья нашего президента фактом заинтересованности в этом американских кругов? По мнению ряда наблюдателей, перенос сроков операции на два месяца был необходим не только Б. Ельцину. Это позарез нужно Б. Клинтону на предстоявших в начале ноября 1996 года президентских выборах. Сойди Б. Ельцин с дистанции раньше времени, и конкуренты тут же обвинили бы Билла, что поставил, мол, не на ту фигуру.

Третий вопрос: какими лекарствами приближенные доктора пользуют своего пациента? А вдруг он, как Л. Брежнев на закате его карьеры, получает высокие дозы транквилизаторов. Если он их принимает, то не сопряжен ли был всплеск его предвыборной активности с временной отменой или заменой этих препаратов.

Четвертый вопрос: как собираются оплачивать врачебные услуги? Ведь по сообщениям прессы, консилиум для президента стоил около 200 тысяч долларов. Нельзя исключить, что это вовсе не единственная оплата, подобные платежи будут продолжаться, растянутся на сроки весьма длительные, а информация будет самой скудной и неопределенной.

Пятый вопрос: если все обстоит так прекрасно, как сообщает пресс-секретарь президента, то почему столь активны потенциальные

претенденты на президентский пост? Выделенные из контекста общих фраз и заявлений их слова и дела выглядели следующим образом.

Указ № 1378 «О временном исполнении обязанностей президента РФ», инициированный и подписанный Б. Ельциным, перехватывал инициативу у оппонентов В. Черномырдина, предлагавших то созвать внеочередное заседание Думы, то создать специальную медицинскую комиссию. Как следовало из указа, никаких коллективных акций подобного рода президент не допустит. Он и только он своей властью определит день и час предстоявшей временной передачи полномочий.

Указ принес дивиденды не только президенту. В выигрыше оказался и В. Черномырдин. Премьер теперь был избавлен от необходимости «отмываться» от обвинений в явочной узурпации власти. Кроме того, его новые полномочия (без форс-мажорных обстоятельств) обещали быть настолько временными, что не успели бы существенно осложнить ему жизнь.

Опрос, проведенный службой «Мнение» в сентябре 1996 года по проблеме «Кто должен исполнять обязанности президента во время операции и лечения Б. Ельцина», показал, что из 1020 опрошенных 70,5 процента высказались за В. Черномырдина, 10 процентов за А. Лебедя, 1,3 процента за Ю. Лужкова, 0,5 процента за Г. Зюганова, 0,1 процента за Г. Явлинского.

Ряд тогдашних акций премьер-министра многие наблюдатели с определенной степенью приближения считали предвыборными. Достаточно вспомнить его поездки в Нижний Новгород и Оренбургскую область. Перед населением страны предстал не сухой главный хозяйственник страны, а жесткий, уверенный в себе, харизматический лидер.

В Нижнем Новгороде он выступил как современный прогрессивный и деятельный политик. На своей малой родине присутствовал при открытии нового храма, рядом с ним был благословляющий патриарх всея Руси, там же, в Оренбуржье, Виктор Степанович посидел за штурвалом комбайна и намолотил на краюху хлеба. Многие увидели в этом и иные символы и иной штурвал.

Во время поездки в Псковскую, область как бы в ответ на принятую латвийским сеймом 22 августа 1996 года декларацию «Об оккупации Латвии» российский премьер жестко подчеркнул: «Чужой

земли нам не надо, но и свою территорию никто отдавать не собирается».

Комментарии В. Черномырдина по итогам встречи с чеченскими сепаратистами во главе с З. Яндарбиевым резко контрастировали по тону с компромиссным по сути заявлением. Премьер счел нужным подчеркнуть, что территориальная целостность России, нерушимость ее границ, в том числе административных, а также действие Конституции не могут быть предметом торга: Чечня — внутреннее дело России.

Удачным и весомым был для премьера и дебют нового института — Совета обороны, продемонстрировавший влияние В. Черномырдина на «силовиков». Премьер провел заседание спокойно и очень уверенно.

Многие наблюдатели отмечали, что между В. Черномырдиным и Г. Зюгановым заключен как бы на перспективу пакт о ненападении.

Стартовые возможности В. Черномырдина были высоки, так как он по Конституции целых три месяца мог исполнять обязанности высшего должностного лица государства.

Аналитики отмечали также участившиеся в то время поездки мэра Москвы по стране, подписание между столицей и регионами двусторонних отношений. Некоторые обозреватели полагали, что таким образом мэр Москвы выстраивал свою вертикаль «Центр — провинция», которая могла оказаться противопоставлением вертикали «Администрация президента — провинция».

Лужков усиливал свои позиции, наращивал патриотическую риторику и становился центром консолидации оппозиционно настроенной части партии власти. Происходило нечто вроде первичных выборов в партии власти, в ходе которых все больше баллов получал московский градоначальник.

Ряд его тогдашних высказываний выглядел как предвыборные программные установки. По поводу соглашения, подписанного А. Лебедем в Чечне: «Документ… представляется как капитуляция армии перед бандитами». О Севастополе и Черноморском флоте: «Нужно помнить простую истину: Севастополь — это русский город, который мы не должны потерять и который мы никому не отдадим». Контекст высказываний в связи с развитием взаимоотношений России с Белоруссией подразумевал более тесное и эффективное сотрудничество обеих стран и народов.

В этих заявлениях он представал перед избирателями как решительный лидер, готовый отстаивать интересы своей страны даже в очень тяжелой ситуации. Популярность Лужкова распространялась из благополучной Москвы, в то время как всплески экономического кризиса могли сделать шансы В. Черномырдина менее реальными.

Празднование очередного Дня города — столицы России, прибывшие из большинства регионов гости Москвы во многом способствовали росту популярности московского мэра. Грандиозное шоу, показанное по телевидению, многие восприняли как предвыборную обкатку команды лидера, идей, лозунгов. На фоне впечатляющих успехов в развитии хозяйства Москвы и заботы о ее жителях Ю. Лужков получал признательность и уважение не только москвичей, но и многих миллионов россиян.

В высших эшелонах власти испугались дальнейшего роста популярности А. Лебедя, особенно во время болезни президента и вероятности смены власти. Мир по-лебедевски стал мишенью нападок и попыток саботажа, превратился в разменную монету в новом раунде политической игры за высший кремлевский приз, что продемонстрировало и первое осеннее заседание Государственной думы.

Мир в Чечне, которого так ждали и желали, оказался фактически заложником позиции одного человека, которая зависела от неустойчивой и меняющейся расстановки сил в Москве. При этом для многих главная дилемма состояла в том, что нельзя было не поддерживать Лебедя как миротворца, но в то же время не было желания способствовать его президентским амбициям, которые он не скрывал, нередко нарушая все принятые этические нормы.

В ходе обсуждения ситуации в Чечне на заседании Государственной думы политические лидеры и представители властных структур дали понять Лебедю, как относятся к нему лично и к его варианту решения проблемы чеченского сепаратизма.

Кратким, на первый взгляд, рутинным указом президент нанес секретарю Совета безопасности весьма ощутимый удар, лишив его весомых рычагов влияния на военных, поскольку руководителем комиссии по высшим воинским званиям и должностям при президенте Российской Федерации был назначен не А. Лебедь, а Ю. Батурин. Кураторство над расходованием бюджетных средств для силовых

ведомств было поручено В. Потанину. Пресса с сарказмом отметила, что влияние секретаря Совета, безопасности на военных резко упало — до нуля.

Несмотря на неудачи, рейтинг популярности А. Лебедя рос. Об этом свидетельствовали данные опроса ВЦИОМ в сентябре 1996 года. Из опрошенных 1600 человек А. Лебедь пользовался наибольшим доверием у 34 процентов респондентов, Г. Зюганов — у 15, Б. Ельцин — у 12, Г. Явлинский, В. Черномырдин и Ю. Лужков — у 9 процентов.

Альянс Лебедя с Коржаковым, о котором много говорили, мог оказаться очень мощным — в смысле взрывоопасным. У генерала Лебедя была прочная репутация честного и неподкупного борца за справедливость.' У генерала Коржакова — слава держателя компромата на действующих и недействующих политиков. Эффект в случае объединения этих двух образов в один в ходе президентской кампании мог оказаться посильнее «Фауста» Гете. Но Лебедь — птица, которая стремится летать сама по себе. И в тогдашней кремлевской золотой клетке ему было тесновато.

Теперь о Зюганове. Лидер КПРФ подчеркивал, что полное заключение консилиума врачей о состоянии здоровья президента так и не опубликовано, хотя фракция КПРФ настаивала на этом. «После 17 июня Борис Ельцин на работе не находился», «Больная страна требует каждодневного оперативного управления, а трех часов ей недостаточно», «Работы, где можно не работать год, я не знаю», «Отставка — это было бы благом для самого Бориса Ельцина, для его семьи и для страны», — заявлял Зюганов.

На первом пленарном заседании осенней сессии Госдумы он вновь предложил сформировать Госсовет, который, по его мнению, можно составить из представителей различных органов власти, и на нем оперативно обсуждать и решать возникающие в стране проблемы. Эта идея весьма похожа на рыбкинское предложение — Политический консультативный совет, которое коммунистами было встречено весной с чувством глубокой неприязни.

«Левая» Дума и ее лидер были озабочены сложившейся ситуацией. Г. Селезнев подчеркивал, что администрация президента «утверждается как самостоятельный институт власти и это смущает общество». Этот институт, по его мнению, надо поставить на место. Команда президента представляет собой треугольник, отношения внутри которого лишены

иерархической подчиненности, а подчас и просто не оговорены в правовом отношении. Секретарь Совета безопасности и глава администрации президента, сколь бы ни были велики их фактические властные полномочия, действуют. именно в отсутствие федеральных законов о возглавляемых ими ведомствах. Председатель Думы высказал мысль о том, что Борису Ельцину следовало бы решить, «насколько его здоровье позволяет ему исполнять свои обязанности». «В России не та ситуация, чтобы работать в облегченном режиме», — подчеркнул Г. Селезнев.

Аналитики отмечали, что существовали контуры возможной договоренности коммунистов с властями, которые стали вырисовываться еще перед вторым туром президентских выборов, когда В. Черномырдин принимал у себя в гостях Г. Зюганова и других видных деятелей коммунистической фракции Госдумы. Когда же доподлинно стало известно, что президенту действительно предстоит операция на сердце, а борьба премьера и секретаря Совета безопасности за титул наследника приобрела почти явные формы, коммунистам пришлось открыто показать, кто им милее. А. Лебедю были предъявлены обвинения в потакании чеченским сепаратистам и развале России, а В. Черномырдин с первой же попытки набрал в думе необходимое число голосов для утверждения на посту премьера.

Многие наблюдатели не исключали, что в случае досрочных президентских выборов, о вероятности которых сообщал Г. Зюганов во время визита в Страсбург, взаимоотношения Черномырдин — Зюганов будут строиться по модели Ельцин — Лебедь.

В августовском опросе ВЦИОМ (1700 респондентов, 19 регионов) задавался вопрос о том, за кого россияне проголосовали бы, если бы по состоянию здоровья Ельцин был вынужден оставить президентский пост. Результаты следующие: за Г. Зюганова 22 процента, за А. Лебедя — 19, за Г. Явлинского — 10, за В. Черномырдина — 3,5 процента.

«Отставка Ельцина и новые выборы президента», — только такой выход из сложившейся ситуации считал наиболее приемлемым лидер КПРФ. Собственные шансы и легитимность Г. Зюганов оценивал весьма высоко.

Какую позицию занимал во всей этой подковерной борьбе Е. Строев? Председатель Совета Федерации и одновременно орловский губернатор делал ставку на Центральную Россию. Западные

бизнесмены в этом регионе все больше начинали работать «под Строева», видя в нем одного из гарантов спокойной работы. Недавно компания «Кока-Кола» ввела в эксплуатацию в Орловской области один из крупнейших в Восточной Европе заводов по производству напитков, считая, что Орел находится в центре зоны экономических интересов этой мощной фирмы.

Планируется с помощью западных инвесторов финансировать создание телефонных станций в сельских районах под 2 процента годовых, затем продвигаться по России, имея как образец станцию в Орле. Подписаны «Первоочередные направления сотрудничества в области создания системы межрегиональных деловых связей *и* производственной кооперации предприятий Москвы и Орловской области». Наблюдатели отметили, что это произошло во многом благодаря хорошим отношениям между Е. Строевым и Ю. Лужковым. Оба руководителя избраны населением и на своих постах чувствуют себя весьма свободно в отношениях с центральной властью. Е. Строев весьма резко высказывался за окончание военных действий в Чечне, по вопросам работы федерального правительства, о возможностях принятия бюджета на 1997 год. Тон его выступлений становился все более жестким.

Аналитики считали, что имело место определенное сближение позиций Ю. Лужкова и Е. Строева. Если кто-то из двух этих руководителей все же рискнет выступить в роли будущего претендента за главный кремлевский пост, то второй его обязательно поддержит.

И наконец, о Чубайсе. Руководитель администрации президента не числился в рядах явных «кандидатов в Ельцины». Но история учит тому, что в подковерных боях часто выигрывают не вояки, а умелые и напористые личности второго эшелона.

А. Чубайс пришел со своей командой. Он собирается работать, и можно не сомневаться: все условия для этого будут созданы. В его руках сосредоточен мощный и изощренный чиновничье-бюрократический аппарат. Это реальная власть. Команда А. Чубайса контролировала губернаторские выборы, а это значило, что многие региональные лидеры будут в определенном смысле «должниками» главы администрации президента. В ходе возможной гонки за кремлевский трон это тоже могло быть сильным аргументом.

Росту реального влияния А. Чубайса способствовало и утверждение Б. Ельциным положения об администрации президента. Канцелярия президента, его главные управления, аппарат Совета безопасности и Совета обороны, управление делами президента, согласно подписанному Б. Ельциным положению, входят в состав администрации на правах самостоятельных подразделений.

При наличии такой схемы А. Чубайсу удастся избежать дублирования внутри администрации, однако ни в коем случае не исключается возможность параллелизма власти в стране в целом. При А. Чубайсе администрация по численности перегнала аппарат правительства. А. Чубайс назвал цифру 1550 человек, а в правительстве около 1 тысячи чиновников. С приходом новых людей экономический блок в администрации существенно усилился. Создавалось впечатление, что в случае необходимости новая администрация сможет и заменить кабинет.

Как бы предостерегая возможных претендентов на главный кремлевский пост, А. Чубайс достаточно прозрачно в своих выступлениях уже не раз акцентировал внимание на том, что «совершившие фальстарт» бегуны под строгим и пристальным взглядом главного арбитра возвратятся на исходные позиции.

Словом, «большая политика» в России по-прежнему была прерогативой узкой группы лиц в окружении президента, а общественность еще в большей, чем прежде, степени была отодвинута на обочину политической жизни и растерянно наблюдала оттуда за тем, что происходило «в верхах», ожидая, чем все это закончится.

Закулисный способ формирования и принятия политических решений остался основным и не оставлял российскому гражданину ничего иного, кроме как воспринимать информацию о том, что происходило в стране, в аппаратной упаковке, или верить тому, что говорили об этом многочисленные оппозиционные лидеры, а также щедро оплачиваемые из разных источников аналитики и обозреватели.

В условиях, когда Б. Ельцин по причине болезни в течение продолжительного времени оказался практически выключенным из нормального повседневного процесса управления делами государства, в стране возникли и реально действовали несколько конкурировавших друг с другом центров власти и принятия решений: возглавляемая А. Чубайсом администрация президента, правительство страны во главе с

В. Черномырдиным, Федеральное Собрание и, что может быть самым важным в сложившейся ситуации, узкая «семейная» группа советников и лоббистов, наиболее близко стоявших к президенту и его администрации.

В эту группу, получившую название «Московская группа семи», ряд обозревателей включили хорошо известных в России предпринимателей и банкиров Березовского, Потанина (бывший глава ОНЭКСИМ-банка, в то время первый вице-премьер правительства), Гусинского, Ходорковского, Авена, Фридмана, Смоленского. Некоторые знатоки придворной жизни указывали на тесную связь этой группы с главой администрации президента А. Чубайсом и дочерью президента Т. Дьяченко.

До 17 октября 1996 года одним из влиятельных центров формирования политики государства считался также Совет безопасности, однако после снятия его секретаря А. Лебедя и назначения вместо него И. Рыбкина роль этого органа была сведена к решению узкого круга рутинного, чаще всего «пожарного» характера, причем на достаточно узком направлении, в первую очередь, на чеченском.

Аналитики расходились во мнении, будет ли способствовать повышению роли Совета безопасности в формировании государственного политического курса вызвавшее в России шумный скандал назначение одним из заместителей И. Рыбкина известного предпринимателя Б. Березовского. Единственное, в чем они не сомневались, это в том, что данное событие — крупный шаг российского капитала для того, чтобы прибрать к своим рукам рычаги политической власти. Если это так, то в стране, похоже, открыто заявил о своих правах еще один серьезный центр власти, стоявший гораздо ближе к президенту и его команде, чем к правительству, но уже репетировавший свою собственную роль на российской политической сцене.

В стране, несмотря на то что президентские выборы давно прошли, никак не могло завершиться формирование всех основных ветвей и органов власти, от деятельности которых, собственно, и зависит эффективность и устойчивость работы механизма государственного управления. В верхних эшелонах власти развернулась во многом невидимая, но весьма жесткая борьба за контроль над самим

президентом, над государственным аппаратом, силовыми ведомствами, рычагами принятия решений. Что, с одной стороны, затягивало процесс окончательного формирования структуры и кадрового наполнения органов высшего государственного и военного управления России, с другой — способствовало сохранению ситуации реального безвластия, а точнее — многовластия и выжидания, скрытности и двуличия политиков, спонтанного появления новых политических связок и союзов и такого же быстрого их распада.

Шунтирование. Интриги. Переизбрание на президентский пост Б. Клинтона, американского друга Б. Ельцина, и успешное проведение операции на сердце российского президента, казалось бы, в политическом отношении должны были бы дать дополнительный импульс проводимому в России финансово-экономическому курсу и способствовать укреплению позиций находившихся у власти реформаторов. Однако совокупность объективных факторов давала основание здравомыслящим людям говорить скорее о предстоявшем росте нестабильности как в российских политических верхах, так и в стране в целом.

Одним из главных факторов нестабильности продолжало оставаться состояние здоровья Б. Ельцина.

В западных средствах массовой информации сообщалось о некоем реальном заключении врачей из состава операционной бригады. Согласно этому заключению, ухудшение здоровья российского президента и летальный исход могут случиться внезапно в течение 6 — 10 месяцев. В условиях нервных стрессов вероятность неблагополучного исхода возрастает.

По мнению все тех же западных источников, назначение даты проведения операции на 5 ноября во многом было обусловлено стараниями А. Чубайса и А. Козырева, которые аргументировали свое предложение «особой сентиментальностью Клинтона» и возможностью повышения шансов на продолжение кредитования России через Международный валютный фонд и другие программы помощи со стороны США. Действительно, победа Клинтона на президентских выборах укрепляла надежды России на возобновление траншей МВФ — порядка 660 миллионов долларов до конца 1996 года, равно как и. на целый ряд шагов навстречу Москве, среди которых оттяжка решения вопроса о продвижении НАТО на Восток, расширение частного

кредитования и подключение к финансированию бюджетного дефицита за счет международных рынков, снижение давления по Ирану и возможное смягчение позиции по Чечне.

Однако по сложившейся политической традиции выигравшая в США партия должна учесть в своей политике хотя бы часть жестких требований республиканцев в отношении России, закладывая таким образом двухпартийную базу под свой стратегический курс относительно Москвы.

Среди вопросов, по которым неизбежно усиление давления «правых республиканцев» как в конгрессе, так и в исполнительных эшелонах власти, были весьма острые для России. Это требования ратификации договора об СНВ и вероятной увязки его с экономическими программами, включая и дальнейшую реструктуризацию внешнего долга; молчаливого согласия Москвы на прокладку нефтегазопроводов из Средней Азии в обход территории России и оказание помощи США Украине в ее споре с Россией по вопросу о статусе Севастополя; разрушения «де-факто» других стратегических, позиций России и, прежде всего, в вопросе об А. Лукашенко с последующей сдачей Белоруссии в руки антироссийски настроенных националистических сил; формирования второго пояса «санитарного» кордона, отрывающего Восточную Европу от России. Ключевым, безусловно, являлся вопрос о Белоруссии, потеря которой Россией позволила бы Западу реализовать идею Прибалтийско-Черноморской ассоциации.

За победившим на выборах Б. Клинтоном стояли мощные финансовые группировки, которые тоже имели свои воззрения на будущее России и перспективы экономической «колонизации» постсоветского пространства. Одна из этих группировок выступала за военно-политическое подчинение и экономическое освоение территории России как единого целого через последовательное проведение монитаристской финансовой модели. Эта группировка опиралась на федеральный центр в лице А. Чубайса.

Вторая группировка считала целесообразным дальнейшее расчленение России через борьбу регионов за автономию на базе «антизападничества», включавшего как русский патриотизм, так и мусульманский фундаментализм. Первоочередной и центральной здесь вставала проблема Чечни и структурного видоизменения

конституционного устройства России в плане внедрения принципа самоопределения. Это потенциально способно полностью изменить существующую геополитическую систему России сначала на Кавказе, а потом и на всем ее территориальном пространстве.

Информация, поступавшая из конфиденциальных западных источников, предупреждала российские власти: наиболее антироссийски настроенные финансовые и политические группировки США будут требовать заключения мира в Чечне и проведения там выборов любой ценой с целью легитимизации выхода первого субъекта Российской Федерации из общего конституционного пространства. Соответственно эти позиции в Москве будут отстаивать определенные политики. Вслед за выборами в Чечне и последующим формированием Кавказской конфедерации народов — Грозный заключит соглашения с Абхазией, Дагестаном, Ингушетией — должно последовать ускоренное давление на «конфедерализацию» российского пространства с одновременным внедрением интернационального контроля над ядерными объектами России.

Болезнь Б. Ельцина и складывавшиеся вокруг нее политические обстоятельства завершили кристаллизацию механизма реальной исполнительной власти, которая выстроилась по «дворцовому» принципу. Принятие стратегических решений осуществлялось через семью президента. Штабная группа А. Чубайса — Б. Березовский, В. Гусинский, В. Потанин, А. Лившиц, С. Дубинин — и находившаяся под ее влиянием Т. Дьяченко проводили любое государственное решение и продолжали осуществляемую с 1991 года политическую и финансовую линию. Сформировалась своеобразная иерархическая пирамида власти. На ее вершине находились А. Чубайс и Б. Березовский. Последний углублял свои коммерческие программы на всех возможных направлениях. В. Потанин служил в этой системе своего рода тараном в реализации конкретных экономических программ, способных вывести ориентированные на группировку А. Чубайса московские банки на качественно более высокий уровень.

Между тем наблюдатели отмечали, что в этом финансовом блоке наметились серьезные противоречия узкокорыстного характера между группой «молодых» банков (группа 13) и группировкой, сложившейся вокруг Газпрома и ее представителя С. Дубинина. В финансовую сферу транслировались и конкурентные противоречия между мировыми

финансовыми центрами, которые создавали собственные сети в России или же стремились «прикупить» существовавшие банковские структуры. Условно говоря, к группе Газпрома ближе находился ряд европейских энергетических гигантов и их американские партнеры, в то время как крупнейшие финансовые группировки США тяготели к ОНЭКСИМ-банку и другим чубайсовским финансовым структурам. Именно они стояли за требованиями Международного валютного фонда по разукрупнению (демонополизации) Газпрома и его трансформации в холдинг, что привело бы к распылению финансовых средств и устранению этого крупнейшего конкурента.

Сложившаяся в российской экономике цепочка задолженностей и неплатежей выводила ситуацию на возможный переход огромных массивов собственности России и СНГ в руки Газпрома, что равнозначно обратной деприватизации и усилению вмешательства государства в экономику и политику, против чего принципиально выступал А. Чубайс. Такое положение автоматически вело к укреплению политических позиций В. Черномырдина, что было неприемлемо для Б. Ельцина в связи с особенностями его характера и психологии.

В. Черномырдин в известной мере насколько возможно активно сотрудничал с Б. Березовским и С. Дубининым. Е. Строев в силу осторожности проявлял полную лояльность как семье президента, так и А. Чубайсу. Несколько особняком стояли силовики, которые практически полностью развернулись в сторону А. Чубайса. В. Черномырдин через КПРФ, аграриев и ЛДПР выполнял также функцию сдерживания оппозиции от радикальных действий.

Группировка А. Чубайса в качестве идеологической базы имела модель жесткой американизации российского общества с опорой на передачу основных фондов во владение ряда финансовых групп США, действовавших в России через крупные фирмы «Мэрил Линч», «Соломон Брозерс», «Квантум фонд». Скупка пакетов акций российских предприятий осуществлялась через ОНЭКСИМ-банк, АЛЬФА-банк и ИНГ-банк. Последний представляет собой российское отделение крупнейшего в Европе голландского капитала, хозяина банка «Бэрингс». Политика ужатия рублевой денежной массы и понижения доходности финансовых инструментов автоматически ведет к банкротству мелких и средних банков, расположенных в провинции, а

также вызывает ускоренное разорение промышленных предприятий, за исключением предприятий нефтегазового комплекса. Складывавшаяся ситуация вела к тому, что Газпром, если бы он сохранился как единое целое, смог бы закупить главные объекты смежных промышленных комплексов как в России, так и в СНГ. Такой ход событий явно не устраивал целый ряд влиятельных американских финансовых группировок, что и обуславливало требование Международного валютного фонда о демонополизации Газпрома.

Требования к группе А. Чубайса о демонополизации естественных российских монополий со стороны США и МВФ постоянно усиливались и накладывались на острейшую потребность в расшивке неплатежей и задолженностей. В свою очередь, Газпром стремился ускорить выход своих акций на нью-йоркский рынок и укрепить жизнеспособность за счет продажи части акций иностранным инвесторам.

Существовали и другие факторы, подталкивавшие А. Чубайса к радикальным действиям, направленным на замену В. Черномырдина и его группировки на политической авансцене России. Деятельность ВЧК не давала необходимых бюджетных доходов, что в обстановке обострявшихся требований народных масс и региональных лидеров вынуждало объявить фамилию виновного в провале социально-экономической политики, а также изъять финансовые средства у крупных монополий. Было ясно, что области и республики в составе России вряд ли что отдадут, и пример тому Якутия. Следовательно, наиболее реальной жертвой оставался Газпром. Необходимость таких действий вызывалась и субъективной потребностью президента осуществить крупные кадровые перемещения для утверждения собственной властной функции.

Помешать этому ходу событий могло лишь жесткое требование ФРГ как главного российского кредитора сохранить В. Черномырдина и всю систему Газпрома.

Каким бы оптимизмом ни веяло от сообщений о состоянии здоровья Б. Ельцина, его работоспособность была ограничена, поскольку любые физические и нервные перегрузки могли привести к трагическому исходу. Понимая шаткость положения правящей элиты, многие влиятельные члены правительства вели собственную игру и поддерживали параллельные контакты. Все прекрасно осознавали, что

Б. Ельцин не сможет уже набрать прежнюю форму и нести полную нагрузку управления государственными делами, поэтому он делегирует немалую часть своих полномочий одной из группировок и станет вмешиваться в процесс принятия решений лишь по наиболее крупным вопросам.

Аналитики предполагали, что у Б. Ельцина имелось четыре наиболее вероятных сценария действий.

Первый — отказ от МВФ, удаление А. Чубайса и формирование коалиционного правительства. Второй — удаление А. Чубайса и сохранение модели МВФ с одновременным укреплением позиций В. Черномырдина. Развитие событий по этим сценариям, хотя и были возможны, но маловероятны, поскольку вели к полному ужатию властных полномочий самого Б. Ельцина. Третий сценарий был связан с удалением В. Черномырдина, списанием на него экономических и социальных провалов и выдвижением нового премьера с возможным роспуском Госдумы в преддверии завершения региональных выборов.

Четвертый сценарий имел прямое отношение к борьбе против Ю. Лужкова при минимальных шансах на быструю победу. Б. Ельцин прекрасно понимал, что в конце декабря 1996 года губернаторские выборы качественно поменяют расстановку сил с высокой степенью вероятности появления мощной силы, противодействующей группе А. Чубайса и осуществляемой им жесткой финансово-кредитной политики. Ю. Лужков публично бросил вызов руководителю президентской администрации в ходе поездки в Архангельск и фактически пошел против рекомендации президента на «консолидацию всех ветвей власти и политикоидеологических сил» вокруг А. Чубайса.

Ю. Лужков осознавал, что неформальное лидерство в Совете Федерации он уже завоевал и имеет возможность укрепить его после окончания избирательной кампании. В связи с этим стали понятны усилия московского мэра по сколачиванию группы доноров-регионов и смысл встреч, которые он провел в Москве с участием представителей Тюмени, Петербурга, Свердловской области, Татарии, Башкирии и Липецка, и в Нижнем Новгороде.

Однако идейная и политическая платформа Ю. Лужкова колебалась между «государственнической», направленной на удаление финансовой модели МВФ и усиление «центростремительных» тенденций, и «конфедерализационной», предусматривающей движение

к дроблению конституционного пространства. Если в отношении А. Лебедя и его миссии в Чечне Ю. Лужков проявил себя как государственник, то на встрече глав администраций в Нижнем Новгороде были обсуждены требования русских областей к уравниванию их по налоговым сборам с автономиями — федеральный налог не более 10 процентов, понижение импортных пошлин и регионализация общих налогов, создание свободных экономических и таможенных зон, регионализация приватизируемых объектов, природных ресурсов, а также перевод программ социального обеспечения на местный уровень.

При выполнении данных требований федеральный бюджет мог рухнуть, а общенациональные ведомства и программы разрушиться с одновременным исчезновением федерального правительства. Данная перспектива просматривалась и в ряде заявлений глав администраций, которые подчеркивали, что с Москвой как региональным лидером готовы дружить и сотрудничать, а некомпетентным центром в лице федерального правительства — нет. Эта субъективная линия усиливалась неприятием личности А. Чубайса и возникающими ассоциациями относительно «приватизации по Чубайсу», «гайдарономики» и прочих факторов, олицетворяемых ежедневным телевизионным вещанием и руководящим составом российского банковского сообщества.

Оппозиция в Госдуме прекрасно понимала, что ее будут заталкивать в русло искусственного выбора между федеральной моделью, предполагавшей окончательное подчинение основных фондов России международному капиталу в качестве единого целого, и моделью противодействия диктату МВФ через регионализацию с окончательным распадом России на отдельно функционирующие регионы. В свете этого оппозиции следовало бы выдвинуть собственную линию, которая с одной стороны была бы приемлемой для региональных элит. Стало очевидным, что в ближайшее время оппозиции придется столкнуться с попытками легитимизации финансирования Чечни и тотальной амнистии боевикам. Высказывались прогнозы, что подобные действия уже к концу 1996 года окажутся политически провальными в силу внутричеченской динамики и могут вовлечь оппозицию в «раздел» ответственности с исполнительной властью за положение в Чечне.

Если Госдума сумеет продержаться до конца января 1997 года, то возникали реальные возможности для совместного действия оппозиционных сил против антиинфляционного бюджета и за удаление А. Чубайса и финансового блока, который контролировал денежные потоки. В этом смысле у оппозиции возникнет потребность затягивания любого вопроса, способного привести к досрочному роспуску Госдумы — обсуждение бюджета, рассмотрение новой кандидатуры премьера, но одновременно усиливать пропагандистскую риторику и политические действия по изоляции группы А. Чубайса. Последнее предопределяло давление на него по каждому поводу — запрос о Березовском в спецслужбы, вызов его в Госдуму, постановление о недопустимости сохранения чиновников в госаппарате при наличии у них заграничных счетов и т. д.

Некоторые аналитики уже в 1996 году в стратегическом плане рекомендовали Госдуме и оппозиции пойти на диалог с Ю. Лужковым и близкими к нему кругами с долгосрочной целью скоординированного участия в следующих президентских выборах и распределения ролей для вывода на первую позицию наиболее эффективного деятеля с точки зрения российских интересов.

Прогнозировалось, что в конце 1996 года следовало ожидать поэтапного наращивания кризисных явлений с пиком в феврале 1997 года при растущей возможности устранения Б. Ельцина через углубление ряда кризисных ситуаций. Однако в открытой пропаганде такой подход рекомендовалось полностью исключить.

В 1991 году большинство граждан РСФСР на первых президентских выборах проголосовало за Бориса Ельцина, потому что страстно хотело перемен. Пять лет спустя россияне снова избрали своим президентом Бориса Ельцина, но уже по другой причине — лишь бы не было перемен.

Надежды и порожденные ими ожидания сыграли в первой половине 1996 года роль тех предохранителей, которые при худшей, чем в 1995 году, социально-экономической ситуации в стране не позволили накопившимся в обществе усталости и недовольству выплеснуться наружу в стихийной, неуправляемой форме.

Анализ общественных настроений и ожиданий первой половины 1996 года позволяет высказать предположение, что основу для появления в обществе надежд на улучшение политической и

экономической ситуации в стране создавали результаты декабрьских 1995 года парламентских выборов и общая общественно-политическая атмосфера на первом этапе президентской избирательной кампании.

Действительно, значительное обновление состава Государственной думы, развернувшаяся масштабная кампания по выборам нового главы государства с участием в ней в качестве претендентов на президентский пост представителей всех основных общественно-политических сил России, вызвали у большинства российских граждан ощущение реальной возможности наконец-то путем цивилизованной, демократической, а главное — легитимной политической процедуры положить начало выводу ее из кризисного пике.

Многие россияне полагали, что новые думские избранники и новый президент, независимо от того, кто выиграет президентские выборы, просто не смогут вести государственные дела по-прежнему и будут обязаны внести изменения в курс реформ, чтобы они отвечали интересам и ожиданиям большинства населения, а не только немногочисленной привилегированной части российского общества.

Российские избиратели рассчитывали на реальное воплощение гарантий защиты интересов социально уязвимых категорий населения, на проведение реформы системы оплаты труда, налоговой реформы, на эффективную борьбу с организованной преступностью, а также на сокращение и чистку государственного аппарата от коррупционеров и взяточников и установление строгой ответственности госслужащих всех рангов за порученную работу. Избиратели надеялись на изменения в идеологии реформ в сторону усиления их социальной и общенациональной ориентированности, верили, что будет преодолен кризис государственности, улучшится управление экономикой страны.

Достаточно остро и последовательно ставились вопросы о выборе пути развития России, окончании войны в Чечне, предотвращении дезинтеграции России, прекращении разграбления национальных богатств, введении госмонополии на экспорт стратегического сырья и вооружения, реформировании армии, активизации интеграционных процессов в рамках СНГ и другие. Избирательные кампании 1995–1996 гг. были отмечены повышенным вниманием общества к важным общенациональным императивам, таким, как русская идея, общенациональные ценности, российская государственность, национальная безопасность, единство русского народа и другие.

Увы, уже к концу 1996 года стало очевидно, что названным выше общественным надеждам и ожиданиям в ближайшее время не суждено сбыться, хотя к такому печальному выводу можно было прийти и ранее.

Россия, несмотря на благополучно завершившиеся выборы президента страны, которым остался Б. Ельцин, и глав администраций ряда важных субъектов Федерации, так и не смогла избавиться от своих ново-приобретенных проблем. Прекращение войны в Чечне здесь не в счет, так как вероятные последствия этого решения далеко не однозначны.

Российское общество осознавало, что все ошибки в построении нового государства нельзя исправить в одночасье. Оно готово было еще потерпеть, но при условии, что те, кто находится у власти, продемонстрируют свою серьезную готовность и способность к общенациональному диалогу с учетом общественных настроений. Как раз такой готовности российские граждане и не увидели, что во многом и сформировало после выборов президента недовольство даже среди тех, кто совсем недавно был без ума от российских реформаторов и их реформ.

В новый, 1997, год Россия вступала с еще большим набором сложных и острых общественно-политических, социально-экономических, финансовых, морально-этических и международных проблем.

Особенность данной ситуации, которая в последующем могла оказать неблагоприятное влияние на исторический климат и ситуацию в России, выражалась в том, что многими российскими гражданами овладело разочарование итогами развития политического процесса 1996 года, который не оправдал их надежд и ожиданий.

Проявлением такого разочарования следует считать очередное существенное снижение популярности президента Б. Ельцина при одновременном росте общественной поддержки лидерам оппозиции, резкое увеличение числа критических стрел в адрес президентской администрации и правительства, возобновление массовых акций социального протеста граждан, сохранение, несмотря на завершение полосы крупных избирательных кампаний, высокой активности в деятельности ведущих политических партий, движений и отдельных политических фигур.

По данным Центра исследований политической культуры России, по состоянию на декабрь 1996 года рейтинг популярности Б. Ельцина составил всего 10 процентов. Выше президента в этом отношении стояли Г. Зюганов — 23 процента, А. Лебедь — 16 процентов и Ю. Лужков — 12 процентов.

Весьма жесткой и неослабевавшей в течение почти всего послевыборного периода критике со стороны оппозиции и общественности подвергалась деятельность руководителя администрации президента А. Чубайса, нового руководства Совета безопасности Российской Федерации в лице И. Рыбкина и Б. Березовского, а также председателя правительства России В. Черномырдина, его заместителей и министров, отвечавших в первую очередь за финансово-экономический и социальный блоки. Понятно, что эти объекты находились в эпицентре критики по двум основным причинам. Для оппозиции — это промежуточные мишени, которые в совокупности олицетворяли главную цель — президента. Для остальной части общества фамилии этих политических деятелей ассоциируются с теми социально-экономическими и политическими неурядицами и трудностями, *с* которыми страна сталкивалась каждый день на протяжении длительного периода времени.

Неудовлетворительное положение дел в стране вызвало массовые акции протеста, организованные Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР) и левым политическим блоком НПСР 5 и 7 ноября 1996 г., а также всероссийскую забастовку шахтеров 3 декабря. Продолжились локальные выступления работников бюджетной сферы, не получивших обещанных им финансовых средств ни на выплату зарплат, ни на развитие их отраслей. Обращает внимание, что вместе с экономическими требованиями демонстранты все чаще выдвигали политические лозунги, требующие отставки руководителей страны и смены курса. При этом раздавались призывы готовиться к более решительной борьбе за свои права, в том числе и вооруженной.

Послевыборная ситуация в России, когда, казалось, политические страсти должны были успокоиться, чтобы все участники политического процесса смогли осмотреться, оценить обстановку и внести коррективы в стратегию своих дальнейших действий, осталась все такой же тревожной. Ясно, что главные политические силы страны остались на прежних позициях согласия или несогласия с внешнеполитическим и

экономическим курсом президента и его команды, тем более, что этот курс не подвергся существенным изменениям.

Сохранению атмосферы политической неопределенности и конфронтации в послевыборный период способствовали и болезнь президента, и неуклюжие маневры его администрации. Политические интриги, развернувшиеся вокруг заболевшего президента, длительное время не позволяли ни на минуту расслабиться ни одной из влиятельных политических группировок как внутри самой «партии власти», так и в лагере оппозиции. Что стало едва ли не основным препятствием на пути решения важных текущих и перспективных государственных проблем.

Дальнейшее усиление неудовлетворенности общества результатами политики и практической деятельности властей имели под собой вполне конкретную основу.

Во-первых, большому числу россиян стало ясно, что в период избирательных кампаний 1995–1996 годов их, образно говоря, «водили за нос», агитируя за того или иного кандидата. Большинство российских политиков уже хорошо научилось манипулировать общественным мнением, смело и безответственно раздавать заведомо невыполнимые обещания, называть черное белым, а белое черным и так далее. Уже через несколько месяцев с вершин российской власти покатилась волна дезавуирования предвыборных обещаний. И что самое удивительное и поразительное — триумфаторы избирательных кампаний и политических баталий, судя по всему, считали, что избиратель ничегошеньки не понял и готов снова с раскрытым от восторга ртом ловить новые красивые обещания!

Во-вторых, в обществе и в первую очередь в его активной в политическом отношении части видели, что колоссальные финансовые и материальные средства, брошенные в топки избирательных кампаний, послужили в итоге не общенациональным интересам, а на благо определенных лиц или узкокорпоративных группировок, на закрепление непопулярного курса реформ. Предвыборные обещания оказались «мыльным пузырем». Последовавшая полоса разоблачений всякого рода нарушений в ходе выборов и махинаций с денежными средствами убедили избирателя в том, что его просто использовали в избирательных и политических играх.

В-третьих, дела в социально-экономической сфере России по-прежнему обстояли неважно. Обещанное чудо экономической стабилизации и роста снова отложено, вроде бы на 1997 год. Финансово-экономические показатели 1996 года в сравнении с 1995 говорят сами за себя.

По данным Госкомстата, снижение общего объема валового внутреннего продукта (ВВП) России в 1996 году составило около 6 процентов. Падение объемов производства в промышленности составило 5 процентов, в сельском хозяйстве — 3 процента. Темп падения капиталовложений в экономику страны отмечен на уровне 18 процентов. Число безработных возросло на 11 процентов и подошло к цифре 6,6 миллиона человек. Размер чистых (золотовалютных) резервов, по оценке экспертов, снизился с 9 до 1 миллиарда долларов. Объем розничного товарооборота 1996 года уменьшился на 2 процента, платных услуг населению — на 10 процентов. Общий уровень потребительских цен за год вырос в 1,5 раза. При росте номинальных доходов населения в 1996 году в те же 1,5 раза считалось, что реальные доходы населения России остались на позициях конца 1995 года. К достижениям финансово-экономической политики правительства относили снижение до 22–24 процентов инфляции в годовом исчислении.

В-четвертых, как подчеркивали большинство независимых экономистов, состояние финансово-экономической сферы России пока не давало оснований для оптимизма. Негативные процессы и тенденции в российской экономике, по всем признакам, сохраняли почву для своего развития и в 1997 году.

По-прежнему острой оставалась проблема неплатежей. Временами казалось, что она стала законом экономической жизни нашей страны и общества. Рост неплатежей в 1996 году продолжался. Бюджетная задолженность по зарплате в октябре 1996 года выросла в 74 субъектах Федерации из 89. На начало октября того же года недоимки по платежам в бюджет составили 100 триллионов рублей, а вся суммарная просроченная задолженность предприятий и организаций приблизилась к 500 триллионам рублей.

Вплотную к этой проблеме примкнула другая — уклонение от уплаты налогов. По некоторым оценкам, в 1996 году от уплаты налогов было сокрыто не менее 80 триллионов рублей.

Возрастал государственный долг. Его внутренний объем приблизился к отметке 250 триллионов рублей, или 50 миллиардов американских долларов. (В бюджете 1997 года этот долг еще более возрастет). Не менее острой и опасной для национальной экономической безопасности оставалась проблема бегства капитала за рубеж и дальнейшей долларизации финансово-экономической сферы. Оценки размеров этого бегства — различные: от 30 до 50 миллиардов долларов в год. Кроме того, промышлявшие на территории России представители ближнего и дальнего зарубежья уносили к себе на родину еще 120–130 триллионов рублей.

В-пятых, чувство патриотизма. Какие бы трудности экономического плана не переживало российское общество, для каждого россиянина важное значение имеют вопросы престижа государства, его места в современном мире, отношения к нему со стороны других стран и народов. Россиян по-настоящему беспокоит скатывание России на позиции третьеразрядного государства. А для такого беспокойства имелись все основания.

1996 год в истории России стал этапным: исполнилось пять лет российской независимости, пять лет СНГ и столько же — российским реформам. Это срок, когда уже нельзя все свои неудачи и просчеты относить только на счет прежнего «тоталитарного прошлого». Что стало со страной за годы перестройки? На этот вопрос общество уже вправе спросить ответ с российских властей. Представляется уместным подвести некоторые итоги этой «пятилетки».

По ресурсам России нет равных в мире. Валовая потенциальная ценность разведанных и предварительно оцененных запасов полезных ископаемых в нашей стране в мировых ценах составляет 28,6 триллионов долларов, прогнозный потенциал — 140 триллионов долларов. Даже после распада СССР Россия владеет примерно 15–20 процентами мировых разведанных запасов нефти, 42 процентами газа, 43 процентами угля, 25 процентами мировых запасов древесины. Мы осуществляем 11 процентов мировой добычи нефти, 28 процентов газа, 14 процентов угля, 25 процентов алмазов. В то же время Япония, например, зависит от иностранных энергоресурсов на 82 процента, Германия и Франция — на 50–52 процента, США — на 23 процента.

Однако, обладая примерно четвертью всех энергоресурсов планеты, Россия пока не смогла воспользоваться этим преимуществом

в интересах национального развития, неуклонно скатываясь в последние годы на позиции должника развитых государств мира. Ее внешний долг составил на конец 1996 года 130, а по другим данным — 150 миллиардов долларов.

О современном положении России в мире в сравнении с бывшим Советским Союзом красноречивее всего могут говорить следующие данные.

Унаследовав больше 50 процентов территории и населения бывшего СССР, Россия в 1996 году производила менее 30 процентов от его валового внутреннего продукта и 20 процентов продукции союзного промышленного производства. За 1990–1995 гг. сельскохозяйственное производство Российской Федерации сократилось на 40 процентов, продукция машиностроения — на 70 процентов. Падение производства в военно-промышленном комплексе составило 90 процентов. Размер капиталовложений в сопоставимых ценах упал на 80 процентов.

Экономические, военные и, следовательно, геополитические позиции России в мире достаточно наглядно характеризовались следующими показателями 1996 года.

Объем российского производства составлял всего лишь 2 процента от мирового. Для сравнения: США — 25 процентов, Япония — 16 процентов, Китай — 8 процентов, Германия — 6 процентов. Военные расходы России составляли 4 процента от всех военных расходов мира. Для сравнения: расходы США составляли одну треть от мировых, а вместе с их союзниками — 60 процентов, США финансировали более 60 процентов всех военных НИОКР мира. Российские вооруженные силы «тянули» на 6 процентов в мире.

По размерам ВВП Россия опустилась во вторую десятку наиболее развитых стран мира. Впереди нее — США, Китай, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Канада, Индия, Бразилия и Индонезия. Обладая квалифицированной рабочей силой и значительным научно-техническим потенциалом, а также огромными природными ресурсами, Россия тем не менее стала бедным государством, оказавшись на 45-м месте в мире по величине ВВП на душу населения.

Только по официальным данным, на экспорт шло в 1996 году 40 процентов добываемой российской нефти, 30 процентов газа, 40 процентов от общего производства аммиака, 50 процентов

синтетического каучука, 70 процентов рафинированной меди, более 80 процентов никеля, 63 процента проката черных металлов, почти 80 процентов минеральных удобрений. В то же время экспорт продукции российского машиностроения гражданского назначения продолжал сокращаться и его доля в общем объеме российского экспорта упала до 6 процентов к началу 1996 года.

Таким образом, как бы нас не огорчала такая оценка, но факты — упрямая вещь. Процесс деиндустриализации России и превращения ее в сырьевой придаток высокоразвитых стран мира является очевидным и печальным фактом жизни общества и государства. По существу, есть все основания говорить о потере в значительной мере на государственном и ведомственном уровнях управления экономикой России, ее уничтожения и, как следствие, — сползание страны в крупномасштабный хронический кризис. Не замечать этого и не понимать — просто невозможно.

В-шестых, можно утверждать, что многие граждане России вроде бы смирились с неспособностью властей обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность страны, защитить общество от внутреннего криминального беспредела, от угроз, исходящих из горячих точек ближнего и отчасти дальнего зарубежья. Криминал, во всех его крайних проявлениях, стал чуть ли не главной особенностью российской действительности.

Преступность продолжает подтачивать все еще слабые правовые опоры российского государства, настойчиво и изобретательно внедряется в политическую систему и органы государственного управления, стремится подчинить своим жадным интересам не только финансово-экономическую и политическую, но уже и духовную жизнь государства и общества. И конца этому не видно.

В-седьмых, у россиян не вызывают чувства гордости и надежды Вооруженные Силы Российской Федерации. О тяжелой ситуации в армии уже сказано и написано столько, что трудно еще что-либо добавить. Может быть, есть смысл повторить известную сентенцию о том, что «народ, не желающий кормить свою армию, будет вынужден кормить чужую». Россия уже кормит чеченские вооруженные формирования. Если так будет продолжаться и дальше, обязательно появятся и другие «едоки». Конечно, военные вопросы не так просты, как это представляется иным доморощенным стратегам, не

прослужившим и года в армии, но претендующих на обладание истиной в этих делах.

Столкнувшись на практике с резким обострением бюджетного кризиса и разрушением системы национальной безопасности, государственная машина мобилизуется не на устранение причин, связанных с ошибками макроэкономической политики, а на борьбу с симптомами. При этом главным направлением борьбы становится поиск «крайних». Как, например, вынесение «смертных приговоров» неплательщикам налогов специально для этого учрежденной Временной чрезвычайной комиссией (ВЧК). Требуя «казни» крупнейших производственных предприятий, ВЧК удивительным образом не обращает внимания на куда более значительные преступления привилегированных коммерческих структур, нарушениях ими норм валютного контроля, а также колоссальные махинации по резервированию и прокачиванию бюджетных денег через привилегированные банки, на сокрытие доходов от владения государственным имуществом и распоряжением миллиардными валютными резервами государства.

Существуют оценки, согласно которым в 1996 году были истрачены последние остатки экономического «жирка», проедавшегося на протяжении последних лет. Ресурсы для перераспределения капитала из базовых отраслей экономики в финансовый сектор из-за их развала были фактически исчерпаны. Центр, по-видимому, уже был не в состоянии при помощи финансовых рычагов серьезно повлиять на ситуацию в регионах в случае ее резкого обострения. Поэтому, как полагают, 1997 год для экономики мог стать решающим: или правительство найдет способы и источники оживления национального производства и заложит базу для его роста, — тогда дела постепенно пойдут на лад, или же ему придется пойти на ужесточение крайних мер для наполнения и исполнения бюджета. В этом случае экономические и политические перспективы российского государства будут еще более непредсказуемыми.

Обозначенные проблемы свидетельствуют, что 1997 год для России, в первую очередь для основной массы ее рядовых граждан в социально-экономическом, и в политическом плане будет не менее сложным, чем предыдущий. Достаточных резервов у правительства, похоже, не имеется, долги по всем направлениям не сократились,

ожидать подъема национального промышленного и сельскохозяйственного производства без серьезных капиталовложений не приходится, так как воздействие политических и экономических факторов, разрушающих российскую экономику, не блокировано. Что касается политической ситуации в стране, то в силу известных причин она вероятнее всего по-прежнему будет развиваться по принципу маятника: от временной стабилизации до очередного подъема общественного недовольства и наоборот.

Жизнь в России во втором полугодии не внесла существенных изменений в традиционную расстановку основных политических сил. Их соотношение объективно отражал тогдашний состав Государственной думы. Политические группировки и движения, приравнивающие себя к «партии власти» — «Наш дом — Россия», «Демократический выбор России» и другие — да и сама исполнительная власть растеряли часть своих сторонников, а сторонники левой ориентации сохранили и даже несколько укрепили свои позиции в обществе. Об этом свидетельствовали результаты выборов глав администраций в ряде краев, областей и других субъектов Российской Федерации. Там победителями оказались кандидаты, поддержанные оппозицией.

Незамеченные избирательные кампании. Выборы глав республик и губернаторов в 52 субъектах Федерации, представительных органов власти в 26 регионах, а также многочисленные выборы в муниципальных образованиях, состоявшиеся в 1996 году, могли существенным образом изменить в стране политический баланс сил, обозначить новые отношения федеральных и региональных руководителей.

Избрание органов представительной власти, глав администраций городов и районов, начало их деятельности в целом подтвердили прогностические разработки о возможности перераспределения власти на уровне регионов.

До последнего времени губернаторы, за исключением тех, где прошли выборы в 1993 году, назначались президентом, а главы местных администраций — губернатором. Таким образом существовала четкая иерархическая пирамида власти, при которой каждый ее уровень полностью зависел от вышестоящего.

Пройдя через процедуру выборов, губернаторы, казалось бы, получили полноту исполнительной власти в своих регионах. Однако с избранием глав муниципальных образований произошло перераспределение власти еще ниже к «муниципалам», которые уже могли противостоять губернатору в своих требованиях, исходя из своих полномочий, согласно тому мандату, который они получили от избирателей. Этот процесс затронул не только внутреннюю жизнь регионов, но и имел существенное значение для всей общенациональной системы власти.

Складывалось впечатление, что передача полномочий на более низкий уровень означает сдачу власти федеральным центром, однако тщательное изучение этого процесса позволило констатировать, что на местах появился реальный противовес губернаторам, с помощью которого из центра можно воздействовать на глав субъектов Федерации. Так, например, выборы мэров крупных городов Свердловской области привели к довольно резкой смене отношений последних с региональными властями, что заставило губернатора Эдуарда Росселя всерьез задуматься об укреплении вертикальной исполнительной власти.

Правящие элиты почувствовали это не только в Екатеринбурге. Например, при выборе глав муниципальных образований Ярославской области они старались поддержать только тех, кто определенно входил в команду губернатора. Причем администрация Ярославской области проявила! поразительную настойчивость в том, чтобы в районах и городах руководителями стали лояльные лица. Эта цель была достигнута благодаря тому, что прежние руководители районов были назначены губернатором и к выборам это были «свои» люди, с которыми областная администрация могла конструктивно работать.

Таким образом, общая стратегическая линия областной администрации на муниципальных выборах заключалась в сохранении основного состава районных глав, в их поддержку была развернута пропагандистская выборная кампания.

Региональные избирательные кампании 1995–1996 годов показали растущую политическую активность директоров крупных промышленных предприятий. Показательными в этом плане были выборы в Ярославскую областную Думу и в Архангельское областное собрание. Сформировавшиеся «группы интересов», в отличие от

предыдущих выборов, пожалуй, впервые повели серьезную борьбу за депутатские мандаты. Выборы показали возросшую организованность и социально-политическую зрелость кандидатов.

Директорский корпус Архангельской области принял самое активное участие в выборах: около сотни его представителей были зарегистрированы кандидатами в депутаты собрания, баллотируясь практически по всем округам области. Из 33 вновь избранных депутатов областного собрания, по крайней мере 9 — из прежнего состава. Одиннадцать представляли два центра области — города Архангельск и Северодвинск, 7 — руководители крупных производственных структур, 6 — лица, занятые в сфере здравоохранения, 5 — «администраторы», то есть главы муниципальных образований, руководители структурных подразделений областного Собрания предыдущего созыва.

Обратите внимание — ни одного «чистого» политика!

Выборы в Ярославскую областную Думу также показали, что в области доминировала всего одна политически влиятельная группа интересов, на порядок превосходившая все остальные — «директорский истеблишмент». Причем эта, контролировавшая экономику региона группа находилась в нормальных рабочих отношениях с администрацией области. Из 49 вновь избранных депутатов областной Думы 12 — директора крупнейших промышленных предприятий области, 7 — директора аграрных и агропромышленных предприятий, 4 — руководители крупных коммерческих структур.

Без преувеличения вновь избранный корпус депутатов Ярославской областной думы можно назвать «советом директоров»: около 50 процентов от избранных депутатов — руководители предприятий, причем в подавляющем большинстве это «первые лица» крупнейших промышленных структур области.

Здесь тоже ни одного «чистого» политика. Это важный симптом — впервые с начала демократических реформ в представительные органы не попадают записные ораторы и краснобаи.

Региональные выборы 1995–1996 годов высветили весьма важную тенденцию, которую условно можно назвать деполитизацией региональных элит. Эта тенденция состоит в том, что «хозяева регионов» все больше отходят от идеологии и риторики московской

политической элиты, ставя во главу угла свои конкретные региональные интересы и проблемы, нисколько не заботясь об их общественно-политической интерпретации. Региональные лидеры начали все больше осознавать перспективность имиджа хозяйственника-практика, не играющего в политику, а занимающегося делом.

Так, в период избирательной кампании по выборам губернатора Санкт-Петербурга Владимир Яковлев неизменно подчеркивал, что он, в отличие от Анатолия Собчака, хозяйственник, а не политик. Такая же стратегическая линия разыгрывалась на губернаторских выборах декабря 1995 года главами администраций Ярославской, Томской, Оренбургской, Омской областей.

Выборы губернатора Санкт-Петербурга выглядят наиболее показательными с точки зрения процесса перегруппировки властных элит. Несмотря на победу в первом туре выборов А. Собчака (29 процентов голосов), его бывший заместитель Владимир Яковлев со своей коалиционной командой одержал победу в ходе итогового голосования. Решающее значение имел для В. Яковлева практически единодушный призыв кандидатов, перешагнувших пятипроцентный рубеж, отдать за него голоса. Таким образом, помимо чисто административных ресурсов влияния на электорат, которых у бывшего первого заместителя мэра было достаточно, ему также удалось создать коалицию сразу на двух прочных основаниях: политическом и административно-хозяйственном — директорский корпус, «дружественная» бизнес-элита, отдельные представители управленческого звена.

Анализ итогов голосования показал, что Владимир Яковлев получил большую поддержку, нежели Анатолий Собчак, в так называемых «спальных» районах, где проживают в основном работники кризисных отраслей производства, прежде всего ВПК. Там В. Яковлев собрал более 50 процентов голосов. Аналогичны итоги и в пригородной части Петербурга, административно входящей в состав северной столицы. Более 50 процентов голосов Яковлев получил в районах, где традиционно сильны оппозиционные настроения, весомы позиции коммунистов.

А. Собчак был поддержан в основном избирателями центральной части Петербурга: творческой интеллигенцией, студентами,

служащими, некоторой частью пенсионеров.

Победа В. Яковлева в Санкт-Петербурге стала продолжением закономерности, когда власть демократической элиты «образца 1991 года» сменяется на власть «крепких хозяйственников».

Приход новой управленческой команды политологи прогнозировали следующим образом. Радикальные демократы-управленцы постепенно уступят место профессионалам-прагматикам, для которых хозяйственная риторика займет первое место, а собственная политическая проблематика окажется второстепенной.

В отличие от региональных элит, на политическом горизонте Кремля не появилось ни одной новой яркой политической личности, способной аккумулировать внимание на своей фигуре как потенциальном лидере государства. Все те же аналитические прогнозы и упражнения вращались вокруг хорошо известных лиц — В. Черномырдина, Ю. Лужкова, А. Лебедя, Г. Зюганова, Е. Строева, А. Чубайса, к которым стали добавлять фамилии некоторых относительно удачливых региональных лидеров — К. Титова, Д. Аяцкова, Б. Немцова и других. Хотя в последнее время в коридорах власти появились представители крупного российского бизнеса — В. Потанин, Б. Березовский — время их выхода на первые роли в государстве тогда еще не пришло, но пристрелка уже проводилась.

Какие особенности в политической жизни России 1996 года могли повлиять на ее развитие в ближайшие год-полтора? По мнению аналитиков, в первую очередь, на что следовало бы обратить внимание,
— продолжающееся постепенное наращивание потенциала сил левой и государственно-патриотической ориентации в Федеральном Собрании: все места заняли не назначенцы, а избранные президенты и губернаторы, значительную часть из которых по тем или иным основаниям можно считать более близкой к КПРФ или НПСР, нежели к президенту и его администрации.

Казалось, что именно этот процесс определит политическую тактику оппозиции — пройти спокойно весь избирательный цикл в регионах и по его результатам сориентироваться в дальнейших действиях, организовать ли давление на исполнительные власти для реализации своих политических целей с парламентских позиций, или повести наступление только с регионального уровня. Таким образом,

предполагалось нормальное, легитимное, может быть, временами острое и неоднозначное развитие политического процесса в России.

Вторая особенность развития политической ситуации будет заключаться в постепенном усилении самостоятельности регионов, переосмыслении идеологии взаимоотношений территорий с Москвой и понимании необходимости большей опоры на собственные силы и ресурсы в решении жизненных проблем. По оценкам ряда аналитиков, развитие этих процессов могло в итоге оказать положительное влияние на развитие экономики страны, конечно, при условии, если центр не увидит в этом явлении угрозы своим позициям и единству России. Роль центра в этом процессе должна быть очень деликатной и конструктивной, а в регионах также должны определить, где пройдет граница их полной самостоятельности.

Следующий момент связан с двумя первыми: появление в результате избирательной кампании в регионах новых лидеров, обладающих жизненным, политическим и административно-хозяйственным опытом, способных, действуя более самостоятельно, с учетом знания местных условий и здравого экономического смысла, создать предпосылки для налаживания нормального экономического развития.

Конечно, предупреждали прогнозисты, многое здесь будет зависеть от личности новых руководителей, от их устойчивости к соблазнам рынка, честности и порядочности, мотивации их деятельности, в том числе от степени приверженности их идеям державности и чувства долга перед своими согражданами.

Соединение усилий таких руководителей с деятельностью государственных и национально ориентированных акционерных и частных экономических структур регионов могло бы, по-видимому, дать весьма положительные результаты. Конструктивная роль центра в этом процессе могла бы заключаться в том, чтобы не мешать налаживанию такой работы и по возможности поддерживать ее.

Следует отметить и появление признаков размежевания интересов между группировками финансистов и промышленников на федеральном и на региональном уровнях. С июля 1996 года начался «прорыв» влиятельной группы представителей новой российской финансовой олигархии в состав высших органов государственного

управления — администрацию президента, правительство, Совет безопасности.

Используя свое растущее влияние на исполнительные структуры федеральной власти, а где возможно, и особую близость с высшими государственными чиновниками, лидеры финансового сектора российской экономики развернули планомерную и успешную кампанию по установлению контроля над важнейшими отраслями экономики.

Финансовые воротилы, действовавшие в последнее время во все более тесной связке с рядом российских компаний сырьевого бизнеса, «отсасывают» на себя значительную часть скудных бюджетных средств, ограничивают источники внутреннего производства (хорошего рынка для производителей в стране не существует), создавая тем самым дополнительные трудности для развития экономики России. И это не может не вызывать нарастания противоречий между финансистами-сырьевиками и промышленниками. Этот процесс, по прогнозам, будет развиваться и дальше, особенно если учесть приход к руководству в ряде промышленных регионов политиков-государственников.

Аналитики также обратили внимание на еще одну особенность развития политической ситуации в России: в 1996 году продолжился процесс структуризации политических сил и их перегруппировка. Причем он имел определенную направленность: заблаговременную подготовку к следующим парламентским и президентским выборам — очередным или внеочередным. Ряд известных общественно-политических движений пытались придать своей работе более строгие и целенаправленные формы. Например, приобрести статус политических партий хотели «Наш дом — Россия», «Демократический выбор России», «Яблоко» и другие, общественно-политические движения.

Отдельные политические деятели, как А. Лебедь, предприняли попытки сформировать собственные партийные структуры. КПРФ, НПСР, ЛДПР — уточняли и корректировали свои программы и политическую стратегию на ближайшую перспективу.

Конгресс русских общин и другие некогда влиятельные организации в целях политической реанимации лихорадочно искали новые притягательные идеи.

Значение этого процесса в том, что он отразил продолжавшиеся поиски политически активной частью российского общества выхода из сложившейся тупиковой ситуации, в которой пребывала России. Только одни видели выход в сохранении с небольшими коррективами существовавшего экономического и политического курса страны, другие — в отказе от навязанной России чисто западной модели развития и переводе его на реальную российскую почву.

Во всех без исключения аналитических исследованиях подчеркивалось, что на деятельность политических партий и движений, а также политических лидеров различных уровней по-прежнему большое влияние будет оказывать способность президента Б. Ельцина восстановиться после болезни и взять под свой личный, а не аппаратный контроль наиболее важные линии и рычаги государственного управления. К сожалению, констатировали эксперты, деятельность президента после его возвращения в Кремль 14 декабря 1996 года не давала оснований говорить о его готовности и решимости внести нечто новое в стратегию реформ и тактику их реализации.

Именно расчет на сохранение достигнутого уровня политической стабильности и постепенное улучшение экономической ситуации с одновременным усилением звучания державных нот во внутренней и внешней политике России был одним из главных мотивов выбора россиянами Б. Ельцина на второй президентский срок.

Отсутствие откровенного, серьезного и непрерывного диалога властей со своими гражданами по проблемам развития страны вызвало у многих россиян ощущение брошенности, дефицита в стране государственной воли, грозившей России национальной катастрофой и утратой ею последних признаков великой державы.

Нет ничего хуже, обиднее и опаснее для общества, чем утрата гражданами ощущения национального самоуважения, надежды на обещанную политическую и социальную стабильность.

Отсюда стремительное нарастание разочарования в обществе после завершения президентских выборов.

Опросы, проведенные в конце 1996 года, показали: у значительной части россиян, отдавших 3 июля свои голоса Б. Ельцину (это более 40 миллионов человек или 53,82 процента от общего числа принявших участие в голосовании), усиливалось ощущение дезориентированности, оболваненности и безысходности. Увы, большинство предвыборных

обещаний кандидата-победителя оказались невыполнимыми. Если что и стало меняться после выборов, так только в худшую сторону.

Бюджет-96 оказался полностью провален. Финансовая катастрофа, выразившаяся в неспособности правительства собрать и половину налогов, вынудила Международный валютный фонд демонстративно отказать Москве в предоставлении очередного (шестого) транша кредита в размере 340 миллионов долларов. По оценкам ряда российских специалистов, экономика страны во многом стала жертвой предвыборного популизма. На ее состоянии сказались огромные, по некоторым оценкам до четырех миллиардов долларов, затраты на проведение президентской избирательной кампании. Гигантские средства поглощала война в Чечне и последовавшее «восстановление» инфраструктуры этой республики.

И все же, отмечая, что Россия превратилась за годы демократических реформ в чудовищный и круто криминализированный ералаш, большинство аналитиков сходились во мнении: что бы там ни говорили о Б. Ельцине, именно он является тем единственным крупным политиком России, который еще способен упредить неблагоприятное развитие политического процесса в стране, взяв на себя инициативу по внесению назревших корректив в курс преобразований. Логика рассуждений была такая: отойдя на время болезни от активных государственных дел, восстановив в результате успешной операции на сердце свой жизненный потенциал и получив некоторую возможность понаблюдать за развитием страны как бы стороны, Б. Ельцин мог бы начать новый этап своего активного президентства с открытого и честного анализа причин негативных итогов, с провозглашения программы действий, направленных на оздоровление жизни в стране и восстановление ее авторитета в мире.

Бедная Россия: рядом с монументальной, хотя и серьезно пошатнувшейся фигурой Б. Ельцина не было ни одной другой, на которой мог бы остановить свой стосковавшийся взгляд изверившийся электорат. И это — при бесчисленной армии претендентов на спасение Отечества.

Глава 3
СХВАТКА ГЕНЕРАЛОВ

Хитроумный замысел. — Лебедь предает своих. — На кремлевском Олимпе. — Лебедь останавливает войну в Чечне. — Диссидент из «партии власти». — Схватка генералов: Лебедь против Куликова. — Временное перемирие. — Изгнание Лебедя из Кремля. — Заокеанские смотрины. — На кого делать ставку?

Осенью 1996 года вследствие болезни Б. Ельцина было искусственно создано безвластие, для этого у окружения президента были веские доводы.

Испытанные в прошлом приемы управленческой деятельности, в основе которых лежала тактика сдерживания и противовесов, требовавшие незаурядных способностей и абсолютного владения ситуацией, оказались не по силам хворавшему Б. Ельцину. Противоборство влиятельных сил внутри президентской власти вылилось в скандальные публичные разборки, сопровождавшиеся выносом на суд общественности ранее тщательно оберегаемых теневых сторон деятельности представителей политической элиты.

Интересы самосохранения выдвинули на первый план задачу наведения порядка и укрепления дисциплины в структурах исполнительной власти.

Первый шаг в этом направлении — освобождение с занимаемых государственных постов непредсказуемого, слабоуправляемого и чрезмерно амбициозного А. Лебедя. Так продемонстрировал президент свою решимость избавляться от инакомыслия в собственных рядах и снял напряженность противостояния в верхних эшелонах исполнительной власти. Идеи «сплочения» и «консолидации» во властных структурах стали доминирующими.

Ну, а поскольку А. Лебедь вне стен Кремля стал не менее опасен президентской власти, был дан ход представленным в Генеральную прокуратуру министром внутренних дел А. Куликовым документам, «изобличавшим А. Лебедя в стремлении к насильственному захвату власти». Началась активная следственная работа по делу бывшего

секретаря Совета безопасности РФ. Как сообщалось в печати, прокуратурой были получены и задокументированы свидетельские показания в пользу выдвинутого обвинения.

Были выделены в отдельное делопроизводство материалы и в отношении неожиданного союзника А. Лебедя — генерала А. Коржакова, правда, в основном по фактам разглашения служебных сведений. Аналитики прогнозировали: если Генеральный прокурор Ю. Скуратов станет активным игроком в президентской команде, то развернувшиеся сражения на уголовно-процессуальном уровне смогут заметно снизить активность А. Лебедя на политическом фронте. На большее здесь властям рассчитывать не приходилось, поскольку даже неискушенному в политических интригах обывателю была очевидна истинная подоплека происходившего и его симпатии были скорее всего на стороне обвиняемого.

Вторым ходом было создание так называемой «постоянной четверки» — Консультативного совета при президенте РФ. Это своего рода реверанс в сторону Госдумы, призванный убедить, думскую оппозицию отказаться от инспирирования противостояния двух ветвей власти и склониться к более приемлемому в сложившейся ситуации для Кремля варианту кулуарного согласования интересов. С другой стороны, Консультативный совет давал А. Чубайсу, представлявшему в нем президента на время его болезни, возможность играть на возникавших между правительством и палатами Федерального собрания противоречиях.

Третий шаг — новый виток борьбы президентской власти за влияние в регионах, объявленный в ходе проведенного А. Чубайсом совещания по проблеме совершенствования контрольной функции государства за соблюдением Конституции РФ и федерального законодательства государственными органами и органами местного самоуправления. Им предложено создать специальный орган, контролирующий территориальное законотворчество. При недостаточных финансовых возможностях государства и набиравшем силу процессе фактического выхода избранных в регионах губернаторов из-под прямой зависимости от президента, оставался единственный механизм влияния — судебный. Можно было предположить, что когда будет запущен механизм такого контроля,

первые не только экономические, но и юридические санкции падут на те территории, где Кремль проиграл губернаторские выборы.

Одновременно велась целенаправленная индивидуальная работа с влиятельными лидерами субъектов Федерации. Умеренное содействие в этом администрации президента оказывал председатель Совета Федерации Е. Строев.

В информационно-аналитических кругах, обслуживавших политическую и финансовую элиту, активно муссировался вопрос о предпринимавшихся А. Чубайсом мерах, направленных на сближение с Ю. Лужковым.

Планировавшееся совместное участие московского мэра и руководителя президентской администрации как «старшего от правительства и Федерального собрания» на церемонии закладки атомной подводной лодки «Москва» — жесткий расчет и, бесспорно, личная политическая инициатива А. Чубайса.

Характер взаимоотношений между А. Чубайсом и Ю. Лужковым дестабилизировал обстановку в пропрезидентских кругах, поэтому стремление главы президентской администрации найти основу для союза с московским мэром объяснимо. Ю. Лужкову могли быть предложены условия, на которых он должен был занять позицию, более всего устраивавшую команду А. Чубайса.

В этой связи внимание привлекала активность А. Чубайса в тех регионах страны, в которых столичные власти имели свои экономические интересы. Так, обставленный очень торжественно официальный визит в Санкт-Петербург завершился его широкими обещаниями помочь городу с финансированием строительства метро, согласием взять под личную опеку Национальную библиотеку. Накануне своего визита в Архангельск, где в разгаре была кампания по избранию нового губернатора области, обещал решить проблему выплаты федеральной задолженности местным предприятиям.

Подхваченная прессой, хотя и опровергавшаяся официальными властями тема о начале новой предвыборной гонки в связи с болезнью Б. Ельцина и малой вероятностью его возвращения к активной политической деятельности все же, как сейчас выясняется, имела под собой реальную основу.

Спустя два года появились свидетельства того, что ближайшее окружение президента приступило к практической подготовке

возможной смены власти. По имевшемуся плану, кандидатом на пост президента становился В. Черномырдин, победа которого должна была обеспечиваться всеми доступными средствами и любыми способами. Чубайсу отводилось место премьер-министра с фактически неограниченными полномочиями.

О начале предвыборной кампании свидетельствовала и непривычная откровенность В. Черномырдина перед тележурналистами. Это давало политическим обозревателям возможность сделать вывод: если сверхосторожный премьер-министр решился на публичную рекламу, то вероятность новых досрочных выборов велика.

Характерно, что появление премьер-министра на экранах канала НТВ с гармошкой в руках и в домашних шароварах совпало по времени с заявлением пресс-секретаря президента о том, что Б. Ельцин отменяет все рабочие встречи в связи с завершающейся стадией подготовки к операции.

В соответствии с указаниями А. Чубайса, контролируемые им и его сторонниками средства массовой информации готовили акции, направленные против наиболее возможных конкурентов. Продолжалась кампания по дискредитации А. Лебедя, отсечению от него потенциальных сторонников и его полной изоляции, в первую очередь информационной. Характерно в этом отношении высказанное В. Черномырдиным в узком кругу убеждение в том, что попытки банковских структур поддержать А. Лебедя окончатся крахом их самих. Тогда же была допущена утечка информации о том, что руководство финансовой группы «Мост» приняло решение об отказе в помощи возможной предвыборной кампании бывшего секретаря Совета безопасности РФ.

А. Чубайс и его команда лихорадочно пытались использовать ситуацию для укрепления своих властных позиций. Шли кадровые перестановки, принимались решения, которые давали основание аналитикам говорить о скрытом политическом перевороте.

Назначение на должность заместителя секретаря Совета безопасности РФ предпринимателя Б. Березовского вызвало острую полемику в общественно-политических кругах и на страницах прессы. Переход крупнейшего финансиста и фактически хозяина огромной

информационной империи в новое для него качество действительно вызывал вопросы. Что за этим кроется и кому это нужно?

Это назначение спровоцировало новый виток конфронтации властей. Председатель Госдумы Г. Селезнев заявил о своем отказе участвовать в работе Консультативного совета при президенте РФ, в деятельности которого была заинтересована президентская команда.

К тому же Б. Березовский был известен как заинтересованное лицо в продолжении военной кампании в Чечне и противником заключенных А. Лебедем Хасавюртовских соглашений. Поэтому заместитель секретаря Совета безопасности РФ вносил определенную долю сомнений в желании властей идти по пути мирного урегулирования конфликта, что также не отвечало интересам Кремля.

Кроме того, репутация Б. Березовского была сильно подмочена сомнительными операциями возглавляемого им «ЛогоВАЗа», неудачным участием в развитии отечественной автомобильной индустрии и, как намекали газеты, криминальными историями, в числе которых указывалось дело тележурналиста В. Листьева. Грандиозный скандал разразился в связи с его гражданством Израиля.

Никто из ответственных государственных лиц, да и сам Б. Березовский, не могли внятно сформулировать для общественности, какие же функции конкретно он должен выполнять. Даже премьер-министр предположил (?!), что новый заместитель секретаря Совета безопасности будет ведать вопросами взаимодействия государственных структур и бизнеса, что вообще не было предусмотрено положением о СБ.

Назначение Б. Березовского представляло собой серьезный аргумент в пользу мнения о личных властных амбициях тогдашних первых руководителей государства. Единственное, в чем аналитики были едины — появление нового члена Совета безопасности затрагивало интересы Б. Ельцина. Было очевидно, что это назначение продиктовано чисто политическими обстоятельствами, и за ним стоял лично А. Чубайс, который готовился к решительным политическим схваткам.

Постойте, а возможны ли были внеочередные выборы?

Внимательное прочтение Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод, что внеочередные выборы президента страны возможны только в случае его смерти или в случае его собственной

отставки. Статья 92 части 2 Конституции предусматривает прекращение исполнения полномочий президента также в случае «стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия». Однако упоминание в части 3 этой же статьи о конституционном праве председателя правительства во всех случаях временно исполнять обязанности президента РФ, наряду с отсутствием в законодательстве четкого механизма признания «стойкой неспособности» президента, означает на деле сколь угодно длительное исполнение его обязанностей, то есть фактическое регентство.

Процедура временного исполнения обязанностей президента потенциально выгодна как председателю правительства, так и Государственной думе (по Конституции в этом случае они не имеют права распускать друг друга).

При взаимных уступках, стремлению к компромиссам и возник на самой беспринципной основе альянс подчиненного президенту правительства с думской оппозицией.

Мало кто в стране верил, что здоровье, а следовательно, дееспособность президента в таком возрасте может резко улучшиться. Все эти обстоятельства позволяли предположить о возможности проведения, начиная с весны 1997 года, внеочередных выборов. По крайней мере, один из всех известных претендентов на президентский пост, генерал А. Лебедь, возлагал надежды на внеочередные президентские выборы в феврале 1997 года.

Не каждый претендент должен публично признаваться в своих намерениях. О них, за редким исключением, говорят все, кроме него самого.

Лишь однажды, да и то относительно короткое время, власть в Российской Федерации была солидарной, консолидированной — в период борьбы с союзным руководством, противостояния с ГКЧП и М. Горбачевым. В 1994 году, когда прошли первые страхи от «недодемократической» Думы, президент и правительство обрели в Иване Рыбкине проводника своих интересов, а спикерство Владимира Шумейко в Совете Федерации предоставило властям возможность свободы в сфере государственного управления.

Президент и правительство, начав войну в Чечне, упустили шансы, предоставленные консолидацией власти для объединения общества, и в скором времени, после выборов 1995 года в Государственную думу,

вынуждены были уступить оппозиции часть власти. Место услужливого В. Шумейко занял дипломатичный и компромиссный Е. Строев, а место И. Рыбкина — неудобный Г. Селезнев, превративший Государственную думу в штаб оппозиционного кандидата на президентских выборах 1996 года. Болезнь президента вызвала потребность в дальнейшем дележе власти, появлении консультативной «четверки».

Первый срок президентства Б. Ельцина характеризовался постоянной, иногда непримиримой борьбой в его окружении, в его собственной партии власти. Эта борьба достигала такого масштаба, что, в интересах самосохранения, некоторые, в прошлом близкие сотрудники президента в начале 1996 года публично настаивали на отказе Б. Ельцина от выдвижения своей кандидатуры на выборах. Как утверждали Е. Гайдар и Г. Бурбулис: «чтобы отнять у коммунистов удобную мишень». Затем, в условиях противостояния с оппозицией, последовал период мобилизации всех сил партии власти. Между первым и вторым турами, как известно, пришлось пойти на дополнительное рекрутирование во власть А. Лебедя. Однако, еще до окончательного решения судьбы президентства в России, схватка между соперничавшими группировками двора привела к новым крупным выбросам, исходам из окружения президента. Это относится к таким фигурам, как О. Сосковец, П. Грачев, А. Коржаков, М. Барсуков, Н. Егоров.

Президент пытался продолжить тактику «разделяй и властвуй», используя в качестве противовеса Черномырдину-Чубайсу своего нового помощника А. Лебедя. Возможно, это как всегда удалось бы президенту, однако частичная потеря его трудоспособности подстегнула быстрое наступление «третьего тура» — борьбы за престолонаследие.

Борьба за наследство Б. Ельцина означала окончательный приговор складывавшейся в течение нескольких лет его партии власти. Отныне между ее основными крыльями были возможны лишь тактические, временные, но не долгосрочные договоренности. В условиях междоусобной борьбы наследников для них стали допустимыми альянсы с вчерашними врагами, с оппозицией, которые подчас оказывались ближе вчерашнего союзника. Один из наиболее парадоксальных примеров — поддержка, оказанная А. Чубайсом и

контролируемым его друзьями телевидением непримиримому антиельцинисту Н. Кондратенко в Краснодарском крае.

Основные контуры новой конфигурации власти в России стали складываться до отставки А. Лебедя. Преимущественные, по Конституции, права премьера на исполнение полномочий президента сделали его, пусть формально, ключевой фигурой и для коллег из партии власти, и для оппозиции. В. Черномырдин балансировал и примирял: с одной стороны, А. Чубайса с его «Выбором России», с другой — КПРФ Г. Зюганова и Думу Г. Селезнева. Пресса по этому поводу злословила о «Чернозюганове» и об идеях «Чубче». Вряд ли у кого были сомнения, что этот союз, хоть и непрочный, создан, главным образом, для удержания на дистанции от стартовых позиций всех других возможных претендентов в борьбе за власть. То есть А. Лебедя и Ю. Лужкова.

До тех пор, пока А. Лебедь исполнял обязанности секретаря Совета безопасности, он был главным диссидентом в самой партии власти, магнитом для недовольных внутри ее самой. С его уходом на эту роль стало некому всерьез претендовать, кроме Ю. Лужкова. Правда, потенциальным выразителем недовольства курсом изнутри партии власти мог бы стать Совет Федерации. Однако Е. Строев не занял активную позицию, он выглядел скорее союзником Ю. Лужкова, чем конкурентом на его роль.

Такое положение Ю. Лужкова — «сидящего на колесе», ожидая своего часа в гонке по вертикали — создавало ему особые возможности именно благодаря беспринципности и непрочности коалиции Чубайс-Черномырдин-Зюганов. Здесь следует отметить возросшую самостоятельность действий регента А. Чубайса, его демонстративный отказ от выхода из членов «Демвыбора России», что при наличии НДР означало претензию на отдельную от В. Черномырдина политическую опору. Ю. Лужков, застрахованный своим феноменальным результатом на выборах мэра Москвы от кремлевских сквозняков и простуд, одновременно и нервировал и расстраивал единство участников правящей коалиции.

Назначение Б. Березовского в Совет безопасности, всколыхнувшее не только общественность, но и уже ко всему привыкшее чиновничество, едва не стало бикфордовым шнуром для подрыва коалиции Черномырдина. Это назначение, неважно, справедливо или

нет, рассматривалось как подтверждение далеко шедших властных устремлений А. Чубайса. Руководству КПРФ, и так явно перебравшему по части конформизма с существовавшей властью, грозила утрата доверия со стороны избирателей. Не исключалось, что В. Черномырдину будет предложено избавить его от претендовавшего на диктаторскую роль регента — демарши Думы, митинги и демонстрации протеста, намек на растущее недовольство военных. И не исключалось, что на том этапе премьер предпочтет союз с Думой и коммунистами союзу с А. Чубайсом.

Момент был чрезвычайно ответственный. Тот из претендентов — В. Черномырдин, Ю. Лужков или Г. Зюганов — кто возглавил бы кампанию по изгнанию Лжедмитрия из Кремля и освобождению Б. Ельцина из «подмосковного Фороса», мог тем самым сделать самую главную заявку на победу на будущих президентских выборах, затмить в сознании избирателя образ изгоняющего бесов А. Лебедя.

Премьер между тем, пользуясь поддержкой разочарованного в А. Лебеде министра обороны, входил во вкус обязанностей Верховного главнокомандующего. Вновь возросла роль МВД, и вполне вероятная отставка А. Куликова, как уже сделавшего свое дело, была отложена на неопределенное время.

В «мозговых центрах» основных претендентов на президентский пост в случае досрочных президентских выборов кипела напряженная работа, тщательно изучались все шансы «за» и против. Эта работа, конечно же, проходила сугубо конфиденциально, и о ней стало известно только некоторое время спустя, когда острота ситуации прошла.

По некоторым расчетам, поражение коммунистов на президентских выборах 1996 года, подтвердивших незыблемость политического режима в России, едва не превратило КПРФ в уходящую политическую силу, неспособную претендовать на высшую, президентскую власть. КПРФ предсказывали роль ведущей партии оппозиции, которая оказывала бы, как Итальянская компартия во времена Берлингуэра или французская при Марше, серьезное влияние на формирование правительства, местной администрации, внутреннюю и внешнюю политику страны, но не больше. Однако все расчеты опрокинул скоропостижный кризис власти после выборов, невозможность или нежелание правительства и администрации в этих

условиях вести наступательную борьбу против изученной и вроде бы удобной в роли противника компартии, что очень быстро привело к возрождению веры руководства КПРФ в свои силы, достижению успешных результатов на выборах глав администраций в краях и областях.

КПРФ и Народно-патриотический союз не могли не выдвинуть вновь кандидатом в президенты Г. Зюганова — тогда, когда это было бы наверняка, то есть досрочно, но, по прикидкам аналитиков, не раньше весны 1997 года. В ожидании «зимних холодов и изматывания противника» тактика КПРФ состояла в одновременном поддержании статус-кво в стране и собственного образа главной и единственной партии оппозиции. В целом коммунистам удалась попытка сохранить под своим началом предвыборную коалицию. Наиболее удобным для КПРФ противником на будущих выборах оставался многолетний премьер В. Черномырдин, что и предопределяло желание сохранить его до выборов во что бы то ни стало. Наоборот, наиболее опасным и непредсказуемым конкурентом КПРФ считался А. Лебедь, в чьей отставке, по некоторым данным, Государственная дума сыграла не последнюю роль.

Обычно коммунисты проявляли сдержанность в оценке деятельности мэра Москвы Ю. Лужкова. Но не приходилось сомневаться, что в случае его выдвижения руководство КПРФ использовало бы все свои организационные, а кое-где и появившиеся у них после губернаторских выборов административные возможности на местах для борьбы с неудобным и сильным соперником. Уже на раннем этапе, в начале 1997 года прогнозировалась вполне возможная конкуренция между Ю. Лужковым и руководством КПРФ за влияние в Совете Федерации, за симпатии избранных губернаторов-оппозиционеров.

Не было никаких сомнений, что А. Лебедь будет участвовать в президентских выборах, когда бы они ни состоялись. Другой вопрос, в каком состоянии подойдет к старту он сам и его экипаж. Успех А. Лебедя на выборах 1996 года явился следствием не только разочарования избирателей традиционными «красными» и «белыми», но и результатом самообмана, в который впали деловые круги, часть связанной с А. Чубайсом новой элиты, в попытке приручить на будущее союзника. Многие были разочарованы, если не напуганы

неблагодарностью генерала, и потому с охотой втянулись в козни против его политического будущего. С другой стороны, пройди выборы в конце 1996 года, Лебедь привлек бы чрезвычайно много голосов. Сам он понимал бренность славы, силу противодействия и потому торопил события. Получалось, что у генерала много было анонимных голосов и мало конкретных, влиятельных сторонников.

Провал всех кандидатов А. Лебедя на губернаторских выборах лишний раз удостоверил, что политическое окружение генерала было чрезвычайно бедно на лица, а его структуры слабы, запутаны, раздирались противоречиями. Заявленное объединение ДПР С. Глазьева, КРО Д. Рогозина и собственно лебедевской «Чести и Родины» в коалицию «Правда *и* порядок» затянулось. Создать свою фракцию, использовать трибуну Государственной думы генерал не захотел или не смог. Можно было заранее ожидать, что любые попытки утвердить ячейки сторонников А. Лебедя на местах или взбунтовать левоцентристские фракции Государственной думы будут жестко пресекаться КПРФ и ее союзниками. А. Лебедь мог бы пойти на партнерство с Г. Явлинским — незапятнанным властью, признанным экспертом в экономике — и сделать таким образом прививку своей поросли в регионах. Вместо этого А. Лебедь демонстрировал близость к А. Коржакову, что, может быть, внешне эффектно, но принесло обоим больше вреда, чем пользы.

В этом, по мнению многих наблюдателей, и есть главная проблема — то есть в самом Лебеде. Он стремится во власть, ради нее готов на что угодно, способен извлекать выгоду из ничтожности своих противников. Но достаточного опыта рутинной политической работы у него не было, желания сформировать команду не из сослуживцев и ординарцев — тоже. Если бы власть и думская оппозиция сделали должные выводы и перестали бы предоставлять Лебедю различные поводы для соискания лавров спасителя страны, его движение вступило бы в полосу отлива. Парадокс именно в том, что все делалось как раз наоборот.

А теперь о клубе кандидатов в президенты. Среди безусловных участников досрочных президентских выборов фигурировали В. Черномырдин, А. Лебедь, Г. Зюганов. Допускалось участие в первом туре Г. Явлинского, В. Жириновского, А. Руцкого, В. Шумейко, а также приправа из экзотических кандидатов — К. Боровой, В. Брынцалов и

другие. Могли бы попробовать свои силы, но скорее всего воздержатся Б. Немцов, А. Чубайс, А. Куликов, Е. Строев, Э. Россель, С. Бабурин, Е. Наздратенко.

По аналогии с президентскими выборами ожидалось, что при таком списке кандидатов неизбежен второй тур с выходом в него Г. Зюганова и В. Черномырдина. Однако не исключалось, что при сохранении имевшихся тенденций в политике и экономике дела могут принять иной оборот, и выбирать во втором туре придется между Г. Зюгановым и А. Лебедем.

Ряд экспертов, и особенно зарубежных, отмечали, что, несмотря на всем известное решительное красноречие В. Черномырдина, он не выглядел человеком, способным найти выход из кризиса. Способность занимать две точки зрения одновременно — за мир в Чечне и территориальную целостность России — приносила ему дивиденды и в Кремле, и в Думе, но никак не улучшала ни качество правительственных решений, ни положение в стране. Руководитель правительства, находившийся на своем посту с конца 1992 года, сам дал публичную оценку своей деятельности, сказав на всю страну: «дальше ехать некуда». Пресса по этому поводу иронизировала, что к моменту выборов мы, видимо, уедем еще дальше, к тому же сомнительно, что оппозиционные кандидаты не напомнят народу о достижениях премьера. Партия власти Б. Ельцина, и без того сокращающаяся, словно шагреневая кожа, сильно рискнет, сделав ставку на победу В. Черномырдина на выборах президента России.

Возможности и влияние А. Лебедя и Г. Зюганова возросли, хотя и не пропорционально, и в разных плоскостях. Г. Зюганов не утратил свой электорат и мог опираться на поддержку избранных губернаторами сторонников Народно-патриотического союза. А. Лебедь совершил положенный подвиг, стал жертвой интриги и заставил о себе спорить с утра до вечера. Досрочные выборы в такой обстановке были бы их шансом, и они оба боролись бы за победу до конца.

Все остальные кандидаты, по мнению наблюдателей, своим участием в гонке будут просто напоминать о себе, зарабатывать приданое для брака между турами. Пресные политические будни западных демократий создают время от времени неожиданный шанс для аутсайдера, «темной лошадки», путающей все прогнозы своим бурным финишем. В ситуации с внеочередными президентскими

выборами в России эти «темные лошадки» способны растолкать и даже обойти группу фаворитов. Но при одном условии. Если в борьбу не вступит Ю. Лужков, который «больше, чем просто мэр».

Верность московского градоначальника президенту была и остается до последнего времени редким явлением для политических нравов пореформенной России. Как постоянная величина, взаимоотношения мэра и президента не раз подвергались испытаниям в 1991, 1993 или 1996 годах, когда решалась судьба Б. Ельцина., Хотя на голову Ю. Лужкова, как гром среди ясного неба, «падал снег», в конце концов президент удерживал своих опричников от сведения на всякий случай счетов с самым могущественным из своих союзников.

До выборов 1996 года Ю. Лужков отвергал всякие подозрения в стремлении занять высший пост в государстве. Какую же позицию он занял после выборов, когда всем стало ясно, что эпоха Ельцина заканчивалась?

Люди в стране сами почувствовали, что выдвижение Ю. Лужкова началось. Вряд ли такая конкуренция обрадовала сторонников В. Черномырдина, Г. Зюганова или А. Лебедя. Многие «мозговые центры» в те дни прокручивали возможные варианты развития событий. В случае дальнейшего раскола партии власти рассматривался даже вариант выдвижения Ю. Лужкова и В. Черномырдина одновременно. Кто победит? Деловые круги Москвы и России оказались бы перед выбором, который они не хотели бы делать. Но. если такое произойдет, аналитики утверждали, что крупнейшие банковские и промышленные структуры сделают обязательную ставку на кандидата Лужкова.

В отличие от неторопливого, осмотрительного Лужкова Лебедь не скрывал своих намерений.

После изгнания из Кремля его имя не сходило со страниц информационных изданий. Одна из основных причин — открыто объявленная им цель на ближайшую перспективу — стать президентом Российской Федерации. Столь серьезная заявка на высший государственный пост подкреплялась его активной политической деятельностью.

Новая команда А. Лебедя в значительной степени отличалась от той, с которой он вел первую предвыборную кампанию. Сам он считал свое окружение достаточно профессиональным. Люди его команды — члены таких организаций и движений, как «Честь и Родина», Конгресс

русских общин, Союз патриотических национальных организаций, «Дорога жизни в XXI век», Российское общенациональное движение, Партия самоуправления трудящихся. С их помощью экс-секретарь Совета безопасности надеялся решить главную для него задачу — создать высокотехнологическую структуру, которая позволяла бы решать вопросы идеологии, различные организационные вопросы, консолидировать политическую платформу. Кроме того, он рассчитывал на поддержку значительной части КПРФ, разочаровавшейся в своем руководстве.

И вот А. Лебедь объявляет о создании новой Российской народно-республиканской партии. Такое решение было принято после того как стало известно о разрабатываемом лидерами КПРФ и ЛДПР законопроекте, согласно которому выдвижение кандидатов в Государственную думу и на пост президента будет осуществляться только от политических партий.

Работа по организационному становлению партии А. Лебедя велась довольно активно, притом как в центре, так и в регионах. В Санкт-Петербурге прошел учредительный съезд партии его петербургских сторонников. Ее костяк составили более ста активистов региональной организации «Честь и Родина». К ним примкнули представители других политических образований, в основном центристской направленности. По заявлению инициатора и организатора съезда Г. Кузнецова, основной задачей партии является объединение тех сил, которые не нашли для себя приемлемых решений в вопросах политической и экономической ситуации в России ни в одной из других политических организаций различной направленности.

За первые дни существования партии в нее вступили 250 человек. А. Лебедь и его штаб в организационном вопросе переняли у коммунистов структуру партийного строительства. В первую очередь формировались региональные отделения с большими правами и полномочиями. Их задача — участие в местных выборах и формировании органов власти, чтобы на федеральных выборах лидер мог опереться на действующую отмобилизованную структуру. Итоговый съезд в Москве был запланирован на февраль 1997 года.

Политологи, обслуживавшие «партию власти», сходились во мнении относительно того, что А. Лебедю придется столкнуться со множеством препятствий в своей предвыборной кампании. Да и не

ясно, состоятся ли досрочные выборы. К тому же в структурах российской политики А. Лебедь не занимал прочного места. Вряд ли он мог рассчитывать и на поддержку большинства региональных лидеров. Слабыми звеньями в его предвыборной кампании могут стать нехватка финансовых средств и низкий рейтинг в проельцинских средствах массовой информации.

Правда, сам Лебедь утверждал, что для проведения президентской кампании он располагает 250 миллионами долларов. Откуда у него столько денег, не распространялся. По мнению некоторых российских аналитиков, самое активное и непосредственное участие в финансировании кампании Лебедя принимали А. Коржаков и О. Сосковец. Его единомышленник, депутат Госдумы А. Головков, говоря о финансировании кампании А. Лебедя, заявил: «Банкиров хватает, а названные двое — лишь некоторые из сотен».

«Сотен» — это, наверное, слишком. По имевшейся у оппонентов А. Лебедя информации, финансовые структуры, поддерживавшие генерала, можно было разделить на три категории. Прежде всего, это те, кто финансировал его депутатскую и президентскую кампании в 1995–1996 годах. Они делали на него главную ставку. Вторая группа поддерживавших А. Лебедя банков колебалась: то оказывала денежную и организационную помощь, то полностью отказывалась от сотрудничества — не исключено, что под давлением. На третью категорию финансовых структур — самую могущественную — А. Лебедь сильно рассчитывал, и от того, на чьей стороне оказались бы эти люди, зависел вопрос о президенте России.

А. Лебедь сообщил также, что его решение вновь выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах одобрил и чемпион мира по шахматам Г. Каспаров, имеющий, по словам генерала, отличные связи в финансовых и деловых кругах Америки. По некоторым сведениям, именно он сыграл большую роль в организации поездки А. Лебедя в США.

А. Лебедь не повторял ошибки Ю. Скокова и охотно давал интервью различным средствам массовой информации, явно рассчитывая на усиление своей популярности среди населения. В одном из интервью он прямо заявил, что 1996 год считает для себя как для политика удачным. Основная цель, которую перед собой ставил, достигнута: война в Чечне прекращена. За столь непродолжительный

период нахождения на посту секретаря Совета безопасности он успел сделать все, что не требует много времени — «все остальное — процессы длительные, тяжелые, рутинные».

Свой уход из президентской команды не рассматривает как неудачу в политической карьере, так как указ о его отставке был подписан больным президентом. По мнению Лебедя, в последнее время на всех указах Б. Ельцина стоит его факсимильная подпись, а готовятся они в кабинете А. Чубайса.

Давая оценку деятельности И. Рыбкина на посту секретаря Совета безопасности, А. Лебедь отмечал, что данная организация утратила свою значимость и ее руководитель иногда просто имитирует активность. Что же касается заместителя секретаря СБ Б. Березовского, то по глубокому убеждению Лебедя, он согласился на эту должность с целью замести следы в Чечне, где в свое время занимался бизнесом. Кроме того, Березовский явно рассчитывает на присвоение значительной части инвестиций, которые могут быть задействованы для возобновления полномасштабного функционирования нефтепровода, проходящего по территории Чечни. Именно этим целям, по мнению А. Лебедя, и были подчинены все последние визиты секретаря СБ в Чечню и на Кавказ.

Характеризуя сложившуюся на тот момент ситуацию в Вооруженных силах России, генерал заявлял, что «армия и силовые структуры доведены до свинского состояния. Лишены хорошего вооружения, боеприпасов, боевой подготовки, денег. У людей отняли все, что можно. А главное, они лишены идеологии». Говоря о министре обороны И. Родионове, А. Лебедь заявлял, что он просто «пересидел» в кресле начальника академии Генерального штаба. Став министром обороны, не сумел разобраться во всех кремлевских интригах и был «подставлен» под сложившуюся ситуацию. В конечном итоге И. Родионов «сломался и сдался», так и не поняв, чего от него ждали офицеры и генералы.

Историю с главкомом Сухопутных войск генералом В. Семеновым А.Лебедь расценил как интригу, раскрученную министром внутренних дел А. Куликовым. Своего мнения о самом А. Куликове А. Лебедь не изменил. Он по-прежнему считает, что А. Куликов ничего конкретного не сделал в Чечне за те восемь месяцев, которые ему были определены указом президента для наведения порядка в этом регионе. Им было

отдано лишь единственное распоряжение по Чечне относительно отбора кандидатов в школу прапорщиков.

О В. Семенове. Японские корреспонденты в Москве подали эту историю так, будто И. Родионов продолжил начатую А. Лебедем кампанию по обновлению высшего военного руководства страны. В. Семенову инкриминировали не столько «покровительство промышленной вертолетной корпорации, в которой работает его жена», сколько участие в нелегальных поставках в «горячие точки» оружия и военного снаряжения. По прогнозам японских наблюдателей, «если эти обвинения подтвердятся, И. Родионову придется отстранить от исполнения своих обязанностей ряд военачальников высокого ранга. Включая влиятельного К. Кобеца».

Многие политологи считали встревожившие Кремль визиты А. Лебедя в США и Германию началом его новой предвыборной кампании.

По мнению специалистов, А. Лебедь стремился получить имидж умеренного, предсказуемого и миролюбивого политика. О здоровье президента говорил мягче и дипломатичнее, чем в Москве, предложив Б. Ельцину самому определить, в состоянии ли он решать неотложные проблемы, стоявшие перед страной. Говоря о возможности проведения досрочных выборов, А. Лебедь отмечал, что они не отвечают планам и интересам правящей олигархии, и в этой связи не исключал, что вместо выборов она пойдет на введение в стране чрезвычайного положения.

Согласно заявлению А. Лебедя, Россия оказалась на грани катастрофы, а болезнь президента стала для страны национальной трагедией. Развал державы, к которому, по его мнению, приведет перерастание ряда мелких кризисов в один крупномасштабный, может привести к перекройке карты мира и в конечном итоге — к третьей мировой войне.

По сообщениям немецких средств массовой информации, в Германии он встречался с самыми крупными политиками, финансистами и бизнесменами. В программе американского турне бывшего секретаря СБ важное место было отведено деловым контактам. В частности, была проведена встреча с руководством корпорации «Дюпон», организован ланч, на котором присутствовали члены торговой палаты штата Делавер, политики и крупные бизнесмены. В ходе встреч А. Лебедь призывал представителей

американских деловых кругов вкладывать деньги в российскую экономику.

В ходе своих многочисленных выступлений и интервью А. Лебедь не упускал возможности показать Западу, что они имеют дело с человеком не только твердым и решительным, способным навести порядок в России, гибким, рассудительным политиком, с которым можно иметь дело, но и ясно представлявшим, как вывести страну из тяжелого кризиса.

В февральском номере за 1997 год журнал «Сенчур юропен экономик ревью» напечатал статью А. Лебедя «Чем больна Россия», которую перепечатали другие американские издания. В статье он пишет: «…Когда на руинах советской империи в начале 90-х годов возник новый режим, демократические силы считали его транзитным поездом в светлое будущее. Джентльменское соглашение между влиятельными общественными группами, подтвержденное итогами референдума 1993 года, позволило правительству предпринять суровые реформы, хотя для их реализации россияне должны были потуже затянуть пояса. Цель реформ состояла в том, чтобы восстановить выдохшуюся социалистическую экономику практически с нуля. Но далее произошло следующее: мелкая номенклатура захватила власть и допустила нарушения условий соглашения. Избрав выгодный им курс развития экономики, они превратили идеалистический энтузиазм миллионов рядовых россиян в звонкую монету, получив при этом многомиллиардные прибыли. Под властью жестокой российской олигархии люди лишились иллюзий относительно того, что им будет позволено действовать свободно. Рост малого бизнеса искусственно замедлялся. Целому поколению молодых менеджеров не давалось хода. Формирование среднего класса, который в любой стране является гарантом стабильности и положительных перемен, сдерживается или полностью остановлено…

…Российская демократия без ясного набора действующих правил деморализующе влияет на общество и порождает коррупцию. Всем юридическим лицам на территории РФ должны быть даны равные права перед законом. С раздачей привилегий тем, кто готов смазывать «скрипучее колесо», должно быть покончено…

…Россия должна строго придерживаться гармонии в разделении полномочий между федеральными и региональными законодательными

органами. Не следует ожидать, что российские регионы с их многообразными национальными, климатическими и другими особенностями жили по одним и тем же правилам. Однако законодательная гармония может быть достигнута только после внимательной оценки законов, уже принятых в затянувшийся переходный период…

Чтобы Россия могла занять прочное место в быстро изменяющемся мире, президент страны должен проявить политическую волю и решительность в следующем:

1. Покончить с тиранией финансово-политической олигархии и коррумпированных функционеров.

2. Восстановить контрольные механизмы по проведению в жизнь законов на всей территории России.

3. Превратить судебную систему в действительно независимую ветвь власти.

4. Открыть шлюзы для притока частного капитала, в том числе и иностранного, в российскую экономику.

5. Превратить государственные налоги из формы грабежа в инструмент стимулирования экономического роста.

6. Исключить криминальный мир из процесса принятия решений.

7. Решить аграрный вопрос, проведя техническую модернизацию и усовершенствовав структуру сельскохозяйственного сектора.

8. Начать серьезную реформу армии на основе стратегических оборонных приоритетов и ввести контрольные механизмы для надежного сохранения и нераспространения оружия массового уничтожения.

9. Сдерживать политический экстремизм всех властей.

10. Обеспечить проведение неидеологизированной внешней политики».

В целом достаточно мощный прорыв А. Лебедя на политическую сцену Запада дал определенные результаты. По отзывам американской и немецкой прессы, к нему проявлен серьезный интерес со стороны политических и деловых кругов этих государств.

Конечно же, окончательное решение на очередных или внеочередных президентских выборах, если бы они состоялись, сделал бы выбор российских избирателей. Именно за него и предстояла борьба

между целым рядом претендентов на пост главы государства. И всем без исключения уже тогда А. Лебедь составлял опасную конкуренцию.

Вот почему в Кремле, на Краснопресненской набережной и на Тверской улице тщательно отслеживали информацию с Запада, касавшуюся строптивого генерала. Она доставляла немало беспокойства во всех трех стратегических точках.

Немецкие корреспонденты, например, отмечали, что «чем больше в Москве говорят о здоровье Б. Ельцина, тем больше внимания уделяют в Бонне личности А. Лебедя» и его встрече с лидером фракции ХДС в бундестаге, которого рассматривали как одного из наиболее вероятных преемников Г. Коля на посту канцлера.

Особое внимание представители западных СМИ обращали на организаторов визита А. Лебедя — германское Общество внешней политики, именуемое в прессе «мозговым центром МИД». Социал-демократическая оппозиция Германии сочла ошибкой отказ Г. Коля от встречи с потенциальным кандидатом в президенты России, который демонстрировал во время визита гораздо более умеренную позицию, чем прежде.

Почему Старая площадь, Краснопресненская набережная и Тверская столь обеспокоенно прислушивались к мнению германских политиков о А. Лебеде? Германия взяла на себя ведущую роль среди западных стран, пытавшихся завязать новые отношения с Москвой. Заявление российского политика о возможности вхождения четырех восточно-европейских стран в НАТО было расценено в Бонне как «признак его растущей политической зрелости».

Это высказывание А. Лебедя понравилось и за океаном. Сенатор-республиканец У. Рот, комментируя свою встречу с ним в день инаугурации американского президента, отметил, что в вопросе расширения состава НАТО «генерал занимает гораздо более гибкую позицию, чем многие из его российских коллег».

По мнению американского политика, «трудно сказать что-либо определенное о здоровье Б. Ельцина», поскольку официальные круги России «обязаны соответствующим образом реагировать на попытки оппозиции разыграть карту болезни президента, демонстрируя факт присутствия хозяина у руля власти». Заболевание главы государства подтолкнуло многих российских политиков к резкой активизации своей деятельности, поэтому прения по вопросу об отстранении Б. Ельцина

независимо от его самочувствия будут продолжаться еще долго, считал сенатор.

На взгляд американцев, в условиях затянувшейся болезни президента именно А. Чубайс и В. Черномырдин являлись теми людьми, которые были способны заполнить образовавшийся вакуум власти. «Эти влиятельные лица не заинтересованы в открытой борьбе за право стать преемниками Б. Ельцина, им нужно лишь спокойствие в стране, — предупреждали заокеанские аналитики, — поэтому они будут всячески гасить активность политиков, фактически уже начавших предвыборную кампанию, прежде всего А. Лебедя и Ю. Лужкова».

Канадские политологи отмечали, что уход с политической сцены А. Лебедя не вызвал ожидаемого на Западе примирения противоборствовавших сил в Кремле. Руководитель администрации президента РФ А. Чубайс, один из инициаторов отставки генерала, неожиданно сам попал под огонь критики различных, зачастую воюющих между собой политических фракций, сомкнувших свои ряды в борьбе против могущественного соперника.

По мнению канадцев, «несмотря на поддержку со стороны представителей ведущих финансовых структур, частных компаний и корпораций, А. Чубайс пока еще не может рассчитывать на самостоятельную роль в государственном масштабе». Однако западные эксперты подчеркивали, что «в настоящее время положение руководителя администрации президента РФ остается стабильным, несмотря на скандал вокруг известных магнитофонных записей, потому что Б. Ельцин крайне нуждается в сильном и толковом администраторе».

По прогнозам западных обозревателей, «уже одна лишь надежда избирателей получить, наконец, физически здорового и решительного главу государства» способна вознести А. Лебедя на вершину власти в России. Вместе с тем высказывалась уверенность в том, что еще не определившийся в своей программе кандидат, весьма уязвимый из-за отсутствия у него политического опыта и квалифицированных советников, «неминуемо окажется между жерновами интересов различных влиятельных группировок».

«Несмотря на заверения А. Лебедя в том, что в случае своей победы он прежде всего займется изменением существующей Конституции с тем, чтобы Россия стала более демократической

республикой, вряд ли стоит ожидать от него Конкретных рецептов преодоления кризиса», — считали на Западе. Впрочем, четкая концепция будущих преобразований от него пока и не требовалась, так как «чем дольше отсутствует в Кремле президент, тем ниже планка ожиданий российского населения».

Любопытна точка зрения западных кремленологов по проблемам России. Заокеанские специалисты просчитывали, за что в первую очередь примется тот или иной претендент на президентский пост в случае своей победы на выборах.

По оценкам ряда зарубежных экспертов, Российская Федерация не в полной мере отвечала требованиям, предъявляемым к федеративному государству.

Профессор Берлинского университета им. Гумбольдта Э. Баллер считал, например, что становление государственного устройства России шло по варианту сознательного предоставления широких полномочий республикам «с целью предупреждения процесса неконтролируемого развала страны». По мнению немецкого ученого, наличие отдельных противоречий в тексте российской Конституции способствует «разбалансировке федеративного устройства». Прежде всего это относится к недостаточно четкому закреплению объема полномочий субъектов Федерации.

Кроме того, в тексте Конституции 1993 года «вообще отсутствует трактовка ряда важных типовых признаков федеративного устройства», например, бюджетного и налогового суверенитета России, а также «финансового федерализма», подразумевающего ограничение компетенции республик в области внешнеэкономических связей.

Немецкий эксперт считал, что эти противоречия могли бы быть «частично преодолимы в случае, если отдельные статьи Основного закона России интерпретировать в пользу субъектов Федерации, а не в пользу центра», причем разрешением спорных вопросов подобного уровня должен заниматься исключительно Конституционный суд России, полагал Э. Баллер. По его мнению, «следует также отказаться от принципа, в соответствии с которым внутреннее устройство автономных субъектов дублирует федеральное».

Как считал профессор Парижского института политических наук М. Мендрас, поиски гармоничной структуры отношений между центром и регионами, возможность реализации ее на практике во

многом зависит от поведения региональной элиты, а «диалог с провинциями сегодня в значительной степени основан на способности признания Москвой легитимных местных руководителей в качестве равных партнеров». Французский политолог подчеркивал, что пока администрации некоторых областей и республик требуют полномочий, которые они фактически не способны реализовать, «ряд региональных лидеров уже на деле обладает такой властью, которая способна составить угрозу целостности России».

Представитель Колумбийского университета Л. Солник, анализируя существовавшую практику заключения договоров о разграничении предметов ведения, отвечал, что «местная администрация на основании 71 и 72 статей Конституции России получила возможность требовать закрепления определенных исключительных полномочий на региональном уровне». Зачастую при этом наблюдается противоречие по 12 пунктам, в том числе отрицание принципа частной собственности на землю и федеральной собственности на природные ресурсы, стремление оспорить решения центра о назначении судей и прокуроров и т. д. «Лидеры ряда республик пытаются получить право на отмену решений Москвы об объявлении чрезвычайного положения», а президенты республик Саха и Калмыкия открыто обсуждали возможность проведения референдума о продлении срока своих полномочий.

Американский политолог обратил внимание на особый статус этнических республик в составе Российской Федерации, и прежде всего Татарстана и Башкортостана, получивших по сравнению с автономными областями и краями существенные преимущества, в том числе и налоговые льготы. Л. Солник считал, что подобная стратегия Москвы обусловлена наличием «коалиции национальных республик», действующей в целях сохранения своих привилегий.

По мнению специалиста, «парадоксально, что коренное население составляет абсолютное большинство только в шести из этих национально-территориальных образований, в то время как русскоязычное население бесспорно преобладает в девяти из 20 исконно этнических республик».

По оценке американских экспертов, «Москва не должна исключать возможности выхода отдельных субъектов Федерации из состава России». И З. Яндарбиев, и А. Масхадов, и Ш. Басаев, являясь наиболее

реальными претендентами на пост президента Чечни, выступали за скорейшее отделение республики от России. «Кремль не сумел одержать победы над Грозным силовыми методами, и хотя остается возможность задушить его экономически, существуют влиятельные силы в российском руководстве, которые в этом не заинтересованы».

Как подчеркивали эксперты, после провозглашения Чечней независимости в 1991 году в республике добывалось от 2 до 5 миллионов тонн нефти в год, однако экспортировалось приблизительно в пять раз больше, около 12–13 миллионов тонн. Разницу, по мнению экспертов, составляла российская нефть, нелегально поставляемая «в интересах некоторых российских политиков» через Чечню и Азербайджан в Турцию.

Американцы считали, что именно «конфликт из-за распределения прибыли» в середине 1994 года между лидером сепаратистов Д. Дудаевым и его российскими «деловыми партнерами» послужил одной из причин начала крупномасштабных боевых действий.

Принимая во внимание наглядный опыт построения взаимоотношений между центром и Татарстаном, которому предоставлены широкие права, американские наблюдатели считали, что Ингушетия и Дагестан вряд ли последуют примеру Чечни, тем более что обе эти республики находятся в экономической зависимости от России.

В отличие от соседей по региону Грозный и в дальнейшем останется узловым пунктом российского нефтепровода, если только Москва по-прежнему намерена участвовать в ожидаемом «нефтяном буме» в районе Каспийского моря.

Продолжая внимательно отслеживать обстановку на Северном Кавказе, аналитические центры Запада прогнозировали, что в России «за счет войны будут списаны многие финансовые махинации», непосредственно связанные с событиями в Чечне.

Чеченская республика «стала заложницей отдельных финансово-промышленных кругов России, выступивших за разрешение конфликта военным путем». Именно вследствие ряда экономических факторов, считали аналитики, российские политики «не смогли своевременно принять окончательное решение о прекращении боевых действий».

Западные наблюдатели сходились во мнении, что в случае образования на территории Чечни свободной экономической зоны,

следует ожидать усиления турецкого влияния на Кавказе.

По оценкам западных дипломатов в Москве, наблюдался рост сепаратистских настроений на Северном Кавказе, о чем, в частности, свидетельствовали события в Кабардино-Балкарии. Иностранные представители связывали эту «центробежную тенденцию» с отсутствием в России «целенаправленной национальной политики по отношению к малочисленным народам, которые, стремясь сохранить свой язык и культуру, активно ищут новые формы административного устройства и пересматривают традиционно сложившиеся взаимоотношения с Россией».

Кроме того, дипломаты подчеркивали, что «провокационные заявления отдельных политиков о России для русских», тиражируемые средствами массовой информации, вызывают резко негативную реакцию «не только в самих национальных образованиях, исторически входящих в состав империи, но и у большинства зарубежных диаспор». Иностранные дипломаты в связи с этим отмечали, что предпринимавшиеся правительством шаги по усилению роли казачества в Северо-Кавказском регионе не будут способствовать разрешению национального вопроса, поскольку могут привести к обострению противоречий «между русскоязычным населением и коренными этническими группами».

Полезен взгляд на себя со стороны и по вопросу об экономической ситуации. В. Черномырдин и другие высшие правительственные чиновники бесконечно твердили о наступившей наконец-то стабилизации. Именно тогда пресса изобрела язвительно-грубый термин «полный стабилизец». Не обладая полной информацией о состоянии дел в стране, средства массовой информации инстинктивно догадывались, что происходит.

Происходило вот что. Эксперты госдепартамента США отмечали, что в 1996 году темпы роста цен в России не превысили 25 процентов в целом за год, «а рубль впервые загнан в валютный коридор и стал вполне предсказуем».

Радоваться бы надо! Тем не менее они советовали своим землякам и международным экономическим организациям «задуматься над тем, за счет чего появились эти достижения». По их расчетам, российское руководство «вместо того, чтобы сокращать дефицит бюджета или держать рост заработной платы ниже темпов инфляции, как это

делается во всем мире, просто перестало отвечать за финансовые обязательства государства перед своими гражданами».

В связи с этим американские эксперты подчеркивали, что в результате применения «оригинального российского метода финансовой стабилизации» общая задолженность по зарплате только в 1996 году составила, по их расчетам, 12–15 миллиардов долларов. «Именно эта огромная масса невыплаченных государством денег ограничивает покупательский спрос и объясняет, как сдерживаются цены в России», — считали зарубежные экономисты.

По мнению ряда западных экспертов, «экономическая политика по сдерживанию роста денежной массы», направленная на снижение уровня инфляции, привела к возрастанию в финансовом секторе экономики России удельного веса векселей, ваучеров, товарных облигаций. По прогнозам иностранцев, в 1997 году общий объем «суррогатной денежной массы» еще больше должен будет увеличиться из-за того, что использование и непрерывная эмиссия ценных бумаг не в полной мере учитывались при формировании как федерального, так и местных, бюджетов.

«Хотя снижение уровня инфляции до 20 процентов в 1996 году является положительным результатом деятельности правительства РФ, этот показатель не вполне отвечает требованиям Международного валютного фонда», — подчеркивали эксперты.

По оценкам американских экономистов, в условиях «беспрецедентного разгула в России теневой экономики» жесткие меры, предпринимаемые Временной чрезвычайной комиссией, могли довершить уничтожение мелкого частного бизнеса. Американцы считали, что «недавнее выступление в МВД российского премьера' способно спровоцировать силовую атаку на тех предпринимателей, которые и так уже почти задавлены налогами и рэкетирами». В связи с этим эксперты обращали внимание на то, что с момента образования СНГ объем промышленного производства в стране и так сократился вдвое.

Как полагали западные эксперты, «сегодня важнее обеспечить налоговые отчисления от концернов-гигантов, подобных «Газпрому» и «ЛУКойлу», которые должны регулярно вносить реальную долю своих доходов в государственную казну».

Ситуацию, когда несколько ведущих российских банков контролировали до 50 процентов государственного достояния, американские финансовые эксперты, проводя аналогию с «частнособственническим коммунизмом латиноамериканского образца», считали показателем «злокачественного заболевания российской экономики».

Перспективы российской экономики радужных надежд, увы, не вселяли. Об этом свидетельствовал и закрытый аналитический обзор о прогнозах развития экономического и социально-политического развития России на первую половину 1997 года. Сей любопытный документ был подготовлен в конце октября 1996 года Гарвардским русским исследовательским центром по поручению госдепартамента США и Всемирного банка.

По мнению экспертов исследовательского центра, в феврале — марте 1997 года в ряде регионов России прогнозировались наиболее серьезные за последние пять лет социальные волнения, вызванные тяжелым экономическим положением страны. В этих условиях, полагали западные специалисты, правительство России будет вынуждено пойти на денежную эмиссию с тем, чтобы погасить задолженность по финансированию прежде всего социальной сферы. Кроме того, политологи Гарварда не исключали возможность ухода в отставку к июлю 1997 года тогдашнего правительства РФ, а также последующую ликвидацию РАО «Газпром», ЕЭС «Россия», АО «Норильский никель», некоторых крупнейших нефтяных компаний как единых холдингов.

При условии сохранения относительной социально-политической стабильности в обществе, в марте — апреле 1997 года прогнозировался возможный рост частных зарубежных инвестиций на 70–80 процентов по сравнением с тем же периодом 1996 года, активизацию фондового рынка корпоративных ценных бумаг и международных государственных облигаций.

В качестве главной причины недобора налоговых платежей в России авторы исследования называли вовсе не плохое законодательство в этой области, на чем настаивало российское руководство, а «тотальную систему коррупционно-теневого перераспределения прибылей в экономике России». В результате этого, по мнению гарвардских ученых, свободная прибыль уходит не в

производственный сектор экономики и не в бюджет государства, а концентрируется в руках «небольшой группы политической, экономической и криминальной элиты», которая тратит средства на потребление и вывозит их за границу.

По мнению экспертов исследовательского центра, в ближайшее время в России должны нарастать дезинтеграционные процессы, что объясняется борьбой региональных элит за экономическое самовыживание и их стремлением использовать социально-экономические условия регионов для борьбы с центральной властью и расширения своей самостоятельности и независимости от нее.

С учетом этой и другой информации, правящие и деловые круги США считали, что значительное истощение промышленного потенциала России и неустойчивость внутреннего положения позволяли строить отношения с ней как со слаборазвитой страной.

Наиболее крупные инвестиции в российскую экономику и решающая роль в выдаче международных кредитов создавали условия для наращивания американского влияния на политику, формирование кредитно-финансового и экономического курса российского руководства.

США считали необходимым добиваться от России выполнения следующих условий:

1. Не повышать зарплату бюджетным организациям.

2. Полностью прекратить финансирование капитального строительства и правительственных программ.

3. Девальвировать рубль до 6500 рублей за доллар (вместо запланированных 6100 рублей) под предлогом стимулирования роста поступлений от экспорта.

4. Сжать рынок государственных ценных бумаг, прежде всего ГКО, и перенести центр тяжести долга на глобальные сертификаты о депонировании (ГСД) и муниципальные казначейские обязательства (МКО).

Реализация указанных мер, как пытались заверить представители США, позволит сдержать инфляцию, резко сократить бюджетные расходы и стимулировать рост зарубежных инвестиций. Однако ведущие американские исследовательские центры, прогнозируя дальнейший спад производства и резкое обострение социально-

политической обстановки в России, не рекомендовали «ввязываться» в серьезные проекты по крайней мере до середины 1997 года.

Тем не менее ряд крупнейших инвестиционных центров намеревались все же реализовать свои программы в отношении России, полагая, что внутренняя нестабильность создает благоприятные условия для решения следующих проблем:

— установления контроля над российской банковской системой, прежде всего банками, ориентированными на развитие национального капитала в промышленности;

— создания каналов прямого регулирования деятельности государственных финансовых институтов России;

— проникновения в ведущие российские банки и подчинения через них крупнейших финансово-промышленных групп;

— обеспечения прочных позиций в борьбе за топливно-энергетические и сырьевые ресурсы России.

В этих целях на первом этапе предполагалось добиться заключения договора с правительством РФ о переориентации рынка государственных ценных бумаг с ГКО на ГСД с предоставлением права эмитировать эти бумаги на международных рынках. Для этого планировалось выделить правительству России 2,5 миллиарда долларов в качестве оплаты номинальной стоимости пакета ГСД и предоставить кредит Центральному банку РФ в размере 2 миллиардов долларов для скупки ГКО. По расчетам, данные меры должны были привести к банкротству «неудобных» коммерческих банков и установлению контроля над ними со стороны финансовых групп США, а также создать возможности для непосредственного влияния на текущую экономическую политику российского правительства.

Через лоббистов в Госкомиссии по ценным бумагам и биржам США намечалось осуществлять протекционистскую политику в отношении «лояльных» российских финансовых и промышленных групп и отсекать от международного рынка ценных бумаг национально ориентированные российские структуры. Депозитариями, которым доверялось работать с американскими ценными бумагами, объявили банки с западной ориентацией. Не допускались к американскому фондовому рынку банки, имевшие российскую направленность.

Такой подход находил полное понимание и поддержку администрации США. Как считали в Вашингтоне, политические

скандалы, вызванные циничной борьбой за власть в России при действующем президенте, создавали благоприятные предпосылки для дальнейшего упрочения позиций в правящих и деловых кругах. Спецслужбам было дано указание активизировать деятельность по сбору достоверной информации о расстановке сил в российском руководстве и «оказанию максимального содействия национальным компаниям в освоении рынка России».

По словам представителей деловых кругов ФРГ в Москве, российский сырьевой рынок представляет исключительный интерес для стран Запада. Немецкие эксперты высказывали мнение, что демократия и рынок слишком сильно ударили по среднему россиянину, который «считает за счастье, если ему вообще выплатят зарплату». Немцы видят основную причину тяжелой ситуации в том, что «на смену плановому хозяйству пришел не рынок, а вакуум власти».

По их мнению, улучшения в этой сфере пока не предвидится в связи с тем, что в России отсутствуют надежная правовая и административная структура, единые правила игры для всех участников экономического процесса и, наконец, контроль за соблюдением этих правил со стороны государства.

В итоге, как утверждали иностранцы, «после пяти изнурительных лет россияне все еще стоят только на пороге радикальных экономических реформ». С точки зрения немцев, экономическая ситуация в России — это фактор риска для всего мира, так как без «экономического чуда» молодая российская демократия может оказаться нежизнеспособной, и россияне добровольно откажутся и от демократии, и от рыночной экономики.

Анализируя экономическую ситуацию в России, немецкие эксперты выражали сомнение в том, что западные государства и дальше будут оказывать нам финансовую поддержку. По их мнению, это обусловлено тем, что к 2002 году едва ли значительно вырастут ежегодные платежи со стороны РФ в счет долгосрочных долгов. Своевременное погашение кредитов станет возможным только в том случае, если Россия будет в состоянии обеспечить сохранение достаточно высоких темпов экономического роста в течение длительного времени, правильное размещение иностранных средств и добьется еще большего превышения экспорта над импортом. Немецкие предприниматели отмечали, что «после периода взаимовыгодного

сотрудничества проявились отрицательные факторы, заставляющие с максимальной осторожностью продолжать деловые контакты». По их мнению, несовершенство российской законодательной базы «не в должной мере защищает интересы зарубежных партнеров гарантиями обоих государств». Данное обстоятельство позволяло иностранцам считать Россию страной, в которой коммерческая деятельность связана с особым риском.

По прогнозам немецких бизнесменов, в ближайшем будущем не стоило ожидать каких-либо крупных совместных проектов или западногерманских инвестиций в промышленность Российской Федерации, в том числе и по причине наличия в Германии собственных экономических проблем. Так, ряд предпринимателей считал, что кризисные явления в металлургической промышленности ФРГ неизбежно отразятся на торговых отношениях с Россией.

Западногерманские бизнесмены подчеркивали свою заинтересованность в максимальном ограничении американского экономического влияния на российском рынке. При этом они не исключали возможности того, что ФРГ в случае изменения к лучшему экономической и политической ситуации займет положение основного торгового партнера России. Правительственные круги Германии не станут поощрять участие немецких фирм в тех проектах, которые будут выгодны американцам.

Генеральное консульство ФРГ в Санкт-Петербурге оценило обращение Международной ассоциации бизнеса города к своему мэру с предложением создать консультативный совет по иностранным инвестициям как явно проамериканский проект. Дипломаты сочли, что данная ассоциация при поддержке генерального консульства США предпринимает попытку создать такой консультативный совет, который, исходя из структуры членства и опираясь на поддержку министерства торговли США, будет сильно ориентирован на интересы этой страны.

Учитывая интересы Германии и других стран-членов ЕС в сфере торговли и инвестирования, представители немецких деловых кругов обратили внимание на то, что консультативный совет по иностранным инвестициям сможет эффективно действовать в области консалтинга только в том случае, если деловой мир Европы соответствующим образом будет представлен в таком органе. По мнению бизнесменов ФРГ, опыт Москвы показал, что правительство США с целью оказания

поддержки частному сектору экономики, охотно использует подобные органы для собственных интересов, не обращая внимания на тот факт, что страны-члены ЕС сами по себе до сих пор являются более важными партнерами в сфере экономики.

Здесь мы вплотную подходим к рассмотрению международного положения России, предназначавшегося, скажем так, не для публичного оглашения.

Представители военных и дипломатических кругов Сирии в свете визита министра иностранных дел РФ Е. Примакова в целом критически оценивали перспективы улучшения российско-сирийских отношений. По их мнению, «в правительстве и администрации президента РФ усилилось влияние тесно связанных с Израилем должностных лиц».

Именно это, как считали сирийцы, Явилось причиной неудачи проходивших в Москве переговоров по вопросам поставки крупной партии оружия и военного снаряжения в Сирию. В качестве ответных мер, по словам сирийских представителей, «правительство САР будет затягивать процесс возвращения внешних долгов России, отмечая, что нынешнее российское руководство занимает в настоящее время явно антиарабскую позицию».

По мнению западных корреспондентов в Москве, российско-китайское сближение направлено на сдерживание роста глобального влияния Соединенных Штатов. Корреспонденты подчеркивали, что в совместном коммюнике, опубликованном после встречи в Москве премьера Госсовета КНР Ли Пэна с российскими высокопоставленными лицами, было объявлено о планах стратегического партнерства. При этом Россия и Китай заявили, что новый альянс поможет формированию «многополярного мира».

Как подчеркивали представители прессы, дополнительным стимулом для сближения России с Китаем является угроза России со стороны расширяющегося на Восток НАТО.

Представители посольства ФРГ в Москве отмечали, что Россия «стремится к подписанию хотя бы промежуточного варианта договора о европейской безопасности», но против подобной модели сотрудничества активно выступают США.

У западногерманских дипломатов вызывала определенное беспокойство позиция Вашингтона, намеренного жестко отстаивать

собственную точку зрения по данному вопросу и исключить возможную конкуренцию Североатлантическому союзу. Немецкие дипломаты подчеркивали в связи с этим, что в ходе переговоров глав государств — членов ОБСЕ американская сторона представила свой проект «заключительного заявления участников встречи на высшем уровне», в котором расширение НАТО прямо называлось средством для дальнейшего укрепления безопасности всех государств Европы.

По оценкам венгерских дипломатов в Москве, официальный Будапешт заинтересован в активизации межгосударственных контактов с Россией, в связи с чем дипломаты по-прежнему рассматривали события в Чечне как сугубо внутреннюю российскую проблему. Так, представители торгпредства Венгрии после получения официального коммерческого предложения от правительства Ичкерии продолжали исходить из того, что Чечня является составной частью Российской Федерации и в соответствии с действующим порядком направили запрос в МИД и МВЭС РФ с просьбой о проверке полномочий чеченских представителей.

В то же время представители венгерских дипломатических кругов высказывали беспокойство в связи с «неконструктивной» позицией России по ряду проблем двустороннего экономического сотрудничества. Будапешту так и не удалось добиться согласия российской стороны на проведение официальной встречи на уровне министров с целью урегулирования взаимных финансовых претензий. В ходе такой встречи венгры были бы готовы предложить приемлемый для России вариант погашения задолженности за счет поставки в Венгрию партии самолетов МИГ-29 и СУ-27 с последующим их реэкспортом (с согласия РФ) в Бразилию.

Другим негативным моментом, препятствовавшим развитию полноценного экономического сотрудничества, венгерская сторона считала позицию России по вопросу поставок в Венгрию 2 миллиардов кубометров природного газа в качестве компенсации за работу, проделанную венграми еще до распада СССР при обустройстве газового месторождения «Тенгиз» в Казахстане. В Будапеште считали, что попытка руководства России переложить ответственность на поставки газа на те страны СНГ, где в свое время работали венгерские граждане, противоречит нормам международного права, поскольку

Москва по большинству обязательств признала себя правопреемницей СССР.

По словам дипломатов, если российская сторона намерена и в дальнейшем по-прежнему жестко отстаивать свою позицию, руководством Венгрии будет предпринят ряд дипломатических демаршей, которые помогут ей отстоять свои интересы.

И снова о внутренних проблемах. Так, как они виделись со стороны. На этот раз — об организованной преступности.

Американские эксперты, изучая вопросы транснациональной организованной преступности, отмечали возраставшую угрозу международной безопасности со стороны «русской мафий», которая уже не считалась на Западе чисто внутренней проблемой России. Экспертов настораживали данные, согласно которым более 400 российских банков и 47 бирж контролировались преступными группировками, а также статистика заказных убийств — около 30 покушений на жизнь крупных банкиров к началу 1996 года, из которых 16 погибли.

Американцы были убеждены, что российские «воры в законе» особенно активно устанавливали контакты с иностранными преступными синдикатами в сфере контрабанды оружия, наркотиков и незаконных финансовых операций, связанных с отмыванием грязных денег. В связи с этим пристальное внимание экспертов привлекала греческая часть Кипра, откуда, по их сведениям, «через обширную сеть финансовых и торговых компаний, принадлежащим российским гангстерам, незаконные средства' переводятся в западные банки в таких количествах, что уже в ближайшем будущем подобные операции способны нарушить стабильность европейской банковской системы».

Состояние Вооруженных сил Российской Федерации оценивалось как кризисное. Согласно экспертизе американских специалистов, откровенные высказывания И. Родионова о тяжелом экономическом положении российской армии напоминали в последнее время жесты отчаяния, поскольку правительство РФ как бы не слышало предупреждений министра обороны о возможности социального взрыва в среде военнослужащих.

К тревожным признакам назревавшего открытого конфликта американцы относили действия офицерских жен, устраивавших митинги протеста на территории отдельных частей и блокировавших

взлетно-посадочные полосы военных аэродромов. По прогнозам, если на активные действия протеста решатся сами офицеры, то «мятеж может мгновенно распространиться по всей территории России, поскольку все необходимые для этого социальные предпосылки давно созданы».

Американцы считали, что в будущем следует ожидать дальнейшего ухудшения материального положения военнослужащих, так как ни один военный городок не будет обеспечен в полном объеме отоплением и снабжением. Они отмечали, что, хотя вопросами продовольственного обеспечения занимались лично министр И. Родионов и начальник Генерального штаба, их возможности сильно ограничены катастрофическим дефицитом финансов. В ряде случаев командиры частей вынуждены были выставлять вооруженную охрану у электроподстанций в ответ на действия местных властей, отключавших за неуплату долгов электричество на объектах Минобороны.

Обострялась обстановка вокруг расширения НАТО. Многие корреспонденты, аккредитованные в Москве, сообщали в свои редакции: хотя российские руководители по-прежнему осуждали запланированный прием новых государств в члены НАТО, «это всего лишь риторика, предназначенная для общественности внутри страны».

Германские журналисты, работавшие в Москве, были уверены, что в действительности Кремль, «зависящий от международного сотрудничества», уже готов согласиться с расширением НАТО, но хочет при этом сохранить свое дипломатическое лицо.

По мнению ряда немецких обозревателей, в вопросе расширения НАТО Россия вела «двойную игру». Упорные протесты Москвы, в том числе и резкое по содержанию выступление министра обороны И. Родионова в Брюсселе, являлось не чем иным как средством давления на альянс с целью-выторговать за свои уступки максимально высокую цену. В противном случае Россия не стала бы вести вообще никаких переговоров.

Немцы считали, что согласие России на расширение альянса всегда было вопросом цены, а не принципа. Разумной платой за покладистость Кремля могло бы быть обязательство не размещать на территории новых членов НАТО атомное оружие. Вместе с тем отмечалось, что в таком случае к западу от Одера безопасность будет гарантирована американскими войсками, а к востоку — бумажными обязательствами

Запада, которые стоят немногого, если вспомнить горький опыт Польши 1 сентября 1939 года. В то же время страны, которые не могут рассчитывать на поддержку НАТО, по мнению немцев, сами будут ненадежными союзниками.

Согласно оценкам западных аналитиков, страны Центральной и Восточной Европы хватались за любую соломинку, сулившую им интеграцию в западные структуры, руководствуясь прежде всего экономическими соображениями, а также стремлением избежать продолжения 300-летней российской гегемонии. В условиях, когда ЕС отделывается лишь туманными обещаниями, их взоры обращены к НАТО.

Однако аналитики отмечали, что альянс вряд ли сможет гарантировать новым членам безопасность границ и разрешение взаимных территориальных споров. Пример же Турции показывал, что соблюдением прав человека НАТО тоже не интересовалось.

По мнению западных специалистов, альянс, создававшийся на случай войны между двумя блоками, и сегодня может быть направлен только против России. Поэтому планы его расширения с полным основанием воспринимаются в Москве «как грубая провокация». Когда Россия и ее армия переживают глубокий кризис, а народ и правительство хотят только мира и экономического процветания, продвижение НАТО на Восток только поможет приходу к власти в Москве «красно-коричневых». От расширения альянса выиграет лишь военно-промышленный комплекс, для которого нет ничего страшнее мира и который не возражал бы против возобновления «холодной войны».

Таким образом, благодаря гаданию западных аналитиков, кто победит на президентских выборах в России и к решению каких проблем приступит победитель в первую очередь, мы получили возможность узнать хоть немного правды об этих самых проблемах.

Над сценариями возможного развития политической обстановки в России трудились крупнейшие научно-исследовательские центры мира. Наиболее основательным был признан доклад «Россия до 2010 года и что это значит для мира», подготовленный Ассоциацией кембриджских исследователей проблем энергетики (CERA). Она является ведущей международной консалтинговой фирмой, занимающейся изучением проблем мировой энергетики, мировой экономики и политики, а также

разработкой прогнозов политического развития. Основана в 1982 году в США, ее структуры действуют в Кембридже (штат Массачусетс), Париже, Осло, Вашингтоне и Оклинде (штат Калифорния). С 1985 года CERA приступила к исследованиям и оказанию консультативных услуг по проблемам, касавшимся Советского Союза, а в 1991 году она создала специальную консультативную службу по странам бывшего СССР.

В закрытом аналитическом докладе содержалось четыре сценария долгосрочных прогнозов о перспективах возможных изменений обстановки в Российской Федерации.

Первый из них — «Сползание». Он отражает анализ современного состояния страны. «Это сценарий, при котором вырабатывается (а точнее «вымучивается») новая схема распределения власти и богатства между бывшими членами советского класса управленцев, к которым добавляется все больше новых игроков. При «сползании» экономическая политика в масштабах страны почти полностью парализована, но на микроуровне рождается новый мир или, по крайней мере, новый класс собственников».

Авторы данного сценария следующим образом определяют его основное содержание. «Это картина общества и экономики, скользящих вниз по наклонной плоскости. Беззаконие постепенно становится нормой жизни. Ностальгия по старому порядку и политика, ведущая к озлобленности и унижению народа, могут стать мощными политическими силами…».

В трех последующих сценариях прогнозируются варианты политического будущего России.

Развитие страны по сценарию «Двуглавый орел», по мнению авторов доклада, «…ведет к появлению более сильной политической среды, которая должна стабилизировать и укрепить слабое центральное правительство. Это союз «красных баронов» ВПК и руководителей промышленности с армией и органами правопорядка. Он направлен на возрождение чувства гражданского достоинства, однако вновь ставит экономику в зависимость от государства…».

Основное содержание выражено следующим образом: «Главным отличием сценария «Двуглавый орел» является воссоздание более сильного центрального правительства, по сравнению с тем, которое мы рассматривали в рамках сценария «Сползание».

«Двуглавый орел» предполагает образование союза умеренных и консервативных групп, считающих, что содействие развитию рынка (каким они его себе представляют) лучше всего путем восстановления сильной центральной власти и гражданского порядка… По их мнению, самая прочная база для возрождения России — это российская промышленность, особенно оборонная. «Государственники привлекают милицию, военных и средства массовой информации к широкомасштабной кампании, цель которой — использовать гнев народа, направленный против преступности, всевозможных мафий, многих частных предпринимателей и коррумпированных местных чиновников».

Сценарий «Смутное время» предполагает «движение в обратном направлении — отказу от централизованного направления, вследствие чего так или иначе возникнут хаос и неизбежные попытки противодействовать ему. Строго говоря, это не один сценарий, а скорее целое семейство. При более благоприятном стечении обстоятельств Россия двинется по пути «долгого прощания», то есть дальнейшего ослабления централизованного в прошлом российского государства. Тем не менее рано или поздно за хаосом, как бы долго он не продолжался, последует, вероятно, обратная реакция: централизация, собирание русских земель… В худшем случае возникает государство, враждебное внешнему миру, стремящееся возродить российское господство над странами бывшего СССР…».

При наиболее умеренном варианте «Смутного времени», обозначенном авторами как «Долгое прощание», «сепаратистские тенденции в регионах преодолеваются относительно легко и быстро, и рецентрализация России вокруг Москвы приводит к утверждению мягкого, даже демократического режима. Региональный сепаратизм может оказаться сравнительно мягкой и медленно действующей силой, которая преодолевается без кровопролития и жестких репрессивных мер».

В наиболее жестком варианте «Смутного времени», названном авторами «Русским медведем», «правящие круги состоят главным образом из представителей профессиональной элиты и московской бюрократии. Основой режима является не коммунистическая партия, несмотря на то, что среди его сторонников много бывших коммунистов. Он основан не на марксистской идеологии, хотя на практике

руководствуется некоторыми социалистическими принципами. Его идеология — расплывчатая, опирающаяся главным образом на воинствующий русский национализм и государственный консерватизм. Главной угрозой для безопасности страны, по мнению авторов «Русского медведя», являются внутренние сепаратистские тенденции, и руководство уделяет первоочередное внимание ликвидации «автономных» регионов в самой России».

Авторами доклада не исключается также и возможность развития России по сценарию «Русское чудо», имея в виду русское экономическое чудо.

Кроме того, в докладе CERA прогнозируются возможные тенденции внешней политики России по отношению к Украине, Белоруссии, государствам Балтии, Кавказа, Средней Азии, США, Германии, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. В частности, указывается: «Главные проблемы отношений между США и Россией будут связаны с экономической и технической помощью, инвестициями, торговлей и ядерным оружием. Соединенные Штаты будут и далее добиваться от Москвы сокращения ядерных вооружений, а также решения более широких вопросов, касающихся нераспространения ядерных и обычных вооружений».

Другая проблема в межгосударственных отношениях между США и Россией связана с возможными спорами в Центральной и Восточной Европе, а также в республиках бывшего Советского Союза. Россия будет продолжать настаивать на том, что она призвана играть центральную роль в решении всех вопросов, касающихся Украины и других государств-преемников СССР. Со временем она начнет более резко критиковать Запад, особенно США, за вмешательство в решение важнейших вопросов, связанных с ближайшим зарубежьем. В России будут раздаваться протесты против американского вмешательства в дела безопасности и национальных интересов России, и с такими протестами будут выступать не только враждебные Западу крайние националисты.

Итак, вся логика протекавших событий показывала, что по разрабатываемой в крупнейших мировых центрах проблеме перевода России с социалистического пути развития на капиталистический, было принято однозначно жесткое решение. Оно подразумевало окончательное разрушение российской экономики и перевод ее в

«нулевое» состояние — то есть в структурно не связанные фрагментарные элементы экономического базиса.

Данный подход обусловлен несколькими факторами. Человечество не знает эволюционного пути перехода от социализма к капитализму. Цивилизованный перевод социалистической экономики на капиталистический путь развития, проводимый в Восточной Германии при помощи колоссальных инвестиций, не дал положительного результата. Правительство ФРГ израсходовало на эти цели от 600 миллиардов до 1 триллиона марок. Однако экономика восточных земель ФРГ так и не достигла уровня и качества западных земель, а правительство ФРГ получило резкий рост коррупции из-за сложности обработки большого объема инвестиций. Интересная деталь: территория и численность населения бывшей ГДР сопоставимы с характеристиками Московской области.

Поэтому, наверное, и возобладал механистический подход, когда при переводе производства на новый уровень технологии значительно дешевле построить новый завод, чем модернизировать старое производство. Тем более, что новейшая экономическая история знает решение проблемы развития из «нулевого» состояния — достаточно вспомнить план Маршала для послевоенной Японии, план Эрхарда для Германии, «новый курс» Рузвельта при преодолении «великой депрессии».

Конкретно данный подход проводится в жизнь Международным валютным фондом, лондонским и парижским клубами, а также внутрироссийскими центрами. Заданные МВФ экономические показатели для России (дефицит бюджета-96 — 4 процента, дефицит бюджета-97 — 3 процента, годовая инфляция на уровне 10–20 процентов) в конечном итоге ведут к недостатку инвестиций в промышленность и, как следствие, к падению производства. Отступление от заданных МВФ показателей грозит России отказом от реструктуризации непомерного внешнего долга со стороны парижского и лондонского клубов.

По оценке экспертов, перевод России в «нулевое» состояние займет еще 3–5 лет. Ожидается, что после этого,’с помощью дозированных иностранных инвестиций произойдет оживление отдельных производств и отраслей, прежде всего сырьевых и экологически «грязных». При этом основной целью на данном этапе

будет создание новых рынков в России, но уже под контролем иностранного капитала.

Об определенной принадлежности мировых центров свидетельствует внедряемая ими региональная политика России. Ее целью является создание образований, относительно слабо связанных с центром, желательно на конфедеративной основе. В качестве аналога этой схемы можно рассмотреть США на начальной стадии развития, которые образовались 200 лет назад после поражения конфедератов (южан) в Гражданской войне с федератами (северянами). Тем не менее, в начале образования США получили сильное конфедеративное начало — недаром дословно аббревиатура УСА переводится как соединенные государства Америки.

Положительным моментом данной системы ее российские сторонники считают проработанность механизмов управления. Кроме того, в менее крупных и более слабых образованиях значительно легче развивать новые рынки, которые, в отличие от центра, не будут выдвигать глобальные требования. Роль центра при этом будет номинальная.

В российской политической жизни не просматривается сил, способных противодействовать данной политике, — с удовлетворением констатируют на Западе. Поэтому ее реализация вполне вероятна. События на Северном Кавказе, в других регионах Российской Федерации — тому убедительное подтверждение.

Глава 4
КРОВОТОЧАЩАЯ РАНА

Кремль и Грозный. — Ситуация в Чечне. — Лидеры Ичкерии рвутся на международную арену. — Планы отторжения Северного Кавказа от России. — Сценарии дестабилизации. — Бессилие Москвы против сепаратизма. — Чечня и Дагестан — козырные карты в планах политиков.

6 августа 1996 года в 5 часов 50 минут в Грозный вошли вооруженные формирования ЧРИ. Подготовка штурма не была тайной ни для жителей, ни для военных. Не объяснено до сих пор, почему накануне вторжения боевиков в город охранявшие его 1500 военнослужащих внутренних войск и сотрудников МВД, а также подчинявшийся правительству Д. Завгаева полк чеченской милиции были сняты с блок-постов и выведены из Грозного. Выдвижение началось, когда вооруженные формирования ЧРИ уже входили в город!

В первые же часы. штурма федеральные силы понесли большие потери. Ситуация требовала немедленных действий, но масштаб катастрофы был либо недооценен российскими военачальниками и кремлевскими чиновниками, либо они не осмелились доложить всю правду президенту, стремясь не испортить ему предстоявший праздник инаугурации.

В день инаугурации, 9 августа, В. Черномырдин дал поручение министру обороны И. Родионову и министру внутренних дел А. Куликову в кратчайший срок разрешить ситуации, сложившуюся в Грозном. Однако время было упущено, положение в городе вышло из-под контроля федеральной стороны.

10 августа Б. Ельцин объявил днем траура в связи с событиями в Грозном. Секретарь Совета безопасности, помощник президента по национальной безопасности А. Лебедь получил назначение полномочного представителя Б. Ельцина в Чеченской Республике. В тот же день А. Лебедь прибыл на Северный Кавказ.

11 августа комиссия по урегулированию чеченского кризиса под председательством В. Черномырдина одобрила силовой вариант, для

чего решено было в ближайшие дни ввести в Чечне чрезвычайное положение.

19 августа генерал К. Пуликовский фактически предъявил вооруженным формированиям ЧРИ ультиматум, потребовав от них покинуть Грозный. Мирному населению он дал 48 часов на выход из города.

21 августа начался обстрел Грозного.

А. Лебедь, прибыв в Чечню, заявил, что «проблема ультиматума» будет решена к утру 22 августа, «руководствуясь гуманными соображениями и здравым смыслом», и отправился на встречу с А. Масхадовым.

Ночью и днем 22 августа в селе Новые Атаги в ходе переговоров А. Лебедя с А. Масхадовым был выработан и подписан документ, предусматривавший разведение противоборствующих сторон, отвод войск и совместный контроль над отдельными районами Грозного.

Всего с 6 по 22 августа в Грозном, по неполным данным, погибли 494 и были ранены 1407, пропали без вести 182 военнослужащих и сотрудников милиции. Погибших мирных жителей никто не считал — журналисты называли цифру 2000 человек. Свыше 220 тысяч беженцев покинули город.

30 августа в Хасавюрте А. Лебедь и А. Масхадов подписали «Совместное заявление» о принципах, по которым будет в дальнейшем идти переговорный процесс. Был согласован срок подписания политического соглашения между Россией и Чечней — до 31 декабря 2001 года.

Хроника последующих событий: 31 декабря 1996 года был завершен вывод всех федеральных войск с территории Чечни.

27 января 1997 года в Чечне состоялись президентские и парламентские выборы. Президентом ЧРИ из зарегистрированных 16 кандидатов был избран А. Масхадов.

12 мая 1997 года в Москве Б. Ельцин и А. Масхадов подписали договор о мире и принципах взаимоотношений между РФ и ЧРИ.

Американские эксперты, оценивая ситуацию на Северном Кавказе, полагали, что «Москва превращает Чечню в резервацию, практически по всему периметру границ окруженную войсками».

Создание такого кольца вокруг республики, по мнению американцев, могло означать подготовку российского руководства к

одному из двух вариантов дальнейших взаимоотношений с Грозным. Первый предусматривал силовое удержание республики в составе Российской Федерации. Однако большинство экспертов считали наиболее вероятным второй вариант, при котором после президентских и парламентских выборов Чечня попытается форсировать свой курс на независимость, а Россия ограничится воздвижением вокруг Ичкерии «силового забора».

Иностранные корреспонденты отмечали, что осложнение предвыборной ситуации в Чечне после убийства сотрудников Международного Красного Креста в селении Новые Атаги и захвата заложников из числа российских милиционеров на дагестанской границе вызывает сильное беспокойство.

Зарубежные журналисты обратили особое внимание на заявления «подчиняющегося только Д. Дудаеву и аллаху» С. Радуева, который подчеркнул, что «рассматривает нынешнюю ситуацию как временную передышку, необходимую для подготовки групп смертников, чтобы привести в исполнение собственные приговоры военным преступникам», к которым он отнес ряд высших должностных лиц России.

По мнению российских и западных обозревателей, С. Радуев демонстрировал открытое неповиновение официальному Грозному в лице А. Масхадова, что свидетельствовало о «слабости официальной власти в республике, которая на самом деле не настолько целостна и монолитна, чтобы гарантировать выполнение всех достигнутых с ней договоренностей». Западные журналисты считали, что дальнейшее продолжение российско-чеченских отношений будет зависеть от позиции А. Масхадова.

Согласно оценкам американских политологов, активная работа по формированию органов новой исполнительной и законодательной власти и подготовке к президентским выборам необходима нынешним лидерам Чечни для создания видимости легитимности их руководства республикой. Политологи подчеркивали, что к власти приходят командиры вооруженных формирований, принимавшие активное участие в боевых действиях против федеральных войск, и от которых американцы прежде всего ожидают действий по созданию в Чечне всего спектра силовых структур. Особое внимание будет уделяться развитию и совершенствованию деятельности Департамента

государственной безопасности Чечни, особенно тех его подразделений, которые специализируются на проведении диверсионно-разведывательных операций и хорошо зарекомендовали себя в ходе войны.

На создание силовых структур необходимы крупные финансовые ресурсы, и иностранцы не исключают возможности того, что при отсутствии действенных мер контроля за распределением направляемых в республику средств недостаток денег будет покрываться за счет их изъятия из финансируемых Россией социальных программ. Кроме того, американцы считали, что сильное влияние на мусульманские республики Северного Кавказа позволит будущему руководству Чечни шантажировать правительство РФ и добиваться от него компенсационных выплат, при этом не допуская серьезного вмешательства во внутренние дела республики.

Политологи предполагают, что формирование антироссийских настроений, поддержка организаций сепаратистского толка, осуществление провокаций в местах расположения федеральных войск на территории Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии позволят лидерам Чечни отвлечь внимание российского руководства от событий, происходящих в самой Чечне, политика которой долго еще будет носить ярко выраженный милитаристский характер.

Согласно прогнозам, только два из пяти кандидатов в президенты Ичкерии имели реальные шансы победить на выборах. Еще месяц назад рейтинг А. Масхадова, с которым связывались надежды чеченцев на умеренность и политическую стабильность, был настолько высок, что ни о какой конкуренции не могло быть и речи. Однако теперь, когда война уже в прошлом, приоритеты кардинально изменились, и сегодня многие в Чечне уверены в победе Ш. Басаева.

Как считают западные аналитики, лидеры чеченских сепаратистов, добившись вывода с территории республики федеральных войск и роспуска правительства Д. Завгаева, направят дальнейшие усилия на организацию своих представительств за пределами Рос-сии.

Иностранцы уверены, что большинство западноевропейских государств, не желая обострять отношений с Россией, воздержатся от прямых контактов с представителями Ичкерии до ее официального выхода из состава Федерации. Вместе с тем они отмечали и тот факт, что многие прибалтийские политики, демонстративно одобрявшие

действия сепаратистов во время развития конфликта в Чечне, способствовали созданию в странах Балтии «чеченских учреждений гуманитарного характера», которые фактически будут работать в режиме дипломатических институтов.

Развитие связей с Прибалтикой имело для Чечни не только политическое, но и экономическое значение. По оценкам зарубежных аналитиков, сепаратисты всегда в значительной степени опирались на криминальные доходы, которых в последнее время хронически не хватало. Чеченские лидеры осознавали, что для восстановления экономики республики необходимо легально получить финансовые средства хотя бы в виде компенсаций за материальный и моральный ущерб. А прибалтийские республики способны оказать существенную помощь в организации и проведении активной идеологической кампании, результатом которой могло стать усиление давления со стороны мирового сообщества на Российскую Федерацию, вплоть до того, что получение Россией очередных западных кредитов могло во многом зависеть от готовности правительства РФ выделять из них многомиллиардные суммы Чечне.

О результатах выборов в Чечне. Западные политические обозреватели полагали, что достаточные основания для признания Чеченской Республики полноправным субъектом международного права отсутствуют. В то же время, по их мнению, несмотря на успешное завершение выборов в Чечне, вряд ли можно говорить о том, что политическое будущее этой страны определилось.

Президент России, как подчеркивали иностранцы, в полной мере осознавал необходимость сохранения контроля за маршрутами транспортировки нефти от каспийских месторождений.

Жесткая позиция, занимаемая российским руководством, не только делала невозможным скорый выход республики из состава Федерации, но и «заставляла» Запад сомневаться в том, что Москва когда-либо пойдет на реальные уступки Грозному.

«Убедительная победа прагматика А. Масхадова» свидетельствовала об изменившихся настроениях большинства жителей, мечтавших прежде всего о стабилизации обстановки в регионе. По мнению иностранцев, заявления А. Масхадова, желающего «в экономическом плане отношения с Москвой оставить прежними», фактически являлись признанием зависимости Чечни от финансовых

поступлений из федерального центра. Новая власть не только стремилась восстановить разрушенную инфраструктуру республики за счет средств российского бюджета, но и заявляла о необходимости получить выплаты по зарплатам и пенсиям, начиная с 1991 года. Как считали политологи, этот интересный маневр со стороны официального Грозного по выяснению пределов возможностей федерального центра показывал, что хасавюртовские соглашения уже исчерпали себя, а проблема отложенного статуса потеряла свою остроту. Теперь российскому руководству, чтобы своевременно использовать возможность конструктивного диалога с сепаратистами, нужно иметь четкую концепцию урегулирования взаимоотношений с Чечней, «иначе республика со временем снова станет деструктивным фактором на Северном Кавказе».

Хотя ранее все кандидаты, участвовавшие в предвыборной гонке в Чечне, обязательно заявляли о своей решимости добиваться независимости Ичкерии, после выборов стало ясно, что этот лозунг являлся не столько средством объединения чеченского общества, сколько служил целям предотвращения раскола между различными влиятельными группировками и полевыми командирами. Отказ Ш. Басаева от сотрудничества со всенародно избранным президентом ЧР мог иметь далеко идущие последствия вплоть до повторения афганского сценария гражданской войны.

Сводки из правоохранительных органов. По оценке правоохранительных органов России, мирное урегулирование в Чечне использовано чеченской организованной преступностью для расширения и укрепления своих позиций в коммерческих структурах Москвы, Петербурга и ряда крупных региональных центров.

Одним из основных направлений деятельности чеченских группировок стало «подключение» к внешнеэкономическим сделкам, связанным с продажей нефти, нефтепродуктов, леса, иного сырья и полуфабрикатов, пользующихся спросом на мировом рынке. Особое внимание уделялось структурам, занимавшимся поставками за рубеж вооружений и стратегических товаров.

На втором месте было установление контроля над коммерческими банками и компаниями, имеющими счета за рубежом, с целью получения процентов с совершаемых сделок, а также отмывания «грязных» денег.

На третьем — получение крупных кредитов в коммерческих банках под фиктивные договора через реально существовавшие или специально создаваемые фирмы с последующим обналичиванием и хищением средств.

В качестве нового направления правоохранительные органы отмечали использование чеченцами фальшивых векселей коммерческих банков.

Чечня на международной арене. Первые заявления нового президента Чечни А. Масхадова показали, что одной из главных задач он ставил признание Чеченской Республики Ичкерии как субъекта международного права, предоставление международных гарантий независимости Чечни.

Пока не было очевидных доказательств того, что мировое сообщество готово официально признать независимость Чечни. Более того, на официальном уровне постоянно подчеркивалась приверженность позиции о территориальной целостности России. Руководство стран «семерки» опасалось быстротечной и неуправляемой дезинтеграции РФ и справедливо считало, что насильственный (де-факто) выход самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии из состава Российской Федерации мог инициировать этот процесс. Вместе с тем многие политики на Западе в принципе не возражали против дальнейшего раздела России, если этот процесс можно было бы ввести в управляемые рамки, без негативных для Запада последствий в военной, экономической, социальной сферах.

Избрание А. Масхадова президентом Чечни рассматривалось как событие, которое могло существенным образом изменить позицию зарубежных стран, так как в складывавшейся ситуации возникала реальная возможность обеспечить легитимный процесс выхода республики из Российской Федерации, вынудить российское руководство признать его неизбежность и законность. В пользу такого вывода говорило многое и, прежде всего, то, что А. Масхадов — не только один из наиболее жестких и последовательных сторонников независимости Чечни, он яснее других понимал, что только международное признание и международные гарантии позволят Чечне обрести реальную независимость от России.

Ни для кого не было секретом, что А. Масхадов политик больше прозападного, чем исламистского толка. Конечно, он будет стремиться

проводить взвешенную, сбалансированную между Западом, исламскими странами и Россией внешнюю политику, но отдавать предпочтение будет, скорее всего, Западу.

Такую позицию трудно было понять. Крушение двухполюсной системы миропорядка и последовавший за этим переходный «турбулентный» процесс дали основание многим российским, да и западным политикам говорить о наступлении эры многополюсного мира. Однако современные реалии позволяли сделать противоположный вывод. Все отчетливее проявлялось движение к однополюсному миру — достаточно, например, назвать «семерку» ведущих держав. Причем роль единоличного мирового лидера все больше играли Соединенные Штаты, которые не скрывали своих намерений закрепить и усилить свои доминирующие позиции.

Это, разумеется, понимал и А. Масхадов. Поэтому «весовые коэффициенты» приоритетов во внешней политике нового чеченского руководства виделись, скорее всего, расставленными так: США — Западная Европа — исламский мир — Россия. Разумеется, это в силу известных причин не должно афишироваться.

Наконец, и для Запада А. Масхадов наиболее приемлемая фигура. Он легитимно избранный президент Чечни, имеет по сути европейское образование и воспитание, а главное пользуется известностью на Западе не только как умелый военачальник, сумевший организовать сопротивление регулярной российской армии, но и как миротворец, инициатор и непосредственный участник всех акций, предпринятых конфликтующими сторонами по прекращению военных действий и мирному урегулированию конфликта. Не последнюю роль для Запада играло то обстоятельство, что и для российского истеблишмента А. Масхадов был наиболее приемлемой фигурой.

Чеченскими сепаратистами сделано уже немало в международной области для того, чтобы утвердиться в качестве субъекта международного права. По сути, заложены основы «внешнеполитической инфраструктуры», которая после проведения международно признанных демократических выборов и формирования легитимных органов власти республики, получит в своем развитии дополнительный импульс.

К тому же надо признать, что руководство чеченских сепаратистов пользовалось советами вполне квалифицированных специалистов в

международных делах. Примеров тому немало. Последний яркий пример. — прошедшие в Чечне выборы, когда в числе «иностранных» наблюдателей, приглашенных Центральной избирательной комиссией Чечни, были наблюдатели и от Российской Федерации.

По каким направлениям следовало ожидать активизации деятельности чеченского руководства на международной арене?

Отвечая на этот вопрос, весьма неприятный для российского руководства, многие констатировали, что прежде всего чеченские сепаратисты пойдут по пути открытия своих консульств, представительств, информационных и культурных центров, которые можно открыть без установления официальных дипломатических отношений и которые будут выполнять функции неофициальных посольств.

Конкретные шаги в этом направлении предпринимались Чечней уже с 1991 года. В 1996 году было открыто 16 так называемых «консульских представительств ЧРИ» за рубежом, а также целый ряд информационных центров и других представительств.

Опыт с открытием «консульских представительств» напрямую заимствован из практики восстановления дипломатических отношений Советского Союза с Израилем, когда в отсутствие дипломатических отношений в Тель-Авиве длительное время работала консульская группа МИД СССР для решения вопросов, связанных с защитой интересов граждан СССР в этой стране. После восстановления дипломатических отношений эта же группа составила костяк советского посольства в Израиле.

Были и другие примеры установления «неформальных» отношений, использованные в практике российской дипломатии. Так, в Москве с 1993 года действовало представительство Тайбэйско-Московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, являвшееся фактически по своим функциям и генеральным консульством Тайваня. Скорее всего, российский опыт не останется незамеченным чеченским руководством. Да и в международной дипломатической практике подобных примеров немало.

Не исключалось установление и прямых дипломатических отношений с некоторыми странами. Такое развитие событий вполне было вероятно. Далеко не все государства, даже бывшие союзники

Советского Союза, опасаются испортить отношения с Россией. К тому же всегда можно найти какую-нибудь небольшую африканскую, латиноамериканскую или другую страну, которая за существенное анонимное «вливание» в свою экономику от Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Турции или какой-либо другой заинтересованной страны согласилась бы первой прорвать «дипломатическую блокаду». На такую роль, например, вполне подходила Турецкая Республика Северного Кипра. Именно таким образом Тайванем в 80-е годы были «куплены» дипломатические отношения с Габоном «в пику» Китайской Народной Республике.

Нельзя было сбрасывать со счетов и использование возможностей чеченской диаспоры в зарубежных странах с целью лоббирования — через национальные парламенты или государственные структуры — интересов Чечни в зарубежных государствах. В этом отношении наибольшими возможностями обладают чеченские диаспоры в Иордании, где некоторые ее представители занимают высокие посты в структурах государственной власти, в Турции, Сирии, Египте, ряде западных стран, и прежде всего в США и Германии.

Важно было учитывать и активизацию связей нового парламента Чечни с парламентами других стран. Этот канал представлялся наиболее доступным и легитимным для проталкивания в национальных парламентах тех решений, в которых заинтересовано чеченское руководство.

Чечня могла внедрять своих представителей в международные организации и использовать их возможности в своих целях. Чеченцы имели своих представителей и наблюдателей, пускай формально, пускай не признанных — во многих международных организациях. Они активно работали в Организации непризнанных наций и народов. Следовало ожидать их настойчивых попыток внедриться с тем или иным статусом в ООН, ОБСЕ, другие авторитетные международные организации. Министр иностранных дел ЧРИ И. Чимаев, например, направил письмо министру иностранных дел Индонезии, нынешнему председателю Организации — Исламская конференция о желании принять участие в работе ее юбилейной сессии. Чеченские лидеры будут также стремиться подключить международные органы, в том числе и юридические, для того, чтобы добиться от России выплаты материальных и моральных компенсаций.

Особое внимание, безусловно, будет уделено странам Балтии и СНГ, в частности, Казахстану, где имеется наиболее многочисленная и антироссийски настроенная чеченская диаспора, родственному по религии Азербайджану, ближайшей соседке Грузии, позиция которой в споре между Россией и Чечней крайне важна. Причем в налаживании отношений с Грузией может активно использоваться абхазский фактор.

Ну и, конечно, могут быть использованы внутри-российские возможности, в частности, довольно широко развитые зарубежные связи Татарстана, Башкортостана, Калмыкии, других национальных республик, которые могли существенно облегчить руководству Чечни выход за рубеж.

В этих условиях остро встает вопрос о выборе линии федеральных властей в отношении международных акций нового чеченского руководства. Безусловно, жесткое предупреждение российского МИДа об ответных мерах, вплоть до разрыва дипломатических отношений со странами, которые признают независимость Чечни, дает свои результаты. Однако было бы ошибкой ограничиваться только этим.

Признают или не признают? По мнению испанских дипломатов в Москве, «ни одна из европейских стран в обозримом будущем не признает независимости Чечни, а А. Масхадов будет вынужден пойти на соглашение с Кремлем». Испанские дипломатические представители считали, что даже страны Балтии, руководители которых открыто сочувствовали чеченским сепаратистам, остерегутся признать ее независимость не только из-за возможных экономических санкций со стороны России, но и «не желая портить свой имидж в глазах Европы».

По оценкам ряда корреспондентов США в Москве, «А. Масхадов стал своего рода политическим заложником своих недавних соперников — З. Яндарбиева и Ш. Басаева». Он уже не в состоянии остановить действия, направленные на обретение Чечней полной независимости и окончательный выход из состава России, «хотя и имеет репутацию умеренного лидера, обладающего достаточным опытом для ведения переговоров» как с российским руководством, так и с наиболее влиятельными, полевыми командирами.

Как считали временный поверенный в делах США в России Д. Тэффт и американский дипломат Т. Грэхем, «неординарность политической обстановки требует от Москвы необычных решений». По их мнению, в сложившейся ситуации наиболее дальновидным шагом

руководства России стало бы признание фактической независимости Чечни с тем, чтобы в дальнейшем попытаться вновь интегрировать ее в состав Федерации при помощи экономических рычагов. Американцы полагали, что при нынешнем составе Государственной думы невозможен «легитимный вариант признания чеченской независимости, так как имеющая значительный перевес леворадикальная оппозиция попытается использовать ситуацию для возбуждения процедуры импичмента президента России».

Дипломаты рассматривали Турцию в качестве одного из наиболее влиятельных исламских соседей, с которыми Чечня неизбежно попытается наладить политический контакт с целью добиться в дальнейшем международного признания. Вместе с тем Анкара, по их прогнозам, будет разыгрывать «чеченскую карту» для оказания давления на Москву при обсуждении вопроса о поставках новейших вооружений Кипру. Однако американцы убеждены, что турецкие политики вряд ли способны безоговорочно признать независимость Чечни, поскольку имели собственные проблемы с курдскими сепаратистами и вполне могли столкнуться с эффектом «политического бумеранга» на своей территории.

Согласно оценкам американских представителей, вероятность повторения афганского сценария гражданской войны в Чечне невелика, однако наличие большого количества вооруженных людей, которым в случае наступления прочного мира просто нечем будет заняться, станет серьезной проверкой жизнеспособности нового правительства республики. Д. Тэффт полагает, что в перспективе при заключении соответствующего договора Грозный способен взять на себя часть функций по охране южных границ СНГ, и в определенной мере это помогло бы стабилизировать ситуацию в самой Чечне. Развитие событий во многом зависит от дальновидности А. Масхадова, политический вес которого в глазах чеченцев, проживающих в северных районах республики, значительно выше, чем у первого чеченского президента, подчеркивают дипломаты.

Ситуация на Северном Кавказе… Посол Ирака в Москве Х. Джума выразил мнение, что стратегической целью Запада является «выдавливание» России из кавказского региона и создание «буферной зоны» между государствами Закавказья и Российской Федерацией. В будущем, согласно прогнозам иракского дипломата, «конфликты

приобретут не столько территориальный, сколько межэтнический характер», что в перспективе может привести к установлению «международного контроля над регионом».

По мнению посла, по мере обострения противоречий между нефтедобывающими государствами Ближнего Востока и ведущими западными корпорациями возрастает интерес последних к Каспийскому шельфу и Северо-Кавказскому региону. Дипломат не исключал возможности постепенного установления жесткого национального контроля за добычей и транспортировкой нефти в Ираке, Иране и Саудовской Аравии, а в этом случае Западу срочно потребуется искать альтернативу сырьевым ресурсам указанных стран. Дипломатический представитель отмечал, что в ближайшие годы центр мировой нефтедобычи может переместиться на Кавказ, поскольку, по оценкам зарубежных экспертов, на Каспийском шельфе уже разработаны и готовы к освоению месторождения, содержащие до 25 миллиардов тонн нефти. Кроме этого, в Северо-Кавказском регионе на большой глубине залегают перспективные нефтеносные пласты, центром которых географически является Чечня, подчеркнул Х. Джума.

Дагестан. Реальная угроза территориальной целостности Российской Федерации связана с крайне негативным развитием событий в Республике Дагестан и требовала безотлагательных мер в обеспечении безопасности в этом регионе. Обострение общественно-политических, социально-экономических и национально-религиозных противоречий в республике, где проживает 38 народов и этнографических групп, а также возраставший напор со стороны чеченского сепаратизма, стремившегося создать фронт противостояния федеральному центру, создавали опасность для России потерять Республику Дагестан как ворота России в Закавказье, Ближний и Средний Восток.

Республика длительное время находится в состоянии экономической блокады. В результате чеченских событий нарушено железнодорожное и автомобильное сообщение, кабельная связь, приостановлена добыча нефти, многие предприятия закрыты, так как республика несколько лет работала в автономном режиме, испытывая дефицит в энергообеспечении.

Спад производства, дефицит бюджетных расходов привели к падению социальной защищенности граждан республики. Начиная с

1991 года и по сей день ее бюджет является дотационным, которого не хватает даже на выдачу заработной платы. В Республике Дагестан в конце 1996 года насчитывалось около 200 тысяч безработных, что составляло 25 процентов трудоспособного населения. Средняя заработная плата в республике в 3,2 раза ниже, чем в среднем по России.

Дополнительную социальную напряженность в Республике Дагестан создают и не регулируемые миграционные процессы. Война в Чечне вызвала поток беженцев, основную массу которых составляли этнические чеченцы. Число чеченцев, проживавших в Дагестане, с 1994 года возросло с.60 до 200 тысяч человек. Социально-экономические трудности повлекли за собой и криминализацию общества в республике. За период с января по ноябрь 1996 года в Республике Дагестан было зарегистрировано 12 698 преступлений. Всего в этой республике проживает в настоящее время около 2 миллионов человек.

Из-за нехватки финансовых средств не реализуется ряд федеральных программ. Например, свернута программа переселения лакского населения (90 тысяч человек), которое под давлением чеченцев-акинцев вынуждено было бросить дома. Не находит решения и проблема обустройства лезгинов. В республике продолжается стихийное переселение населения из горных районов на равнину. Ограничение в землепользовании населения, проживающего в равнинной местности, может обострить отношения между кумыками и аварцами, кумыками и даргинцами, лезгинами и азербайджанцами, горцами и русскими. Усиливаются миграционные процессы среди русского населения. Все это создает взрывоопасную обстановку в межнациональных отношениях между народами и этнографическими группами, проживающими на территории Дагестана.

Геостратегическое положение Республики Дагестан требовало от федерального центра повышенного внимания и по следующим причинам. Серьезным дестабилизирующим фактором, оказывающим влияние на обстановку в республике, является близость границы с Чечней. В связи с изменением в ней ситуации следует ожидать выброса огромной криминальной массы в сторону Дагестана. Граница между республиками не охраняется ни с одной, ни с другой стороны. Чеченские боевики все чаще проникают на сторону Дагестана и контролируют ряд ее населенных пунктов.

Бесконтрольное поведение чеченских боевиков в приграничных районах, не прекращающиеся случаи угона скота, автотранспорта, похищения людей с целью получения выкупа, призывы к местному населению воевать против «общего врага — России», установление норм шариата, очевидная целеустремленность лидеров Ичкерии пробить себе путь на Ближний Восток, заявления представителей чеченской стороны о территориальных претензиях к Республике Дагестан вырабатывают у населения психологию прифронтового синдрома.

Бессилие людей привело к созданию отрядов самообороны. Общую численность формирований самообороны Дагестана предполагается довести до 5 тысяч человек. Правительство республики производит закупки вооружений для этих отрядов. Обстановка в республике с каждым днем накалялась, раздавались призывы вооружить подразделения местных резервистов и объявить в Республике Дагестан чрезвычайное положение.

Территория Дагестана становится объектом пристального внимания со стороны спецслужб сопредельных и иностранных государств, которые в качестве дестабилизирующего действия активно используют религиозный фактор в лице его наиболее экстремистской формы — ваххабизма, подталкивающего население к выходу из состава Российской Федерации и созданию исламской Республики Дагестан.

Руководство республики не разделяет идеи превратить Дагестан в независимое мусульманское государство и твердо выступает за пребывание в составе России. В то же время критическое экономическое положение, невыполнение указов и постановлений российского руководства по стабилизации положения в республике ведет к формированию у населения Дагестана психологии неверия в возможность оказания существенной помощи со стороны федерального центра в выходе из опасного кризиса.

Неприятие своевременных мер со стороны центральной власти усиливает возможность как региональной, так и мировой дестабилизации, которая, прежде всего, создает угрозу безопасности Российской Федерации.

Из Чечни приходили тревожные сообщения: руководство сепаратистов проводит мероприятия по повышению боевой готовности

войск, включая подготовку военных специалистов из числа чеченской молодежи за рубежом. Изыскивались новые способы приобретения оружия и боеприпасов.

Еще до выборов имелись все основания прогнозировать, что сепаратисты в своем стремлении найти выход к Черному морю перейдут к активным действиям по присоединению новых территорий, причем не только в Дагестане, что может привести к вспышке всеобщей кавказской войны, вводу миротворческого корпуса НАТО с последующим отсоединением Кавказа от России.

Углубление противоречий с Узбекистаном. Внешняя политика Узбекистана целиком подчинена задаче становления этой страны ведущей державой Центральной Азии.

Основным компонентом данного процесса являлось максимальное ограничение влияния России в Центральной Азии и вытеснение ее из региона. В этом контексте на внешнеэкономическом поле Ташкент солидаризировался с теми государствами, которые являлись соперниками Москвы в регионе, старался свести к минимуму зависимость от Кремля, поддерживая, в частности, проекты строительства транспортных магистралей, нефте- и газопроводов в обход ее территории. Достаточно вспомнить соглашение о создании транскаспийского коридора.

В рамках СНГ Ташкент взял курс на всемерное противодействие шагам России, направленным на политическую и военную интеграцию республик бывшего СССР. Внутри Содружества Узбекистан настойчиво подчеркивал свою независимость и охотно сотрудничал с теми государствами, которые могли бы составить антироссийский альянс. Также антироссийскими целями было продиктовано и создание Сообщества государств Центральной Азии со штаб-квартирой в Ташкенте. Доминируя в этой организации, Узбекистан «проталкивал» свой вариант интеграции, противоположный интеграции с Россией.

Осознание важности геополитического положения Узбекистана, его экономических ресурсов и стратегических возможностей в плане нейтрализации влияния России в Центрально-Азиатском регионе, послужило мощным импульсом к налаживанию тесных связей с Ташкентом стран Запада, и прежде всего США.

Таким образом, можно сделать вывод, что во внешнеполитическом плане реальные предпосылки для сближения Москвы и Ташкента

отсутствовали.

Аналитики предупреждали: в обозримой перспективе Узбекистан будет основным соперником России в Центрально-Азиатском регионе. Политические амбиции узбекских лидеров, в частности, их стремление сделать республику региональной сверхдержавой, обусловит антироссийскую направленность их действий в. регионе, в рамках СНГ и на международной арене в целом.

Угроза безопасности на Дальнем Востоке. Основной угрозой интересам военной безопасности России на Дальнем Востоке являлась возраставшая мощь Японии, которая продолжала предъявлять территориальные претензии к России. Несмотря на малочисленность армии, Япония уже в 1996 году превосходила Россию по уровню военных расходов, направляя их на качественное совершенствование своих вооруженных сил. Это могло явиться основой для активных притязаний на Курильские острова. В этой ситуации Запад, и в первую очередь США, скорее всего поддержат Токио не только политически, но и путем демонстрации силы.

В перспективе потенциальная военная угроза могла возникнуть в результате сохранения нынешних темпов экономического и военного потенциала КНР. Согласно ряду источников, современная военная доктрина Китая содержит перечень «врагов, от которых исходит угроза войны», и Россия занимает в нем третью строку.

Важную роль для интересов национальной безопасности России играл и корейский фактор. В первую очередь речь идет о возможном кризисном развитии обстановки на Корейском полуострове. Учитывая наличие общей границы с КНДР и свои стратегические интересы в данном регионе, Россия обязана была бы занять твердую позицию в случае попытки разрешения конфликта военными методами. В случае же объединения Кореи на границах России появился бы еще один претендент на региональное доминирование, причем имеющий одну из самых мощных армий в мире.

И на этом фоне — нехватка средств на обеспечение надежной охраны границы в Приморье и Забайкалье.

Внешние угрозы безопасности России в этом регионе усугублялись внутренними проблемами. По оценкам военных специалистов, в Дальневосточном, Забайкальском военных округах и

на Тихоокеанском флоте складывалась не просто критическая, а взрывоопасная ситуация.

По состоянию на декабрь 1996 года общая задолженность бюджета войскам Забайкальского округа составляла 1,32 триллиона рублей, Тихоокеанскому флоту — свыше 1,5 триллионов рублей. Из-за проблем с финансированием резко падала боеготовность частей и подразделений, росла коррупция и преступность среди военнослужащих, резко подскочил уровень аварийности, возросло число крупных ЧП. Социально-экономический кризис привел к резкому оттоку из войск кадровых офицеров и прапорщиков. Укомплектованность офицерскими кадрами составляла лишь 70 процентов.

Приднестровье в контексте интересов России. Внутриполитическая ситуация в самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) оставалась крайне сложной вследствие экономической и дипломатической блокады со стороны Кишинева, отсутствия инвестиций в экономику региона, непомерно больших расходов на содержание вооруженных сил и низкого уровня жизни большинства населения.

По ряду оценок, переизбрание в ПМР И. Смирнова и приход к власти в Молдавии П. Лучинского, могут сыграть роль катализатора решения затянувшегося приднестровского конфликта. Стремление Лучинского к быстрому решению приднестровской проблемы вызвано внутриполитической ситуацией в Молдавии, характеризующейся наличием мощной правой оппозиции, возглавляемой экс-президентом М. Снегуром и ориентированной на Румынию.

Имелись основания предположить, что в обмен на вхождение ПМР в состав Молдавии на строго оговоренных условиях Кишинев мог бы пойти на уступки в вопросе размещения на своей территории российских военных баз и полную интеграцию республики в СНГ, при этом воссоединение ПМР с Молдавией на конфедеративной основе не уменьшило бы степени влияния России, а присутствие российских войск было бы дополнительной гарантией сохранения ПМР своего статуса в составе Молдавии.

Очевидно, что наличие в составе Молдавии ПМР с большинством русскоязычного населения стало бы, в определенной степени, сдерживающим фактором для тех политических сил, которые

стремились к воссоединению с Румынией и подталкивали Молдавию к вступлению в НАТО.

О планах руководства Украины в отношении Севастополя. В Совете национальной безопасности и обороны Украины подготовлен проект указа президента о наделении Севастополя статусом «особой режимной зоны», как это было в Советском Союзе.

Подобные меры, по мнению секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины В. Горбулина, позволят ограничить въезд в Севастополь российских политиков, депутатов Госдумы и членов Совета Федерации России, разыгрывающих «севастопольскую карту», а также взять под контроль деятельность российских спецслужб и перемещение «иностранных» военнослужащих.

В случае негативной реакции Москвы на эти меры предусматривалось указать на аналогичный режим в районе расположения российских военно-морских баз.

Об оценке экономической ситуации в Украине. По оценкам экспертов госдепартамента и министерства торговли США, основная причина сложного экономического положения Украины проистекала не из декларируемых ее руководством трудностей в связи с повышением Россией цен на энергоносители и тяжелых последствий Чернобыльской катастрофы, а из-за неспособности или нежелания национальной элиты решительно идти по пути преобразований.

Американские специалисты считали, что выход на запланированные темпы роста валового внутреннего продукта и сокращение бюджетного дефицита при сохранении жесткой монетарной линии представлялся трудноосуществимым. Правительство будет не в состоянии переломить тенденцию к сокращению личного потребления и доходов при увеличении удельного веса теневой экономики, что чревато технологической деградацией и примитивизацией производства, сокращением накопленного капитала и дезинтеграцией национальной экономики. В стране 50–55 процентов дохода частных фирм не декларировалось и не облагалось налогами, около 15 миллиардов долларов теневого капитала в 1991–1995 годах вывезено за рубеж, до 40 процентов личного потребления покрывалось за счет индивидуальных хозяйств и не регистрируемой индивидуальной трудовой деятельности.

Попытки строго соблюдать требования МВФ и МБРР таили в себе опасность дальнейшего усиления социально-политической напряженности, особенно в связи с невозможностью погасить задолженность по заработной плате и улучшить положение с занятостью населения.

Уровень внутренних капиталовложений будет оставаться низким, а зависимость Киева от внешних источников финансирования — увеличиваться.

В связи с такой ситуацией эксперты министерства торговли США прогнозировали значительное увеличение в ближайшем будущем объемов американского экспорта в Украину, а также рост инвестиций в украинскую экономику. В 1996 году экспорт американской продукции в Украину увеличился более чем в два раза. В первом полугодии его объем в стоимостном выражении составил 175 миллионов долларов. Для сравнения: за аналогичный период 1995 года — 75 миллионов долларов. Цифра явно недостаточная, и США намерены активизировать работу по продвижению американских товаров и услуг на украинский рынок.

Наиболее перспективным направлением развития экономического сотрудничества являлось, по мнению американцев, активизация инвестиций в украинскую экономику. В 1996 году объем зарубежных капиталовложений в экономику Украины впервые превысил 1 миллиард долларов. США оставались главным инвестором — их доля составляла около 24 процентов. Характерно, что американцы оценивали инвестиционную емкость украинской экономики суммой от 80 до 100 миллиардов долларов.

К основным перспективным сферам инвестирования относились: пищевая промышленность, энергетический сектор, телекоммуникации и связь, медицинская промышленность, здравоохранение.

Заинтересованность в украинской экономике проявляли 250–300 американских компаний, в том числе такие крупные, как «Дженерал Моторе», «Дюпон», «Кока-кола» и ряд других.

В течение последних лет министерство торговли США реализовывало в Украине ряд протекционистских проектов, направленных на привлечение американских компаний на украинский рынок: программы «Поиск партнеров», «Международные покупатели» и другие.

В качестве положительной тенденции в последнее время американцами с удовлетворением отмечался «обход» Москвы в качестве одного из звеньев при проникновении американских компаний на рынок Украины и других стран СНГ.

О высказываниях З. Бжезинского. По мнению американского политолога З. Бжезинского, планы расширения НАТО направлены на дальнейший подрыв геостратегических позиций России с целью ограничить ее военную мощь и предотвратить появление у Москвы «новых имперских амбиций» и «сжатия» евразийской сферы влияния России. Основополагающим фактором этого процесса должна стать поддержка Западом Украины как «главного препятствия на пути возрождения российской экспансии».

По оценке Бжезинского, важнейшие практические направления политики США по отношению к России будут в ближайшее время ориентированы на дальнейшее сокращение ядерных арсеналов, для чего необходимо закупать у России дополнительные партии оружейного урана с целью ограничить ее ядерные возможности, усилить нажим на Кремль, добиваясь отказа его от передачи ядерных технологий третьим странам — Ирану, Индии, сориентировать программу Нанна-Лугара на конверсию ВПК России, ускорить заключение договора СНВ-3.

Об американской политике. Президент Клинтон публично заявил, что он собирается проводить двухпартийную политику в ближайшие годы и быть выразителем интересов всей Америки. Важнейшим компонентом этого курса, по замыслу Клинтона, станет внешняя политика США.

При формировании нового ядра политиков, ответственных за национальную безопасность, президент США отдал предпочтение доверительным личным взаимоотношениям. В первую очередь это касалось директора ЦРУ Лейка, помощника президента по национальной безопасности Бергера и первого заместителя госсекретаря Тэлботта.

По оценкам западных аналитиков, назначение Олбрайт и всей команды логично для президента, который намерен быть конечным руководящим звеном в регулировании американского внешнеполитического курса, но которому предстояло надлежащим образом преподнести его общественности и конгрессу. Он хотел бы

использовать тот волевой стиль и напористость, которые присущи госсекретарю США Олбрайт, а также получить «прикрытие» во взаимоотношениях с республиканским большинством в конгрессе, которое призван обеспечить Коэн.

Назначением Олбрайт президент США подтвердил установку на более активную внешнюю политику в период его второго президентского мандата. Олбрайт являлась противником изоляционизма и была убеждена в том, что отмежевание от мировых проблем равнозначно лишь отсрочке их решения, поскольку в последующем придется противостоять их пагубному «кумулятивному» воздействию. Не связанная путами «вьетнамского синдрома»' и не испытывавшая никаких психологических колебаний насчет применения военной силы там, где это нужно, она в администрации США оказалась среди первых, кто потребовал такого подхода в Боснии. От нового госсекретаря США следовало ожидать прямоты, а подчас и нетерпимого отношения к традиционной осторожности европейской дипломатии. Ее склонность к публичной дипломатии и резкий язык могут создать трудности для европейских и азиатских собеседников.

Судя по высказываниям президента Клинтона, вся внешняя политика США будет подчинена главной цели — обеспечению мирового лидерства Соединенных Штатов. Под этим углом зрения следовало рассматривать и внешнеполитические приоритеты, определенные Вашингтоном. А они были изложены предельно четко и ясно. Обеспечение безопасности США в жесткой увязке с европейской безопасностью, расширение НАТО и наращивание усилий в области вооружения. Обеспечение процветания США за счет углубления внешнеэкономических и торговых связей, развития трансатлантического рынка ЕС — США и его северо-атлантической зоны свободной торговли, а также институционализация регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выработка ответов на глобальные вызовы — терроризм, распространение оружия массового поражения и экологические проблемы. Урегулирование региональных проблем и этнических конфликтов.

Претензии Вашингтона на мировое лидерство после исчезновения «двухполюсной» системы отчетливо просматривались в действиях США в югославском кризисе и в отношениях с Кубой, Ираком и Ираном. Однако для повышения эффективности своих шагов

Вашингтон нуждался в поддержке союзников, и в первую очередь стран НАТО, и в использований мощного военно-политического механизма Североатлантического союза для решения собственных задач.

Именно поэтому первостепенное значение придавалось сохранению командных позиций в рамках НАТО, а любые попытки европейцев, в частности Франции, изменить такое положение наталкивались на решительное сопротивление США. Становление и развитие сугубо европейских институтов также не отвечало долгосрочным стратегическим интересам Соединенных Штатов. Этим объяснялась и линия поведения. Вашингтона: принизить значение подобных организаций (ЗЕС) или пытаться оказывать серьезное влияние на принимаемые в них решения (ОБСЕ), отстаивая главенство НАТО. Проявившиеся расхождения между США и европейскими государствами в подходах к ближневосточному урегулированию и жесткой блокаде Ирака, возросший вес ЕС и усиление объединенной Германии требовали от Вашингтона повышенного внимания к укреплению «трансатлантической солидарности».

Анализ позиции США по региональным проблемам показывал, что американская администрация была озабочена быстрым ростом экономической и военной мощи Китая, способного уже в начале следующего столетия составить серьезную конкуренцию Соединенным Штатам не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии, но и в мире в целом. В этой связи Вашингтон намерен был включить «китайскую проблему» в повестку дня предстоявших встреч «семерки». На втором месте фигурировала ближневосточная проблема, по которой США занимали ярко выраженную произраильскую позицию, затем следовала Босния как взрывоопасная точка на южном фронте НАТО.

Россия как самостоятельная единица мировой политики стала все чаще выпадать из поля зрения США. Имевшая ВВП всего на уровне 8 процентов от ВВП США и слабо связанная с ними экономическими узами, она переставала быть в центре внимания американской общественности. США являлись держателями всего 5 процентов долговых обязательств России, поэтому она даже как должник не вызывала у них особого интереса. Конгресс из года в год урезал размеры помощи, выделявшейся России, и эта тенденция, судя по всему, сохранится.

Ослабление интереса к России со стороны вашингтонской администрации чувствовалось даже в новой трактовке российского вектора американской политики: «политика прагматического реализма» или «реалистическое взаимодействие с Россией в такой мере, в какой это представляется возможным». Уже никто не употреблял таких формулировок, как «стратегическое партнерство».

В руководящих кругах США о России чаще всего упоминали лишь как об источнике сугубо военных «озабоченностей». Эта тема в той или иной форме присутствовала и в разработках ведущих политологических центров, где формировалась научная база государственной политики США. Например, очень влиятельный Вашингтонский центр стратегических и международных исследований, где длительное время работала Олбрайт, опубликовал в конце 1996 года доклад «Внешняя политика в XXI веке: проблемы американского лидерства», прямо адресованный новой администрации США. В нем говорилось: «Для США (в отношении России. — *В. Г.)* первый и главный пункт — это сокращение и безопасный контроль над российским ядерным арсеналом. После того как будут реализованы положения уже подписанных соглашений, Россия будет иметь 3800 стратегических и 8000 нестратегических ядерных боеголовок. Возникает озабоченность по поводу системы управления этими вооружениями после краха империи, и эта озабоченность является еще более сильной, чем та, которую США испытывали в разгар «холодной войны».

На второе место в перечне жизненно важных национальных интересов США применительно к России авторы доклада поставили «предотвращение или ограничение той угрозы, которую возрожденная и воинственно настроенная Россия представляла бы для Европы, Азии или стабильности в районе Персидского залива».

Третий принципиальный тезис звучал так: «Свободная и независимая Украина является не только фундаментальным фактором европейской стабильности, но и незаменимым средством, препятствующим возрождению российского империализма».

Составители этого документа вместе с тем считали, что в обозримом будущем Россия будет поглощена заботами о сохранении своей территориальной целостности. Ближайшей приоритетной целью для Москвы будет укрепление стабильности в соседних государствах и

сохранение еще имеющихся там пророссийских симпатий. Что же касается отношений России со странами Запада, то им отводилась третьестепенная роль. Иначе говоря, Россия не рассматривалась всерьез как полноценный член мирового сообщества.

Не менее показательным является другой документ рекомендательного характера, подготовленный авторитетным Советом по международным отношениям. Руководил авторским коллективом бывший специальный помощник президента Буша по делам СССР и стран Восточной Европы Блэкуил. В нем опять-таки присутствовали только советы по вопросам военно-стратегического характера типа «увеличить финансовое и техническое содействие России в деле выполнения договоров о сокращении ядерных вооружений», «убедить Россию в следующем десятилетии разработать эффективную ПРО театра военных действий, а затем ограниченную ПРО всей территории страны. Если такое сотрудничество может быть достигнуто, то помочь России в финансовом отношении, купив у нее соответствующие технологии», «дать согласие на обсуждение устаревшего Договора ОВСЕ, имея при этом в виду, что фундаментальные положения этого договора должны быть сохранены».

Совокупность приведенной информации позволяла сформулировать основные направления политики США в отношении России. Среди них: содействие демократическим реформам и недопущение реставрации коммунистического режима, продолжение переговоров по военно-стратегическим вопросам с целью ослабления военной угрозы со стороны России, поддержание диалога с российским руководством по проблемам безопасности с целью ослабления противодействия расширению НАТО.

Предусматривалась также дозированная помощь в проведении рыночных реформ и привлечение России к деятельности международных финансово-экономических институтов, что открывало широкий доступ к ее природным ресурсам и не оказывало серьезного влияния на изменение экономических балансов в мире. В числе иных приоритетных мер: укрепление связей с новыми независимыми государствами, особенно с Украиной и республиками Центральной Азии, с целью воспрепятствовать восстановлению влияния России на постсоветском пространстве и созданию новых военно-политических союзов; взаимодействие с Москвой в решении проблем терроризма,

организованной преступности и распространения оружия массового поражения, а также в решении экономических проблем.

Таким образом, новая администрация США не скрывала, что она намерена уделять самое пристальное внимание внешней политике, направленной на упрочение позиций Соединенных Штатов как мирового лидера. Попытки других государств, в том числе и союзников по НАТО, потеснить США с ведущих ролей будут наталкиваться на активное противодействие Вашингтона.

Ю. Лужков и Б. Ельцин в Храме Христа Спасителя

Кто же это так развеселил московского мэра?

А премьера В. Черномырдина кто-то допек

Трудно назвать должность, в которой хоть немного не побыл бы С. Шахрай

Главный приватизатор России сосредоточен

А. Чубайс демонстрирует, что дадут ваучеры населению России

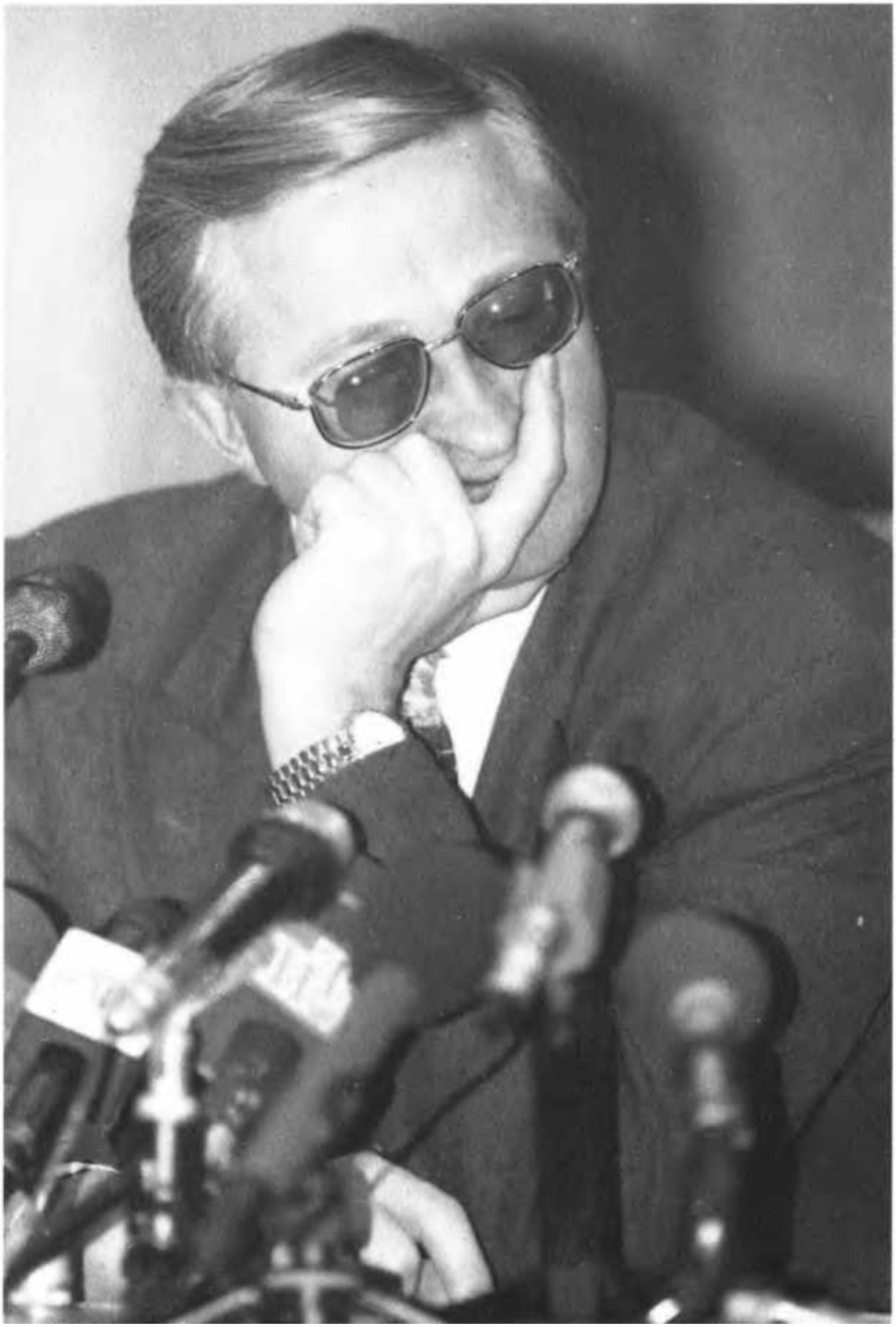
А. Чубайс и А. Шохин. Полное совпадение взглядов

Б. Немцов: «Однако Москва — это не Нижний Новгород…

Г. Явлинский, как всегда с кем-то не согласен

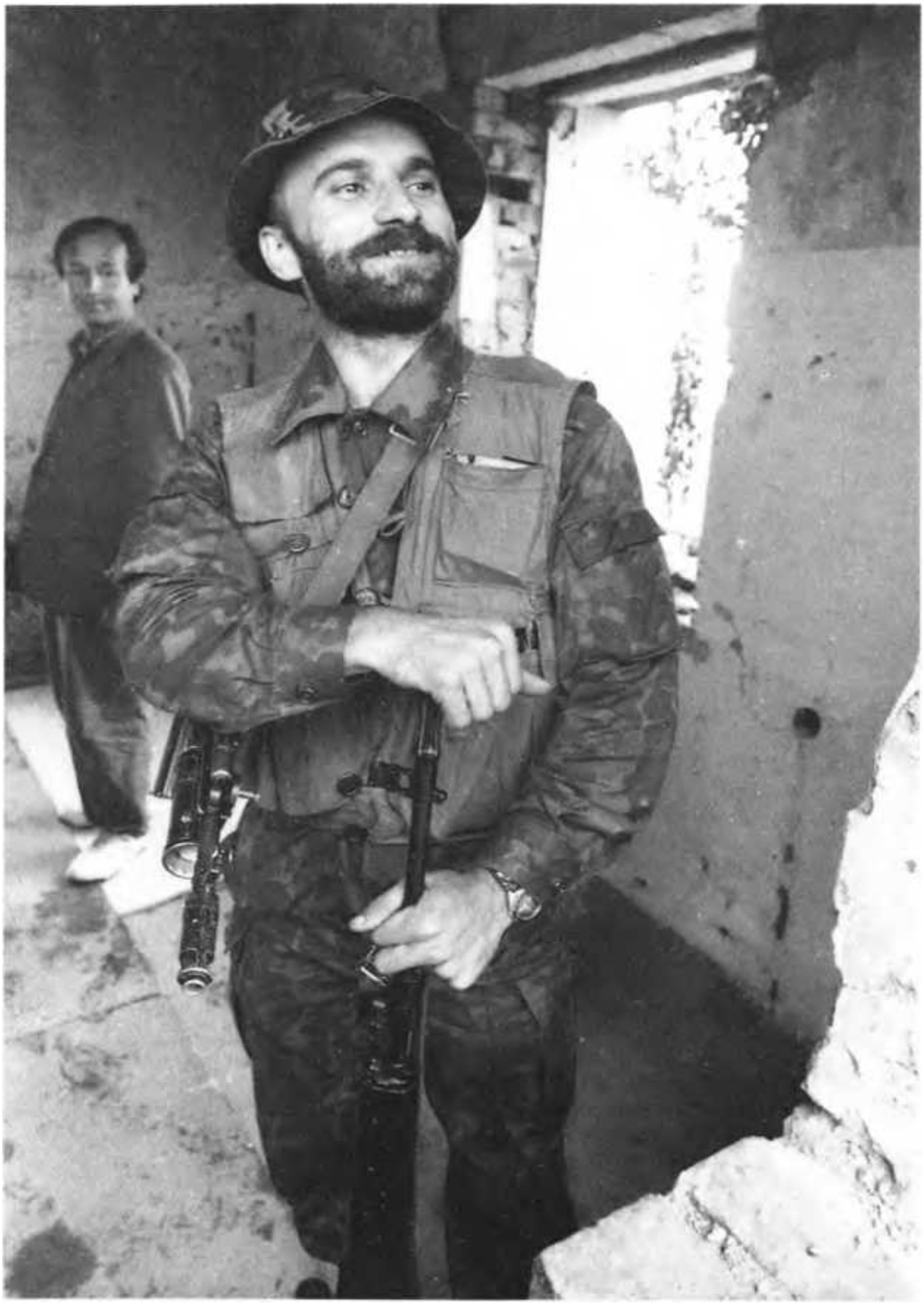
Московский мэр излучает благодушие

Президент хорошо чувствует себя среди молодежи



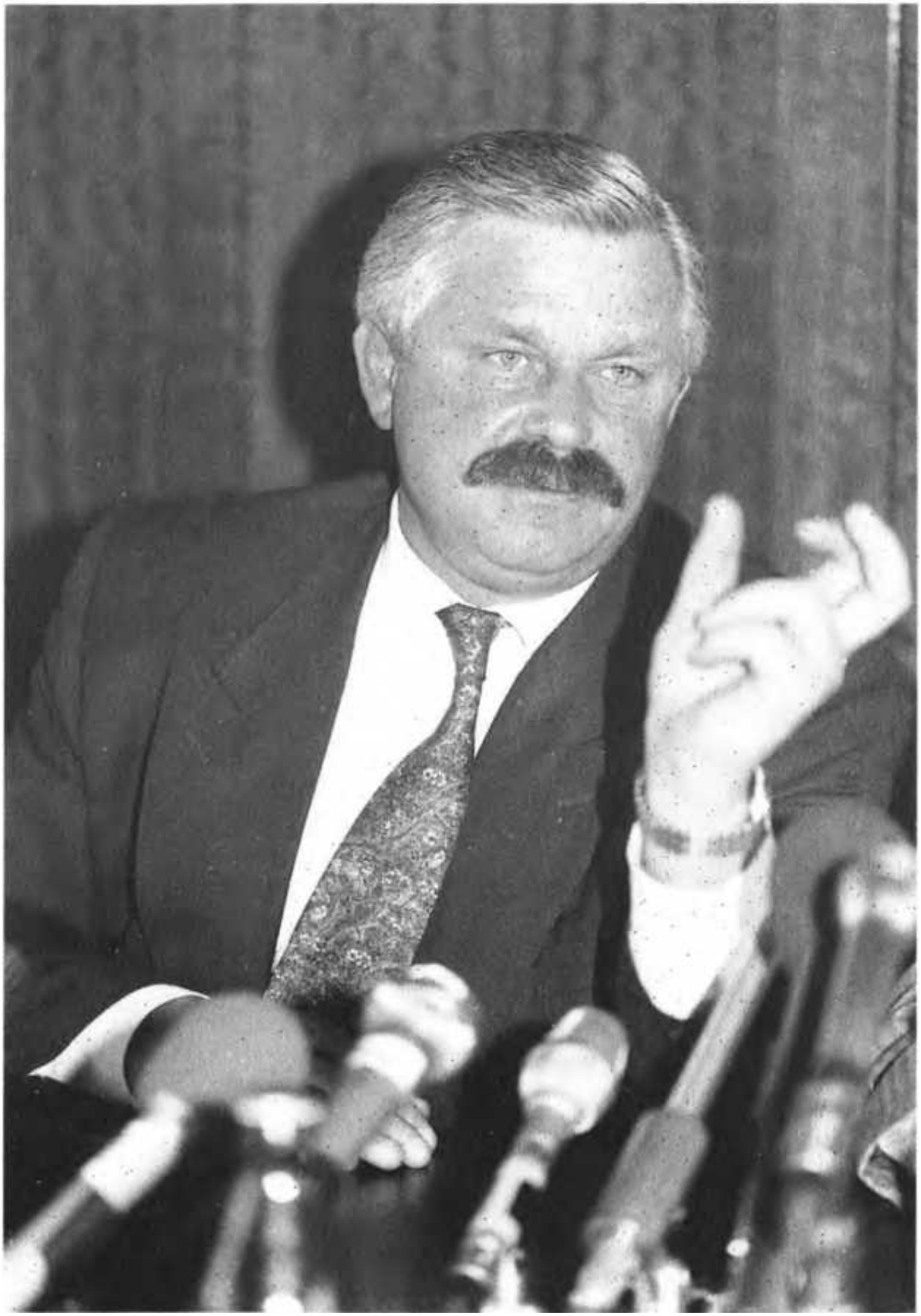
В каких только ипостасях не был А. Шохин

Г. Зюганов и народная артистка СССР Т. Доронина



Ш. Басаев еще не премьер-министр Чечни

Генерал и парламентарий Л. Рохлин разоблачает коррупционеров



Генерал А. Руцкой снова идет во власть — на этот раз в курские губернаторы

Отношения с Россией не фигурировали в числе главных внешнеполитических приоритетов американской администрации; Вашингтон положительно оценивал демократический курс российского руководства и намеревался впредь содействовать интеграции России в международные финансово-экономические институты. Однако США по-прежнему рассматривали Россию не как партнера на мировой арене, а, прежде всего, как источник потенциальной военной угрозы. В этой связи следовало ожидать продолжения усилий США по снижению такой угрозы. Было ясно, что они будут добиваться ратификации Договора СНВ-2.

Неизменным оставался курс американской администрации на расширение НАТО и всемерное укрепление этого блока при сохранении в нем лидирующей роли США. Вашингтон намеревался стремиться ослабить противодействие России, избегая каких-либо существенных уступок и конкретных договорных обязательств.

Следовало ожидать активизации по инициативе США экономических, политических и военных контактов с бывшими советскими республиками и наращивания усилий по их привлечению к участию в западных и региональных организациях с целью предотвращения центростремительных тенденций и объединения вокруг России.

Высокой была вероятность того, что США попытаются прямо или косвенно оказать воздействие на российское руководство, чтобы воспрепятствовать дальнейшему сближению между Китаем и Россией и возможной координации их внешнеполитических шагов, способных поставить под угрозу мировое лидерство США.

Сценарии дестабилизации. Ряд аналитиков прямо указывали, что определенные круги на Западе разрабатывали меры по дестабилизации политической обстановки в России и Белоруссии.

Так, по их данным, имелись разрозненные данные о вынашивании некоторыми финансово-экономическими группами за рубежом идеи повторения югославского и болгарского сценариев в Российской Федерации и возобновления активности оппозиционных сил в Белоруссии.

Оценивая развитие ситуации в Югославии и Болгарии, аналитики выделили в качестве главных целей западных стратегов в данном регионе смещение считавшихся пророссийски и антинатовски настроенных лидеров, приведение к власти оппозиции с последующей кардинальной чисткой вооруженных сил и спецслужб для насыщения их подготовленными в США и Европе кадрами. По расчетам Запада, это должно было повысить управляемость при вступлении указанных стран в НАТО и одновременно резко ослабить позиции российских спецслужб по добыванию информации о ситуации вокруг Югославии и Болгарии.

Что касается СНГ, то, с одной стороны, средства, необходимые для поддержания активности оппозиции в странах Содружества, незначительны. С другой стороны, тяжелая экономическая ситуация, отсутствие ярких лидеров, имеющих политическую волю, далеко зашедшая «демократизация» общества и отсутствие страха наказания создавали весьма тепличные условия для дестабилизации положения.

Так, в Белоруссии при наличии основных предпосылок сценарий необратимой дестабилизации реализовать все же не удалось в первую очередь из-за присутствия в правящей группе сильного политического лидера — президента А. Лукашенко. В то же время, по мнению аналитиков, в этой стране в ближайшие месяцы возможна попытка эскалации активности оппозиции и налаживания каналов ее финансовой поддержки из. — за рубежа. Необходимость привлечения денежных средств вызвана тем, что, если противодействие процессам интеграции в СНГ и других бывших республиках Советского Союза удастся осуществить за счет работы с правящими элитами без задействования народных масс, то в Белоруссии это не получилось.

Перспектива принятия новой Конституции в этой стране осенью 1996 года очень беспокоила Государственный департамент США и Совет Европы. В Минске на референдум выносились два проекта Конституции: один вышел из аппарата президента страны А. Лукашенко, второй — из недр Верховного Совета республики.

18 октября госдепартамент США выразил свою обеспокоенность тем, что проект белорусского президента якобы «не предусматривал даже видимости разделения властей, защиты личных прав и свобод и верховенства закона». Международная общественность увидела более демократичным проект Верховного Совета. «Российская газета»

сравнила оба проекта, хотя, как признается, с большим трудом добыла парламентский вариант. Согласно ее анализу, приведенное в цитате из заявления американского госдепартамента, почти текстуально совпадая, присутствовало и проекте президента Белоруссии, и в проекте Верховного Совета, притом последний производил впечатление списанного с президентского, с некоторыми изменениями формулировок.

Российский официоз сделал вывод: «Коротко говоря, А. Лукашенко предложил народу республики проект Основного закона, очень похожий на *российскую* (выделено в публикации «Российской газеты». — *В. Г.)* Конституцию, а парламент воспроизвел нечто хасбулатовское».

В газете также сообщается, что и в самой Белоруссии свой проект Конституции ее авторы из Верховного Совета держат почти что втайне. Во всяком случае, народ его не знает. Среди прочего, видимо, оберегает от преждевременного понимания народом и внесенную в него пожизненную индульгенцию себе: одна из статей, например, разрешала депутатам совмещать работу в Национальном собрании с любой другой должностью. А следующая статья дополняла предыдущую: «Депутат Верховного Совета не несет юридической ответственности за свою деятельность как в период исполнения депутатских полномочий, так и после их прекращения».

Если «Российская газета» не ошиблась в своем анализе обоих проектов, то получалось, что госдепартамент США и международная общественность вмешивались в дела Белоруссии, желая свалить крестьянина-государственника А. Лукашенко, навязав Конституцию многопартийно-парламентского разно-толка, чтобы управлять извне процессом концептуально неопределенного самоуправления многопартийцев. А в России тем временем через «Известия» зондировалось общественное, мнение на предмет выявления в обществе неудовлетворенности действовавшей Конституцией президентско-парламентского характера и возможностей введения в нее конституционных принципов федерализма США, юридически расчленявших единство России — региональной цивилизации и передававших безраздельно власть трансрегиональной мафии ростовщических кланов. Синхронная возня по поводу конституций

России и Белоруссии представилась видному московскому публицисту двумя камушками из одной мозаики антиславянской геополитики.

В России, как считали аналитики, в свое время западными кругами не были до конца учтены такие факторы, как огромная территория, большое количество населения, многополюсность правящей элиты, поэтому ставка в основном на работу с руководящими и банковскими кадрами сделала предпринимаемые усилия недостаточно эффективными.

В то же время на фоне двух борющихся идей — активизация ускоренного развала России и поддержание ее целостности при реальном внешнем управлении и резком экономическом ослаблении — носителями которых являются крупные международные финансово-политические объединения, начинали формироваться контуры вариантов возможных последствий дестабилизации РФ.

Один из них предполагал высокую вероятность реализации идеи распада страны в случае серьезного осложнения социальной обстановки в России. Такому пути, в частности, способствовал процесс суверенизации, резкое падение уровня межрегионального общения из-за роста тарифов министерств связи, транспорта и т. д.

Другой вариант рассматривал возможность со стороны ослабевавшей президентской ветви власти ввести чрезвычайное положение, подчинив себё правительственные структуры. При этом существенно укреплялась группа, удобная определенной части западных стратегов. В данном контексте и противники, и сторонники раздела России начинали втягиваться в реализацию плана ее резкой социальной дестабилизации. И той, и другой стороне существенную помощь, зачастую даже не осознавая этого, оказывали как некоторые политические лидеры, так и группа крупнейших отечественных банков, контролировавшая средства массовой информации.

Аналитики выделили четыре основные зоны давления, правильное задействование которых могло легко привести к социальным взрывам в обществе: республики Кавказского региона, казачество, республики Татарстан и Башкортостан, леворадикальные группы.

Казачество представляло собой хорошо организованные группы населения, имеющие на руках большое количество оружия. Несмотря на постоянные внутренние распри, в основном на уровне атаманов, они легко консолидируются при внешней угрозе.

Особой болевой точкой данной зоны являлись районы Чечни, где проживало значительное число русскоязычного населения, причислявшего себя к казакам. Многие делали это из чувства самосохранения, так как видели в казачестве единственную силу, способную противостоять чеченцам.

Взрывоопасности ситуации в данном регионе способствовало также то обстоятельство, что отдельные полевые командиры в Чеченской Республике недовольны произошедшим переделом власти, отсутствием доступа к финансовым ресурсам и готовы были к противозаконным действиям. С другой стороны, радикально настроенные казачьи атаманы также были способны спровоцировать чеченцев. А учитывая наличие значительного числа' криминальных элементов с обеих сторон, вероятность возникновения спровоцированных конфликтов была крайне велика.

В то же время распространение таких конфликтов по другим регионам России облегчалось наличием казачьих группировок во многих субъектах Российской Федерации, равно как и присутствием представителей чеченской диаспоры. А с учетом тесной связи обеих сторон с организованной преступностью и наличия у них огнестрельного оружия, вполне был реален конфликт между ними с втягиванием в него подразделений МВД.

Выгодной стороной варианта дестабилизации с использованием ситуации «казаки — чеченцы» являлось то, что он не требовал привлечения больших финансовых средств.

Оценивая перспективность задействования в подобных целях Татарстана и Башкортостана, аналитики в качестве главного фактора отмечали наличие и высокую активность на территории этих республик экстремистских организаций. Поэтому эскалация движений за независимость не потребовала бы значительных финансовых вложений, так как на внедрение ислама расходовались большие средства рядом мусульманских стран. В то же время отсутствие выхода к границам России несколько осложняло ситуацию и создавало угрозу быстрой локализации процесса дестабилизации за счет возможности перекрытия транспортных магистралей, что сдерживало внешнюю активность политических элит этих республик.

Удобным объектом манипуляции являлись также и кавказские республики, где присутствовали интересы Турции, Ирана, Саудовской

Аравии и ряда других арабских стран. Особенно выделялись Ингушетия и Дагестан, где имелось значительное чеченское влияние. Возможные конфликтные процессы в данном регионе сразу же затронули бы и первое (казаки), и второе (Татарстан, Башкортостан) направления дестабилизации.

Наиболее дорогостоящим, но в то же время способным охватить значительные территории с преимущественно русскоязычным населением, по мнению аналитиков, являлся вариант дестабилизации с задействованием леворадикальных групп российской оппозиции — например, анпиловцев. Слабой стороной таких групп являлось отсутствие четкой организации, специфичность привлеченного контингента, что позволяло достаточно легко локализовать выступления их сторонников, мало способных на серьезные многодневные акции. Однако усиление кризисных явлений в экономике и обществе, невыплата пенсий и зарплаты на фоне скачкообразного, почти стопроцентного удорожания квартплаты, коммунальных услуг и энергоносителей могло привести к ситуации, когда леворадикальные группы могли бы быть использованы в качестве инициирующей силы для начала массовых волнений.

О визите В. Черномырдина в США. В окружении вице-президента США А. Гора высоко оценили неформальный обмен мнениями с премьер-министром России по широкому кругу двусторонних отношений с выходом на расширенную внешнеполитическую проблематику. Однако отмечалось, что в контексте обсуждения ключевой темы расширения НАТО на Восток, переговоры не привели к существенному сближению позиций.

Не вызвала оптимизма у американского руководства и идея проведения пятисторонней встречи на высшем уровне — США, Германия, Франция, Великобритания и Россия — с целью окончательного согласования компромиссных развязок по НАТО.

В госдепартаменте США отметили «непривычно жесткую» позицию российской стороны при обсуждении вопросов, затрагивающих интересы национальной безопасности России, например, по проблеме Арктики. Были озадачены в Вашингтоне и высокими требованиями Москвы по проблемам СНВ и ПРО, которые обсуждались в контексте подготовки к встрече президентов США и России в марте.

Из числа зафиксированных в Вашингтоне договоренностей американцы выделили соглашение о прямых инвестициях в российские регионы. Оно было расценено в администрации США чуть ли не как «стратегическая победа» на пути «закрепления капитализации» российского общества, прежде всего глубинки, и создания дополнительного канала воздействия на центр, используя представительства регионов в законодательных органах власти.

Развал изнутри. Факт инвестиционного кризиса в России никто не оспаривал уже в 1996 году. Выступая на пресс-конференции 7 октября по итогам визита на сессию управляющих Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, вице-спикер Госдумы А. Шохин заявил, что зарубежных инвестиций в 1997 году следует ожидать не больше, чем в предыдущем.

Главная причина — зарубежные инвесторы по-прежнему опасаются весьма высоких политических и финансовых рисков в России. Уровень инфляции до 10 процентов в год и дефицит российского федерального бюджета, согласованные с МВФ — 3,85 процента от ВНП, — оставляют правительству весьма узкий коридор для маневра. Превышение этих параметров в 1996 году в связи с президентскими выборами и хроническим недособиранием налогов послужили причиной для задержек новых порций международных кредитов, уже открытых России.

Максимальное увеличение кредитов, которых можно добиться — до 10 миллиардов долларов в год, но это лишь 15 процентов от потребностей российской экономики. Частные предприниматели за рубежом, а также российские граждане, Имеющие там свои капиталы, боятся вкладывать их, потому что не верят ни в финансовую, ни в политическую стабилизацию в России. Кроме того, постоянно меняется налоговая законодательная и нормативная база, что является дополнительным фактором стабилизации.

Независимые эксперты, анализируя противоречивые решения исполнительной власти в области финансов — принятие и отмена указов о налогах, закон о поправках к бюджету на 1996 год, корректировка бюджета на 1997 год, создание Временной чрезвычайной комиссии по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины — приходили к выводу, что российская финансовая система пошла вразнос, власти уже не знают, что с ней делать.

Сами по себе хронические недоимки налогов свидетельствовали о полной расшатанности властной вертикали, однако силовые методы правительства по безусловному сбору налогов не всем представлялись единственно правильным в стратегическом отношении шагом. Более того, в деятельности ВЧК многое выглядело алогичным и некомпетентным. Так, на одном из заседаний комиссии рассматривался список из 17 злостных неплательщиков, но вопрос о принудительном банкротстве поставлен лишь для 11, а потом и вовсе лишь для 4 из них. Причем, двое из четырех «банкротов» — КамАЗ и «Татнефть» — после энергичного протеста, заявленного президентом Татарии М. Шаймиевым В. Черномырдину, легко доказали ошибочность такого решения ВЧК, незнание министерствами экономики и финансов целого ряда важнейших документов, включая указ президента РФ об освобождении КамАЗа от части налогов, засчитанных ему как инвестиционный кредит на восстановление после пожара. Подобная некомпетентность администрации президента и правительства подрывала остатки авторитета государственной власти в регионах. В прессе открыто муссировалась тема столь странного налогообложения, по которому злостными неплательщиками оказывались почему-то супергиганты, монополисты, не испытывавшие проблем со сбытом своей продукции.

Признавая факт инвестиционного кризиса, А. Шохин нашел выход из него. По мнению вице-спикера парламента и бывшего первого вице-премьера правительства, заметный приток иностранных инвестиций может возникнуть, если регионы получат возможность самостоятельно их инициировать, минуя центр. Для этого, мол, достаточно ввести 50-процентное освобождение реформированных предприятий от налога на прибыль. Но пока, полагает он, все силы надо бросить на борьбу с хроническими неплательщиками, расшатывающими самые основы государственности в России.

На примере Санкт-Петербурга, принявшего основы собственного налогового законодательства, или на примере Татарстана, давно уже привлекавшего самостоятельно, без участия Москвы, зарубежные инвестиции в республику, по мнению некоторых специалистов, можно усмотреть лишь экономические предпосылки дальнейшего роста внутрироссийского сепаратизма, что может привести уже к

разрушению, а не только к расшатыванию государственного устройства.

Помимо иных субъективных и личностных факторов, одной из важных причин отставки А. Лебедя с поста секретаря Совета безопасности РФ послужило, как полагает ряд наблюдателей, его выступление с собственной экономической программой, подготовленной С. Глазьевым. Центральный вопрос в ней поставлен кардинально иным образом, нежели Черномырдиным — Чубайсом — Шохиным. Лебедь ставил вопрос не о том, как собрать или изъять средства в казну, а как дать их населению, чтобы тем самым — через развитие потребительского рынка — пополнить казну! Фактически этот двухстраничный документ, с которым А. Лебедь выступил с трибуны Госдумы, предлагал если не социально-экономическую, то во всяком случае, финансовую реформу.

«Сегодня сплошь и рядом между бюджетом и получателем бюджетных средств, — сказал А. Лебедь с думской трибуны, — вклинились коммерческие банки; которые состригают до 40–45 процентов бюджетных перечислений. Происходит это по вине и даже под руководством Минфина, который расплачивается не деньгами, а векселями, которые затем выкупаются у получателей коммерческими банками со скидкой 40–45 процентов. Но если у Минфина находятся деньги для полного погашения этих векселей, возникает вопрос: зачем это делать? На худой конец можно брать кредиты в ЦБ под льготный процент на финансирование кассовых разрывов. По сути сложившаяся система представляет собой циничную форму казнокрадства, через которую из бюджетных расходов уводится около половины!.. Речь идет о десятках триллионов рублей».

Любопытно, что Глазьеву как начальнику управления по экономической безопасности больше не нашлось места в СБ, однако правительство прислушалось именно к его мерам по восстановлению государственной монополии на алкогольную продукцию.

По давней идее Глазьева, население страны может процветать даже в нынешних экономических условиях за счет справедливо поделенной между всеми ренты на природные ресурсы, которыми богата Россия. Почему же не были приняты эти предложения? Ведь они выдержаны в духе национально-государственных интересов России.

Прежде всего потому, что они шли вразрез с программой развития, которую уготовили России МВФ и МБРР. В случае принятия программы Лебедя — Глазьева ни о каких кредитах по этой линии и речи бы не шло, как и о реструктуризации внешнего долга РФ в 140 миллиардов долларов. К тому же подрывалась бы всякая основа процветания коммерческих банков, а следовательно, весь ход развития был бы иным. Вторая, субъективная причина — попытка А. Лебедя подчинить Госналогслужбу Совету безопасности, а не администрации президента, встретила категорический отпор А. Чубайса, который играл и намеревался дальше играть ключевую роль в решении любого вопроса налоговой политики.

Интересы коммерческих банков и Запада оказались для А. Чубайса выше и важнее. В результате была выбрана в корне неверная, ро мнению большинства экспертов, стратегическая линия правительства — фискальные, экстраординарные меры по сбору налогов любой ценой, вплоть до остановки предприятий и их насильственной приватизации.

Уже тогда прогнозировалось, что правительство весной 1997 года станет испытывать острую нехватку денежных ресурсов и вынуждено будет обратиться за ними на финансовый рынок, к коммерческим банкам, что сведет на нет многие, даже вполне эффективные прежние его действия по обузданию инфляции, стабилизации цен. Снижение процентных ставок, ожидаемое правительством через 5–6 месяцев, в этих условиях стало миражом и похоронило надежду на переход к экономическому прогрессу.

Положение правительства, почти лишенного маневра, усугублял стремительный рост объема суррогатных денег в экономике. Эти квази-деньги — различного рода облигации, векселя, чеки, акции — эмитировались не только в Москве, но и во многих регионах, то есть практически бесконтрольно. Созданная правительственная комиссия по совершенствованию платежей и расчетов не в состоянии была выработать эффективные способы борьбы с этими суррогатами и вынуждена была заявить, что правительство и Центробанк упустили момент, когда эти суррогаты стали активно внедряться в экономику. Специалисты считали вексельные программы регионов наиболее опасными "для экономики страны, ведь выпуск векселей местными банками — фактически та же самая эмиссия, только более низкого

качества, доход от которой шел не государству, а неизвестно куда. Это означало, что в стране фактически действовала параллельная денежная политика, за которой, кстати, как выяснилось, внимательно наблюдали уполномоченные МВФ.

Центральной проблемой в отношениях между центром и регионами стали база и нормы налогообложения. Федеральный центр весьма произвольно определял эти параметры, используя механизм налогообложения как средство внутриполитической дипломатии. Одни республики, как Татарстан, Якутия, смогли обеспечить себе и отстоять перед Москвой льготные режимы налогообложения, либо увеличить процент средств, остававшихся в местной казне на развитие. Другие, и таких большинство, служили донорами хроническим неплательщикам и дотационным регионам. Вполне закономерно, что с каждым годом число дотационных регионов увеличивалось, а число доноров — сокращалось, что рано или поздно приведет к конфликту, к акциям открытого неповиновения центру.

Если в 1994 году в России было 64 дотационных региона из 86 субъектов Федерации, то в 1995 году их число выросло до 78. Донорами пока оставались Москва, республики Татарстан и Башкортостан, Красноярский край, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, Липецкая, Нижегородская, Самарская и Свердловская области. Нужно сделать оговорку, что в условиях прогрессировавшей некомпетентности в аппаратах большинства федеральных министерств невозможно брать на веру даже официальные статистические данные.

Большинство регионов из числа доноров проявляют красноречивые тенденции к сепаратизму, что позволяет говорить о финансово-экономической подоплеке многих сугубо политических акций и процессов. На совещании в Совете Федерации в октябре 1996 года руководители десяти регионов-доноров во главе с мэром Москвы Ю. Лужковым обрушились с резкой критикой в адрес центра, настаивая на том, чтобы все субъекты Федерации были равны по отчислениям в бюджет, чтобы экономические законы применялись одинаково на всей территории России, сурово предостерегали правительство от непосильной дани с доноров — иначе экономическая система рухнет.

Другая, не менее острая проблема, волновавшая всех губернаторов — обилие в регионах разного рода федеральных структур и чиновничества, численность которых порой в 10–15 раз

превышала собственные аппараты. Количество федеральных органов власти на местах колебалось от 38 до 53 в каждом регионе. Это силовые структуры — ФСБ, МВД, экономические — агентства Госкомимущества, таможни, службы занятости, предприятия федерального подчинения, органы надзора — налоговая служба, КРУ Минфина, налоговая полиция, санэпиднадзор, Госстрахнадзор, гостехназор и другие. Многие из них, созданные полвека назад, дублировали друг друга и давно морально устарели. По традиции федеральным органам местные администрации выделяют лучшие помещения, обеспечивают транспортом, коммунальными услугами, связью. Для малых регионов с незначительным бюджетом содержать такую армию федеральных чиновников становится все труднее. Немало также ведомств двойного подчинения — и центру, и региону. Ни в правительстве, ни в аппарате президента нет практического решения этой проблемы, и она становится одним из камней преткновения в отношениях между центром и регионами.

Осенью 1996 года страну потрясали многочисленные акции протеста, организованные независимыми профсоюзами, общественными организациями и движениями. Забастовки учителей, энергетиков, в том числе митинги персонала атомных электростанций, массовые выступления студентов, которым не платили стипендии, публичные «похороны» российской культуры, выступления сотрудников судебных органов, оставшихся без финансирования, — все это вынуждало исполнительную власть отвлекаться от решения глобальных задач и срочно латать дыры в бюджете. В печати публиковалось множество прогнозов очередного экономического кризиса.

В отличие от официальных и намеренно оптимистичных, предвзятых прогнозов развития, сделанных в выступлениях министра экономики и министра финансов РФ, смелый прогноз сделал независимый эксперт профессор и банкир В: Грошев. Он считал, что после стагнации российской экономики наступил еще более глубокий спад, вся промышленность «практически легла». 10 процентов российских предприятий еще могли подняться, опираясь на внутрироссийские средства. Но 30 процентов смогут сделать это только при помощи зарубежных инвестиций, которые, как известно, сошли на нет. Об остальных 60 процентах умалчивается.

Финансово-экономический фон во многом определял отношение регионов к центру, к федеральным властям и в итоге — к проблеме дезинтеграции Российской Федерации.

На расстановку политических сил на местах к концу 1996 года сказались состоявшиеся к тому времени выборы глав администраций в 48 регионах. В трех они должны были пройти в январе-феврале 1997 года, а в двух предстояли вторые туры. Однако в целом картина была уже ясна, и дополнительные результаты ее не могли существенно изменить. Правда, комментарии итогов сильно разнились.

Несмотря на то, что заместитель главы администрации президента А. Казаков считал итоги безоговорочной победой Кремля — 20 прежних губернаторов были переизбраны и к ним добавились 17 сторонников «партии власти», у Г. Зюганова арифметика была иная, и тоже в свою пользу. К 14 губернаторам, выдвинутым Народно-патриотическим союзом, он прибавил 11 независимых, в той или иной мере поддержанных оппозицией, и заявил о победе левых сил над президентской командой со счетом 25:20.

По мнению независимых экспертов, обе стороны грешили против истины в противоположных пропагандистско-идеологических целях. Расклад„сил был следующий.

Кандидаты коммунистов или поддержанные НПСР единые кандидаты пришли к власти в 14 регионах из 47. Тут сентябрьский прогноз Г. Зюганова был ближе к реальности. Это Амурская область (итоги были отменены по суду после протеста, заявленного Центризбиркомом), Кировская, Курская, Калужская, Курганская, Брянская, Владимирская, Рязанская, Костромская, Челябинская, Волгоградская области, Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края, Марий-Эл.

Пятнадцатый регион представлялся спорным. Это Калининградская область, ее губернатора Л. Горбенко и коммунисты, и «партия власти», и так называемые «крепкие хозяйственники» в равной мере считали своим. Кроме него независимые наблюдатели довольно условно относили к «красным губернаторам» и А. Руцкого.

Вместе с тем КПРФ и НПСР не без оснований приплюсовали к числу своих побед приход к власти таких «попутчиков» из областей для коммунистов, как В. Густов (Ленинградская), Л. Горбенко

(Калининградская), В. Цветков (Магаданская), В. Сударенков (Калужская) и ряд губернаторов из других регионов.

Однако у КПРФ можно было отметить и потери — лишь 9 губернаторов из 14 были избраны в тех регионах, где электорат на президентских выборах традиционно поддерживал Г. Зюганова.

«Партия власти» поддерживала своих кандидатов в Саратовской, Архангельской, Ростовской, Воронежской, Вологодской, Сахалинской, Читинской, Камчатской, Самарской, Ивановской, Астраханской, Пермской, Ульяновской областях, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском, Таймырском, Усть-Ордынском автономных округах, Еврейской и Коми-Пермяцкой автономных областях, Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае. Большинство указанных субъектов Федерации — 17 из 21 в июле 1996 года голосовали за Б. Ельцина.

Из этого анализа следует, что после поражения коммунистов на президентских выборах сузилась географическая зона их влияния на электорат, и в ряде регионов традиционного «красного пояса» предпочтение отдано кандидатам «партии власти». Хотя, с другой стороны, президентские и губернаторские выборы ни в коем случае нельзя сравнивать, так как они достаточно сильно отличались по своей электоральной субстанции. В целом победу НПСР в 14 регионах следовало считать солидным успехом, особенно с учетом того, что «красные» губернаторы представляли в основном высокоразвитые регионы с большой плотностью населения.

К факторам, которые изменили обстановку в Совете Федерации, относились победы в регионах, которые печать уже окрестила «синими», кандидатов, не относившихся ни к «партии власти», ни к левой оппозиции. В их число вошли как «крепкие хозяйственники», так и просто политически нейтрально выступавшие губернаторы, а также представители других, но оппозиционных сил — кандидат от ЛДПР Е. Михайлов в Псковской области, брат А. Лебедя Алексей Лебедь в Хакасии, Ю. Евдокимов в Мурманске.

С учетом этих соображений изменение соотношения сил в Совете Федерации более целесообразно было бы рассматривать не с точки зрения «футбольного счета» между «партией власти» и левой оппозицией, а в сравнении с тем, что планировала администрация президента и что она получила. В сентябре 1996 года на Старой площади был составлен список кандидатов на посты глав региональных

администраций, утвержденный А. Чубайсом, которым администрация президента оказывала однозначную поддержку. Если следовать этому списку, то победу на региональных выборах одержали лишь 24 из 47 намеченных Старой площадью кандидатов. По всей видимости, это соотношение более ярко отражает происшедший не в пользу власти региональный сдвиг, а заверения заместителя А. Чубайса А. Казакова о «приемлемости» для власти многих даже «красных» губернаторов следовало отнести лишь на счет вынужденного лукавства. К тому же известно, что внутри администрации президента итоги региональных выборов рассматривались если не как победа НПСР, то как очевидная потеря позиций власти в регионах. Такого же мнения придерживались некоторые безусловные сторонники власти, выступавшие в качестве организаторов поддержки «партии власти» в регионах, — к примеру, тот же С. Филатов.

Ссылки же А. Казакова на якобы «близость» к «партии власти» многих левых губернаторов лишь на основе того, что они заявили после выборов об отсутствии намерений конфронтировать с центром, для чиновника такого ранга малоубедительны. Даже самому неискушенному в политике ясно, что финансовая зависимость регионов от центра никоим образом не способствует возникновению у глав регионов желания устраивать ненужные конфликты.

Наряду с выборами губернаторов в ряде регионов проходили и выборы в законодательные собрания и местные органы власти. Состав областных дум был переизбран в Тульской, Калужской, Калининградской, Сахалинской, Читинской областях, Республике Марий Эл, Ачинском, Ханты-Мансийском автономных округах. «Партия власти» сумела получить в них большинство, тогда как левая оппозиция — лишь по несколько мандатов. В целом состав местных законодателей не вызывал особого беспокойства у Кремля. Аналогичная картина наблюдалась и на выборах органов местного самоуправления в Оренбурге, Новгороде, Калининграде, Твери, Ханты-Мансийске.

Можно отметить одно из существенных своеобразий, отличавших выборную кампанию в субъектах Федерации, в их тактических установках, с которыми обе общественные силы шли на эти выборы. После парламентских в 1995 и президентских в 1996 годах кампаний были истощены как финансовые, так и морально-политические

ресурсы для проведения региональных выборов, и обе стороны были готовы отложить их на неопределенный срок. Есть подтверждения тому, что такие переговоры велись и находили понимание.

В ходе губернаторских выборов 1996–1997 годов выявился тревожный симптом — конфликтное несовпадение федерального и регионального законодательства. Федеральная власть, пожалуй, впервые заговорила открыто о нарушениях Конституции РФ на местах. При этом выяснилось, что механизма, позволявшего привести местные законы в соответствие с Основным законом, у нее фактически нет.

Еще в 1991 году Председатель Верховного Совета РФ снял с должностей некоторых председателей местных Советов, однако потом они были восстановлены судом. В 1996 году ситуация повторилась: суды восстанавливали освобожденных президентом РФ глав администраций. Уже одно это свидетельствовало о том, что ни конституционно, ни законодательно в стране не были определены отношения между высшим российским руководством и структурами местной власти. Ясно, что при таком положении не может быть речи ни о какой властной вертикали, ни о государственном управлении.

Типичные нарушения — требования от кандидатов либо постоянного, либо длительного проживания на территории данного субъекта Федерации. «Рекордсменом» в этом вопросе стала Республика Саха (Якутия), где по местным законам стать губернатором может лишь человек, проживший там не менее 15 лет. Ясно, что такая статья республиканского закона противоречит Конституции РФ и закону о выборах.

Федеральный закон предполагает альтернативные выборы, то есть кандидатов должно быть, как минимум, двое. Однако в Калмыкии и Татарстане решили, что это — излишество, вполне достаточно и одного кандидата.

Еще одно весьма распространенное нарушение, когда от кандидата требуют знания местного языка, в то время как по Конституции РФ достаточно знания языка государственного. Вот, например, как выглядят требования к кандидату в президенты Республики Марий Эл. Он должен быть не моложе 35 лет, не старше 60, владеть государственными языками — горным или луговым марийским, а также русским.

Ситуация, сложившаяся в ходе выборов в Тюменской области, означала попытку фактического пересмотра существовавшего статуса двух автономных образований — Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов. Во время избирательной кампании эти округа приняли решение выйти из-под влияния областных структур и выбирать лишь своих губернаторов. После указа президента, предписавшего одновременные выборы трех глав исполнительной власти всех трех субъектов Федерации и единого губернатора области, ямальцы провели выборы только губернатора округа. Вторым указом президент перенес сроки областных выборов и настоятельно рекомендовал провести выборы тюменского главы с участием населения обоих округов. Представители всех трех субъектов Федерации подписали соглашение о механизме выполнения этого указа и признали, что Тюменская область должна сохранять свое административно-территориальное единство. Однако через неделю депутаты Думы Ямало-Ненецкого автономного округа проголосовали против проведения на территории округа выборов губернатора Тюменской области.

В Карелии, Пензенской, Ленинградской областях местные законы не разрешают голосовать военнослужащим срочной службы. В законе о выборах Сахалинской области записано, что каждый кандидат должен предварительно пройти медицинское освидетельствование. В Бурятии, Ингушетии, Якутии и Коми прежде чем получить бюллетень для голосования, избиратель должен доказать, что является постоянным жителем данной республики.

Новое законодательство Тувы предусматривает право выхода республики из состава РФ в случае, если за это выскажется большинство участников республиканского референдума. А Конституция РФ не содержит на этот счет определенных положений.

Подобных конфликтных противостояний федерального и местных законодательств немало. Все это приводит к прогрессирующему сепаратизму.

Уместно привести высказывание Б. Клинтона: «Политика США в отношении СССР показала правильность курса на уничтожение Союза как империи. Мы сделали то со своим главным соперником, что Трумэн хотел сделать атомной бомбой, только, в отличие от разрушенной атомом, мы получили готовую страну, благодаря самонадеянной

политике Горбачева. Теперь наша задача — не допустить к власти коммунистов. Нынешнее руководство России нас устраивает во всех отношениях. Надо не скупиться на расходы. Надо до конца завоевать тот плацдарм, с которого мы никогда не уйдем… Для этого надо расчленить Россию на мелкие государства по югославскому варианту. Только окончательно разрушив ее экономику, мы сможем навязать России свой путь развития. Один из вариантов — установление своих режимов во вновь образованных государствах. Мы позволим России быть небольшим государством. Но только США будет империей».

Устойчивая тенденция к децентрализации власти, «парад суверенитетов», центробежные силы в регионах наблюдаются в России с 1990 года, но, видимо, не достигли еще своего апогея. Наибольшей степени стремление к автономии вплоть до отделения от России достигло в Татарстане и Чечне.

Отношения с Казанью после трехлетней конфронтации были оформлены специальным договором, в республике принята своя Конституция и, если бы не территориальное и геополитическое положение Татарии, то можно было бы расценивать ее нынешнее состояние как вполне суверенного государства анклавного типа.

После двухлетней войны в Чечне, нанесшей множество потерь российской боевой силе и технике, а главное — невосполнимый ущерб авторитету государственности РФ, Чечня фактически тоже суверенное государство, лидеры которого поставили своей целью выход из состава Российской Федерации, к тому же при условии экономического возрождения самопровозглашенной и неконституционной республики Ичкерии за счет средств федерального бюджета.

Главная опасность дальнейшего развития сепаратизма в российских автономиях заключается в том, что события в них — и прежде всего в республиках Северного Кавказа — могут пойти по чеченскому «сценарию».

Этот сценарий оказался слишком заразителен не только для республик Северного Кавказа. Стоит вспомнить попытки губернатора Свердловской области Э. Росселя провозгласить Уральскую республику. Дело там дошло даже до идей выпуска собственной валюты — уральских франков.

«Традиционный» список регионов, тяготевших к повышенной самостоятельности в ходе выборов 1996 года пополнился рядом других,

ранее не замеченных в центробежных тенденциях. Серьезного накала предвыборные страсти достигли в Удмуртской республике. Председатель Госсовета этой автономии А. Волков силовыми методами отстранил законно избранного населением мэра Ижевска А. Колпакова от должности, взял курс на авторитарное правление и полную независимость от Москвы. Он развил необыкновенно поспешную законотворческую инициативу, пересматривая практически весь уклад российской государственности. «Если федеральный центр не принял закон о государственной власти в регионах, то Госсовет и правительство республики Удмуртия восполнили этот пробел!» — заявил он.

Большинство субъектов Федерации, склонных к сепаратизму, проявляли его прежде всего в финансово-экономической сфере. Республика Башкортостан получила из Германии кредитную линию на 101 миллион марок, однако не в состоянии самостоятельно освоить даже четвертую часть кредитов за ближайшие три года. Татарстан достиг межправительственных соглашений с Францией и Германией о предоставлении ему кредитов под гарантии Казани, а не Москвы. В сентябре 1996 года М. Шаймиев после встречи с А. Гором подписал такое же соглашение с одним из крупнейших банков США. В Татарии действуют уже 70 американских компаний. В качестве гарантий правительство Татарии впервые в общероссийской практике предлагало землю, госпакеты акций приватизированных предприятий, а также поставки нефти.

Не к этому ли пути призывали некоторые российские политики, предлагая дать право субъектам Федерации самостоятельно выходить на рынок внешних инвестиций? Характерно, что если еще в 1994 году администрация США категорически отказывалась иметь дело с сепаратистами, то теперь прямые контакты с регионами стремительно развиваются.

Глава 5
ЗЕРКАЛО СЛУЖАНКИ ВЛАСТИ

Вступая в новый политический год. — Опасность потери управляемости. — Нет идеи — нет страны. — Пресса как государственный институт. — Быстрые метаморфозы. — Бизнес и средства массовой информации: групповые интересы. — Медиа-империи и их хозяева. — Власть, зеркало или служанка. — Захват информационного пространства. — Грозящие катастрофы. — Как с ними бороться, никто не знает. — А может, не хотят?

На пороге нового, 1997 года становилось ясно, что центральная проблема России — опасность потери управляемости страной. Расшатывалась властная вертикаль, терялись последние рычаги влияния на регионы. Нарастала угроза распада России.

Горячая осень-96 вызвала к жизни и мощную волну экономического сепаратизма, когда субъекты Федерации самостоятельно, как указывалось выше, в одностороннем порядке устанавливали нормы налогообложения, предъявляли центру финансовые претензии, несанкционированно выходили на рынок внешних инвестиций.

Серьезную угрозу высшим национально-государственным интересам страны представлял и фактор идейной деградации и чрезмерного ослабления морально-политического единства российского общества. В периоды избирательных кампаний эта проблема выкристаллизовывалась особенно зримо и четко. Политики всех мастей убеждались, что вне рамок общенациональной объединительной идеи построить что-либо путное в стране невозможно.

Как не построить дом без фундамента, так не поднять страну без идеи этой страны. Собственно, пока нет идеи — нет и страны. Идейный кризис — самый глубокий, порождающий все остальные. Задача и исторический долг любого крупного руководителя или политической организации, заботящихся о своем народе и претендующих на достойное место в истории, — уловить,

почувствовать национальный дух, контуры общенациональной идеи и подчинить всю свою деятельность служению этой идее. Такие идеи не «разрабатывают», в лучшем случае их пытаются «ухватить» и сформулировать в результате глубокого изучения жизни своего народа, честного анализа всей гаммы национальных ощущений, переживаний и устремлений.

За. годы своего суверенитета Россия приобрела слишком много сложных и многоплановых проблем, от решения которых зависит ее дальнейшая судьба. Без принятия безотлагательных серьезных концептуальных решений, понятных для всей страны и ее граждан и воспринимаемых ими в качестве неизбежных и необходимых, выправить положение, не допустив при этом социально-политических катаклизмов, крайне трудно, а то и вообще невозможно.

Понятных для всей страны и ее граждан… Таковыми их делают в том числе и средства массовой информации. Понятия «четвертая власть», «информационное оружие» утратили свой метафорический характер и все более приобретают буквальный смысл и значение.

Активный и массированный выход на рынок средств массовой информации во все большей степени становится приоритетом большого бизнеса. Почти все, электронные СМИ, за исключением государственной РТР, а также большинство крупнейших газет и практически все массовые журналы находятся под контролем тех или иных финансовых групп. Хотя столь значительный масштаб это явление приобрело лишь в последние год-два, проникновение в СМИ крупного бизнеса началось гораздо раньше.

Еще со времен горбачевской «перестройки» журналистская элита и пресса как институт играли исключительно важную роль не только в распространении информации, но и в генерировании идей и продвижении политических позиций в общественное мнение. В известной степени СМИ в позднем СССР, а затем и в России взяли на себя многие функции гражданского общества. Таким образом, контроль над СМИ приносит бизнесу не только рекламные выгоды, но и значительные политические дивиденды, фактически играя роль важного политического ресурса.

Ведущие финансово-промышленные конгломераты осознали значение активной работы в информационной области. Освоение ими этой сферы можно подразделить на два основных этапа. Первый

охватывает период с начала 90-х годов до конца 1995 года, когда завершился первоначальный раздел рынка СМИ между тремя группами, которые раньше других смогли оценить преимущества контроля над СМИ. Стоящие во главе этих групп Б. Березовский, В. Гусинский и А. Смоленский прочно заняли ведущие позиции на рынке СМИ и получили значительные преимущества по. сравнению со своими конкурентами.

Второй этап приходится на конец 1995 — начало 1996 года, когда информационный рынок стали осваивать другие финансово-промышленные структуры. Речь идет в первую очередь о рынке печатных СМИ, который продолжает пополняться новыми изданиями. В то же время и электронные СМИ приобретают новых совладельцев. Значительно ускоренный выборной президентской кампанией процесс освоения и передела рынка прессы продолжается и поныне.

Активное воздействие бизнеса на СМИ начало проявляться еще в конце 80-х годов. С появлением предприятий новых форм собственности возникла необходимость в благоприятном освещении их деятельности в СМИ. Основные методы работы с прессой сводились к рекламе и «заказным» материалам.

Взаимная выгода подобного рода контактов была очевидна. Фирмы получали возможность за сравнительно небольшую плату помещать благоприятную для них информацию в изданиях с солидной репутацией. Это означало, что как редакции, так и отдельные журналисты получали дополнительные доходы, которые часто составляли значимый источник их существования.

СМИ активно использовались структурами различной степени солидности для опубликования «заказной» информации. Откровенно благожелательные материалы о деятельности МММ публиковались в различных изданиях, даже в государственных военных газетах. Небезызвестная группа «Гермес» успешно использовала как электронные, так и печатные СМИ, в том числе ярко выраженной оппозиционной ориентации, а также субсидировала собственную газету. Бизнесмен Артем Тарасов инициировал не только статьи в свою защиту в различных СМИ в 1990–1993 годах, но и создание и трансляцию по государственному телевидению документального фильма, носившего апологетический характер.

Некоторые центральные газеты, в том числе и активно выступавшие в защиту свободы слова, публиковали политические и бизнес-аналитические материалы — как правило, за вознаграждение. Исключение делалось лишь для части сюжетов, носивших сенсационный характер, и текущей информации. Определенная часть журналистов превратилась в лоббистов, готовых опубликовать практически любую статью за соответствующую мзду. В этих условиях появление «цивилизованных» крупных инвесторов сыграло в целом положительную роль. Оно предотвратило потенциальную криминализацию и явную продажность СМИ, заменив ее «постоянной связью» с определенными крупными бизнес-структурами. Новые отношения собственности дали СМИ определенную уверенность в завтрашнем дне, позволили планировать редакционную политику и коммерческие проекты на относительно долгосрочную перспективу. Впрочем, случаи внезапного сокращения или прекращения спонсирования тоже не редки.

Уже в 1995 году немало крупных коммерческих структур пришли к выводу: для эффективного функционирования и укрепления собственного политического влияния им необходимо не просто сотрудничество со СМИ, но и непосредственное владение изданиями.

Президентские выборы 1996 года привели к формированию единого механизма, объединившего ведущие СМИ, в первую очередь электронные, их хозяев и верхушку пропрезидентского политического истеблишмента. Слаженная работа этого механизма оказалась настолько эффективной, что стало обычным явлением приписывать ведущую роль в победе Б. Ельцина первому и четвертому каналам телевидения. Хотя единая система отношений бизнеса, власти и СМИ прекратила свое существование после выборов, каждый из вышеупомянутых «актеров» осознал силу и важность пропагандистского ресурса для политической борьбы. В восприятии многих политиков реальное значение этого ресурса даже преувеличивается: некоторые из них склонны полагать, что массированное воздействие на общественное мнение через прессу способно решать любые, в первую очередь электоральные задачи. Хотя целый ряд кандидатов на губернаторских выборах пали жертвами бездумного злоупотребления «господством в эфире», это не подорвало возросшей значимости «четвертой власти» в российской политике.

Вплоть до лета 1997 года СМИ, принадлежавшие основным финансовым группировкам, продолжали действовать по инерции президентской кампании и воздерживались от прямых «глобальных» атак на власть. Однако крушение согласия этих группировок после конкурса по приватизации «Связьинвеста» привело к ожесточенной полемике между подконтрольными конкурирующим банкирам СМИ, причем в этой полемике мишенью становились не только конкуренты, но и их высокие покровители.

Одним из следствий такого изменения в российской политической жизни стало накопление каждым из ведущих политиков ресурсов в области СМИ, причем их владельцы в данном случае также превращаются в критически важных партнеров тех или иных политических группировок. Однако как показала летняя «банковская» война и другие события политической жизни 1997 года, и альянсы между политиками, и их союзы с медиа-империями носили крайне неустойчивый характер.

Первым опытом создания системы СМИ, открыто объявивших о своих «тесных отношениях» с крупной финансовой структурой, стало формирование информационной системы, находящейся' под контролем «Группы «Мост». В 1993 году по инициативе «Моста» была основана первая негосударственная телекомпания НТВ. Затем в состав «информационной империи» «Моста» были включены приобретенные ею радиостанция «Эхо Москвы» и еженедельник «Семь дней», а также основанные непосредственно «Мостом» газета «Сегодня» и журнал «Итоги».

Информационные достижения «Моста» были бы невозможны без наличия у него связей в высших эшелонах власти. Так, часть четвертого телеканала — наиболее выгодное время, так называемое «прайм тайм» — была передана НТВ в период, когда всю информационную политику государства курировал М. Полторанин. Окончательная передача НТВ всего вещания на четвертом канале стала наградой за активное участие телекомпании в президентской гонке.

Несмотря на это, «Мост» достаточно часто менял своих политических партнеров. Так, конфликт с М. Полтораниным проявился уже в 1994 году. В результате «мостовские» СМИ начали против него активную кампанию, сыгравшую свою роль в том, что этот политик был вынужден покинуть арену большой политики.

Взаимоотношения между «Мостом» и Ю. Лужковым также нашли отражение в контролируемых «Мостом» СМИ. Если в 1993–1995 годах материалы о московском мэре в них носили крайне благожелательный характер, то уже во второй половине 1995 года наблюдалось ухудшение отношения к нему в программах НТВ и в газете «Сегодня». Это было связано с началом конфликта В. Гусинского с Ю. Лужковым, вызванного переориентацией руководителя «Моста» на А. Чубайса.

После «банковской» войны лета 1997 года империя В. Гусинского активно демонстрировала намерение сблизиться с В. Черномырдиным. Впервые озвученное вице-президентом холдинга В. Костиковым, бывшим пресс-секретарем Б. Ельцина, в июле подчеркнутое уважение к премьер-министру стало постоянной чертой информационных и аналитических передач НТВ.

Пользуясь своими политическими связями, В. Гусинский смог добиться выгодной для НТВ сделки с РАО «Газпром». Известны материальные затруднения «Мост-банка», которые связаны с потерей части московских бюджетных денег. Поэтому приобретенные «Газпромом» 30 процентов акций НТВ следовало рассматривать как получение телекомпанией солидных инвестиций при сохранении контрольного пакета акций за «Мостом». По некоторым данным, сумма, уплаченная «Газпромом» за акции, значительно превышала их рыночную стоимость.

НТВ традиционно стремилось представить себя в качестве независимой структуры, связанной с «Группой «Мост» лишь сугубо деловыми отношениями. Но политическая активность компании полностью соответствует интересам В. Гусинского, что подтверждают как примеры, перечисленные выше, так и отношение НТВ к другим политическим деятелям и событиям, в том числе и к Б. Ельцину. Несколько демонстративная оппозиционность 1995 года, вызвавшая неприятие со стороны команды А. Коржакова, сменилась полностью пропрезидентской позицией в следующем году.

Примечательно, что в президентской кампании 1996 года НТВ первоначально симпатизировало Г. Явлинскому. Однако активная вовлеченность В. Гусинского в деятельность «давосской группы» банкиров, пролоббировавших кандидатуру А. Чубайса на пост координатора ельцинского штаба и тем способствовавших смене вектора президентской кампании, естественным порядком привела и к

переориентации НТВ на кандидатуру Б. Ельцина. Итогом избирательной кампании 1996 года для НТВ стало не только расширение сетки вещания, но и серьезный рост политического авторитета его руководителей И. Малашенко и Е. Киселева, которые неизменно присутствуют в «сотне ведущих политиков России», а первого из них даже называли в качестве кандидата на пост главы администрации президента в июле 1996 года.

НТВ считается наиболее выгодным проектом «Группы «Мост» как с политической, так и с коммерческой точки зрения. Однако попытки расширить сферу влияния НТВ за счет проекта «НТВ плюс», включавшего 4 спутниковых канала — музыкальный, спортивный и два канала художественных фильмов — специалисты не считали удачными. Несмотря на активную рекламу, «НТВ плюс» не оправдывает возложенных на него ожиданий: в России пока не сложился массовый средний класс, составляющий основу аудитории спутниковых каналов на Западе. По данным аналитиков, «НТВ плюс» имел порядка 60 тысяч абонентов, что слишком мало для столь капиталоемкого предприятия.

Первым печатным изданием, контролируемым «Группой «Мост», стала газета «Сегодня», основанная в 1993 году. В эту газету перешла группа журналистов из «Независимой газеты», которым удалось сделать ее престижной, но неспособной достичь массового тиража. Попытка издавать «Сегодня» тиражом в 100 тысяч экземпляров закончилась отправкой около половины его в макулатуру. В связи с этим тираж был сокращен вдвое.

Осенью 1996 года главный редактор «Сегодня» был заменен другим, ранее работавшим в «Коммерсанте». Это повлекло перемены в творческом составе редакции. Объем издания значительно сократился, но тираж несколько вырос. Впрочем, первоначально намеченной цифры он все равно не достиг.

Летом 1997 года в газете произошла очередная реорганизация, вызванная недовольством руководства «Медиа-Мост» результатами деятельности нового руководства газеты. В результате главный редактор был переведен на пост вице-президента холдинга «Семь дней», а часть пришедших из «Коммерсанта» людей покинула газету. Некоторой время обязанности главного редактора исполнял президент

АО «Семь дней», а в сентябре 1997 года произошла очередная замена руководства.

Вторым проектом стал еженедельник «Семь дней», который также не обошелся без смены главного редактора. Известный телекритик И. Петровская была смещена вместе с большинством поддерживавших ее журналистов. Следствием этого увольнения стал судебный процесс по поводу невыплаченных гонораров. Несмотря на это, «Семь дней» выглядит достаточно перспективным с коммерческой точки зрения проектом. За счет сравнительной дешевизны и простоты подачи материалов он опередил по популярности своего основного конкурента — еженедельник «ТВ-парк».

Третьим печатным органом В. Гусинского стал журнал «Итоги» — совместное издание с американским журналом «Ньюсуик». Появившийся на свет в начале 1996 года, этот журнал сделал самую серьезную заявку на пустовавшую на тот момент нишу общеполитического еженедельника и обошел по популярности схожий по типу журнал «Огонек». Однако, начиная со второй половины 1996 года, в журнале наблюдается определенная стагнация: «Итоги» практически не развиваются, продолжая использовать лишь изначально освоенные, как правило, калькированные с западного образца приемы.

Некоторое время «Группа «Мост» спонсировала также «Общую газету», однако вскоре финансирование прекратилось.

Кроме НТВ и печатных изданий, В. Гусинский контролирует одну из крупнейших радиостанций России — «Эхо Москвы». Этот проект за счет большего количества рекламы в финансовом отношении более привлекателен.

Первоначально общее руководство информационными проектами «Моста» осуществлялось из единого центра, которым руководил В. Гусинский и президент «Группы «Мост» Сергей Зверев, однако внешне построение «империи» выглядело децентрализованным. В январе 1997 года В. Гусинский объединил все свои информационные структуры в единую компанию «Медиа-Мост». Оставив посты в «Группе «Мост» и «Мост-банке», он сосредоточился на работе в информационной сфере. Еще ранее все печатные проекты «Моста» были объединены в холдинг «Семь дней». Тем самым существовавшая всегда централизация приобрела официальный характер.

Отделение информационных структур от банковских и иных коммерческих начинаний связано не только с нежеланием приносить в жертву политике коммерческие интересы, хотя значительная часть руководства «Моста» изначально отрицательно относилась к информационно-политическим проектам В. Гусинского. Определяющую роль играет и то, что В. Гусинский сделал окончательный выбор в пользу информационных технологий, давая простор своим амбициям «российского Мэрдока». Вместе с тем, ряд косвенных показателей указывает и на то, что уход В. Гусинского с руководящих постов в банковских структурах был вынужденным.

Своим примером В. Гусинский доказал возможность создания информационной «империи» на основах централизации. Впрочем, как считают специалисты, часть его проектов, и в частности, «Сегодня», «НТВ плюс» не оправдали надежд, но их ликвидация нанесла бы ущерб репутации фирмы в целом. Поэтому он предпочитает сохранять и даже развивать нерентабельные структуры, а не прекращать их функционирование.

Выделение в отдельный холдинг всех медиа-проектов позволяет обеспечить полную управляемость как коммерческой стороной дела, так и политической «начинкой» изданий. Не случайно в информационной записке «О положении в СМИ», выдержки из которой со ссылкой на аналитические службы «Белого дома» опубликовали «Московские новости» (№ 38, 21–28 сентября 1997 г.), сделан вывод о «практически полном» влиянии холдинга «Медиа-Мост» на подконтрольные издания.

В отличие от В. Гусинского, А. Смоленский', руководитель банка «СБС-Агро», представляет собой тип бизнесмена, для которого обладание влиятельными СМИ не является профилирующей сферой интересов, хотя его экспансия на этом рынке серьезно возросла. Трудно представить, чтобы А. Смоленский оставил банковский бизнес для того, чтобы возглавить информационный концерн.

Политические связи А. Смоленского накладывали свой отпечаток на характер материалов, помещаемых в контролируемых им СМИ. Основную ставку он делал на тесное сотрудничество с премьер-министром В. Черномырдиным, по отношению к которому, как правило, соблюдалась лояльность в данных СМИ. В то же время мэр Москвы Ю. Лужков был подвергнут резкой критике на страницах

журнала «Столица», имевшего «московский» статус. Именно «Столица» оказала наибольшую поддержку дорогостоящей кампании против возведения в Москве памятника Петру Первому, направленной в значительной степени на подрыв позитивного имиджа московского мэра.

А. Смоленский, наряду с В. Гусинским, выступил в качестве спонсора газеты «Сегодня» при ее создании. Однако уже летом 1994 года банк вышел из состава спонсоров этой газеты, что, видимо, было связано с разногласиями между двумя банкирами, возникшими по причинам, не имевшим отношения к СМИ.

Первым самостоятельным приобретением А. Смоленского в области СМИ стал издательский дом «Коммерсант», основанный В. Яковлевым. Хорошая репутация первого в истории СССР крупного негосударственного издательского проекта, каковым являлась газета «Коммерсант», способствовала инвестициям в него со стороны банка А. Смоленского, который в тот период еще назывался «Столичный». Формально «СБС-Агро» не числился среди акционеров издательского дома, но кредиты, данные банком, обеспечивали контроль А. Смоленского над «Коммерсантом».

С помощью «СБС-Агро» издательский дом «Коммерсант» пополнился рядом новых изданий. Первым среди них стал еженедельный журнал «Коммерсант». Газета с того момента получила название «Коммерсант-дейли». Однако, быстро завоевав популярность в деловых кругах за счет высокого уровня аналитических материалов, «Коммерсант», начиная с 1995 года, вступил в фазу стагнации. Причиной этого стал уход из него почти всей журналистской команды, вступившей в конфликт с руководством издательского дома. Ушедшие основали журнал «Эксперт», который стал основным конкурентом «Коммерсанта» на рынке качественных деловых еженедельников.

Целый ряд издательских проектов «Коммерсанта» — журналы «Домовой». «Автопилот», «Деньги» — можно рассматривать как удачные, так как они смогли найти своего читателя и завоевать преобладающие позиции в своих сферах. Более драматичной выглядела судьба журнала «Столица». Основанный еще в 1990 году, он ориентировался на потребности московской либеральной интеллигенции, превосходя многие другие издания по объему «заказных» материалов.

После приобретения «Столицы» «Коммерсантом» последний попытался придать журналу коммерческий характер, но столкнулся с активным сопротивлением коллектива редакции, не желавшего вносить принципиальные изменения в концепцию своего издания. Выход был найден «Коммерсантом» достаточно быстро. В 1995 году журнал перестал издаваться, а в конце 1996 года был воссоздан, но на принципиально новой основе, ориентированной на легкий по стилю, несколько эпатажный журнал. Полностью обновленная «Столица», которую активно кредитовал «СБС-Агро», стала органичной частью издательского дома, но из-за отсутствия коммерческой выгоды вскоре прекратила свой выход.

Не помогло и то, что «СБС-Агро» открыл в «Столице» свою вкладку, то есть создал канал постоянного информационного обеспечения наиболее многочисленного отряда своих частных вкладчиков. Первоначально все вкладчики банка стали принудительными подписчиками «Столицы» — со скидкой 50 процентов от подписной цены — и только после вмешательства антимонопольных органов это новшество было отменено.

Что касается газеты «Коммерсант-дейли», то она пережила несколько реорганизаций, приведших к смене ее основного авторского состава. Последняя такая реорганизация произошла в начале 1997 года, следствием чего стал переход одной группы журналистов в «Сегодня», а другой — в патронируемый «ОНЭКСИМ-банком» «Русский телеграф». Руководство газеты, завоевавшей ведущие позиции на рынке качественной экономической прессы, стремилось превратить «Коммерсант-дейли» в массовую газету с большим. тиражом, ради чего даже выносили основные бизнес-новости в специальную тетрадь. Однако возможность такой быстрой и коренной смены устоявшегося имиджа газеты специалистам представлялась сомнительной.

С 1995 года «СБС-Агро» является одним из акционеров ОРТ — Общественного российского телевидения, в прошлом первого канала Центрального телевидения СССР. Первоначально банк, сосредоточившись на печатных СМИ, не проявлял большого интереса к электронным, а его участие в акционировании ОРТ имело две основные причины. Во-первых, для банка было важным создать плацдарм на телевидении. Во-вторых, статус акционера ОРТ подчеркивал лишний раз близость к структурам исполнительной власти. Как известно, при

акционировании ОРТ предложение о покупке пакетов акций делалось с «самого верха» и лишь крупнейшим финансовым структурам.

Однако в 1996 году ситуация изменилась. После перехода заместителя председателя совета директоров ОРТ Б. Березовского на государственную службу роль А. Смоленского на ОРТ возросла. Он возглавил «ОРТ-консорциум банков», владевших 38 процентами акций телекомпании. Кроме «СБС-Агро», в состав консорциума входили также «Менатеп», «Альфа-банк» и «Объединенный банк».

В упомянутой выше записке «О положении в СМИ» делался вывод о неэффективном управлении «СБС-Агро» издательским домом «Коммерсант». Такой вывод независимым экспертам представлялся не вполне точным. Во-первых, руководство «СБС-Агро» держалось в стороне от шумных политических скандалов, а потому не нуждалось в повседневном лоббировании своей позиции через СМИ. Во-вторых, ему всегда удавалось наносить «точечные» удары через издания «Коммерсанта». В-третьих, принцип «гибкого» воздействия на СМИ через кредиты в принципе являлся более цивилизованной формой управления и настраивал СМИ на коммерческую эффективность, что в долгосрочной перспективе исключительно важно.

Экспансия Б. Березовского в СМИ началась в 1994 году, когда он фактически установил контроль над ОРТ. Формально он являлся лишь заместителем председателя совета директоров ОРТ, однако председатель совета А. Яковлев выполнял сугубо номинальные функции. Большинство ключевых постов в компании было занято выдвиженцами Б. Березовского. Лишь генеральный директор ОРТ С. Благоволин был «компромиссной» фигурой, согласованной с правительством. Реальные рычаги управления оказались сосредоточены в руках заместителя генерального директора Патаркацишвили и руководителя информационных программ Пономаревой.

Еще одно электронное СМИ, где имеет влияние Б. Березовский — телеканал ТВ-6.

В качестве руководителя «Объединенного банка» и АО «ЛогоВАЗ» Б. Березовский установил контроль над двумя известными СМИ — «Независимой газетой» и журналом «Огонек». При выборе предметов приложения капитала сказалась основная черта Б. Березовского в работе со СМИ — стремление не создавать новые структуры, а с

максимальной выгодой использовать уже «раскрученные», пользовавшиеся неплохой репутацией еще в перестроечный период.

Б. Березовский известен как крайне осторожный инвестор, стремящийся к максимальной экономии вкладываемых финансовых ресурсов. Возможно, это было связано с нехваткой собственных средств — «Объединенный банк» никогда не входил в элиту российской банковской системы. Подобная экономия относилась как к «Независимой газете», финансирование которой на должном уровне началось лишь спустя несколько месяцев после ее приобретения, так и к «Огоньку».

Политические симпатии Б. Березовского накладывали отпечаток на спонсируемые им СМИ. Его стремление реализовать идею «просвещенного патриотизма», нейтрализовать оппозицию путем перехвата ряда ее лозунгов нашло отражение в активной поддержке им руководства «Независимой газеты» на публикацию подобных материалов.

Еще более ярко Б. Березовский продемонстрировал верность своим идеям в деле с А. Невзоровым. По его инициативе, несмотря на протесты С. Благоволина, программа А. Невзорова «Дикое поле» в течение длительного времени фигурировала в сетке вещания ОРТ. А. Невзорову было разрешено заниматься политической рекламой ряда лидеров оппозиции в обмен на лояльное отношение к Б. Ельцину. Операция по «приручению» А. Невзорова завершилась перед президентскими выборами. Ее результатом стала потеря Г. Зюгановым одного из наиболее ярких потенциальных агитаторов. Примечательно, что как только А. Невзоров стал не нужен для обеспечения избирательной кампании, его программа была закрыта. Тем не менее, столь обоюдный ход «подмочил» репутацию Б. Березовского.

Все больше деятельность Б. Березовского в области СМИ наталкивалась на целый ряд препятствий как объективного, так и субъективного характера. К объективным причинам можно отнести аутсайдерный характер его печатных изданий — «Независимая газета» уступала по популярности газете «Сегодня» и не могла реально конкурировать с «Известиями» и «Коммерсант-дейли». «Огонек» проигрывал конкуренцию «Итогам» и «Профилю» на рынке еженедельных журналов.

Авторы записки «О положении в СМИ» в принципе верно оценили влиятельность Б. Березовского на «свои» СМИ, отметив высокую эффективность их пропагандистского воздействия в ходе «банковской войны».

А теперь о «медиа-империи» «Газпрома». Формально она выглядит достаточно внушительно. Крупнейшей российской компании принадлежат 51 процент акций газеты «Трибуна», 30 процентов — телекомпании НТВ, 3 процента — ОРТ, 100 процентов — телерадиостанции «Прометей» и отраслевого журнала «Фактор». Он является основным спонсором газеты «Труд». Дочерние предприятия «Газпрома» также являются совладельцами ряда региональных газет и телекомпаний.

Однако особых успехов, как отмечают специалисты, на поприще СМИ «Газпром» не достиг. Например, владение акциями НТВ и ОРТ является, по словам самих же газпромовцев, всего лишь формальностью. Одна из причин этого — традиционность мышления тех менеджеров компании, которые отвечают за взаимодействие со СМИ. В результате вложения «Газпрома» в СМИ в большинстве случаев носили характер спонсорской помощи, а не политической инвестиции. Поэтому в целом ряде случаев они оказывались неэффективными со всех точек зрения.

«Газпром» сделал ставку на приобретение наиболее массовых СМИ с расчетом на охват не только столицы — ареал распространения большей части так называемой «качественной» прессы, но и большинства регионов. Именно поэтому «Газпром» прибрал к своим рукам известные, ранее уже «раскрученные» издания, основной аудиторией которых являлись лица среднего и старшего возраста.

Первой газетой, которую спонсировал «Газпром», стала «Комсомольская правда», одна из немногих сравнительно динамично развивавшихся традиционных СМИ. Однако вложения в размере 9 миллионов долларов не привели к установлению контроля над газетой. Весной 1997 года 20 процентов акций «Комсомольской правды», якобы находившихся под контролем «Газпрома», перешли в собственность «ОНЭКСИМ-банка» по решению собрания акционеров. Трудовой коллектив редакции, вполне довольный своими взаимоотношениями с «Газпромом», пытался протестовать, но безрезультатно. На собрании большинство имело дружественные ОНЭКСИМу структуры, а позиция

коллектива привела лишь к смещению главного редактора почти сразу же после смены инвестора.

Потеря «Комсомольской правды» нанесла серьезный удар по планам «Газпрома» в области контроля за СМИ. Еще более серьезным выглядело то, что это совпало с кампанией против «Газпрома». Именно в этот момент позиция «Комсомольской правды» как достаточно авторитетного издания могла оказать «Газпрому» существенную помощь.

Более перспективными выглядели инвестиции «Газпрома» в газеты «Труд» и «Трибуна», ориентированные на традиционно настроенного читателя. Популярность «Труда» значительно выше, чем «Трибуны». Однако продолжение этих инвестиций может быть поставлено под угрозу в случае усиления контроля со стороны государства за расходованием «Газпромом» средств. Теснейшая связь между государством и РАО «Газпром». может стать осложняющим фактором и привести к обвинениям в нерациональном расходовании средств.

Наиболее удачным проектом, реализуемым «Газпромом» с 1997 года, представляются специалистам вложения в журнал «Профиль», ставший одним из наиболее популярных российских еженедельников, который характеризует политические события через призму «конкретных личностей». Журнал обладает репутацией знатока закулисных интриг, и положительное отношение к «Газпрому» при подаче в журнале острых материалов может принести компании значительную пользу.

Осенью 1997 года руководство «Газпрома» объявило о создании холдинга «Газпром-Медиа», управляющего акциями всех СМИ, принадлежащими «Газпрому». Однако сразу же возникла проблема, состоявшая в том, что наиболее ценный партнер «Газпрома» — газета «Труд» — еще не акционировалась. Шли лишь разговоры об условиях акционирования, в частности, о размерах и цене газпромовского пакета акций.

Ярким примером крупнейшей компании, потерпевшей неудачу при попытке крупномасштабного вторжения в сферу СМИ, является «ЛУКойл».

Со второй половины 1996 года «ЛУКойл» выступил в качестве стратегического инвестора газеты «Известия» — крупнейшего традиционного либерального издания. До того времени был известен

лишь один издательский проект компании — профессиональный журнал «Нефть России».

Главный редактор «Известий» И. Голембиовский в течение длительного времени не давал согласия на продажу акций газеты, опасаясь потерять контроль над изданием. Однако аргументы «ЛУКойла» — солидной компании, менее политически ангажированной, чем многие другие коммерческие структуры — убедили его отдать предпочтение именно этому варианту, тем более, что «ЛУКойл» первоначально не претендовал на контрольный пакет.

Однако уже весной 1997 года политические интересы «ЛУКойла» вступили в противоречие с позицией редакции. Резкие выпады «Известий» против В. Черномырдина — сначала упорное предрекание его отставки в конце февраля, а затем скандальная и явно «соркестрованная» перепечатка из парижской «Монд» о «пяти миллиардах» долларов личного состояния В. Черномырдина — привели к конфликту, следствием которого явились два принципиальных шага «ЛУКойла». Во-первых, компания приступила к приобретению контрольного пакета акций, осуществляя их скупку по завышенным ценам. Во-вторых, она потребовала отставки главного редактора.

В конфликте «ЛУКойла» с редакцией «Известий» наглядно проявились особенности пропагандистской войны, которую способны вести российские СМИ. Усилиями как газеты, так и большинства других СМИ «ЛУКойл» был представлен душителем свободы слова, тогда как коллектив редакции — поборником этой свободы. Остроты полемике прибавило и устоявшееся мнение, что репрессивные действия были предприняты «ЛУКойлом» с санкции главы правительства или даже по его инициативе.

На заднем плане остался принципиальный вопрос о том, имеет ли собственник право смещения руководителя редакции. Интересно, что довольно частые прецеденты такого рода оставались вне поля зрения критиков. Лишь попытка освободить от занимаемой должности Голембиовского вызвала реакцию со стороны общества, особенно «знаковых» фигур из демократической интеллигенции, коллективные письма в защиту и т. д.

В этих условиях «ЛУКойл» был обречен на поражение, тем более что глава правительства не мог в данном случае поддержать инвестора

без ущерба для своей репутации. «ОНЭККСИМ-банк», выступив в союзе с коллективом редакции, сохранившем 25 процентов акций, смог установить фактический контроль над газетой. Еще до окончательного подведения итогов скупки акций «Известия» напечатали целый ряд статей с резкой критикой «ЛУКойла», после чего стало ясно, кто одержал победу.

«ЛУКойл» осуществлял также попытку внедрения в электронные СМИ. По данным газеты «Русский телеграф», компания владела 10 процентами акций ТВ-6. Кроме того, она выступала в качестве основного финансового донора ТСН, которая была частью второго канала, а потом пожелала превратиться в самостоятельный проект.

К новым фаворитам информационного рынка можно отнести «ОНЭКСИМ-банк». Его первый пробный издательский проект относится к 1995 году, когда банком было спонсировано создание журнала «Эксперт». Произошло достаточно необычное для российской журналистики того времени явление — значительная часть персонала журнала «Коммерсант» одновременно перешла в новое издание.

Наибольшую активность в издательском бизнесе «ОНЭКСИМ» стал проявлять лишь в 1997 году, что совпало с ростом политических амбиций В. Потанина. Во главе кампании по овладению СМИ в «ОНЭКСИМе» стоял М. Кожокин, брат бывшего народного депутата РФ и известного аналитика Е. Кожокина. В 1998 году М. Кожокин станет главным редактором «старых» «Известий», в редакцию которых влились журналисты из прекратившего тогда же выпуск «Русского телеграфа». Наличие четко поставленной цели и значительных средств обеспечивали адресный характер действий банка и их размах в сочетании с наступательностью.

Целью «ОНЭКСИМа» было владение по меньшей мере тремя солидными газетами, рассчитанными на различные слои населения. В выборе приоритетов просматривались политические мотивы.

Во-первых, «ОНЭКСИМ» установил контроль за «Комсомольской правдой» — одной из наиболее массовых общероссийских газет, выведя ее из-под влияния «Газпрома».

Во-вторых, банк с мая 1997 года фактически контролирует «Известия», несмотря на то, что принадлежащий ему пакет акций в два раза меньше пакета акций «ЛУКойла». Тем самым еще одна компания,

пользовавшаяся «прочерномырдинской» репутацией, была отстранена от контроля над СМИ.

В-третьих, «ОНЭКСИМ» в сентябре 1997 года приступил к изданию «качественной» газеты, основным ареалом распространения которой должны были стать Москва и другие крупные города. В «Русский телеграф» была привлечена достаточно компетентная команда журналистов из «Коммерсанта», пишущих на экономические и политические темы, а также группа бывших сотрудников газеты «Сегодня». Это издание претендовало стать одним из лидеров на рынке «качественных» СМИ, обладавших сравнительно небольшим тиражом, но рассчитанных на аудиторию, состоящую из лиц, принимающих решения в области политики и экономики. Издание, увы, не «пошло».

«ОНЭКСИМ» стал одним из крупнейших участников российского информационного рынка. У специалистов были основания полагать, что банк серьезно намерен составить конкуренцию традиционным участникам. Его газетно-журнальная группа — массовая «Комсомолка», традиционно авторитетные «Известия» с приложениями, недавний «Русский телеграф» — выглядели довольно внушительно.

В наступательной стратегии «ОНЭКСИМа» очевиден приоритет политических интересов. Тем не менее при достижении столь большого масштаба операций банк вынужден был ставить вопрос и о коммерческой эффективности изданий. Не случайно появилась информация о формировании в рамках «ОНЭКСИМа» специальной структуры — издательского дома «Проф-медиа» для координации подконтрольных банку СМИ.

И все же скандалы, связанные с «захватом» «Комсомолки» и «Известий», свидетельствовали об определенных трудностях в медиа-политике банка. Это, видимо, побудило авторов записки «О положении в СМИ» сделать вывод об ограниченном характере влияния банка на свою «империю».

Наряду с овладением рынком печатных СМИ «ОНЭКСИМ» проявляет интерес и к электронным СМИ. По некоторым данным, именно этот банк был заинтересован в нереализованном проекте акционирования второго и пятого телеканалов.

Интерес к овладению рынком СМИ затронул также целый ряд других известных коммерческих структур. Однако они не склонны, по

крайней мере в обозреваемом периоде, к установлению контроля над значительным количеством СМИ, а скорее присматривались к достаточно новому для них рынку.

«Инкомбанк», например, помог возобновить выход «Новой ежедневной газеты», которая стала еженедельной и переименовалась в «Новую газету». Изменился и характер издания: вместо газеты с претензиями на «качественность» появился еженедельник, наполненный острыми, сенсационными материалами, в целом оппозиционный по отношению к правительству.

«Инкомбанк» также спонсирует газету «Век». Но это, судя по отзывам экспертов, менее удачный для него проект, чем «Новая газета». В нем отсутствует сенсационность, привлекающая читателей к «Новой газете».

В отличие от «Инкомбанка», банк «Империал» не сосредоточил внимание на одном издании, а начал действовать на информационном поле методом проб и ошибок. Вначале он спонсировал журнал «Профиль», который стал самым удачным его проектом. Однако вскоре контроль над «Профилем» перешел к одному из крупнейших акционеров банка — РАО «Газпром».

Определенную активность на информационном рынке проявлял и «Менатеп». Кроме небольшого пакета акций ОРТ, «Менатеп» владел пакетом акций ряда изданий, в том числе экономического еженедельника «Капитал» и газеты «Москоу таймс», финансировал выпуск «Литературной газеты» до перехода ее в хозяйство московской группы.

Особого внимания заслуживало назначение Л. Невзлина — второго человека в «Менатепе» — на пост первого заместителя генерального директора ИТАР-ТАСС. Это назначение резко повышало возможности банка влиять на информационные потоки, которыми активно пользовались как печатные, так и электронные СМИ.

Еще один проект «Менатепа» в области СМИ — создание качественной ежедневной газеты, над которой работали ушедшие из «Сегодня» журналисты. Однако летом 1997 года этот проект был заморожен.

Итак, напрашивался вывод о том, что российские СМИ все более оказывались под контролем крупных коммерческих структур, заинтересованных в отстаивании с их помощью своих политических и

экономических интересов. «Олигархический» контроль за СМИ представлял собой неизбежную фазу «информационной индустрии». Присутствие на информационном рынке большого количества участников ставило определенную преграду на пути его монополизации, что являлось положительным моментом. В то же время преобладающее влияние на нем наиболее влиятельных коммерческих структур позволяло говорить об эфемерности независимости «четвертой власти», которая превращалась в поле борьбы представителей крупного российского капитала.

Не затихавшая в России на протяжении нескольких последних лет борьба за СМИ вошла к президентским выборам 1996 года в свою новую фазу. Развернувшиеся баталии вокруг таких бывших общенациональных газет, как «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Рабочая трибуна» достигли своей кульминации после опубликования открытого письма президенту РФ с призывом вмешаться в ситуацию и отстоять свободу российской независимой прессы. В подтексте обращения улавливались нотки скрытого торга: «Если вы не защитите журналистов, они вас перестанут поддерживать».

За всей этой борьбой безусловно стояли интересы мощных политических и финансовых кругов. С точки зрения цивилизованной рыночной практики нет ничего необычного в том, что финансовые магнаты покупали средства массовой информации. В конце концов они просто реализовывали свое право распорядиться собственными деньгами по собственному усмотрению. В случае с «Комсомольской правдой» банк покупал акции путем пусть тайной, но законной сделки с представителями руководства акционерного общества. В ситуации с «Известиями» концерн «ЛУКойл» осуществил операцию, известную в мире под названием «hostile takeover» — нежеланная — для газеты, но абсолютно законная скупка ее акций. В третьем случае «Газпром» еще только готовился стать владельцем «Труда», как перед этим стал владельцем «Рабочей трибуны». Был даже некий «плюс» в этом процессе: легализация истинных владельцев изданий, обретение ими плоти, крови и юридического лица, что является предметом для разработки антимонопольного законодательства в области прессы.

С другой стороны, было очевидно, что вовсе не с целью облегчить работу законодателям шла скупка печатных изданий. Осуществлялся

масштабный план теми людьми, которые слишком хорошо осознали роль СМИ, сумевших в период президентской кампании поднять рейтинг одного из кандидатов с шести процентов до победного результата.

«Известия» покусились на В. Черномырдина, и их тут же подмяли «ЛУКойлом». «Комсомолка» «обидела» А. Чубайса, и он прибрал ее к рукам с помощью «ОНЭКСИМ-банка». По сведениям из зарубежных источников, влиятельные лица, определявшие политику государства в области масс-медиа, условно говоря, вычеркнули «Газпром» из списка владельцев российской прессы.

Объяснение этому — в анализе происходивших на внутриполитической сцене процессов.

За всеми скандалами и скупками акций СМИ в России стояли конкретные финансовые группы, задачей которых было создание механизмов, позволявших «через час после объявления выборов начать раскручивать их маховик».

Что же это за группы? Каковы их признаки?

Типичная российская финансовая группа имеет следующие особенности. Во главе ее обычно стоит банк и финансовая держательская компания — холдинг. В нее входит несколько промышленных компаний — либо одной, либо нескольких отраслей, а также торговые и сервисные предприятия. Промышленные предприятия, входящие в группу, организованы в форме акционерных компаний закрытого или открытого типа. Финансовая группа, как правило, связана личной унией с правительством, то есть имеет своих представителей в правительстве или в составе своего руководства бывших высоких правительственных чиновников. Финансовые группы борются между собой за контроль над наиболее лакомыми кусочками бывшего общенародного пирога и в то же время связаны переплетающейся сетью взаимных финансовых участий. Группа контролирует то или иное СМИ — газету, журнал, телевизионный канал.

Нетрудно обозначить основные группы тех, кто имел в описываемый период свой интерес к СМИ.

Это, безусловно, «Газпром» и вообще нефтегазовые компании. В зоне их интереса такие бывшие общенациональные газеты, как «Известия», «Труд», «Рабочая трибуна», «Сельская жизнь», многие

региональные издания и телеканалы. По некоторым данным, всего их 29. Эта группа особенно активна в газетном бизнесе, так как с телевидением у нее не все получается — нет людей, вернее, команды, хотя денег хватает на все.

' «ОНЭКСИМ-банк». Он в значительной мере контролировал «Комсомольскую правду» и «Русский телеграф». Этот крупнейший российский банк проявлял интерес и к региональным газетам и телеканалам. В проведении своей политики ориентировался на А. Чубайса.

«Мост-медиа» В. Гусинского. По оценкам западных аналитиков, его переход в «Мост-медиа» объясняется политическими мотивами, а не экономическими — необходимо как следует подготовиться к новым президентским выборам. По сути, в России никогда не прекращалась президентская кампания, и те банкиры, которые приходили к руководству СМИ, старались проталкивать своих кандидатов. Это понятно, они ведь не хотят потерять то, что уже приобрели.

Б. Березовский, как уже указывалось, контролировал информационный блок ОРТ и ТВ-6, журнал «Огонек» и «Независимую газету».

КПРФ. В развернувшейся войне за СМИ коммунистические структуры занимали не последние позиции. Им принадлежали газеты «Правда», «Завтра», «Правда-5», «Советская Россия», а также около 200 региональных и около 500 районных изданий. В списке, правда, отсутствовали информационные агентства — наиболее оперативный вид передачи информации. По опубликованным в прессе данным, в соответствии с решением НПСР создавалось «Агентство патриотической информации» (АПИ). КПРФ предоставит ему свои коммуникационные возможности и снабдит агентство потоком региональной информации.

В описываемом периоде политическая погода на российском политическом Олимпе определялась взаимоотношениями двух суперкланов, сложившихся по итогам публичной и закулисной борьбы в течение 1995–1996 годов, лидерами которых считали В. Черномырдина и А. Чубайса.

Группировка В. Черномырдина, контролировавшая аппарат правительства, была потеснена в результате кадровых перестановок в правительстве и разгрома отраслевых министерств. Команда А.

Чубайса, выделившаяся из экономического блока правительства, усилила свои позиции в кабинете министров. Назначение А. Чубайса главным куратором сделало этот перевес еще более ощутимым.

Оба суперклана были выстроены на мощном финансово-экономическом фундаменте. Опора премьерской группировки — полугосударственные структуры нефтегазового комплекса, обслуживавшие их банки — «Империал», «Национальный резервный банк», «Газпромбанк» и другие, остатки ВПК, а также ряд «старых» банков, среди которых «Промстройбанк», «Уникомбанк». За Чубайсом — гигантские холдинги, сформировавшиеся вокруг «новых» банков — группа «ОНЭКСИМ-банка» (МФК, «Менатеп», «Альфа-групп»), группа «Столичного банка сбережений» и другие.

Демонстрируемая ими ранее готовность к сотрудничеству сменилась жестким противоборством в экономической сфере. Одновременно активизировалась схватка за влияние над средствами массовой информации.

Скрытая от глаз общественности перегруппировка сил в «партии власти» длилась не очень долго. Она стала известна в результате скандала, развернувшегося вокруг российско-белорусского договора. Линия противопоставления проявилась преждевременно и отнюдь не потому вопросу, который гарантировал бы либеральной группировке безоговорочную поддержку президента. К тому же проявилась и консолидация вокруг А. Чубайса электронных СМИ, начавших дружно «топить» популярную в обществе идею объединения России и Белоруссии. В результате еще не полностью сформированное правительство оказалось фактически расколото.

Дополнительным толчком к конфронтации послужила предпринятая А. Чубайсом и стоявшими за ним кругами атака на естественные монополии, в первую очередь на «Газпром», РАО «ЕЭС России» и МПС, стремление взять их под свой контроль.

В завязавшемся поединке перевес был на стороне «новых» банкиров, демонстрировавших динамизм и способность консолидировать свои организационные и финансовые ресурсы в интересах того или иного участника группировки, шедшего на очередной прорыв.

Примером такой консолидации могла служить развернувшаяся в СМИ кампания вокруг газет «Известия» и «Комсомольская правда». В

борьбе за свои интересы одной из группировок был запущен уже опробованный механизм пропагандистского воздействия как на общественное сознание, так и на президентскую власть. Вынесенные на первые полосы газет материалы с криком об угрозе свободе печати были привязаны лишь к тем СМИ, на которые покушались именно нефтегазовые компании. Со свободой слова в печатных и электронных СМИ, находившихся под контролем А. Чубайса, Б. Березовского, В. Гусинского, вроде было бы все в порядке.

Важное наблюдение: «поделенными» оказались не все СМИ, а только их общероссийская «элита». Несомненно, что именно она обладала наибольшим влиянием на общественное мнение, особенно по проблемам федеральной политики. Однако нельзя игнорировать и такой фактор, как снижение роли общероссийских изданий, так как в провинции предпочитают подписку на региональную прессу. Хотя при внимательном и беспристрастном рассмотрении выясняется, что общенациональных изданий в современной России нет. Каждое СМИ выражает точку зрения тех политических и финансовых кругов, которые «заказывают музыку». Не выполняет, к сожалению, роль общероссийского информационного пространство и телевидение, поскольку оно тоже разделено по нишам и обслуживает только своих хозяев и их прагматичные интересы.

Казалось бы, общенациональное российское телевидение имеет три разные формы собственности: государственную (РТВ), общественную (ОРТ) и частную (НТВ). Но они отличны друг от друга лишь внешними признаками — заставками, музыкальным оформлением, лицами ведущих. Телевидение не только обслуживает правящие и конкурирующие между собой финансово-политические группы. Оно в лице своих руководителей и главных ведущих принадлежит этим самым группам. Отсюда и направленность информационно-политических программ, которые, по мнению многих аналитиков, не отражают истинную картину происходящего в стране.

Информационно-аналитические выпуски телеканалов крутятся вокруг конкретных персон: А. Лукашенко — как главной угрозы демократии в России, Р. Вяхирева — как главного отступника, осмелившегося обратиться за помощью к оппозиционной Госдуме, Б. Немцова — как главного в то время борца с коррупцией.

Посвятив теме «Газпрома» значительную часть эфирного времени, ни один из трех каналов не удосужился поинтересоваться мнением самого Р. Вяхирева. Комментарии на эту тему давали представители другой стороны — А. Кох, Б. Немцов и другие.

По той же схеме обсуждалась тема союза России с Белоруссией. С экрана давали пространные комментарии С. Шушкевич, лидеры Белорусского народного фронта и других оппозиционных А. Лукашенко сил на фоне отдельных реплик, вырванных из контекста выступлений белорусского президента. Обсуждение этого важнейшего для судеб народов двух стран вопроса свелось по сути к разговору о потенциальной угрозе власти Б. Ельцина со стороны А. Лукашенко. Ведущий программы «Итоги» по НТВ позволил себе даже давать оценку действиям российского министра иностранных дел с подстрекающими намеками о целесообразности «разобраться» с ним.

Все это, по мнению западных аналитических центров, дает основание рассматривать телевидение как средство давления на президента, как способ политической дискредитации и устранения неугодных лиц, как инструмент интриги и раскрутки новых фигур. В 1996 году такими фигурами были А. Лебедь, А. Чубайс, позже — Б. Немцов. Искусственно раздувалось значение таких фигур, каждый сделанный ими ход заведомо преподносился как единственно правильный и смелый.

По оценкам все тех же зарубежных специалистов в области информационных технологий, телепрограммы в России только называются аналитическими. Критерий отбора материалов в них один — сенсационность, скандальность, нездоровый интерес к интригам и политическому закулисью. Обязательным стал назидательный, поучающий тон ведущих, присвоивших себе право подводить итоги всему происходящему в стране.

Состав привлекаемых в качестве экспертов лиц один и тот же. Конструктивная оппозиция по существу лишена конституционного права свободно высказывать свое мнение с экранов телевидения.

В отсутствие ясно сформулированной государственной идеологии и идеологических институтов государства телевидение самостоятельно заняло место такого института и взяло на себя роль духовного наставника россиян. Телеканалы находятся в центре внимания тех лиц

и структур, которые прекрасно понимают, для чего им телевидение, требующее огромных денежных вложений, чего они от него хотят.

Телевизионный бизнес прежде всего интересует крупных деятелей в области рекламы, имеющих возможность не только извлекать прибыль из рекламы, но и контролировать внутренний рекламный рынок. Голубой экран манит также финансовых магнатов, использующих телевидение как инструмент политического влияния и средство лоббирования своих интересов. Большие надежды на ТВ возлагают и иностранные предприниматели, с его помощью проникающие на российский рынок и использующие телеканалы в качестве средств своего влияния.

В западных странах иностранцев в национальное вещательное пространство не пускают. Там внимательно следят за тем, чтобы оно не было никем монополизировано.

В России, где реальный контроль за этим отсутствует, существует угроза монополизации эфирного пространства страны. Ни подтвердить, ни опровергнуть эти утверждения пока невозможно — для этого потребовалась бы тщательная проверка всех фирм и их учредителей, получивших лицензии на вещание во всех регионах.

Так или иначе, но очевидно одно: за кадром происходит своя, скрытая от чужого глаза и весьма опасная борьба за сферы влияния, за возможность формировать политический курс и массовое сознание. Обыватель по наивности думает, что чем больше каналов, тем лучше — свобода выбора. Однажды, внимательно всмотревшись в телеприемник, он вдруг заметит, что выбора, в сущности, нет.

Разговоры о политической ангажированности телевидения волнуют общественность ничуть не меньше, чем самые животрепещущие вопросы личной жизни. Как и все средства массовой информации, каждый канал телевидения в той или иной мере выражает политические и экономические интересы тех субъектов политической и экономической жизни, которые питают их. А питают финансово-политические группировки.

Показательна история развития канала НТВ на примере передачи ему полностью четвертого канала за счет вытеснения ВГТРК, а точнее «Российских университетов», несших, кстати, большую и полезную культурно-просветительскую и общеобразовательную нагрузку.

Специалисты в области лицензирования утверждали, что не случись президентских выборов, частная телекомпания никогда бы не получила из рук государства общенациональной вещательной частоты.

Нет ничего предосудительного в том, что И. Малашенко и его телекомпания участвовали в предвыборной кампании в пользу Б. Ельцина. Но, по западным стандартам, телевизионный руководитель и политический менеджер — это разные общественные роли. Обычно предпочитают что-то одно.

Многие считали, что имела место политическая сделка, в результате которой частная телекомпания получила из рук государства весьма дорогой подарок за активную поддержку на выборах кандидатуры Б. Ельцина.

Сами по себе, считают аналитики, условия договора, безусловно, нигде не афишировались, и часть сторонних наблюдателей продолжает верить в цивилизованную отдачу канала — государство передавало канал НТВ, поскольку у него, у государства, не было денег на его содержание.

Государство действительно свои телекомпании финансирует из рук. вон плохо. ВГТРК выделяется всего 20 процентов обещанных средств, ОРТ — 14 процентов. И ситуация, когда нищее государство продает частной компании общенациональную вещательную частоту, чтобы поправить дела телекомпаний собственных, могла бы выглядеть более-менее объяснимой. Но даже чиновники из Федеральной службы по телевидению и радиовещанию, которые обязаны были выполнить указ президента и выдать НТВ новую лицензию, соглашались, что речь шла именно о подарке, ибо компания НТВ получила канал с большой аудиторией, со сложившейся технологией, с имевшимся оборудованием, с развитой вещательной сетью, куда входило несколько мощных ретрансляторов по всей территории России. НТВ фактически оплатила лишь стоимость национальной лицензии, которая одинакова и для «бедных», и для «богатых», — это 50 минимальных зарплат, то есть 730 долларов. А самое интересное, что и сигнал частная компания оплачивала по государственным тарифам!

С точки зрения мировой практики — прецедент редчайший. Если бы в любой другой стране некая финансово-промышленная группа. вознамерилась бы получить для своей телекомпании общенациональную частоту, она, гипотетически, выложила бы

астрономическую сумму. Гипотетически, поскольку за рубежом частная телекомпания в принципе не может занять публичный, общественный канал.

Указы главы государства по телевидению стали явлением систематическим. И телекомпания «Останкино» потеряла первый канал президентским указом. ВГТРК в свое время обрела четвертый канал таковым же указом. И НТВ в конце 1994 года получила вечерний блок на четвертом канале опять же президентским указом.

Ситуация органично вписывается в картину изменения вещательного баланса между государственными и частными телекомпаниями. Колоссальный передел произошел в пользу последних.

Любая власть, представляющая лишь интересы одной, небольшой социальной группы населения, и, тем более ее зарубежных покровителей, опирается на силовые структуры и СМИ. В российских условиях, подчеркивают зарубежные аналитики, роль СМИ многократно возрастает, поскольку морально-психологическое состояние армии таково, что она больше представляет для власти угрозу, чем несет функцию защиты. Именно средства массовой информации являются важнейшим технологическим звеном, без которого невозможно осуществление разработанных политических проектов. Этим и объяснятся ожесточенность и бескомпромиссность схваток за СМИ.

Российская пресса, которую принято считать основным двигателем перестройки, себя в перестройке не обрела, ибо внутренней перестройке не подверглась. Пресса работала и продолжает работать на власть имущих.

В свое время М. Полторанин гордился тем, что именно он первым применил к российской прессе понятие «четвертая власть». И никто не обратил внимание на то, что в западном мире «четвертой властью» называют не прессу, а общественное мнение, а это совсем не одно и то же. Да, пресса действительно выражает и формирует общественное мнение. Но — в числе других факторов. Подменяя собой общественное мнение, она выполняет абсолютно не свойственную ей функцию. Осознание собственной власти — путь гибельный. А в словосочетании «четвертая власть» российским СМИ больше нравится как раз второе слово. Однако в этом смысле российская пресса, по

мнению западных аналитиков, стала заложницей своих иллюзий. Отношения власти с прессой строятся в России по принципу «собака лает — караван идет». Прессе важно только прокричать первой, а дальше хоть потоп. Во власти этот крик отзыва не находит, а в обществе пресса отклика и не ищет.

Пресса, не имея возможности жить только за счет читателей и рекламодателей, старается прислониться к какому-нибудь другому, более сильному организму, что естественным образом приводит к ее ангажированности. В течение длительного периода происходила концентрация СМИ в руках узкой группы финансистов, лояльных лично к А. Чубайсу. В результате «свободная» российская пресса не смогла проинформировать читателя об объективных достоинствах и недостатках всех кандидатов в президенты России в предвыборный период. Попытки представителей оппозиции поставить вопрос о предоставлении объективных данных о состоянии их здоровья тонули в хоре тиражируемых в СМИ голосов, обвинявших коммуно-патриотов в антиельцинских кознях. Но вот выборы прошли и выяснилось, что Б. Ельцин действительно серьезно болен. Нанесенного стране ущерба в результате долговременной стагнации никто не подсчитывал.

В информационном пространстве России проявились две основные тенденции: во-первых, падение реального влияния общенациональных, бывших «центральных» газет и усиление влияния на население со стороны региональных изданий, и, во-вторых, стремление финансовых групп Москвы взять под свой контроль газетный рынок региона.

Первая тенденция выражалась в резком падении уровня подписки на национальные газеты в регионах. Основные причины заключались в их дороговизне и ангажированности. Бывшие «центральные» газеты становились все более московскими и все менее общенациональными.

Осознавая эти явления, московские пресс-концерны стремились восстановить свое положение на региональном газетном рынке. Для этого создавались региональные выпуски или вкладыши самих бывших общенациональных газет, усиливались или создавались заново региональные отделения и информационные структуры. Шел процесс прямой скупки местных газет путем приобретения контрольных пакетов акций или крупных инвестиций в них.

Некоторым изданиям удавалось получать правительственные субсидии на осуществление тех или иных проектов, но это скорее исключение, чем правило. Пожалуй, единственным из государственных структур активным участником на московском рынке СМИ оставалась московская мэрия, перечислившая на счета бывших общенациональных изданий немалые суммы.

Из городского бюджета финансировались специальные приложения, посвященные московским проблемам, к примеру, в «Труде». Лидером по дотациям в 1996 году была «Вечерняя Москва». Значительные суммы получили редакции газет «Куранты», «Московская правда», «Общая газета». Согласно специальным договорам, которые московская мэрия заключает с редакциями газет, они обязуются освещать городскую жизнь и информировать о решениях, которых принимаются в коридорах московской власти.

И все же перспектива за окончательным закреплением ведущих и наиболее популярных СМИ за частными юридическими лицами. Во-первых, государство несостоятельно как инвестор и фактически не способно эффективно участвовать на рынке СМИ. Во-вторых, издания, учредителями которых являются властные структуры, мало популярны и выходят незначительными тиражами.

Согласно данным, у рядовых российских граждан наблюдается отчужденность к тому, что имеет отношение к властным структурам. Особенно это относится к СМИ. Официальные государственные издания «Российские вести» и «Российская газета», учрежденные соответственно администрацией президента и правительством страны, практически невозможно приобрести ни в газетных киосках, ни на улицах у частных продавцов по той причине, что этими изданиями они не торгуют из-за отсутствия спроса у покупателей.

Специальное исследование, проведенное по газете «Российские вести», показало, что она малотиражна, нерентабельна, нечитабельна, неинтересна. Общий рейтинг издания менее 1 процента, что компрометирует высокого соучредителя — администрацию президента, которая отказалась от этой роли.

Какие государственные СМИ оставались еще в России? Кроме газеты «Российские вести» под контролем администрации президента находились канал ВГТРК, радиостанции «Радио России», «Радио-1», «Юность» и «Маяк», под контролем правительства —

информационные агентства ИТАР-ТАСС и РИА «Новости». Президентская администрация отказалась финансировать журналы «Россия» и «Родина». Причина — отсутствие бюджетных средств.

Ни о какой «свободе печати» речи уже не было и в помине. В практику вошли прямое давление и угрозы, экономические рычаги. Судебные процессы, льготы и посулы — одним и увольнения — другим, неугодным журналистам. Особенно искривлялось зеркало «свободной» прессы в результате концентрации СМИ в руках отдельных владельцев, связанных с властями.

Сам по себе редакционно-издательский бизнес в России убыточен, поэтому покупка СМИ крайне редко рассматривается как выгодное с коммерческой точки зрения дело. Компании побогаче получают полностью контролируемые печатные издания и радиотелевизионные каналы в качестве собственного «рупора», другие ограничиваются инвестициями в порядке платы за нейтралитет или же просто из-за престижных соображений.

Важным элементом контроля над СМИ считается «перестраховочный фактор»: когда на ту или иную компанию обрушивается поток неблагоприятной информации, есть гарантии, что «свой» информационный орган не будет давать «негатива» и даже поможет восстановить доброе имя компании.

Иногда сотрудничество может строиться на предоставлении так называемых связанных кредитов, когда газете предоставляется значительный кредит, который затем она «возвращает» рекламой — открытой и скрытой.

Инвестиционный процесс обычно активизируется накануне крупных политических событий, имеющих историческую значимость. Таких например, как президентские выборы 1996 года. Значительная часть капиталовложений некоторых крупных российских банков и других инвесторов СМИ, по свидетельствам их представителей, окупились в ходе предвыборной, борьбы, когда власти остро нуждались в «правильном» освещении политических событий. Подробности «печатных» сделок обычно держатся в строгом секрете. По оценке главного редактора «Московского комсомольца» П. Гусева — «Борис Ельцин вряд ли бы стал президентом, если бы не заинтересованность в том многих финансовых групп, которые при нем делали и будут делать

деньги». Российские СМИ тогда сделали все, чтобы победил Б. Ельцин, который в первом туре значительно отставал от лидера КПРФ.

Часто в прессе и электронных СМИ разворачивались настоящие информационные войны, в том числе в форме различного рода журналистских расследований. Сплошь и рядом следовали публикации, содержавшие обвинения в адрес определенных предпринимательских кругов, в том числе относительно финансирования ими тех или иных политических сил.

Так, в опубликованной в «Московских новостях» статье «Кассир коммунистов» обвинялся председатель правления «Промстройбанка» в финансовом содействии лидеру КПРФ. Газета «Известия», ссылаясь на некий неназванный документ ФСБ, объявила о том, что «Токобанк» финансировал чеченских сепаратистов. «Круглый стол бизнеса России» вынужден был даже выступить с заявлением, — в котором осудил такой метод ведения конкурентной борьбы.

Через средства массовой информации полным ходом запускалась машина компрометации не только отдельных предпринимателей и возглавляемых ими структур, но и политических деятелей. Среди примеров, отслеженных западными наблюдателями, — выпады С. Доренко против Ю. Лужкова; «расследование» аналитической программой «Итоги» связей криминальных металлургических авторитетов с бывшими членами кремлевской команды А. Коржаковым и О. Сосковцом, по поводу чего депутат Госдумы К. Боровой сообщил министру внутренних дел сумму, которая была заплачена за алюминиевую «джинсу» в программе Е. Киселева — 12 миллионов долларов; «разоблачения» Е. Киселевым политолога С. Кургиняна, заподозренного в авторстве, подметной аналитической записки с целью смещения с должности президента РАО «Газпром» Р. Вяхирева.

Или факт необычного покушения на жизнь банкира В. Ключикова («ТВК») был преподан на ОРТ таким образом, чтобы привлечь внимание к мнимым и реальным связям движения А. Лебедя «Честь и Родина» с банком «Чара», с которым ассоциировалось дело Иванькова-«Япончика». Затем последовала статья в газете «Известия» об окружении А. Лебедя и передач программы «Итоги» по поводу связей генерала в «Инкомбанке».

Финансово-промышленное объединение Б. Березовского, включая группу контролируемых им СМИ, ловко маневрируя на фоне

изменений в политической ситуации, вело свою игру. В предвыборный сезон 1996 года оно обеспечивало информационно-пропагандистскую и финансовую поддержку как деятельности команды А. Чубайса по переизбранию Б. Ельцина, так и избирательной кампаний А. Лебедя. В последующем была сделана попытка запугать — опять же через подконтрольную прессу — премьера возможностью сближения А. Чубайса с А. Лебедем. Итогом публичных и закулисных разборок между группами В. Черномырдина и А. Чубайса стал раздел влияния с последующим сближением команд и удалением А. Лебедя из президентского окружения, а также освобождением его с поста секретаря Совета безопасности. Освободившуюся нишу фактически занял сам Б. Березовский. Во избежание чрезмерно негативной реакции был сделан удачный ход — пост секретаря Совета безопасности занял И. Рыбкин, а его заместителем стал деятельный Б. Березовский.

Березовский в своем интервью лондонской «Файнэншл таймс» в ноябре 1996 года заявил, что шесть финансовых групп контролировали 50 процентов экономики России и значительную часть российских СМИ. Конкуренцией между собой, борьбой за влияние членов этой «шестерки» и определялось все содержание СМИ того периода. Читатели тоже были вовлечены в подробности этой борьбы и, следовательно, отвлечены от общенациональных задач.

Мало что знает, разумеется, простодушный российский читатель, телезритель и радиослушатель о деятельности в стране зарубежных информационных структур. И не только рядовой обыватель, но и российский труженик пера и микрофона, который и в дела своего издания не всегда посвящен.

Начало активной деятельности зарубежных СМИ на информационном пространстве Советского Союза приходится на конец 80-х годов. Именно тогда западные СМИ резко увеличили штат своих представительств в Москве, в том числе путем привлечения высококвалифицированных журналистов из числа советских граждан, начали создавать сеть стрингеров в регионах из местных журналистов, вели настойчивый поиск источников информации в различных структурах государственной власти.

Некоторые московские аналитики в 1996 году с тревогой констатировали, что чрезмерная открытость российского общества и возраставший сегмент зарубежной информационной продукции

создали опасную деформацию информационного пространства Российской Федерации.

В описываемый период в Москве было зарегистрировано около 260 корреспондентских пунктов иностранных СМИ, аккредитовано свыше 1300 зарубежных корреспондентов из 74 государств мира, представлявших 660 средств массовой информации. На регулярной основе в Россию в зависимости от информационных событий прибывало до 70 специальных корреспондентов в месяц. Наиболее широко представлены СМИ США — 62 (176 корреспондентов), ФРГ — 61 (120 корреспондентов), Франции — 33 (73 корреспондента), Великобритании — 30 (127 корреспондентов), Японии — 25 (56 корреспондентов).

Корреспондентский статус в соответствии с российским законом о СМИ позволяет журналистам практически беспрепятственно посещать любые районы страны, в том числе и «горячие точки», встречаться со всеми категориями лиц, включая политических и государственных деятелей, а главное, оперативно реагировать на изменения обстановки и обеспечивать электронные и печатные СМИ своих стран своевременной информацией, особенно актуальной при возникновении кризисных ситуаций.

С начала боевых действий в Чечне информационные агентства, телерадиокомпании Запада постоянно направляли сменные группы аккредитованных корреспондентов, оснащенных спутниковой связью, в зону конфликта, где они имели практически полную свободу действий. Особенно это было заметно во время событий в Буденновске и Первомайском. Зарубежные корреспонденты неоднократно проникали в районы расположения сепаратистов, интервьюировали полевых чеченских командиров и передавали эти материалы по всему миру, включая Россию, создавая неконтролируемый федеральными властями информационный канал для продвижения в средства массовой информации своих оценок действий федеральных сил, а нередко и для распространения заведомой дезинформации.

Зарубежные информационные агентства — Рейтер, Ассошиэйтед Пресс, Франс Пресс — быстро освоили рынок оперативной информации и стали серьезными конкурентами отечественным производителям информации. Они оказывают существенное воздействие на государственную политику России, экономическую

деятельность банковских, коммерческих и промышленных организаций. Обладая существенными финансовыми и техническими возможностями по сравнению с российскими государственными и частными агентствами (например, штат бюро Рейтер в Москве — 200 человек), они способны полностью овладеть российским рынком оперативной информации.

Уже в 1996 году агентство Рейтер контролировало около 50 процентов этого рынка. Оно первым получает устанавливаемые Центральным банком России обменные курсы рубля и другую информацию, а уже потом эти данные поступают в государственные и финансовые структуры страны. В условиях постоянно возрастающей конкуренции в сфере массовой информации в мире данное обстоятельство позволяет получать дополнительные преимущества в борьбе за потребителя, свидетельствует о целенаправленной экспансии на российском информационном рынке. Пример тому — объявление о деноминации рубля. Используя свои связи в Центробанке России, агентству Рейтер удалось заблаговременно получить эксклюзивное сообщение и за полчаса до выступления президента России распространить эту горячую новость.

То же относится и к зарубежному телевидению. Оно все более быстрыми темпами осваивает сферу телевизионного вещания в России. «Голос Америки», например, вел переговоры с 11 телестанциями для продвижения своих программ во внутренний российский эфир, в перспективных планах Всемирной службы Би-Би-Си специально оговорено «использование общественного телевидения для вещания на территории России».

Правда, зарубежные телекомпании пока еще не играли достаточно заметной роли в наполнении российского эфира, но способны резко изменить эту ситуацию после реализации программ создания низкоорбитальной спутниковой группировки, которая обеспечит возможность уверенного приема на всей территории России около 100 телевизионных программ всех стран мира.

А вот обстановка в сфере радиовещания была и в 1996 году довольно острой. На фоне постоянного уменьшения объемов и зоны вещания российских радиокомпаний расширяли свое присутствие в эфире радиокомпании «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Свобода», «Немецкая волна». При этом практика совместной с российскими

коллегами подготовки радиопрограмм отходит на второй план, уступая место более эффективным и непосредственным возможностям проникновения на внутренний российский эфир.

Радиостанция «Голос Америки» осуществляла прямую трансляцию своих программ через спутниковые системы в 27 городов России, радиостанция «Свобода» изыскала финансовые возможности для ретрансляции 16 часов в сутки непосредственно с территории России путем приобретения времени у коммерческих радиостанций в Черноземье, Поволжье, Санкт-Петербурге. Около 100 станций России и СНГ ретранслировали программы радиостанции «Немецкая волна».

Иностранные компании и информационные агентства выступают и в качестве учредителей печатных СМИ. К ним относятся женские издания, посвященные моде, домоводству. Российско-итальянским предприятием ТОО «Пронто-Москва» издаются 36 региональных выпусков информационной газеты «Из рук в руки», распространяющихся на территории России от Калининграда до Владивостока.

Сложившаяся в области развития системы массового информирования России ситуация создала зарубежным спецслужбам благоприятные условия для реализации программ сбора широкого круга сведений по политическим, экономическим, военным и другим вопросам, формирования круга лиц, способных оказывать в перспективе влияние на общественное мнение и выработку федеральной и региональной политики. Фактически завершен этап реализации этих программ, предусматривавший отбор в ходе различных тематических семинаров, конференций, «круглых столов» кандидатов для профессиональной подготовки в качестве политических деятелей как на территории России, так и с выездом на стажировку в различные страны Запада.

Для сбора подобной информации широко использовались различного рода негосударственные организации, фирмы и фонды, деятельность которых на территории Российской Федерации не контролируется. Формально они оказывали финансовую помощь российским СМИ в виде грантов в рамках программ поддержки развития демократии. Такие гранты получили 120 российских газет. Правда, многие руководители СМИ начали понимать, что время

бескорыстных грантов прошло, поскольку западные фонды сворачивают программы поддержки российских масс-медиа.

По информации Агентства международного развития США, 69 процентов российских экспертов и 85 процентов редакторов были убеждены в благородности намерений западных фондов. Однако остальные в последнее время склонны считать, что грантами прикрывался сбор разведывательной информации, попытки влиять на политические элиты и ситуацию в России.

Российские СМИ, не видя иного выхода из сложившегося положения, продавались любым финансовым группам, в том числе и зарубежным, не оглядываясь ни на их политические пристрастия, ни на происхождение их капиталов.

Итак, единое коммуникационное пространство страны распалось. Шла дальнейшая регионализация СМИ, их интенсивная монополизация и концентрация в руках финансовых гигантов, преследовавших собственные цели, далеко не всегда отвечавшие интересам России. Пользуясь саморазрушением российских СМИ, зарубежные информационные структуры контролировали значительный сегмент российского информационного пространства и показали способность оказывать существенное воздействие на общественное мнение России, а также на экономическую деятельность важнейших субъектов банковской и коммерческой сферы.

Российские СМИ, особенно на региональном уровне, поставленные в материальную зависимость от иностранных партнеров по сотрудничеству, доказали свою готовность к проведению выгодных для Запада пропагандистских акций, что приобретает особенно существенное значение при подготовке и проведении избирательных кампаний как в регионах, так и на федеральном уровне.

Российские власти, по оценкам некоторых аналитиков, слишком спокойно смотрели на то, как общенациональные СМИ превращались в пропагандистские средства на службе олигархического капитала. Не было оказано ни одной попытки предотвращения захвата российского информационного пространства иностранными «инвесторами».

Все это создало серьезную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства в области массового информирования и существенно снизило информационную безопасность Российской Федерации.

Часть вторая
ПОИСКИ ПРЕЕМНИКА

Глава 1
НЕТОРОПЛИВЫЙ ЛУЖКОВ

Сильный конкурент. — Слово и дело московского мэра. — Антилужковские кампании. — Попытки дискредитации учащаются. — «Лучший представитель номенклатурного капитализма». — Кто стоит за Лужковым или он самостоятельная фигура? — Западные эксперты о шансах московского мэра. — Финансово-экономическая база «московской группы».

Социально-политическая обстановка в России в начале 1997 года оставалась сложной и неустойчивой. Она характеризовалась все большим распространением в информированных кругах пессимистических оценок положения в стране, отсутствием реальных результатов в проведении правительством экономического курса, продолжавшимся расслоением общества и усилением в нем депрессивных настроений. Одновременно отмечалась тенденция дальнейшей потери авторитета действующими политиками, включая высокую долю недоверия, проявленного массами к президенту и главе его администрации.

В январе исполнилось полгода с момента второй победы Б. Ельцина на президентских выборах. Однако за этот период глава государства проработал в Кремле несколько недель. Временная трудоспособность президента вылилась в политическую проблему и, в какой-то мере, стала символом общего снижения авторитета властных структур в России.

Часть политической элиты, не веря в выздоровление Б. Ельцина, включилась в поиск его преемника. Средства массовой информации, отражая клановые интересы своих владельцев, приступили к широкой публикации прогнозов и результатов опросов общественного мнения о наиболее вероятном новом президенте России, подготавливая общественное сознание к мысли, что досрочная смена президента весьма вероятна.

На фоне болезни президента особенно четко проявилась безынициативная работа многих российских властных структур,

отсутствие ответственного подхода к выполнению указов и законов.

По-прежнему в государственном руководстве не были выработаны единые позиции по большинству наиболее сложных проблем экономики и политики России. Усугубляла ситуацию отсутствие юридически закрепленной стратегической базы развития страны, в частности, концепции национальной безопасности, что позволяло оппозиции внутри страны выступать с требованиями ревизии курса реформ, а странам Запада оказывать на Россию давление по всем направлениям внешней политики.

Вышеназванные обстоятельства в числе других не могли не затруднить решение важнейших для России внешнеполитических проблем в ходе встреч Б. Ельцина с канцлером Германии Г. Колем и президентом Франции Ж. Шираком. Не удалось добиться успеха в снижении отрицательных последствий предстоявшего расширения НАТО на Восток, хотя предпосылки для этого имелись. Даже самый здоровый человек не смог бы договориться с противоположной стороной, не имея заранее подготовленной, одобренной законодательными органами и воспринятой народом позиции в этом вопросе.

Значительная часть правящих элит, встревоженная слухами о возможной перспективе досрочных президентских выборов, на которых реальный шанс одержать победу получили бы А. Лебедь или Г. Зюганов, вырабатывала варианты, позволявшие обойтись без выборов главы государства. Председатель Совета Федерации Е. Строев высказал идею об ограничении прав президента и расширении полномочий Федерального собрания путем внесения поправок в действующую Конституцию. В частности, предложение касалось назначения сенатом силовых министров, а также расширения прав обеих палат парламента «в принятии и осуществлении экономического и социального курса».

Возникшая в недрах Совета Федерации идея избрания президента парламентом проходила обкатку общественным мнением. В качестве альтернативы институту президентства политически влиятельный крупный бизнес России заговорил о реанимации конституционной монархии.

Представители экономической и финансовой элиты тянули одеяло на себя. Заместитель секретаря Совета безопасности Б. Березовский, признав, что болезнь президента стала тормозом экономических

реформ и сделала невозможным оперативное управление страной, высказался за принятие конституционных мероприятий, которые бы расширили возможности и полномочия здорового окружения Ельцина с тем, чтобы это окружение сумело «компенсировать» разрыв между президентским словом и делом: «Мы должны помочь президенту не только принимать решения, но и реализовывать эти решения». Речь, конечно же, шла о делегировании части президентских полномочий Совету безопасности.

Свою лепту в борьбу между ветвями и центрами власти пыталась внести и Государственная дума. Активизировалась работа над различными законопроектами, касавшимися здоровья высших должностных лиц и их полномочий. Кризис власти, вызванный болезнью Б. Ельцина, явился причиной инициативы, выдвинутой депутатом-коммунистом В. Илюхиным, об отстранении президента от должности. Дума приняла постановление «О досрочном прекращении исполнения полномочий президента РФ Б. Н. Ельциным» за основу, тем самым добившись своей главной цели — вопрос о здоровье Ельцина впервые был обсужден нижней палатой парламента с практической точки зрения.

Начавшийся 1997 год был объявлен президентом годом гражданского мира и согласия. Однако отсутствие позитивных перемен в социально-экономической сфере и вызванное этим негативное отношение большинства населения к власти всех уровней вызывали сомнения в реальности этих планов. По данным Центра социального прогнозирования и маркетинга, 85 процентов россиян считали, что ситуация в России отличалась кризисностью и непредсказуемостью. В то, что положение в ближайшие месяцы в стране улучшится, верили только 8 процентов населения, в то, что ухудшится — 34, 8 процента.

По данным опросов общественного мнения, более 40 процентов населения готовы были принять участие в митингах и демонстрациях протеста против падения уровня жизни и роста цен. В связи с невыполнением правительством обещаний своевременно выплачивать зарплату не затухало забастовочное движение в ряде регионов страны.

Очень сложный период переживали Вооруженные силы России. Нехватка средств — расходы федерального бюджета 1996 года на строительство и содержание ВС были профинансированы от законодательно утвержденных объемов на 84,7 процента — вызвала

такие негативные процессы, как обвальное падение боеспособности и дисциплины, падение престижа военной профессии. Вследствие социальной и правовой незащищенности, крушения нравственных ориентиров среди офицеров резко возросло количество самоубийств. Вывод войск из Чечни вызвал психологический шок среди офицерства, воспринимавшего чеченскую войну прежде всего как борьбу за целостность государства, подорвал веру в центральное политическое руководство.

Резко активизировали свою публичную деятельность потенциальные кандидаты в президенты. А. Лебедь совершил рекламно-показательные поездки в Германию и США, где недвусмысленно добивался признания собственной персоны в качестве вероятного преемника Б. Ельцина. Бывший секретарь Совета безопасности РФ подчеркивал, что в связи с возможным обострением кризиса в России не исключалась вероятность ее развала и возникновения вооруженных конфликтов между отдельными элементами российского общества. Для противодействия такой тенденции на Западе все чаще звучали голоса о необходимости передачи власти в стране сильной личности.

По оценкам западных средств массовой информации мэр Москвы Ю. Лужков, являющийся, по словам А. Лебедя, лучшим представителем существующего в России номенклатурного капитализма, в ходе своей поездки в Севастополь в очередной раз дал понять, что он, и только он может эффективно защищать внешние и внутренние интересы России. Антилужковские СМИ тут же откликнулись залпом публикаций, из которых вытекало, что Лужков, безусловно, сильная личность, но его шансы стать президентом пока еще недостаточно высоки, так как жители регионов слабо знают столичного мэра, а московские избиратели не будут спешить «отпускать» его с Тверской в Кремль.

Ю. Лужков вызывал повышенный интерес со стороны всех политических и финансовых сил. Он был конкурентом номер один для всех претендентов на президентское кресло.

До выборов 1996 года Ю. Лужков отвергал всякие подозрения в стремлении занять высший пост в государстве. На каком же основании можно было вычеркивать его из списка кандидатов в 1997 году, после выборов, когда у Бориса Николаевича не было, кроме истории, политических противников, а только наследники? Уважение к делу

переустройства России в согласии с лояльностью к президенту не исключало, а даже предполагало выдвижение Юрия Михайловича на президентский пост по окончании эры Ельцина.

Обладает ли необходимым опытом мэр российской столицы, девятимиллионного государства в государстве, — задавали вопрос аналитики. Безусловно. Есть ли у него возможности, влияние, средства? Странный вопрос, ведь все дороги ведут в Москву — наиболее мощную, лучшую и потому большую часть России. Как у Лужкова со здоровьем? Будь Коржаков на прежнем месте, он, пожалуй, усмотрел бы в фантастической активности футболиста, моржа и теннисиста Лужкова скрытый упрек здоровью президента.

Основные сомнения в кандидатуре Ю. Лужкова сводились к тому, что он москвич, мэр Москвы. Принято считать, и особенно в среде яйцеголовой интеллигенции, не покидающей пределов Садового кольца, что Москва, а значит и Лужков, вызывают раздражение провинции. Но итоги губернаторских выборов 1996 года говорили о том, что если в глубинке и не любят москвичей, то слово и дело Ю. Лужкова ценили много выше любого другого. Иначе всевозможные кандидаты не выстраивались бы в очередь пожать ему руку перед объективами, а А. Руцкой (да и не только он) не поторопился бы заверить, что будет делать жизнь курского губернатора с мэра Москвы.

Что же еще витало, омрачая кандидатуру Ю. Лужкова? — спрашивали аналитики. Ничего серьезного, кроме бледных намеков, полуподавленных страхов и политэкономических пристрастий. Спекулянты считали московскую экономику слишком командной, анпиловцы — слишком спекулятивной: мэр в это время спасал от показательного разорения «ЗИЛ» и готовил к обращению муниципальные ценные бумаги.

Знатоки московской политической кухни отмечали, что аргументы в пользу участия Ю. Лужкова в смотринах на президента выглядели гораздо более весомо. Прежде всего, никто в стране не обладал такой легитимностью, устойчивостью на своем посту, как мэр Москвы, назначенный на следующие четыре года подавляющим большинством граждан города. Теоретически можно себе представить, что конкуренции ради противники Лужкова из «партии власти» поведут интригу против него, осложняя жизнь в Москве и тем самым дискредитируя ее правительство. Но Кремль в Москве, а не наоборот.

Центральная власть откровенно слаба и скомпрометирована, а столичные власти набрали слишком большую силу, чтобы сомневаться, в чью сторону полетят камни. Во всяком случае, до тех пор все попытки вырыть Лужкову яму кончались тем, что гробокопатели сами в нее попадали.

Принятый везде и всеми, Ю. Лужков, однако, не несет ответственности за основные ошибки центральной власти. Не он придумал шоковую терапию, не он отказался от Советского Союза, не он приказывал танкам стрелять по парламенту, не он отправлял войска в Чечню. Лужков жил и даже был мэром (или на пути к мэрству) в те времена, но подчиняя Москву России, не оставляя для внимательных людей сомнений в том, что лично он нашел бы лучший выход из ситуации. Достаточно вспомнить его отношение к героям приватизации или инициаторам чеченской бойни.

С другой стороны, завершение строительства храма Христа Спасителя, реконструкции Лужников, обустройство кольцевой автодороги — рукотворные памятники московскому мэру — придавали дополнительное обоснование претензиям Москвы на право обустроить Россию. В этой борьбе, по мнению всех наблюдателей, независимо от их политических пристрастий, Ю. Лужков не имел права не участвовать, хотя бы еще и потому, что приход непредсказуемого политика на высший пост в государстве мог бы иметь для московского мэра тоже непредсказуемые последствия.

До Ю. Лужкова был скудный выбор: Г. Зюганов — предсказуемый политик с предсказуемыми для России последствиями в случае его избрания, А. Лебедь — непредсказуемый политик с непредсказуемыми последствиями и В. Черномырдин — вообще не политик.

Многие в 1997 году уже почувствовали, что выдвижение Ю. Лужкова началось. Вряд ли такая конкуренция обрадовала сторонников В. Черномырдина, Г. Зюганова или А. Лебедя. Можно было надеяться, что удастся отговорить Лужкова, призвав на «помощь» президента, но он был болен, или А. Чубайса или В. Черномырдина. Публичные атаки со стороны А. Чубайса были бы Ю. Лужкову только полезны, но не надо иметь семи падей во лбу, чтобы предположить — руководитель президентской администрации все же предпочтет скрытые противодействия, используя свои возможности на Западе в деловых кругах и СМИ.

Рассматривая шансы Ю. Лужкова на победу в президентских выборах, аналитические центры отмечали важность для мэра закрепить свою дружбу с коллегами по Совету Федерации. В Думе потенциальными союзниками Лужкова виделись «Яблоко», «Российские регионы».

Предполагалось, что деловые круги Москвы и России в случае дальнейшего раскола «партии власти» и выдвижения Ю. Лужкова и В. Черномырдина одновременно окажутся перед выбором, который они очень не хотели бы делать. Можно ожидать с их стороны настойчивых советов Юрию Михайловичу обождать, не торопиться. Сами по себе эти советы могут сыграть вредную роль, затянув необходимые шаги по созданию предвыборной коалиции. Однако в случае выдвижения, крупнейшие банковские и промышленные структуры будут вынуждены сделать обязательную, основную или дополнительную, ставку на кандидатуру Лужкова. Особенно если команда Лужкова будет усилена некоей символической для них фигурой — Явлинским, Задорновым или кем-либо из их собственной среды.

Позиция деловых кругов будет существенно важной в дальнейшем освоении и подчинении телевизионного пространства. К сожалению, за исключением московского и второго канала здесь не все так благополучно, как кажется на первый взгляд. Аналитики не исключали, что избирательному штабу пришлось бы обращаться к наиболее крупным фирмам — держателям телевизионного эфира через головы саботирующих Лужкова хозяев телевидения.

Позиция церкви, по мнению специалистов в избирательных технологиях, не будет играть той преувеличенной роли, которая ей обычно приписывается. Если только Московская патриархия не решится на нечто экстраординарное, нарушив прежнюю заповедь о неучастии церкви в политической борьбе. Во всяком случае, церкви есть за что быть благодарной мэру Москвы. Так же, как и деятели театра, кино…

Не приходилось сомневаться в авторитете московского мэра и у соотечественников за рубежом. Правда, прогнозировалось, что руководство стран СНГ и Балтии, за исключением, пожалуй, Белоруссии и Грузии, будет оказывать моральную поддержку В. Черномырдину, а вот Украина — не только моральную. Запад пока старался не замечать в мэре Москвы кандидата в президенты России,

предпочитая обсуждать статус кво (Черномырдин) или «пожарный вариант» (Лебедь). Пока Запад не обоснует свой выбор между Черномырдиным и Лужковым, он будет воздерживаться от окончательных оценок.

На основании этих и других аргументов политологи, близкие к правительству Москвы, рекомендовали начать незамедлительное формирование общефедеральной структуры в форме партии или общественно-политического движения в поддержку выдвижения Ю. Лужкова в президенты России. Инициаторы этой идеи считали, что организационное оформление сторонников московского мэра в регионах позволит выйти ей из привычного узкого круга обсуждения.

Альтернативой созданию организации как промежуточному шагу на пути к президентству мог быть только приход Ю. Лужкова на пост председателя правительства Российской Федерации. Не отрицая полностью такого развития событий, многие аналитики отмечали, что без благоприятного стечения обстоятельств, без давления снизу, выражаемого через Совет Федерации или Государственную думу, это вряд ли вероятно.

Между тем отношения между властью и Ю. Лужковым с его командой, несмотря на видимые корректность и взаимодействие, были не столь просты, как казалось. У московского правительства накопилось немало справедливых претензий к федеральной власти. И дело не столько в невыполнении обязательств перед Москвой по финансированию ее программ и в ущемлении ее интересов, проявлявшихся в различных формах.

Определенная и весьма влиятельная часть власти опасалась роста популярности Ю. Лужкова в масштабах всей России, ревновала к его успехам и видела в нем опасного для себя конкурента. Эпизодические публичные высказывания московского мэра относительно своих симпатий к лидеру власти и преданности ему, считались вынужденными, продиктованными необходимостью в сложной политической игре гасить вспышки подозрительности у президента, спровоцированные его ближайшим окружением.

Создавалось впечатление, что власть явно недооценивала роль и значение Ю. Лужкова. Между прочим, своим политическим долголетием она была обязана в первую очередь московскому мэру. Именно он приходил ей на помощь в самые критические для нее

моменты и поддерживал в трудные времена. Его энергичная и продуктивная деятельность на благо столицы и москвичей объективно играли в пользу власти. Если стихийные или организованные народные выступления, скажем, в Приморье или Кузбассе, власть еще могла пережить, то масштабные волнения в Москве могли бы быть для нее роковыми.

Интриги против Ю. Лужкова и недоброжелательные кампании против его команды подрывали одну из мощнейших опор власти. Сознавал или нет это ее лидер, уже суть не важно. Становилось все более очевидно, что после президентских выборов 1996 года стратегические цели ближайшего его окружения и видение путей решения важнейших задач государственного строительства не находили понимания и поддержки у московского мэра. С уходом власти с политического Олимпа разный подход к проведению внешней и внутренней политики мог перерасти в открытое противоборство, и в этой борьбе московский мэр мог рассчитывать на значительную часть ведущих оппозиционных партий и движений. Пошла бы за ним и немалая часть демократически ориентированной интеллигенции, а также предпринимательских кругов.

По мнению большинства наблюдателей, приход к власти лидера КПРФ легальным путем при наличии других ярких претендентов на президентский пост теоретически был возможен, но практически маловероятен. Во-первых, Г. Зюганов обладал после поражения на президентских выборах 1996 года не достаточной для него личной популярностью. Во-вторых, могло сыграть определенную роль нежелание уставшего от политических потрясений и борьбы населения подвергать себя риску новых встрясок и испытаний. Широкая общественность не имела четкого представления о программных положениях КПРФ и о наличии у нее понятной концепции вывода страны из кризиса. Люди интуитивно ощущали опасность возникновения еще больших экономических трудностей из-за возможных демаршей стран Запада, в чрезмерной зависимости от которых оказалась Россия.

В. Жириновский и А. Лебедь отталкивали массового избирателя навязыванием обществу своего вождизма, за которым просматривался чрезмерный авантюризм, чреватый в российских условиях непредсказуемыми последствиями.

Россия в своей общественно-политической и экономической жизни нуждалась не в резких поворотах и, тем более, не в возвратном движении, а в плавном переходе к реализации новой, более приближенной к насущным потребностям российского общества и национально ориентированной политике. В начальный период деятельности нового российского руководства должны были быть исправлены тяжелейшие экономические и социальные ошибки прошлых лет, четко обозначены пути развития общества в соответствии с концепцией национального возрождения России. И все чаще политики, известные политологи носителем и организатором реализации такой новой политики называли Ю. Лужкова, обладающего неоспоримыми преимуществами в сравнении со всеми остальными известными претендентами на высший государственный пост.

Ю. Лужков являлся последовательным приверженцем развития и углубления рыночных отношений, причем в цивилизованных, а не в «диких» формах, разлагавших общество и разваливавших государство.

Самой жизнью была доказана не только его способность к руководству огромным и сложным хозяйственно-политическим комплексом, но и умение добиваться выполнения поставленных задач, что для российских условий чрезвычайно важно. Мэр Москвы по крупному счету еще ни разу не проигрывал, а его слова, как правило, не расходились с делами.

Ю. Лужков располагал работоспособным и сплоченным коллективом. Правительство Москвы, выгодно отличавшееся по эффективности своей деятельности от федерального, могло бы делегировать наиболее опытных своих представителей для укрепления российского правительства. Если бы у власти оказался Ю. Лужков, он смог бы сформировать новые кабинет министров и аппарат президента с наименьшими издержками и в максимально короткие сроки, что само по себе очень важно для столь ослабленной страны.

Ю. Лужкову гарантирована поддержка достаточной для проведения своей политики части столичной и региональной общественности, предпринимательских кругов, а также лояльность со стороны силовых министерств и ведомств.

Фигура мэра являлась наиболее приемлемой для консолидации чрезмерно поляризованного российского общества. Его кандидатура на высший государственный пост могла устроить как демократические

круги, так и немалую часть оппозиции, особенно умеренной, в силу занимаемых московским мэром позиций по принципиальным вопросам государственного строительства.

Московский мэр при наличии достаточного финансового и интеллектуального потенциала его сторонников, а также симпатизировавших ему средств массовой информации, способен был в короткие сроки развернуть мощную предвыборную кампанию. В ее основе лежали бы не столько привычные уже для многих кандидатов в президенты обещания, а конкретные достижения и примеры, наглядно иллюстрировавшие профессиональные, организаторские достоинства мэра и показывавшие его реальные дела в интересах рядовых граждан.

В состязании совершенных конкретных дел, а не по красноречию равных Ю. Лужкову в сложившейся политической ситуации не было, за исключением, пожалуй, А. Лебедя, умело использовавшего для стремительного роста своей популярности утверждения о том, что именно им лично были остановлены кровавые бойни в Приднестровье и в Чечне.

Ю. Лужкову в большей мере, чем другим кандидатам, могла бы быть оказана поддержка со стороны Совета Федерации. По оценкам ряда политологов, при определенной ситуации поддержать его могли даже многие региональные лидеры, избранные от КПРФ и народно-патриотических движений.

Таким образом, выдвижение Ю. Лужкова кандидатом на высший государственный пост целесообразно по объективным причинам. Участие московского мэра в очередной президентской гонке являлось лишь вопросом времени и его личного желания.

Объективно к 1997 году в стране возникли условия для смены президента. Существовало два сценария проведения его досрочных выборов.

Первый — «кулуарный». По инициативе ближайшего окружения президента в Конституцию вносится ряд изменений, позволявших избирать президента не прямым голосованием, а с помощью выборщиков — на заседании Государственной думы или Совета Федерации.

В этом случае кандидатура главы Совета Федерации Е. Строева устроила бы все политические силы и группировки. Строеву удалось установить хорошие рабочие отношения с такими «антагонистами», как

А. Чубайс и Ю. Лужков. Кроме того, Строев пользовался авторитетом среди руководителей регионов, для которых такой метод выборов президента являлся наиболее удобным. Премьер-министром в этом случае стал бы Ю. Лужков. Его напряженные отношения с А. Чубайсом могли бы принести ему дополнительные голоса как депутатов нижней палаты, так и членов Совета Федерации.

Второй вариант — проведение досрочных всеобщих выборов. Наиболее реальными кандидатами на высший пост в стране являлись Ю. Лужков, А. Лебедь, Г. Зюганов.

В пользу избрания Ю. Лужкова говорили следующие доводы. Лужков контролировал московский регион, где по подсчетам экономистов аккумулировано около 70 процентов всех финансов страны. У него хорошие контакты среди правительства и высших государственных чиновников, он пользовался уважением среди крупных бизнесменов и банкиров. Недостатка средств на проведение выборной кампании у него не было бы.

Единственный минус Ю. Лужкова — только то, что он не очень хорошо известен в периферийных регионах. Однако этот недостаток, как известно, преодолим.

А. Лебедь, не имея в своем распоряжении финансовых возможностей Лужкова, обладал одним важным достоинством. Он хорошо известен в России. Причем известен как государственник, патриот, поборник русской идеи. Поэтому, по мнению аналитиков, поддержка крупного российского бизнеса, особенно связанного с ВПК, ему обеспечена. Согласно социологическим опросам, проводившимся аналитическим центром ОРТ, рейтинг Лебедя на Дальнем Востоке, Урале и в Сибири достигал 60–70 процентов. Немного меньше он в центральных районах России. На основании этих данных аналитический центр ОРТ сделал заключение о том, что политика конфронтации с Лебедем, проводившаяся центральной властью, не уменьшает, а наоборот, увеличивает его шансы на победу.

Г. Зюганов не имел ни финансовых, ни электоральных возможностей занять кресло президента России. Однако его кандидатура принималась в расчет политологами лишь по одной причине. Поддерживая и агитируя под патриотическими лозунгами, Зюганов мог оттянуть на себя значительный процент электората Лебедя или Лужкова.

Все эти многочисленные прогнозы, схемы расстановки политических сил, сценарии возможных действий претендентов на президентский пост вытекали из сложного и неустойчивого социально-экономического положения в стране, которое накладывало отпечаток на характер политических процессов. Они, как всегда в таких ситуациях, протекали, с одной стороны, противоречиво и непоследовательно, с другой — спонтанно и импульсивно по классической формуле «раздражение — реакция». Особенности ситуации начала 1997 года отражались на ходе и характере соперничества в высших эшелонах власти.

Экономическая сущность такого соперничества заключалась в стремлении заморозить результаты произошедшего передела собственности. Велся поиск баланса отношений в рамках «конкуренции — партнерства», который бы позволял не только предотвращать попытки решать свои проблемы за счет друг друга, но и гарантировать эти результаты от посягательств со стороны аутсайдеров.

Политическая подоплека соперничества объяснялась условиями социально-экономического положения страны, падением авторитета федеральной исполнительной власти и ее стремлением обеспечить себе более широкое поле для политического маневрирования и ограничения в дальнейшем воздействия на общественное сознание внесистемных политических деятелей типа А. Лебедя. Такие деятели объективно представляли наибольшую угрозу для сложившейся правящей элиты России.

Во внутреннем противоборстве, всегда сопровождавшем российскую правящую элиту и отражавшем существовавшие противоречия между определенными политическими лидерами и их интересами, в начале 1997 года появились новые контуры.

На фоне ключевых общефедеральных фигур исполнительной власти все больше усиливалась тенденция роста ресурсов и диапазона влияния видного представителя правящей региональной политической элиты Ю. Лужкова. Это в перспективе грозило существенными изменениями не только в характере его взаимоотношений с А. Чубайсом и В. Черномырдиным, но и в общероссийском раскладе политических сил.

На протяжении всего периода своей деятельности на посту главы правительства Москвы Ю. Лужков настойчиво закреплял в сознании

граждан России свой образ крепкого хозяйственника, безразличного к политическим конфликтам и межпартийным распрям, жившего исключительно интересами города. Однако к 1997 году этот образ стал для него уже тесным и Ю. Лужков начал его существенно обновлять.

' Следует отметить, что московский мэр никогда не стоял в стороне от решения политических проблем. При необходимости Ю. Лужков внешне дистанцировался от них, но при этом сохранял все рычаги контроля и влияния. Другими словами, суть политического стиля Лужкова состояла в том, чтобы относиться к решению политических задач как к делу по сути «домашнему», не предназначенному для публичного обозрения.

Он не только быстро нашел общий язык с депутатами Московской городской думы, но и ряд депутатов в Государственной думе РФ объективно стали занимать позицию, близкую к мэру. Через московские средства массовой информации он сумел обеспечить своим шагам на политическом поприще надежное пропагандистское обеспечение.

В итоге ему удалось создать себе довольно прочные позиции в Москве, оттеснив на обочину политической жизни в городе всех московских потенциальных конкурентов. И вместе с тем занять должное место среди представителей федеральных политических сил.

Однако воздействие Ю. Лужкова на общероссийский политический ландшафт, и соответственно, попытки обрести более независимую линию в отношении администрации президента РФ и российского правительства во многом сдерживались слабостью его позиций в регионах.

Большинство региональных лидеров относились к нему с двойственным чувством — завистью и недоверием провинциальных политиков. Поэтому он все больше начал проявлять стремление поднять свой авторитет среди представителей российской региональной политической элиты.

Активно демонстрируя желание восстановить старые экономические связи и завязать новые контакты между регионами и Москвой, он одновременно укреплял отношения с региональными лидерами, преодолевая их недоверие. Как показал ход выборов глав областных администраций, эти усилия давали свои плоды: авторитет Ю. Лужкова в российской провинции заметно вырос. Он стал одной из наиболее влиятельных фигур поддержки на региональных выборах.

На Ю. Лужкова стали равняться и учитывать его опыт в своих программах многие кандидаты в губернаторы. Да и сам он начал активно вторгаться в предвыборную борьбу в регионах, поддерживая тех или иных кандидатов.

За подобными шагами московского мэра явно просматривалась далеко идущая стратегическая цель: опираясь на существовавшее недовольство в регионах социально-экономической политикой правительства, попытаться объединить их вокруг себя, тем самым стать выразителем глав региональных элит в отстаивании их интересов перед федеральным центром. По мнению многих глав областных администраций, Ю. Лужков имел для этого все возможности. Более того, региональным лидерам импонировала его подчеркнутая демонстрация своей собственной линии в отношении федерального центра и крепкие связи с московскими финансовыми структурами.

Ю. Лужков настойчиво проводил во время своих поездок в регионы мысль, что основным источником существовавшего тяжелого экономического положения являлась политика приватизации, проведенная А. Чубайсом. На встрече с жителями Пскова он прямо подчеркнул, что приватизация, проведенная в России с «легкой руки России, сравнима с величайшими мировыми катастрофами в экономике». Он напомнил о том, что «Москва, сумевшая отстоять свою экономическую политику, избежала дикой и дурной приватизации». Другим регионам, по мнению мэра, предстоит «долго еще расхлебывать последствия». В качестве примера Ю. Лужков привел ЗИЛ, который при оценочной стоимости в 4 миллиарда долларов приватизирован всего за 6 миллионов долларов. «Теперь вместо 206 тысяч машин, производимых в «дочубайсовский» период, с конвейера сходит всего 3 тысячи», — сказал московский мэр.

Совместная с А. Чубайсом поездка в Архангельскую область воспринималась многими региональными деятелями скорее не как публичное проявление взаимного с ним примирения, а как признание растущей реальной силы московского мэра и его внимания к вопросу укрепления оборонного потенциала России.

Стала заметной и более жесткая линия Ю. Лужкова, занятая им в отношении правительства В. Черномырдина, которое он обвинял в отсутствии продуманной стратегии реформ. Такая позиция также притягивала к нему многих глав областных администраций. Тем более,

что перед премьером В. Черномырдиным мэр Москвы поставил волновавший большинство регионов вопрос о необходимости' заморозить долги энергетикам за топливно-энергетические ресурсы и снизить цены на энергоносители. Платить за них могли не более 20 процентов потребителей энергетических ресурсов.

Ю. Лужков высказал также В. Черномырдину свое мнение о том, что у российского правительства нет осознанной и продуманной политики в области налогов и таможенных пошлин. Он отметил, что «с уровня региона многие проблемы видны острее». В этой связи московский мэр. еще раз подтвердил свое убеждение о необходимости введения «таких таможенных сборов, которые поддерживали бы отечественных производителей и ставили барьеры на пути аналогичного импорта». Ю. Лужков не забывал публично подчеркнуть, что премьер «с интересом» отнесся к его информации и попросил подготовить соответствующие материалы.

В ноябре 1996 года Ю. Лужков совершил однодневную поездку в Нижний Новгород. Вместе с ним был и глава одной из крупнейших в России нефтяной компании «ЛУКойл» Вагит Алекперов. В ходе поездки Ю. Лужков заявил, что у всех бездотационных субъектов РФ есть общие проблемы и необходимо выработать совместную активную позицию по защите интересов их населения. Острота и важность этой задачи, по словам одного из сопровождавших мэра чиновника, состояла в том, что «центральные власти настроены на то, чтобы отнять как можно больше средств из регионов в федеральный бюджет». Хотя следовало бы, наоборот, стимулировать деловую активность регионов. Это привело бы к расширению налогооблагаемой базы и, в конечном итоге, к увеличению поступлений в доходную часть российского бюджета.

Участники состоявшегося в Нижнем Новгороде совещания глав субъектов Федерации — доноров федерального бюджета — выступили по существу в роли лояльной оппозиции. Они поддержали решение президента РФ Б. Ельцина объявить 7 ноября Днем согласия и примирения и направили Б. Ельцину телеграмму, в которой выражалась такая поддержка, а также высказывалось пожелание наискорейшего выздоровления.

В совещании, кроме мэра Москвы Ю. Лужкова, участвовали губернатор Нижегородской области Б. Немцов, заместитель

председателя правительства Санкт-Петербурга Д. Сергеев, глава администрации Пензенской области А. Ковлягин, заместитель главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа В. Харитон, заместитель губернатора Ямало-ненецкого автономного округа И. Шимаев.

По словам Ю. Лужкова, встреча преследовала чисто экономическую цель — выработать единую позицию регионов-доноров в отношении федерального бюджета 1997 года и бюджетного процесса в целом. «Число сильных регионов постоянно сокращается, и мы не хотим попасть в «Красную книгу». Наша цель — через определенные экономические рычаги увеличить число сильных регионов», — заявил перед началом совещания Ю. Лужков.

На совещании было принято итоговое обращение к правительству, в котором сформулированы предложения по выводу экономики страны из кризиса. В частности, участники встречи высказались за принятие закона о декларировании расходов физическими лицами, что снизило бы социальную напряженность в обществе и позволило бы наполнить бюджеты. По предложению Ю. Лужкова в обращение был внесен пункт о необходимости формирования «вразумительной таможенной политики, которая должна выражаться в том, что раз в год правительством устанавливаются размеры таможенных пошлин и сборов, и в течение этого срока они не изменяются». Предложено было также изменить ценообразование в топливно-энергетическом комплексе. По мнению участников совещания, за счет снижения акцизов удастся значительно снизить тарифы, что, по словам Б. Немцова, должно привести к 100-процентной собираемости налогов с предприятий и снижению уровня неплатежей. В обращении содержалось предложение распределять заказы Минобороны и МЧС только на конкурсной основе.

Было предложено реализовать на практике указ президента РФ № 292 о передаче в управление субъектам Федерации госпакетов акций предприятий, расположенных на их территории, если федеральный бюджет не финансирует федеральные программы на данной территории. «Если правительство позитивно воспримет и отработает этот документ, экономика пойдет в гору», — сказал Ю. Лужков. Он совместно с Б. Немцовым высказал предположение, что руководители

многих, не только сильных, регионов подпишутся под этим документом.

Участники совещания высказались за уравнивание регионов в их правах, что, по словам Ю. Лужкова, позволит сделать страну не набором территорий, а единым экономическим пространством.

Вслед за совещанием в Нижнем Новгороде 12 ноября состоялась новая встреча уже 15 руководителей исполнительной власти регионов в Москве. Кроме того, на этой встрече присутствовали ряд депутатов Госдумы, в том числе группы «Российские регионы» В. Медведев, П. Медведев, И. Хакамада.

На этой встрече Ю. Лужков вновь предложил внести коррективы в проект бюджета на 1997 год, чтобы добиться создания равных прав для всех регионов РФ. По мнению мэра, необходимо было установить, что бюджетные отношения регионов и федерального центра формируются исключительно на основе закона «О федеральном бюджете РФ» и не могут быть изменены никакими особыми «сепаратными» соглашениями.

Выразив озабоченность по поводу складывавшейся в стране экономической ситуации, Ю. Лужков опять же подчеркнул, что проводимое совещание не преследует никаких политических целей.

Ю. Лужков предварительно беседовал с премьером о необходимости корректировки бюджетного процесса в стране и высказал ему опасения, что проект бюджета-97 «ухудшит положение в экономике, которая и так движется вниз по наклонной плоскости».

Это движение «началось в 1992 году, когда радикал-демократы обвалили экономику и отпустили цены. Мы получили сегодня абсолютно развaленную, раздерганную экономику и сейчас нужны чрезвычайные меры», сказал Ю. Лужков. Он понимал, что «для любого руководителя трудно принимать радикальные решения». «Но для стабилизации экономики, для стабилизации в стране, общество обязано принять радикальные решения, касающиеся бюджетного процесса».

В числе главных задач он назвал снижение цен на топливно-энергетические ресурсы и замораживание долгов их потребителям. Ю. Лужков подчеркнул необходимость установления «жесткой абсолютной дисциплины по платежам после заморозки долгов». Так же, полагал мэр, высокие кредитные банковские ставки не стимулируют приток инвестиций в экономику, И ИХ размер не должен превышать 7–8

процентов. По мнению Ю. Лужкова, «в России совершенно нет таможенной политики. Государственный таможенный комитет только исполняет чужие решения». В частности, заметил он, решение по увеличению таможенных ставок для «челноков» только увеличило армию безработных и криминальных элементов.

Характерной деталью итогов встречи было то, что председатель правительства РФ В. Черномырдин попросил мэра Москвы Ю. Лужкова сформировать предложения руководителей субъектов РФ по корректировке бюджетного процесса в стране.

В деятельности Ю. Лужкова стала проявляться активность в качестве последовательного защитника интересов отечественных товаропроизводителей. В августе 1996 года правительство Москвы выкупило контрольный пакет акций АМО «ЗИЛ» у компании «Микродин». Ю. Лужков выступил с обращением к москвичам, к руководителям государственных, предпринимательских структур в отношении АМО «ЗИЛ». В этом документе говорилось, что «московское правительство дало слово исправить ошибку, которая допущена была при приватизации этого крупнейшего флагмана отечественного автомобилестроения, и городская администрация рассчитывает на то, что деловые структуры, государственные и предпринимательские сферы поддержат столичное правительство в этом».

Лужков начал не только поддерживать глав исполнительной власти регионов, настаивавших на протекционистских мерах по защите российского автомобильного, авиастроительного и судостроительного рынков, но пошел еще дальше. Он предложил исключить принятие решений по снижению таможенных пошлин на ввоз в Россию импортных изделий машиностроения без согласования с крупнейшими российскими производителями.

Подобные инициативы способствовали привлечению внимания к Ю. Лужкову со стороны российских товаропроизводителей, прежде всего влиятельного директорского корпуса.

Ю. Лужков совместно с некоторыми главами администраций предложил также обеспечить в первой половине 1997 года передачу пакетов акций акционерных обществ, созданных в процессе приватизации, из федеральной собственности в собственность

субъектов РФ по ценам не выше складывавшихся на фондовом рынке, с учетом задолженности федерального бюджета субъектам РФ.

Позиция в вопросах формирования бюджетной политики, занятая Ю. Лужковым, получила поддержку председателя Совета Федерации Е. Строева. «Я поддерживаю Юрия Лужкова, который выступает против «просительной» позиции регионов, — заявил спикер верхней палаты парламента. — 77 процентов налогов собираются в федеральный бюджет, а в регион возвращается столько, сколько выпросишь».

В последнее время наблюдалось существенное расширение диапазона интересов Ю. Лужкова. Все чаще звучала его оценка некоторых политических проблем. Ю. Лужков был одним из первых, кто дал отрицательную оценку хасавюртовским соглашениям и высказался за отмену признания этих фактически «межгосударственных соглашений».

А после закрытого заседания Совета Федерации, обсуждавшего вопрос по Чечне, докладов министра внутренних дел А. Куликова и Генерального прокурора Ю. Скуратова, Ю. Лужков заявил, что его отрицательная оценка хасавюртовских соглашений не изменилась, а еще более усилилась из-за предпринимавшихся в последнее время чеченскими сепаратистами действий. По его мнению, данное соглашение явилось «громадной бомбой под Конституцию Российской Федерации». Единственным позитивным шагом в действиях секретаря Совета безопасности А. Лебедя мэр Москвы считал «остановку войны, выстрелов», а «все остальное оставляет сплошные вопросы, в частности, о статусе Чечни». Ю. Лужков отметил, что «двойственность в прочтении хасавюртовских соглашений плюс резкое усиление военного потенциала сепаратистов приводит к тому, что Чечня претендует на изоляцию от России». Он подчеркнул, что процесс мирных переговоров необходимо «перевести в мощное политическое русло, привлечь к нему те государственные структуры, без которых вообще никаких переговоров вести невозможно».

Обратило на себя и то обстоятельство, что после отставки А. Лебедя с поста секретаря Совета безопасности Ю. Лужков начал устанавливать контакты с некоторыми деятелями чеченской оппозиции, в частности, с Л. Дудаевым, заявив при этом о готовности сотрудничать с ним в вопросах восстановления республики.

Ю. Лужков смело вторгся и во внешнеполитическую сферу, которая, казалось бы, находилась вне компетенции и сферы непосредственных интересов главы региональной исполнительной власти. И снова его оценки нередко расходятся с точкой зрения федеральной исполнительной власти.

В первую очередь это касалось статуса города Севастополя. В данном вопросе Ю. Лужков решительно занял наступательную позицию. Севастополь «не является частью украинского государства. Это, прежде всего, русский город, город великой славы, это место дислокации российской военно-морской базы, и мы не имеем права ни потерять ее, ни кому-либо отдавать, — заявил мэр Москвы при вручении ему юбилейной медали в честь 300-летия российского флота.

На встрече с ветеранами Военно-морского флота Ю. Лужков высказался еще резче: «В нынешних сложных политических условиях проблема флота приобретает огромное значение. Здесь нельзя допускать потерь, поступиться принципами России». «Я исхожу из того, что Севастополь как военно-морская база никогда не принадлежал Украине. Севастополь никогда не входил в состав территории Крымской области, которую Никита Сергеевич передал Украине, — подчеркнул мэр Москвы. — Этот город всегда являлся отдельной изолированной зоной с особым статусом. Как самостоятельная административная единица он никогда не обеспечивался Украинской республикой — всегда эти проблемы решал Госплан. К такому выводу мы пришли, изучив документы, выяснив и уточнив все факты».

Ю. Лужков обратился с открытым письмом к президенту РФ Б. Ельцину, председателю правительства В. Черномырдину, депутатам Госдумы и Совета Федерации, в котором сформулировал просьбу при переговорах с Украиной иметь эти обстоятельства в виду, чтобы не допустить раздела Севастополя или передачи его какой-либо другой стране. «Севастополь — это русская земля, он всегда был и будет землей России».

Позиция Ю. Лужкова была растиражирована газетой «Известия». Отмечалось, что московский мэр на основе «тщательного изучения и познания истории вопроса» пришел к выводу: «Известным указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года из состава РСФСР в состав Украинской ССР передавался не весь Крым, а только Крымская область. Севастополь же в состав области не входил,

поскольку задолго до этого указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года было предписано: «выделить город Севастополь в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнести его к категории городов республиканского подчинения РСФСР». По мнению Ю. Лужкова, «ничего не изменили в вопросе о принадлежности Севастополя Беловежские соглашения, поскольку в основу разделения было положено административное деление, принятое в СССР». Однозначный вывод о российском статусе Севастополя, убежден мэр столицы, требует от государственной власти приведения российской позиции на переговорах с Украиной в соответствие с международным правом и исторической реальностью. Ю. Лужков настаивал: «Москва должна ставить на переговорах с Киевом вопрос не об аренде Севастополя, а о точном соблюдении законодательных актов, в том числе и Беловежских соглашений». «В тексте межгосударственного договора необходимо подтвердить статус Севастополя как части РФ и главной базы Черноморского флота страны», — подчеркивал Ю. Лужков.

Его высказывания вызвали бурную негативную реакцию украинской стороны. В ответ на требование украинских организаций Крыма МИД Украины обещал рассмотреть вопрос об объявлении Ю. Лужкова «персоной нон грата» в республике.

Между тем группа депутатов Госдумы РФ, в числе которых были депутаты фракции КПРФ, направила ему обращение с благодарностью за его «мужественную и принципиальную позицию» в вопросе о статусе «города-героя Севастополя — военной базы Черноморского флота». «Мы разделяем ваши усилия по сохранению российского флота и его главной базы — Севастополя», — говорилось в обращении российских депутатов к Ю. Лужкову. Они подчеркивали, что со своей стороны и впредь будут поддерживать действия истинных патриотов на этом направлении. Парламентарии выразили возмущение угрозами украинских властей «объявить мэра российской столицы «персоной нон грата» и считали, что Ю. Лужкову должны быть принесены официальные извинения.

Ю. Лужков решил не ограничиваться только выступлениями в печати, и совместно с председателем Московской городской думы В. Платоновым официально внес на заседании Совета Федерации 4 декабря 1996 года вопрос о статусе Севастополя. По его словам,

«Украина уже сделала все, чтобы на предыдущих заседаниях Совета Федерации сорвать рассмотрение вопроса о Севастополе. Но в этот раз вопрос о статусе города будет решен», — подчеркнул мэр, добавив при этом, что воевать с Украиной не нужно, а необходимо пройти несколько этапов. На первом этапе главам Украины и России необходимо признать наличие проблемы Севастополя, считал Ю. Лужков. На втором этапе должны пройти переговоры и консультации министерств иностранных дел двух стран, а затем данная проблема должна быть разобрана руководителями обоих государств.

Ю. Лужков, с его слов, «уже постарался убедить президента Бориса Ельцина и премьер-министра Виктора Черномырдина в том, что в договоре о дружбе и сотрудничестве с Украиной не должно быть записи об аренде Севастополя, так как это фактически приведет к признанию его украинским городом». Он также считал возможным использование в международном суде итогов референдума, на котором около 90 процентов севастопольцев заявили, что считают себя россиянами.

Реакция правительственных структур и лидеров демократически-настроенных российских организаций на подобные заявления, которые по своей сути созвучны с требованиями национально-патриотической оппозиции, а также на практические шаги Ю. Лужкова либо отсутствовала вообще, либо оказывалась странным образом приглушенной и невнятной.

Симптоматично и то, что эти первые демарши Ю. Лужкова по вопросу статуса Севастополя совпали с подобными заявлениями А. Лебедя, которые сразу же вызвали не только негативную реакцию в украинском МИДе, но и заместителя госсекретаря США Строуба Тэлботта.

Все это не мешало тому, что Ю. Лужкова, единственного из региональных глав, ввели в состав участников Консультативного совета, созданного президентом РФ. По словам пресс-секретаря главы государства С. Ястржембского, участие в заседаниях Консультативного совета мэра Москвы Юрия Лужкова оправданно его ролью в жизни столицы и страны.

Не менее примечательно выглядели и заявления столичного мэра в отношении Республики Беларусь: «Я вижу большое влияние со стороны Запада на процессы решения политических вопросов в

Белоруссии. Это Влияние очень опасно, пагубно». Оценивая ситуацию, сложившуюся в Белоруссии накануне референдума, Лужков сказал, что в результате страна оказалась на распутье: она должна выбрать либо путь развития президентской республики, либо парламентской. По мнению московского мэра, для России, как и для Белоруссии, единственно правильный выбор — это президентская республика. Ю. Лужков отметил, что свои проблемы белорусы должны решать сами, «не пользуясь поддержкой из-за океана или своих соседей на Западе». «Если говорить о моих симпатиях, то они, безусловно, на стороне президента Белоруссии Александра Лукашенко», — сказал он.

Таким образом, Ю. Лужков заметно начал выходить за те рамки, которые очерчены для главы столичной администрации, стал перехватывать некоторые лозунги и требования патриотической оппозиции.

По всей видимости, складывавшаяся общественно-политическая ситуация в стране заставляла правящие круги России идти на определенные морально-политические издержки ради сохранения сложившейся формы распределения национального богатства. Отсюда их молчаливая поддержка активных и разноплановых действий Ю. Лужкова, которые подчас приобретали характер прямых выпадов против проводимой федеральным центром внутренней и внешней политики.

Вполне вероятно, что несмотря на многочисленные заявления о нежелании видеть себя на посту президента РФ, все это означало — Ю. Лужков взял курс на постепенную мобилизацию своих ресурсов к будущей избирательной кампании. В этой связи ему чрезвычайно важно было ослабить влияние лидеров оппозиции и, в первую очередь, А. Лебедя на общественное сознание, чтобы потенциальные собеседники на решающем этапе новой гонки за президентское кресло оказались бы в тени Ю. Лужкова.

Но и они не дремали. Их почерк угадывался в умело организованной кампании по «децерителизации» Москвы.

Для наиболее популярных московских масс-медиа несокрушимый мэр вдруг перестал быть табуированной фигурой. Его образ начали все заметнее дегероизировать. Легкие «наезды» по разным поводам от З. Церетели до пивзавода «Князь Рюрик», критика мэрской «севастопольской страды» как бездумной рекламной акции, толкавшей

Киев в объятия НАТО, недовольство по поводу братания мэра с белорусским президентом А. Лукашенко — все это появилось в тех медиа, которые еще недавно были творцами лужковской харизмы, — на НТВ, «Эхо Москвы», в газете «Сегодня», не говоря уже о «Независимой газете» и ОРТ. Под этим крылось не просто изменение настроений журналистского сообщества, а перемена в позиции мощных элитных групп.

Признаки таких перемен стали ощущаться еще в конце 1995 года, когда, по мнению отечественных и западных аналитиков, ряд влиятельных банков «московской группы» начинал переориентироваться с Ю. Лужкова, на А. Чубайса, что по ходу президентской кампании 1996 года оформилось в союз. Это не могло не отразиться и на позиции контролируемых ими масс-медиа. Отсюда и смена тональности, и легкие поначалу колкости. Возникли трудности с финансированием ряда столичных проектов и программ подготовки к 850-летию Москвы.

Некоторые аналитики полагали, что вхождение во власть Б. Березовского и очередное служебное повышение А. Чубайса с предоставлением ему широких полномочий по ключевым направлениям деятельности правительства усиливали позиции антилужковской коалиции. В довершение всего А. Лебедь, возможно, без всякой задней мысли, провозгласив Ю. Лужкова «лучшим представителем номенклатурного капитализма» и сильнейшим претендентом на неизбежных президентских выборах, подставил его под тяжелое подозрение Б. Ельцина.

Слегка «придерживая» Ю. Лужкова, понижая ранг его политических притязаний, московскому мэру как бы постоянно напоминали о его месте в современной российской истории, давая понять, что в своем последнем рывке на общероссийскую политическую арену от совершил фальстарт. Это происходило не раз — и коржаковский рейд на мэрию, и увольнение лужковских «силовиков» после убийства В. Листьева. Правда, раньше либерально-демократический истеблишмент и влиятельные банки поддерживали мэра в столкновениях с Кремлем. Но по мере развития событий рядом с ним наблюдалось все меньше былых союзников.

У некоторых наблюдателей складывалось ощущение, что Ю. Лужков стал одной из главных мишеней, по которой велась пока

пристрелка, но вот-вот откроется огонь на поражение.

Московский мэр немало сделал для нынешней российской власти и в критические для нее моменты не раз находился в первых рядах ее защитников. Казалось бы, он, как никто другой, заслуживал иного к себе отношения со стороны правящей элиты федерального уровня.

Причины такого положения объяснимы. Согласно всем проводимым исследованиям общественного мнения, рейтинг Ю. Лужкова на протяжении длительного времени неизменно находился на отметке, заметно превышавшей уровень популярности всех политикой, занимавших какие-либо посты в органах государственного управления. Лужкова ставили в пример, на него равнялись, ему завидовали. Это, пожалуй, единственный в России руководитель администрации, в активе которого больше побед, чем поражений, и больше успехов, чем провалов.

В совокупности этого уже достаточно для того, чтобы определенная часть правящей элиты рассматривала его не как союзника, а как соперника. Ну а когда в воображении рисовалась картина возможной консолидации Ю. Лужкова с национально-патриотическим движением, при которой власть теряла бы всякую перспективу на дальнейшее существование, то образ соперника постепенно трансформировался в образ противника, может быть, потенциального. А противника следует бить.

В начале 1997 года некоторые аналитики предсказывали, что именно московский мэр может стать очередной жертвой политических интриг, за которыми последует высочайший гнев главы государства.

К этому прогнозу приводило то обстоятельство, что в российской прессе прошло достаточно материалов о грандиозных, дорогостоящих и сомнительных с точки зрения целесообразности строительных проектах, выполненных или выполняемых под патронажем московского мэра. По городу прошли хоть и малочисленные, но с хорошей режиссурой митинги «возмущенных» ценителей искусства и рядовых граждан. Это было первой частью кампании.

Часть вторая самым естественным образом вписалась в проведенные всероссийские акции протеста трудящихся. На требование обнищавших масс: «Верните деньги!» и риторические вопросы в СМИ: «А где зарыты деньги? (»Аргументы и факты», другие издания) А. Чубайс ответил «решительными» действиями, призванными показать

общественности его глубокую озабоченность бедственным положением народа и оправданность решения президента о назначении его главным казначеем страны.

А. Чубайс поручил контрольно-ревизионному управлению Минфина и территориальным органам федерального казначейства проверить, куда пошли 500 миллионов долларов, выделенные Мировым банком российской угольной промышленности. По некоторым сведениям, вторым или третьим по счету поручением А. Чубайса должна была стать проверка финансовохозяйственной деятельности московского правительства с учетом «сигналов», полученных от общественности через средства массовой информации.

Надо полагать, что к тому времени на столе первого вице-премьера уже лежал бы подробный анализ относительно того, когда, на что и в каких размерах тратились бюджетные и внебюджетные средства Москвы. Задачей сформированной комиссии, скорее всего под эгидой Контрольного управления при президенте РФ, начальником которого был недавно назначенный В. Путин — друг А. Собчака и А. Чубайса из числа питерских единомышленников, стало бы просто документирование известных нарушений. Затем последовало бы обнародование фактов «чудовищно» неоправданных трат денежных средств.

Эксперты и журналисты сладострастно подсчитывали, во сколько должна была обойтись городскому бюджету монументальная скульптура «Петр I». Называли цифру 20 миллионов долларов. Прикидывали, во сколько обойдется ее демонтаж и возможная установка на новом месте.

Предполагалось, что вслед за этим появятся инициативные группки, собирающие подписи под требованием проведения перевыборов.

Результатом таких действий мог быть как минимум подрыв авторитета Ю. Лужкова в глазах общественности.

Кампании против Ю. Лужкова следовали одна за другой. Поговаривали, что председатель «Демократического выбора России» и руководитель «Фонда поддержки предпринимательства и интересов среднего класса» Е. Гайдар, не оставлявший надежд вернуться со временем во власть, направил конфиденциальное письмо президенту РФ с соображениями о текущем политическом моменте.

Неолибералы обращали внимание Б. Ельцина на то, что «стало практикой мэра Москвы подбирать обиженных».

Его шансы на президентство ценились очень высоко. Вот документ с грифом «Конфиденциально», подготовленный в «мозговом центре» одного из конкурентов московского мэра. Документ имеет название «О месте Ю. Лужкова в российской политической элите».

«Ю. Лужков располагает поддержкой крупнейших финансовых и промышленных структур. Его «казеннорыночная» стратегия экономического развития, сочетающая государственные и рыночные элементы, позволяет жестко контролировать деятельность указанных структур и обеспечивать максимальные поступления в казну. Такая модель в значительной степени отвечает современному этапу развития страны.

Наиболее значимые холдинги, финансово-промышленные группы, компании образованы с решающей долевой частью московского правительства. Под его плотной опекой находятся чисто рыночные образования, особенно банки и торгово-посреднические предприятия. Отработаны механизмы контроля и давления — канализация городских бюджетных средств, распределения недвижимости, земли и т. д.

Важным фактором влияния на банки является также зависимость многих из них от обслуживания федерального или московского бюджета. Поэтому Ю. Лужкову не представляет трудностей привлечение инвестиций в крупные городские проекты, в том числе имеющие конъюнктурный, политический характер.

Мэр располагает значительными силовыми ресурсами за счет активной поддержки московских подразделений МВД, хороших личных отношений с командованием Кантемировской и Таманской дивизий.

Географическая ограниченность популярности и нелюбовь остального населения к москвичам вынуждают Ю. Лужкова активизировать действия на федеральном уровне. Интенсивно развиваются экономические связи Москвы со странами СНГ, крупными российскими регионами. На конец 1996 года заключено более 30 соглашений о сотрудничестве: с правительствами стран СНГ — 13, с мэриями столиц — 10, с администрациями регионов — 7. Публичные выступления и переговоры мэра с зарубежными представителями приобрели отчетливо выраженную общегосударственную направленность, не всегда совпадающую с официальной позицией.

Зачастую используются популистские приемы — например, ситуация вокруг Севастополя. Таким образом Ю. Лужков преодолевает «локальную замкнутость», заручается поддержкой региональных лидеров, укрепляет в глазах избирателей имидж державника и защитника национальных интересов России.

Отсутствие у Ю. Лужкова оформленных и устоявшихся политических структур компенсируется крепкой, хорошо отлаженной командой, наличием тесных связей с партиями и движениями — от радикал-либералов до коммунистов, поддержкой центральных и региональных СМИ.

Обладание огромными материальными ресурсами или практически неограниченное влияние на их держателей позволяют возглавляемой мэром «московской группе» в сжатые сроки осуществить «конверсию» финансовой мощи в общенациональную политическую кампанию.

Учитывая рост влияния Ю. Лужкова, ожидается, что федеральная власть, прежде всего в лице А. Чубайса и близких к нему деятелей, предпримет шаги с целью подрыва финансово-экономической опоры московского мэра, например, с помощью ужесточения налогового пресса. Весьма вероятно подключение к борьбе с Ю. Лужковым Б. Немцова с его полномочиями первого вице-премьера и авторитетом среди региональных руководителей.

Со стороны Ю. Лужкова следует ожидать активизации усилий по объединению лидеров крупных регионов и городов, повышению роли Совета Федерации в противовес усиливающемуся авторитаризму центральной власти, наращивания политической составляющей в деятельности на посту мэра».

И, действительно, Ю. Лужков активно взаимодействовал с региональными элитами, добиваясь от них симпатий. Пожалуй, никто, кроме него, за исключением разве что В. Черномырдина, не претендовал на «руку и сердце» глав областных администраций. Именно они стали основными соперниками в борьбе за российскую региональную элиту, победа в которой могла решить судьбу будущих президентских выборов.

Прямые выборы глав исполнительной власти в регионах создали совершенно новые условия для дальнейшего развития отношений между центром и субъектами Федерации. Нынешние губернаторы

чувствуют себя свободнее в отношениях с Кремлем. Они обладают легитимностью, подтвержденной всенародным избранием. У избранных глав исполнительной власти развязаны руки, они проводят самостоятельную социально-экономическую политику.

Важным фактором укрепления единства региональной элиты стала демонстрируемая ею «губернаторская солидарность». Достаточно вспомнить демонстративные консенсусные решения Совета Федерации, которые принимались в пику федеральной власти. В 1997 году таких решений было немало — вопросы реституции, утверждение судей Конституционного суда, повышение минимального размера пенсии и др. Стали развиваться горизонтальные связи между субъектами Федерации. Раньше региональные лидеры не могли организовать эффективно работавшие горизонтальные связи, и Кремль успешно гасил их объединительные порывы, играя на эгоистических интересах отдельных регионов. К дальнейшему сближению руководителей регионов подталкивали нестабильность ситуации в центре и неадекватность федеральной политики региональным интересам. В 1997 году регионы все чаще заключали двусторонние соглашения, заметно активизировалась деятельность межрегиональных ассоциаций.

Весна 1997 года обозначила новый этап в консолидации региональной элиты. В России началась настоящая борьба за отстаивание регионального интереса. Подробно о ней рассказано в одной из предыдущих глав. Возврат к этой теме здесь обусловлен новым углом, под которым рассматривается данная проблема, а именно: борьбой региональной элиты за лидерство.

Интерес глав местных администраций был вполне очевиден, и, можно сказать, банален: они стремились к большей экономической самостоятельности, большим политическим полномочиям. Самый острый конфликт разгорался по поводу финансовых отношений Кремля и провинции: Кремль недоплачивал регионам причитавшиеся им бюджетные средства, регионы в ответ угрожали прекратить выплаты в центр и перейти на «самофинансирование».

В борьбу за отстаивание региональных интересов первыми вступили те губернаторы, которые в идеологизированной системе координат считались «реформаторами», а значит, лидерами, которых Кремль считал «лояльными» и всячески поддерживал на выборах. Это неудивительно, поскольку они возглавляли наиболее сильные в

экономическом отношении регионы, которые меньше зависели от вливаний из центра, и где возникало все больше соблазнов не делиться с Кремлем заработанными средствами, расходуя их по своему усмотрению.

По этой причине пионером экономического сепаратизма в марте 1997 года стала экономически крепкая Иркутская область, которая пошла на жесткое обострение отношений с центром, окрещенное «налоговым путчем». Губернатор Ю. Ножиков принял постановление, в соответствии с которым с 1 марта на месяц приостанавливалось перечисление налогов федеральному центру в связи с критической ситуацией с платежами в самой области. Одновременно была ужесточена кредитно-финансовая политика внутри области — прекращены все расходы областного бюджета, кроме выплаты зарплаты, пенсий, стипендий, введен запрет на взаимозачеты. За счет этих жестких мер удалось снизить темпы роста задолженности.

Аналогичное постановление о приостановке платежей федеральному центру было принято на Сахалине, и его оставалось только ввести в действие. Губернатор И. Фархутдинов прямо заявил, что это «попытка заставить считаться с собой». Тем временем о «региональном самофинансировании» заговорил новый губернатор Краснодарского края Н. Кондратенко. Кубань фактически предложила Федерации «цивилизованный развод» в экономической сфере, отказываясь от дотаций в обмен на освобождение от налоговых «повинностей». Требования оставить в регионах большую часть налоговых поступлений все чаще звучали из уст региональных лидеров. Эта «экономическая платформа» стала мощным инструментом консолидации региональной элиты.

Индикатором ее становления стала борьба за лидерство, поскольку общепризнанного персонифицированного выразителя корпоративного интереса региональной элиты не было. Эту роль «по должности» пытался играть председатель Совета Федерации Е. Строев, но по большей части он гасил противоречия между центром и регионами, не противопоставляя интересы конфликтовавших сторон. Зато среди региональных лидеров оказалось немало амбициозных и влиятельных персон, претендовавших на роль политиков федерального уровня. Это Э. Россель, Е. Наздратенко, Д. Аяцков, К. Титов, не говоря уже о президентах республик с их постоянно «особым» мнением.

Федеральный центр оказался в непростой ситуации. Теперь уже ему нужно было адаптироваться к изменениям в региональном политическом процессе, которые, кстати, были порождены им самим. Интересным ходом Кремля в его взаимоотношениях с регионами было введение в федеральное правительство двух региональных руководителей — нижегородского губернатора Б. Немцова и самарского мэра О. Сысуева.

Представители федеральной элиты видели отношения центра и регионов по-своему. Выразителем «либеральной» линии выступал премьер-министр В. Черномырдин. В рамках этой линии региональные лидеры признавались равноправными партнерами федеральной власти. «Либеральная» политика была основана на поиске элитного консенсуса в рамках рыхлой ассиметричной федерации.

Но изменения, в результате которых губернаторы стали «неснимаемыми», сформировали запрос на другой тип региональной политики. Как реакция на усиление самостоятельности региональных лидеров в федеральном центре возник запрос на рецентрализацию, под которой подразумевалось создание политического механизма, огранивающего региональную власть, то есть сдержек и противовесов в системе «центр — регионы». Инициаторами этой политики стали так называемые «молодые реформаторы» и прежде всего А. Чубайс, который впервые по-настоящему воспользовался теми рычагами влияния на ситуацию в регионах, которыми он обладал, будучи руководителем Госкомимущества, а затем главой президентской администрации. По мнению экономистов, главная проблема, которая волновала А. Чубайса — контроль за собственностью, которая, как известно, находится не во дворе Госкомимущества и не в Кремле, а в регионах.

Суть региональной политики в чубайсовском понимании сводилась к установлению реального контроля за приватизационным процессом в регионах. Не секрет, что от того, кто контролирует этот процесс, Кремль или местная власть, зависело, кому достанутся лучшие куски. В результате появилась «централистская» региональная политика, названная в прессе «централизмом новых русских». То есть «молодым реформаторам» стало ясно, что в изменившихся после 1996 года условиях невозможно контролировать приватизационный процесс в децентрализованном государстве.

В течение всего 1997 года шло перетягивание каната А. Чубайс — В. Черномырдин — губернаторы. Позиции последних все активнее озвучивал Ю. Лужков. Усиление конфликтности между центром и регионами было ему на руку. Он пытался сформулировать общую позицию для всей региональной элиты по отношению к бюджету, налоговому кодексу и другим основным для регионов вопросам и тем самым стать в авангарде борьбы регионов за свои права. И это ему удавалось. Пока первую скрипку в региональной политике играл А. Чубайс, московский мэр набирал очки как его естественный противник, восстанавливавший против него заинтересованную в максимальной консолидации региональную элиту. К концу 1997 года ситуация изменилась, Чубайс и его группа были отстранены от формирования региональной политики, и Черномырдин вновь восстановил свои позиции в этой сфере. Однако ему уже пришлось считаться с возросшим влиянием Ю. Лужкова в регионах.

Время «младореформаторов» — весна, и оно закончилось для них плачевно. Время патриархов — осень. Первая декада первого осеннего месяца, да и последующие недели стали поистине периодом триумфа московского мэра, усилившего свое воздействие на российский политический процесс и на региональные элиты.

«Московская группа» продолжила ставшую традиционной для нее линию на всех ее потенциальных соперников. В частности, были предприняты усилия по стимулированию напряженности в отношениях между В. Черномырдиным и «младореформаторами», внесению раскола в союз Б. Немцова и В. Потанина. Одновременно Ю. Лужков представляется как носитель общероссийской объединительной идеи. Активная позиция московского мэра объяснялась во многом его претензиями на роль лидера российских регионов, для которых была неприемлема как чубайсовско-немцовская, так и «березовская» половинки окружения президента.

Игра московского мэра на поле губернаторов была довольно успешной. Некоторые главы областных администраций выиграли выборы, копируя стиль Лужкова. Курский губернатор А. Руцкой признал московского коллегу своим образцом, нижегородский губернатор И. Скляров — «старшим наставником». Лужков, а не Немцов был гостем номер один на инаугурации Склярова. На встречу в Дмитрове Лужков собрал губернаторов областей Центральной России,

напомнив им об объединительной роли Москвы. Несколько раз побывал в опекаемом им Буденновске.

Однако говорить о формировавшейся ориентации губернаторов на Ю. Лужкова как на единственную политическую фигуру нельзя. Сказывается несовпадение экономических интересов столицы и провинции, искусно подогреваемое центром. Московскому мэру лишь частично удавалось погасить эти противоречия с помощью двусторонних межрегиональных соглашений. Такой известный региональный лидер, как А. Тулеев, публично отказался ехать на празднование 850-летия Москвы, посчитав его «пиром во время чумы». Не были на празднике и некоторые другие губернаторы. У многих остался неприятный осадок со времен избирательной кампании, когда Ю. Лужков, как правило, поддерживал «партию власти». Московский мэр «промахнулся» в Псковской области, где агитировал против Е. Михайлова от ЛДПР, который все же победил на выборах.

Юбилейные торжества, посвященные 850-летию Москвы, создали для Ю. Лужкова более чем благоприятные условия. Демонстрировавший свою дружбу с московским мэром президент должен был, по-видимому, подчеркивать потенции Ю. Лужкова на роль его реального преемника.

В ходе торжеств наблюдателям бросалась в глаза подчеркнутая близость Ю. Лужкова с высшим клиром Русской православной церкви, в особенности с Патриархом всея Руси Алексием И. Фактически это очень напоминало благословение со стороны РПЦ московского мэра как реального претендента на высшую государственную власть в стране. То же самое можно было сказать и об отношении к нему мусульманских иерархов и-глав «мусульманских» республик — Татарии, Башкирии, Дагестана и других, которые выразили по поводу открытия мемориальной мечети свою полную поддержку московскому мэру.

Ю. Лужкову удалось укрепить свое влияние и на оппозицию, явно ослепленную его финансовым могуществом.

Но росло и противостояние мэру. Враждебные ему элитные группировки усилили критику недостатков в работе столичного правительства. Президент и близкие к нему люди крайне ревниво отнеслись к демонстрации Лужковым своих возможностей. Достаточно

заметно демонстрировал свою сдержанность и В. Черномырдин, подчеркнуто официально общавшийся с руководством города.

Аналитики отметили определенные признаки, свидетельствовавшие о придании политической линии мэра большей гибкости в отношении основных группировок в федеральном центре. Нельзя исключать, что это могло быть вызвано объективным ухудшением экономической ситуации в городе, что резко диссонировало с политическими успехами лужковской команды. По ряду данных, более чем в два раза снизилась занятость в московской промышленности, около 80 процентов предприятий, по словам главы московского комитета по делам о несостоятельности В. Сайкина, нуждались в срочной санации, сложной была и энергетическая ситуация в городе. По официальным данным, московские потребители электроэнергии задолжали Мосэнерго более 12 триллионов рублей, что чревато масштабным и глубоким кризисом всего городского хозяйства и московской промышленности, предприятия которой должны были мэрии 4 триллиона рублей. Задолженность Москвы «Газпрому» достигла 6 триллионов рублей.

Принимая во внимание жесткий стиль «младореформаторов», наблюдатели не сомневались, что при стечении определенных обстоятельств по политическим позициям московского мэра может быть нанесен сильный удар. По-видимому, опасения этого вызвала эмоциональная реакция Лужкова в отношении налогового кодекса и бюджета-98. В интервью «Известиям» он прямо заявил: «Просчитав последствия новой системы налогообложения, мы ужаснулись. Не только Москва — мы все потеряем очень много, если будет принят этот кодекс. Он обескровит бюджеты регионов, взорвет ситуацию на местах».

По ряду наблюдений подтверждалось заметное охлаждение к Лужкову президента и его семьи. Это означало только одно — политические позиции мэра значительно пошатнулись. Не воспользоваться таким шансом было бы непростительно, и за мэром началась охота. Особенно тщательно изучали все произнесенное им за границей. Это был испытанный прием, на котором «горели» многие — от маршала М. Тухачевского до премьера В. Черномырдина.

Десятки опытнейших специалистов в Москве сутками препарировали тексты речей, с которыми мэр выступал в зарубежных

аудиториях. Искали что-нибудь такое-эдакое. Срочно делали обратный перевод с английского, разукрашивая страницы разноцветными подчеркиваниями тех мест, к которым можно придраться. Но Лужков не относится к числу политиков, не помнящих, о чем они только что говорили. Речь у него хотя и образная, но лишнего он не скажет.

Много инсинуаций ходит вокруг финансово-экономической базы, на которую опирается Ю. Лужков. И снова — документ с грифом «Конфиденциально» из «мозгового центра» одного из конкурентов московского мэра.

«При анализе роли Ю. Лужкова в политической и экономической жизни России специалисты отмечают, что финансово-экономической опорой мэра г. Москвы является «московская группа» — влиятельное политическое и административное образование, включающее в себя формальные и неформальные объединения и структуры, возглавляемые преданными ему людьми.

По мнению наблюдателей, фундамент названной группы составляет акционерная финансовая корпорация (АФК) «Система», зарегистрированная в июне 1993 года.

Фактически корпорация создана на базе подразделений правительства г. Москвы, первоначально была ориентирована на приватизацию столичной недвижимости и наиболее рентабельных отраслей города и Московской области. В последующем АФК «Система» активизировала свою деятельность и в регионах России.

В результате их холдинговой компании образовалась мощная многоотраслевая финансово-промышленная. корпорация, располагающая значительными денежными и материальными ресурсами с числом работников более 30 тысяч человек. Владеет пакетами акций более 180 предприятий, в том числе контрольными — Московского банка реконструкции и развития, ВАО «Интурист», АО «Детский мир», АО «Кедр-М» (сеть автозаправочных станций). Объем инвестиций на конец 1996 года составил около 150 миллионов долларов, оборот финансовых средств за 1996 год — более 1,5 триллионов рублей, активы — свыше 2,5 триллионов рублей. Финансовое состояние АФК устойчивое.

АФК «Система» не пользуется услугами коммерческих банков, для финансирования проектов использует специально созданный Московский банк реконструкции и развития. Корпорация имеет статус

уполномоченной организации правительства г. Москвы по многим финансовым и производственным проектам, поддерживает связи с крупными зарубежными концернами и фирмами».

С лета 1997 года постепенно формировалась система латентных противоречий между Б. Ельциным, В. Черномырдиным и Ю. Лужковым. Иерархия противоречий к началу 1998 года сложилась следующим образом: Ельцин — Черномырдин, Черномырдин — Лужков, Ельцин — Лужков.

Ельцин всегда подозрительно относился к своим ближайшим сподвижникам. Особенно после ухода А. Коржакова. И это в полной мере относилось к Черномырдину и Лужкову.

По некоторым данным, еще начиная с весны 1994 года, под влиянием конфиденциальных докладов Коржакова, у семьи и у самого президента сформировалась отрицательная установка на Черномырдина и Лужкова.

Начиная с сентября 1997 года такое подозрение со стороны Ельцина, мнительность которого в связи с его болезнями порой становилась маниакальной, начало возрастать. В конце декабря Ельцин, в своей обычной манере, спровоцировал Черномырдина на активизацию своих личных политических амбиций. В отношении Лужкова была избрана другая тактика — аппаратное игнорирование. Президент сознательно держал дистанцию в своих взаимоотношениях с Лужковым.

В марте 1998 года окончательно стало ясно, что Черномырдин попался в расставленную для него ловушку. Он потерял присущую для него аппаратную осторожность, которая позволяла ему достаточно долго в своей карьере избегать подводных политических рифов.

Утром 23 марта, в понедельник, Ельцин позвонил Черномырдину, который в это время уже собирался выезжать в Белый дом, и приказал ему срочно, не заезжая в здание правительства, прибыть в Кремль. Ничего не подозревавший Черномырдин прибыл к президенту, который объявил о его отставке. Соответствующий указ уже был подписан. От неожиданности у премьера потемнело в глазах.

Глава 2
НА ТО И НАТО

Россия и НАТО: сторонники и противники. — Анализ и прогноз геополитической ситуации. — У Москвы не осталось ни одного союзника, даже Монголии — ситуация хуже, чем в 1941 году. — Почему у России не было концепции национальной безопасности. — Общественное мнение по поводу продвижения НАТО на Восток. — Мирная интервенция. — В народе зреет недовольство правительством. — Беспокойство за судьбу страны.

К началу 1997 года в отношениях России с НАТО наметился явный тупик.

Со стороны России эти отношения в последние годы не отличались динамизмом или активностью. Кремль стоял на неприемлемости расширения НАТО на Восток. Вяло реагировал на попытки втянуть в программу «Партнерство ради мира», хотя и включился в совместные с НАТО действия в Боснии. Уклонялся от попыток со стороны руководства НАТО наладить более широкие официальные контакты по политической и военной линиям.

Прямолинейной оставалась и линия НАТО. За упрямой политикой блока к расширению на Восток стояла цель закрепить итоги конца «холодной войны» — распад СССР и Организации Варшавского Договора, придать необратимый характер прозападной ориентации Центральной и Восточной Европы.

В то же время нельзя было не видеть, что Запад вынужден был молчаливо признавать правоту и законность российской позиции в отношении расширения НАТО. Ему не удалось найти достойных аргументов, которые могли бы оправдать легитимность этого шага, убедить Россию в его безвредности. Руководство НАТО понимало, что вызываемая его действиями напряженность в отношениях с Россией чревата переходом к «холодному миру», последствия которого могут оказаться для Европы нежелательными. Осознавался и тот факт, что отсутствие позитивной определенности в отношениях с Россией

осложнит реализацию намечаемых в НАТО планов трансформации блока, усиления его европейской ориентации.

В сложное положение попадала и Россия. Неизменность курса НАТО на расширение и, как следствие, неизменность позиции России в этом вопросе сужали ее возможности достойным образом влиять на развитие ситуации в Европе.

В поисках выхода из создавшейся ситуации руководство Североатлантического союза инициативно провозгласило начало нового этапа в отношениях с Россией. Суть его, как следовало из речи госсекретаря США У. Кристофера в Штуттгарте 6 сентября 1995 года, — в установлении на довольно длительную перспективу особых отношений НАТО с Россией с их документальным закреплением в некоей хартии.

Документальное оформление нового этапа отношений с Россией руководство НАТО относило на вторую половину 1997 года. Но уже в 1996 году было начато усиленное зондирование российской позиции по этому вопросу.

В сделанной госсекретарем США заявке много было неясного, отсутствовала конкретность. Некоторые дополнительные детали содержались в высказываниях других политических деятелей Запада, в частности, в ходе официальных контактов с российскими представителями. Их анализ позволял сделать предварительные выводы о возможном содержании «новой линии НАТО» в отношениях с Россией.

Прежде всего было ясно, что новый курс НАТО предполагал сохранение параллельности двух процессов — российско-натовских контактов и шагов по расширению НАТО. Формализованное придание отношениям с Россией «особого характера», видимо, было призвано смягчить восприятие Россией планов блока. В то же время «особый характер» так или иначе отражал первостепенную важность натовско-российских отношений, их индивидуальность и выделенность из рядовых планов взаимодействия НАТО с другими странами ЦВЕ и СНГ. В этой связи нельзя было исключать, что особая оглядка на Россию, оформленная к тому же документально, могла оказать определенное сдерживающее влияние на дальнейшие действия НАТО.

Из высказываний западных политиков можно было понять, что «хартия» — односторонний документ НАТО, в котором должна быть

зафиксирована провозглашенная линия блока в отношении России. Однако дверь оставлялась открытой и для подписания с Россией двухстороннего документа типа договора, в котором обе стороны выразили бы свои политические намерения и определили бы конкретные меры по их воплощению в жизнь. Уровень подписания документа пока не определялся.

«Особые отношения», по мнению российских аналитиков, могли предусматривать политические заявления со стороны НАТО о признании важности роли России на мировой арене и в создании системы безопасности в Европе, а также двухсторонние политические заявления, констатировавшие намерения сторон всемерно способствовать укреплению мира, стабильности и безопасности на Европейском континенте.

В них могло содержаться предложение о создании механизма постоянных российско-натовских консультаций и принятия совместных решений по широкому кругу. военно-политических и международных проблем, включая формирование специального Совета НАТО по России, а также организацию аппаратов представительств России в структурах НАТО и соответственно НАТО в России.

Российская сторона предполагала, что в понятие «особого характера» отношений НАТО к России будут также входить:

— расширение, контактов по политической и военной линиям, включая контакты между военными штабами различных уровней;

— активное участие России в индивидуальной программе подготовки совместно с НАТО к миротворческим акциям в Европе и, возможно, в других регионах мира, включая проведение объединенных учений контингентов вооруженных сил, объединенное планирование использования сил и средств в совместных операциях объединенных оперативных групп;

— компромиссные шаги по пересмотру в интересах России некоторых положений Договора об обычных вооруженных силах в Европе;

— некоторые уступки в вопросах неразмещения ядерного оружия и контингентов вооруженных сил НАТО на территориях новых членов НАТО из числа стране ЦВЕ;

— уступки России в отношении дальнейших шагов по расширению НАТО (второй очереди), например, откладывание

решений по этим вопросам на неопределенные сроки;

— сотрудничество в борьбе с терроризмом, распространением наркотиков и оргпреступностью;

— совместные мероприятия по противодействию распространению оружия массового поражения, а также по предотвращению распространения ракет и ракетных технологий;

— сотрудничество в вопросах ядерной безопасности с оказанием России помощи в поддержании необходимого уровня безопасности российского ядерного потенциала.

— расширение экономической помощи России.

Ответная линия Россия, как представлялось московским аналитикам, могла бы состоять в следующем:

Прежде всего она должна исходить из того, что арсенал активных ответных мер России на расширение НАТО весьма ограничен. Создание оборонительного союза со странами СНГ выглядело нереально. Невозможно было в данных условиях и какое-либо значимое наращивание Россией военного потенциала на Западном направлении. Не выгодны были для России действия по срыву разоруженческих договоров и тем более политическая самоизоляция в Европе.

В числе интересов национальной безопасности России отношения с НАТО не могли занимать первого места, уступая таким не менее острым проблемам, как сохранение территориальной целостности страны и налаживание, отношений с ближним зарубежьем. С учетом этого центральным элементом противостояния России расширению НАТО могла бы стать твердая линия на радиальную трансформацию блока, существенное сокращение его военной структуры, переориентацию блока на миротворческие цели.

Кремлю, видимо, не удастся удержаться на позиции последовательных действий: сначала договоренности с Россией, затем решение о расширении блока. Придется мириться с параллельностью этих процессов. В то же время отрицательное отношение Кремля к расширению НАТО не следует рассматривать как непреодолимое препятствие для налаживания связей между Россией и НАТО, Россией и отдельными странами блока, Россией и общеевропейскими политическими и экономическими структурами. Кремль — тоже параллельно — может твердо возражать против расширения НАТО,

одновременно наращивая активность по созданию общеевропейской структуры безопасности.

Аналитики из «мозговых центров» рекомендовали Кремлю принять предложение НАТО об установлении широкого механизма российско-натовских консультаций, включая создание представительских органов России в структурах НАТО и НАТО в России. Это позволило активно использовать все возможные формы связей с НАТО: консультации, контакты на различных политических и военных уровнях, совместные мероприятия вооруженных сил, разоруженческий переговорный процесс, добиваясь везде максимального учета интересов России.

Документальное оформление «особых отношений» НАТО с Россией — односторонние «хартии» НАТО — следует категорически отводить как не дающие легитимной основы для налаживания сотрудничества между Россией и НАТО.

Не имея права «вето» в вопросе о расширении НАТО на Восток, российские аналитики рекомендовали всемерно добиваться ослабления последствий для России этого шага. Необходимо поощрять НАТО к различного рода уступкам: увеличению сроков реализации планов расширения, принятию официальных обязательств о неразмещении на территориях новых членов блока ядерного оружия, высокоточных обычных вооружений, контингентов войск других стран НАТО.

В связи с неизбежным расширением НАТО на Восток в «баланс натовско-российских интересов» кремлевские «мозговые центры» рекомендовали включить следующие вопросы:

— обязательства со стороны НАТО отложить на неопределенное время вопрос о возможном принятии в блок Литвы, Латвии и Эстонии;

— проявление сдержанности и предотвращение невыгодных для России политических и иных акций в отношении Калининградской области со стороны Германии, Польши и стран Балтии;

— проведение более нейтральной политики в отношении Белоруссии, прекращение давления со стороны европейских прозападных структур на белорусское руководство;

— воздействие со стороны НАТО на политику Украины с целью придания ей более умеренного характера по отношению к России и, в частности, оказание влияния на решение в приемлемом для России

направлении вопросов о разделе Черноморского флота и определении статуса Севастополя.

В качестве «платы за расширение» со стороны НАТО рекомендовалось потребовать внесения определенных поправок в Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Речь могла бы идти об окончательном освобождении России (и Украины) от фланговых ограничений, пересмотре обязательств России о ликвидации вооружений за пределами зоны действия Договора (за Уралом), о пересмотре блоковой структуры Договора и переходе на национальные уровни ограничения обычных вооружений. В то же время рекомендовалось предусмотреть сохранение ограничений на совокупные военные потенциалы военно-политических союзов в Европе, что вынудило бы НАТО после приема в свой состав новых членов сократить допустимые для него потолки вооружений в одностороннем порядке.

В качестве дополнительного рычага давления со стороны России можно было на некоторое время сохранить уже заявленную Государственной думой позицию об увязке вопроса о ратификации Договора СНВ-2 с удовлетворительным для России решением вопроса о расширении НАТО.

Отмечалось, что для России неприемлемо превращение вооруженных сил НАТО в основной инструмент европейской структуры безопасности. Для противодействия этому — а такая тенденция со стороны НАТО имела место — рекомендовалось всемерно способствовать оживлению функционирования структуры ОБСЕ. В частности, предлагалось вести линию на то, чтобы придать ОБСЕ региональные (европейские) функции Совета безопасности ООН в решении вопросов урегулирования конфликтов в регионе, а фактически бездействовавшему Центру по предотвращению конфликтов ОБСЕ — функции военно-штабного комитета ООН с правом планирования применения коалиционных группировок вооруженных сил в Европе.

Аналитикам представлялось, что более активное участие России в совместных европейских миротворческих операциях, наряду с участием России в принятии решений по различным аспектам европейской ситуации, также способствовало бы преодолению монополии вооруженных сил НАТО в Европе.

И самое главное — рекомендовалось не исключать возможности вступления России в политическую организацию НАТО. Это, по мнению ученых мужей, открыло бы России более широкие возможности влиять на ситуацию в Европе.

Короче, ответ Кремля на попытки НАТО установить «особые отношения» с Россией в предстоящие годы, включая начало следующего столетия, представлялся позитивным. По мнению кремлевских аналитиков, проявляя в целом готовность к диалогу и сотрудничеству, Россия получила бы возможность действовать в этом направлении неторопливо и взвешенно, используя заинтересованность НАТО в налаживании отношений с Москвой и добиваясь максимального удовлетворения собственных российских интересов.

' А вот как оценивали ситуацию вокруг расширения НАТО и отношение к этому России в западных кругах.

Как отмечал ряд американских конгрессменов, возможность расширения НАТО на Восток «во многом помогла администрации Б. Клинтона убедить страны Восточной Европы увеличить свои расходы на военные нужды». Чехия собиралась в ближайшие три года удвоить военный бюджет. Польша намеревалась это сделать не позднее чем к 2002 году.

Не отставали от них даже такие государства, как Литва и Словения, «хотя у них нет абсолютно никаких шансов быть принятыми в состав НАТО этим летом». Согласно прогнозам комитета по бюджету конгресса США, присоединение в блоку НАТО только лишь Польши, Чехии и Венгрии в течение ближайших 15 лет обойдется в сумму 60 — 125 миллиардов долларов.

Согласно' оценке посла Бельгии в Москве П. Шампенуа, «МИД России уже не может позволить себе отказаться от диалога с НАТО, однако еще не готов к заключению официального соглашения», и выбор момента для переговоров не может определяться только перспективой предстоящей встречи в верхах по вопросу о расширении блока. Российское руководство, которому «внутриполитическая обстановка не позволяет сейчас выдвигать какие-либо встречные инициативы», намерено и в будущем придерживаться, по словам посла, «традиционной конструктивно-выжидательной позиции», оставляющей более широкое поле для маневра, чем официальные переговоры. Бельгийский дипломат считал итоги визита генерального секретаря

НАТО Х. Солана в Москву «позитивными и способствующими укреплению доверия между сторонами, до этого использовавшими угрозу разрыва отношений в качестве основного козыря, применение которого означало бы признание обоюдного поражения».

По мнению ряда высокопоставленных сотрудников штаб-квартиры НАТО в Брюсселе, «Россия должна достаточно спокойно воспринять вступление в НАТО Чехии». Вместе с тем «принятие Польши и Венгрии может вызвать у российского руководства крайне негативную реакцию», поскольку членство этих стран в Североатлантическом альянсе активизирует попытки присоединения к нему Румынии и Украины. Зарубежным экспертам представлялась вполне оправданной и логичной подобная позиция России, отражавшая ее опасения по поводу создания «черноморско-балтийского моста» в результате возможного принятия в НАТО указанных государств.

По оценке ведущих экспертов министерства экономики Голландии, активизация госдепартаментом США действий по расширению Североатлантического альянса «в перспективе способна привести не только к усилению американского военного присутствия в странах Центральной и Восточной Европы, но и к закрытию российского сырьевого рынка». По словам экономистов, Нидерланды заинтересованы в ослаблении экономических позиций США и именно в связи с этим планировали «уделить особое внимание вопросам расширения торговых связей *с* Россией». Голландские эксперты полагали, что основы для подобного сотрудничества уже имелись и «ЕС мог бы стать более эффективной базой для формирования нового политического сообщества».

По прогнозам американских дипломатов в Москве, «утрата традиционного влияния на Балканах одновременно с расширением НАТО на Восток может оказаться серьезным ударом по российской дипломатии». Как полагали американцы, «Кремль изначально считал С. Милошевича и Социалистическую партию Сербии гарантами своих интересов в Югославии, так как в случае прихода к власти ориентированных на Запад представителей оппозиции предполагал усиление анти-российских настроений». Вместе с тем, как считали американские диппредставители, правительство России, «фактически продолжая поддерживать Социалистическую партию Сербии, в последнее время пошло на диалог с лидерами оппозиции» именно для

того, чтобы при любом повороте событий активно участвовать в урегулировании балканского конфликта.

Как отмечал второй секретарь посольства Израиля в Москве Я. Вайнтрауб, переговоры В. Черномырдина и Е. Примакова с министром экономики и торговли Израиля Н. Щаранским свидетельствовали о том, что российское руководство продолжало искать различные пути для укрепления своих позиций в процессе урегулирования ближневосточного кризиса, «в том числе и посредством влияния на бывших соотечественников».

По мнению ряда зарубежных политологов, руководству России следовало использовать оставшееся до совещания в Мадриде время для укрепления отношений со странами Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также с Китаем. Профессор, флорентийского университета Ф. Энарду полагал, что «российский МИД вполне может рассматривать сотрудничество с государствами Востока в качестве противовеса политической и экономической экспансии Запада». Итальянский политолог отмечал, что «расхождение позиций ведущих европейских держав и Турции по вопросам приема последней в ЕС дает России возможность искать точки соприкосновения с Анкарой» по вопросам расширения блока НАТО и снятия эмбарго с Ирака.

Эксперт энергетического центра ЕС в Екатеринбурге Р. Вальтер считал, что «потепление отношений между Москвой и Тегераном грозит подорвать гегемонию США на Ближнем и Среднем Востоке». Недавнее подписание меморандума о сотрудничестве России, Ирана и Туркмении в освоении минеральных ресурсов Каспия эксперт расценивал как укрепление «каспийского нефтепроводного консорциума». Если МИД России убедит правительственные и деловые круги Казахстана и Азербайджана поддержать эту идею, в каспийском регионе возникнет новая политико-экономическая структура, способная противостоять интересам транснациональных нефтяных корпораций.

«Активная позиция России по отмене эмбарго на поставки нефти из Ирака даст возможность Москве одной из первых установить полномасштабное сотрудничество с Багдадом», создав тем самым предпосылки для усиления своей роли в процессе ближневосточного урегулирования, подчеркивал Р. Вальтер. В целом, по его мнению, «успехи российской внешней политики в Азии помогут России создать

дополнительные рычаги для воздействия на Запад» при ведении переговоров по вопросу о расширении НАТО.

Именно в это время американские СМИ начали писать о том, что на Западе складывалось мнение, будто российские ядерные реакторы гражданского и военного Назначения все больше напоминают пороховые бочки с зажженным фитилем. В прессе приводились расчеты зарубежных специалистов, согласно которым Россия располагала столь значительными запасами оружейного плутония и обогащенного урана, что «только подвергшихся радиоактивному загрязнению населенных пунктов, где производилось, складировалось, испытывалось или уничтожалось оружие массового поражения, на территории СНГ насчитывается около трехсот». Наибольшее беспокойство у американцев вызывали реакторы в Красноярске, Томске и Челябинске, аналогичные чернобыльскому, которые были построены тридцать лет назад для производства плутония.

Американская пресса, комментируя факт создания парламентской группы «АнтиНАТО», расценила действия депутатов скорее как «символические, так как Госдума не обладает в России какой-либо реальной властью». По мнению американцев, российские политики, руководствуясь принципом «успех Запада является нашим провалом», сами себя «загнали в угол, резко ограничив Е. Примакова в свободе дипломатического маневра». Вместе *с тем* журналисты считали вполне вероятным, что этот демонстративный акт был осуществлен при согласии МИД России, который таким образом пытался укрепить свои позиции на переговорах с альянсом.

По оценкам Института национальных стратегических исследований США, «вмешательство России в конфликты на территории Грузии и Таджикистана в целом имело позитивный эффект». Вместе с тем эксперт П. Хенце отмечал, что «хотя российское руководство имеет вполне законные экономические и культурные интересы в Среднеазиатском регионе и на Кавказе», на Западе были недовольны продолжением военного присутствия российских войск в Грузии, Армении, Азербайджане и Таджикистане без обеспечения эффективного международного контроля. Представитель ЦРУ Ф. Эрмарт не исключал, что под давлением Турции и Пакистана в миротворческие операции могут быть вовлечены американские военнослужащие.

По прогнозам экспертов министерства обороны и Совета национальной безопасности США ожидалось дальнейшее укрепление российско-китайских отношений, поскольку для КНР сотрудничество с Россией является наиболее простым способом преодолеть эмбарго со стороны западных стран на передовые военные технологии. Как полагали эксперты С. Ким и Р. Косса, «хотя сегодня Пекин и Москва находят общие решения по вопросам борьбы с сепаратизмом и расползанием исламского фундаментализма», вряд ли возможно долгосрочное равноправное партнерство между ними. У ведущих азиатских стран пока нет оснований для активного подключения России к разрешению важнейших региональных проблем, «так как Кремль потерял свое былое влияние даже на КНДР».

По мнению аналитиков Д. Яворски и Ф. Эрмарт, «споры вокруг статуса Крыма и Черноморского флота резко усилили интерес Запада к Украине». Но если в будущих российско-украинских отношениях «акцент переместится на экономические проблемы», Россия будет иметь значительное преимущество. Растущая зависимость Белоруссии, Украины, Молдавии и Казахстана от российских энергоисточников может привести к постепенному возвращению этих государств «в сферу влияния Москвы и превращению их в конечном счете в сельскохозяйственную периферию более динамичной России».

Политико-дипломатическое сражение, развернувшееся между Россией и Западом вокруг проблемы расширения НАТО на Восток, было тем рубежом, с которого, собственно говоря, и началась для Кремля нормальная политика. Именно тогда на первое место остро вышли национальные интересы государства, а не личные симпатии или антипатии руководителей. В ряду первоочередных обязанностей политического руководства любой страны, ее высших органов представительной и исполнительной власти всегда стоит определение и формулирование национальных интересов и приоритетов внутренней и внешней политики государства, непрерывный и всесторонний анализ существующих и потенциальных угроз этим интересам. То есть речь идет о концепции национальной безопасности и определение на ее основе текущих и перспективных задач государства в области геополитики, стратегии и оборонного строительства.

Приближение НАТО к российским границам застало Кремль врасплох. На тот момент в стране отсутствовала концепция ее

безопасности.

Существуют различные предположения относительно того, почему этот важный участок государственного строительства в течение длительного времени оказался бесхозным. Многие объясняют это следствием растянутости переходного периода в становлении нового российского государства, когда ни руководство, ни общество не видели перед собой более-менее четкие ориентиры внутреннего развития, не определили внешнеполитические приоритеты страны и ту роль, которую она намерена играть в мире.

Имеются и другие оценки, согласно которым российское руководство, не будучи уверенным в том, что осуществляемый им курс реформ в его первоначально задуманном виде получит в итоге достаточную поддержку в обществе, считало преждевременным расставлять все точки над «и» в этих вопросах. Есть и более простое объяснение: застой в разработке основ национальной стратегии России обусловлен дефицитом интеллектуального потенциала.

Трудно сказать, как было на самом деле, но отсутствие четких и ясных представлений об общенациональных интересах и идеалах неизбежно вызывает неопределенность в национальной стратегии и формирует предпосылки появления ошибочных подходов к решению постоянно возникающих перед страной сложных геополитических и геостратегических задач.

Все робкие попытки формирования публичной доктрины национальных интересов России, к сожалению, ничем не закончились. Вместо этого президент выступил с предложением выработать некую «национальную идеологию». С точки зрения экспертов, данное предложение — не выход из положения, а лишь суррогат того, что действительно требовалось России.

Четкая, ясная и понятная общественности доктрина национальных интересов должна предшествовать любым конкретным действиям по реформированию государства. Ни «Концепция внешней политики России», разработанная министерством иностранных дел в 1993 году, ни «Закон о национальной безопасности», обсуждавшийся в Государственной думе, адекватными документами в этом смысле не являлись.

Первый из них явно устарел, поскольку был составлен в совершенно иной международно-политической ситуации, к тому же в

достаточно расплывчатых тонах, а второй излишне политизирован депутатами от КПРФ. К сожалению, даже президентские выборы 1996 года не привели к подвижкам в осознании необходимости концепции национальных интересов. А без нее любые конкретные действия будут восприниматься в обществе с непониманием или недоумением, что в итоге приведет к апатии или дезориентации умов.

Страна нуждалась в своей шкале национальных приоритетов, фиксирующей принципы международной деятельности, ее отношения с партнерами, вхождения в альянсы, участия в союзах и т. д.

Стратегические интересы России объективно не могут замыкаться в пределах ее национальных границ. Несмотря на кризис, она имеет практически все предпосылки и основания для того, чтобы остаться одним из влиятельнейших государств мира. Должна ли она стремиться отстоять свое право на роль державы мирового уровня, принадлежавшую ей на протяжении столетий?

В России есть силы, подталкивающие ее к отказу от такой роли. Стремление другой части политической элиты восстановить и укрепить статус России как мировой державы не совпадает с интересами ведущих стран. Кому хочется иметь на востоке мощного экономического соперника, к тому же сильного в военном отношении? Именно последнее является главным мотивом в усилиях Запада по продвижению военно-политического блока НАТО на Восток.

Из досье о Североатлантическом союзе и его вооруженных силах.

Североатлантический союз (НА ТО) — основная военно-политическая коалиция европейских государств: Великобритания, ФРГ, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Исландия, Италия, Греция, Португалия, Испания, Турция, США и Канада создан 4 апреля 1949 года с целью «объединить усилия стран-участниц для коллективной обороны и сохранения мира и безопасности».

Зона действия НАТО охватывает территории Северной Америки, европейских стран — участниц союза, Турции, а также акватории Средиземного моря и Атлантического океана с общей площадью

сухопутной территории более 22,8 квадратных километров и населением около 710 миллионов человек.

В интересах достижения целей договора в НАТО созданы крупные вооруженные силы и постоянно действующие руководящие центральные и периферийные органы, оказывающие существенное влияние на формирование внешней и внутренней политики стран — участниц альянса.

Основная часть вооруженных сил блока развернута в Европе (по натовской терминологии — Европейский театр войны) и на Атлантике (Атлантический театр войны) и по состоянию на 1997 год насчитывали свыше 2,7 миллионов человек личного состава (в том числе в Европе — 2,4 миллиона человек), дивизий — 48, отдельных бригад — 105, средств доставки ядерного оружия (без учета стратегических) — свыше 1070, танков — более 15400, орудий, минометов около 24800, боевых самолетов ВВС и ВМС — свыше 5600, боевых кораблей — 843.

Стратегические ядерные силы стран НАТО являются основным средством ведения всеобщей ядерной войны. Они состоят из стратегических наступательных сил США, стратегических ядерных сил Великобритании и Франции и постоянно находятся в национальном подчинении.

В боевом составе стратегических наступательных сил США находятся: межконтинентальных баллистических ракет — 580, ПЛ АРБ — 20, самолетов бомбардировочной стратегической авиации ВВС — 201.

В состав стратегических ядерных сил Великобритании входят 2 ПЛАРБ (типа «Вэнгард»), на каждой 16 ракет «Трайдент-2» (всего 32).

Французские силы представлены 5 ПЛАРБ (типа «Энфлексибль» — 4, «Триумфан» — 1) с 80 ракетами М-4С, М-45, а также баллистическими ракетами наземного базирования С-3 (16 единиц).

Ядерные силы на театре войны в Европейском и Ат*лантическом (океанском) стратегических районах включают части и подразделения оперативно-тактических ракет, атомной артиллерии, самолетов-носителей тактической авиации и военно-морских сил. В своем составе они насчитывают свыше 1070 средств доставки (из них в Европе — более 850), в том числе 856 самолетов-*

носителей ВВС и ВМС (в Европе — около 650), 15 ПУ оперативно-тактических ракет и 210 орудий атомной артиллерии.

***Силы общего назначения** являются наиболее многочисленным по составу компонентом объединенных вооруженных сил НАТО и включают сухопутные войска, ВВС и ВМС.*

***Сухопутные войска и морская пехота НА ТО в Ев**ропейском и Атлантическом океанском стратегических районах насчитывают: ПА — 5, А К - 26, дивизий — 48, отдельных бригад — 105, свыше 15400 боевых танков, около 24800 орудий ПА, РСЗО и минометов. Укомплектованность 46 процентов количества дивизий и 33 процентов отдельных бригад составляет по личному составу — не менее 65 процентов, технике — 100 процентов, что обеспечивает им 2-8- суточную готовность к выполнению боевых задач.*

*В составе **ВВС** имеется около 4800 боевых самолетов, из них 585 самолетов «двойного» назначения, способных нести ядерное оружие и около 1400 боевых самолетов резерва, а также 1208 ПУ ЗУР.*

***Военно-морские силы НА ТО в** Европейском и Атлантическом океанском стратегических районах насчитывают в своем составе 843 боевых корабля (в том числе в Европе — 570), из них авианосцев —11 (4), ПЛ АРБ — 17, надводных кораблей различных классов —661(474), подводных лодок (без ПЛ АРБ) — 151(92), боевых самолетов — 807 (63).*

За последние годы в Европе произошли крупнейшие изменения в геополитической и военно-стратегической обстановке. Распущена Организация Варшавского Договора, распался Советский Союз, дезинтегрировано единое стратегическое оборонное пространство стран Восточной Европы, реализованы международные договоры в области стратегических и обычных вооружений и вооруженных сил, появилась ОБСЕ. Нет исторической и практической необходимости в дальнейшем существовании блока НАТО в его нынешних параметрах и предназначении. В сложившейся геостратегической ситуации в Европе планы расширения этого блока на Восток не могут рассматриваться Россией иначе, как в качестве потенциальной угрозы ее интересам и безопасности.

Геостратегическим интересам России в Европе отвечала бы такая ситуация, когда между западной границей России и восточной границей зоны ответственности НАТО сохранялась бы стратегическая буферная

Зона (страны Восточной Европы и ближнего зарубежья) пониженного военного противостояния и активности. Помимо того, что такая ситуация способствовала бы повышению доверия между Россией и странами НАТО, она предоставляла бы российской стороне больше гарантий безопасности, нежели в условиях отсутствия такой зоны, постоянно снижала бы опасность неспровоцированных обострений военно-политической обстановки из-за всякого рода случайностей.

Между тем планы расширения НАТО на Восток, присоединение ненатовских государств Европы к программе НАТО «Партнерство ради мира» и все более активное политическое и военное вмешательство Североатлантического союза в решение кризисных ситуаций в регионах и странах, находившихся вне зоны ответственности блока, вели дело к тому, что НАТО рано или поздно поглотит эту буферную зону и приблизится вплотную к западным границам Российской Федерации.

Что бы ни говорили идеологи НАТО и некоторые российские политики о «стабилизирующей» и «конструктивной» роли этого военно-политического блока в Европе и мире, трезвым политикам и военным профессионалам было ясно, что за всеми этими успокаивавшими заявлениями скрывалось реальное стремление Запада расширением границ блока на Восток закрепить свои неожиданно крупные геостратегические приобретения в Европе и указать этим России на то, что ее геостратегические интересы заканчиваются на ее западной границе.

Национальным интересам России на европейском направлении отвечало бы выравнивание возникшего в последние годы перекоса в пользу Запада геостратегического баланса сил на континенте при том условии, что уровень этого баланса определялся бы исходя из принципов разумной достаточности и стратегической стабильности, а также с учетом происшедших за последние годы геополитических изменений в Европе.

В этом контексте, отмечали независимые военные аналитики, вызывали определенные сомнения справедливость по отношению к России ряда положений Договора об обычных вооруженных силах в Европе, заключенного во времена СССР, когда геополитическая и геостратегическая ситуация в Европе была совершенно другой, чем во времена Ельцина. Нельзя было не видеть, что под стремлением обеспечить полное и безусловное выполнение договора западные

партнеры добивались, по существу, одностороннего разоружения России.

Российские геостратегические интересы на европейском направлении предполагали наличие у России и ее Вооруженных сил достаточного геостратегического пространства, позволявшего с удовлетворительной степенью надежности обеспечить военную безопасность страны в различных кризисных ситуациях. Такого пространства у России фактически нет.

В связи с этим Россия должна быть заинтересована в сохранении и, по возможности, усилении своего военного присутствия на Черном и Балтийском морях, обеспечении высокой боеспособности и боеготовности группировки своих войск на территории Калининградской области, сохранении в своих руках рычагов военного воздействия на обстановку в зонах существовавшей и потенциальной нестабильности на постсоветском пространстве, например, в Приднестровье, создании в рамках СНГ на западном направлении объединенной системы ПВО, радиоэлектронного контроля и разведки, получении возможности использовать на договорных или других условиях объекты военной инфраструктуры на территориях Белоруссии, Украины и Молдовы.

Жизненным экономическим интересам России на европейском направлении отвечало выравнивание внешнеторгового баланса между Россией и европейскими государствами, постепенное свертывание невыгодных и губительных для национальной экономики и финансовой системы страны форм сотрудничества, замедление, а затем и полное прекращение сползания российской экономики на позиции сырьевого придатка Европы.

Исключительно важной и острой для России, по мнению аналитиков московского Центра стратегического развития, являлась проблема «окна в Европу». После распада СССР Россия оказалась отрезанной от Европы поясом новых независимых государств, через территории которых в основном пролегали главные наземные экспортно-импортные пути, связывавшие российский и европейский рынки.

Через эти территории проходили бывшие советские нефте- и газопроводы, по которым и после распада СССР шли в Европу российские нефть и газ. Большинство западных торговых морских

портов СССР также оказались в других странах. Россия несла значительные расходы по выплатам за использование всей этой инфраструктуры. Наносился значительный прямой ущерб ее экспорту и импорту при прохождении товаров, грузов и энергоносителей по территории других государств. Некоторые страны, особенно балтийские, использовали сложившуюся ситуацию с большой выгодой для своей экономики, по существу, спекулируя и паразитируя на российских транзитных проблемах.

Проблема «окна в Европу» выдвигала перед Россией задачу поиска альтернативных или дополнительных путей выхода в Европу. В связи с этим предлагалось наращивать возможности российских портов на Балтийском и Черном морях, шире использовать морские пути в обход Северной Европы и, возможно, проложить в направлении Западной Европы дополнительные нефте- и газопроводы на севере и юге, минуя страны ближнего зарубежья. Безусловно, важным в этом отношении шагом явилась бы реализация союза между Белоруссией и Россией.

Ученые и специалисты, которые были' искренне обеспокоены судьбой своей страны, разрабатывали предложения, направленные на обеспечение ее экономической независимости от развитых европейских государств. Центр стратегического развития подчеркивал: безопасность России и интересы ее собственного развития требовали, чтобы страна не заходила слишком далеко в увязывании своих экономических перспектив с объемом российских сырьевых поставок в Европу. По их мнению, интересам России отвечал бы приток европейских инвестиций в ее экономику. И в первую очередь, в ее наиболее технологичные отрасли, дающие конечную продукцию. Решение этих проблем должно осуществляться таким образом, чтобы не осложнять взаимоотношений России с европейскими государствами и финансовыми институтами в вопросах выплаты российских долгов.

В подготовке предложений по содержанию концепции и стратегии национальной безопасности превалировали в основном две точки зрения. Одна часть научно-аналитических центров, основываясь на изучении международных отношений последних лет, исходила из того, что окружающий мир — это мир силового партнерства и силовой конкуренции. Приводилось немало доказательств того, что в современных международных отношениях огромную роль играли

принципы учета силового баланса и возможности силового взаимодействия.

Другая часть политологов-международников, наоборот, весьма скептически относилась к внешним угрозам, полагая, что готовность остального мира принять новую Россию в свои структуры распространится до уступок ведущими государствами своих сфер влияния зонам российских геополитических интересов.

Вопрос стоял так: или Россия четко выражает приоритеты своих политических, экономических и военно-стратегических интересов в мире или отказывается от подобных претензий в силу желания стать «частью цивилизованного мира», то есть государством, готовым идти в фарватере политики ведущих западных держав.

При кажущейся безмятежной жизни в Европе и внешнем согласии «цивилизованного мира» наблюдательные аналитики видели глубокие противоречия, раздиравшие стан союзников. Шло перераспределение сфер политического влияния, передела зон национально-государственных интересов между США и западноевропейскими государствами. После ликвидации жесткого межблокового противостояния в Центральной Европе Вашингтон стремился навязать европейцам новые формы взаимозависимости и стратегического партнерства, сохранив свое военное присутствие на неопределенно длительный период времени: Однако в европейских делах все более значимую роль начинала играть объединенная Германия. По-прежнему была весьма активна Франция, стремившаяся не только сохранить, но и усилить свое влияние на континенте. На ряде направлений можно было видеть несовпадение интересов США и их европейских союзников.

Сама Европа в последние годы столкнулась с некоторыми острыми проблемами политического, идеологического и межэтнического характера, которые создавали определенные угрозы европейской стабильности и привычному комфорту. Это в первую очередь накрывшая ряд стран волна националистического и религиозного экстремизма, оживление в некоторых европейских «углах» сепаратизма. На спокойной до недавнего времени территории Европы, и в первую очередь на Балканах, появились очаги вооруженного противостояния и военных конфликтов, вносивших порой весьма существенные коррективы в общую военнополитическую ситуацию на континенте.

Новым и весьма значимым геополитическим фактором стало образование на постсоветском пространстве ряда независимых государств, которые в интересах собственного самоутверждения и выживания все сильнее и определеннее ориентировались на Запад, не забывая при этом выпрашивать у России льготы и привилегии в использовании российских энергоресурсов, получении кредитов, отсрочке выплаты долгов.

Куда плыть? К какому берегу пристать? Время деидеологизированных отношений России с ведущими государствами мира кончалось. Было видно невооруженным взглядом, что во внешнеэкономическом плане она все больше превращалась в сырьевой придаток развитых стран, рынок сбыта для их второсортных товаров. Москва шаг за шагом уступала свои внешние и внутренние рынки иностранным производителям.

Продолжавшиеся процессы углубления европейской экономической интеграции создавали ряд препятствий на пути к равноправному партнерству России с остальной Европой. Роль ОБСЕ, несмотря на все попытки Москвы придать ей доминирующее влияние, постепенно снижалась и уходила в тень НАТО. В планы США и их союзников по Североатлантическому альянсу не входило снижение уровня американского присутствия в Европе, а если учитывать активное сближение стран Восточной Европы, Балтии и ряда стран СНГ с Соединенными Штатами, в том числе и по военной линии, то влияние этого крупнейшего государства в мире в зоне российских жизненно важных интересов возрастало. И это в то время, когда Россия не вела поиска союзников на двусторонней основе.

Уже упоминавшийся в этой главе Центр стратегического развития классифицировал внешние источники военной опасности для России следующим образом.

По мнению аналитиков центра, общий характер внешней военной опасности состоял в стремлении ряда государств и союзов стран удовлетворить за счет России свои национально-государственные интересы, используя для этого все возможные средства и способы достижения цели.

Наибольшую опасность для России извне представляли государства, располагавшие значительным потенциалом стратегических ядерных вооружений. и средств их доставки. Военно-

политическим союзом, объединяющим эти государства, является блок НАТО. Ни для кого не было секретом его стремление расширить свой состав за счет восточноевропейских государств и приблизить зоны своего непосредственного военного влияния к границам России, начать возведение новых рубежей на пути «российской угрозы».

Наращивание стратегического военно-политического дисбаланса в Европе в пользу НАТО, его расширение объективно вызывало рост антироссийских настроений как в бывших социалистических странах, так и во всем Европейском сообществе. Этому способствовала пропагандистская кампания «спасения Европы от новой угрозы со стороны России».

По крайней мере, два негативных последствия вытекали отсюда. С одной стороны, снижение достигнутого уровня экономических отношений России с Западом, с другой — нарастание антизападных настроений в российском обществе, что могло положить начало новому похолоданию военно-политического климата в Европе и изоляции России от общеевропейских процессов.

Среди ведущих мировых держав только США обладали военной возможностью самостоятельно уничтожить Российскую Федерацию. Роль Соединенных Штатов в НАТО в ближайшей перспективе не должна уменьшиться. Наоборот, влияние американской политики и экономики возрастало в Австрии, Швеции, Финляндии и в других нейтральных европейских странах.

Принимая во внимание место США в системе европейской безопасности, нельзя было не заметить наступательную тенденцию продвижения декларированных американскими властями зон жизненно важных интересов Соединенных Штатов к границам России: на северо-западе — от Норвежского и Северного морей в Баренцево и Балтийское моря, на юге и юго-западе — американцы открыто настаивали о наличии своих интересов, помимо Персидского залива, в Каспийском и Черном морях. Эти интересы, как правило, разносторонние, включающие и оборонные вопросы.

Анализ взглядов высшего командного состава вооруженных сил США показал, что по-прежнему главным вероятным противником в их представлениях являлась Россия. Американская позиция в оборонной политике прямолинейно изложена в «Директивах в области обороны на 1994–1998 гг.»: «…не допускать появления на территории бывшего

Советского Союза… нового соперника, представляющего угрозу, аналогичную той, что исходила из СССР».

По мнению ряда российских аналитиков, политика США, проводимая под аккомпанемент миролюбивых лозунгов, но односторонне ориентированная лишь на реализацию собственных государственных интересов, без учета позиций других стран, должна вызывать достаточно высокой степени обеспокоенность со стороны России, поскольку существует реальная возможность обострения экономических и политических отношений между нашими странами уже на рубеже третьего тысячелетия.

По имевшимся данным, так называемое разведывательное сообщество США, включающее в себя ЦРУ, Разведывательное управление министерства обороны (РУМО), Агентство национальной безопасности (АНБ), соответствующий отдел госдепартамента и другие ведомства, число которых колеблется около 20, продолжало разработку скоординированной стратегии действий в отношении России по меньшей мере до 2005 года.

В основе оценок ряда экспертов по России лежат выводы о том, что события в стране накануне нового тысячелетия сопряжены с фундаментальными переменами всей геополитической ситуации в мире, требующими от США адекватного реагирования.

Несмотря на бытовавшее у непрофессионалов мнение о том, что Россия не представляет больше опасности для США, американские аналитики склонны к совершенно иным оценкам. Они исходили из того, что проблемы для Вашингтона оставались и даже обострялись, приобретая новый поворот.

В их числе назывались нестабильность и хрупкость реформ в России и в бывшем Советском Союзе в целом; ожидаемый взлет Китая в разряд сверхдержав не только по численности населения, но и по экономической и военной мощи; опасность распространения ядерного, химического и биологического оружия, создания баллистических ракет их доставки более чем в 20 странах; вероятность перевооружения Ирана и Ирака; возможность конфликта с использованием современных средств войны между Индией и Пакистаном; неурегулированность отношений на пространстве бывшей Югославии; ядерные программы в Северной Корее; международный терроризм, распространение наркотиков и другие проявления организованной преступности. Россия,

по мнению американцев, по-прежнему имеет отношение ко всем этим проблемам.

Зачастую цитируется высказывание бывшего директора ЦРУ Р. Гейтса в конгрессе США о том, что «конец тысячелетней российской и советской империи, конец десятилетий борьбы сверхдержав и «холодной войны» — это катаклизмы истории, и думать, что Россия спокойно покинет мировую арену, не беспокоя больше нас, значит, быть предельно наивным».

В этой связи многие заинтересованные американские ведомства рекомендовали Б. Клинтону учитывать происходившие в мире перемены. Постоянно совершенствовать разведывательное сообщество США, регулярно переоценивать приоритетную тематику сбора информации, однако делать это крайне осторожно и гибко, чтобы не растерять потенциал страны в сфере сбора и анализа данных.

В отношении СНГ высказывались мнения — о том, что это регион особого беспокойства с точки зрения развития внутриполитической и экономической обстановки, распространения обычного оружия и контроля за ядерными вооружениями. Отслеживанию подлежали также финансовые, производственные и торговые проблемы во взаимоотношениях с зарубежными странами, возможность создания высоких технологий, которые негативно могли сказаться на интересах США.

Что касается внутриполитической обстановки в России, то американские аналитики указывали на недостаточную степень управляемости страны и преувеличенную степень реального влияния Б. Ельцина. Они ссылались на опыт М. Горбачева, вольно или невольно открывшего дорогу силам, которые он оказался не в состоянии контролировать. Коммунизм расценивался в США как отмиравшая государственная идеология, однако носители его идей в России и других республиках СНГ представлялись американцам потенциально опасными с точки зрения выражения интересов недовольных ходом и результатами реформ широких масс населения, что чревато возвратом к авторитаризму.

В прогнозах геополитического положения и будущего России обращало на себя внимание мнение бывшего помощника президента США по национальной безопасности, известного советолога З. Бжезинского. Он полагает, что Россия в ущерб интересам США станет

в большей степени, чем при министре иностранных дел А. Козыреве, ориентироваться на Европу, в частности на Германию и Францию, а также пытаться вести самостоятельную игру с Китаем, Японией, Ираном, странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока.

Противовесом идеям возрождения «имперских» амбиций России, на взгляд З. Бжезинского, может послужить дальнейшая дезинтеграция Евразии: укрепление суверенной Украины, поддержка Соединенными Штатами «таких стратегически важных государств, как Азербайджан и Узбекистан», содействие превращению самой России в рыхлую конфедерацию европейской части, «Сибирской» и «Дальневосточной» республик. Под предлогом того, что «децентрализованная политическая система и экономика свободного рынка» позволили бы дезинтегрированным осколкам бывшего Советского Союза «легче поддерживать тесные связи со своими соседями» и «включиться в систему трансконтинентального сотрудничества», планировалось побудить Россию оставить «тщетные усилия по возвращений) себе статуса мировой державы».

В США обращали внимание на то, что в 1997 году различные политические силы в России, независимо от идеологической ориентации, заметно активизировали дискуссии о «национальной идее».

Эта тема стала публичным «коньком» оппозиции, выступавшей с державных позиций, в то время как президентские и правительственные структуры данную проблему оставляли на втором плане, всячески подчеркивая лишь отсутствие внешних угроз, а также фактор необходимости и необратимости реформ.

Теперь представители «партии власти», отмечало разведывательное сообщество США, включая даже прозападно настроенных А. Чубайса и Б. Немцова, все чаще говорили о приоритете национальных интересов, но государственная концепция в этом плане не разработана.

Цели дискуссии в России, к которой американцы с позиций своей силы относились достаточно хладнокровно, по их мнению, состояла прежде всего в том, чтобы выполнить «социальный заказ» президента Б. Ельцина в расчете благоприятно повлиять на широкие слои населения; перехватить инициативу у оппозиции и снять критику в

отношении «антинародности режима»; восполнить идейный вакуум и предотвратить раскол нации. Обсуждением данной проблемы, помимо государственного аппарата, активно занимались различные институты, общественные центры и аналитические группы финансово-промышленных структур России. Степень своего влияния на большинство из них американцы расценивали как высокую.

В концептуальных вопросах развития России, определяющих национальные ценности, стратегические ориентиры и жизненно важные интересы, разброс мнений весьма широк. Взаимоисключающие подходы не позволяют добиться общественного примирения в определении шкалы приоритетов и разработке программ действий. Соединить патриотическую, государственническую идею с идеей личного успеха сложно в условиях ослабления власти, экономического кризиса и недовольства населения результатами реформ.

Противостояние в стране носило острый характер. Главным моментом, перевешивавшим стремление политических сил и социальных слоев перебороть и отбросить друг друга, был страх перед всеобщим хаосом. В то же время перспектива консолидации интересов основных политических групп России только на этой основе не просматривалась, что ослабляла экономический, военный, интеграционный и внешнеполитический потенциал страны.

В лучшем для себя случае Россия, отмечали аналитики ЦРУ, которой был навязан «шоковый» путь реформ, практиковавшийся в странах «третьего мира», может рассчитывать на маневрирование — развивать отношения с Западом, играть на противоречиях между США, Европой и Японией, вести более самостоятельную игру на азиатском и ближневосточном направлениях.

В Вашингтоне исходили из того, что финансово-экономических рычагов воздействия, не говоря уже о внушительном военном перевесе и числе союзников, достаточно, чтобы приостановить «имперские амбиции России на постсоветском пространстве» и возрождение ее великодержавного статуса.

То же касается и европейских государств. При всей заинтересованности в добрососедских отношениях ни одно из них не горело желанием видеть в России могучего соперника.

Сотрудничество с Россией использовалось Европой в первую очередь в интересах реализации собственных геополитических и

экономических претензий. Содействуя российской стороне в проведении экономических реформ и осуществлении демократических преобразований, Европейское сообщество стремится предотвратить реставрацию в России идеологически противостоящего режима и возобновление противоборства на идеологической основе. В то же время европейцы не заинтересованы в росте экономической конкурентноспособности российского государства и усилении ее политического влияния как на постсоветском пространстве, так и в Европе.

Рассматривая Россию как партнера в вопросах создания европейской системы безопасности, Запад старается поставить ее в общий ряд малых государств и снизить российское влияние на ход политических процессов. Поскольку Российская Федерация представляется европейцам одним из основных источников угроз и рисков на континенте, одновременно предпринимаются шаги для создания политических и иных механизмов и преград в целях предотвращения перелива политической и экономической нестабильности из России в Европейское сообщество, что объективно способствует изоляции российского общества от Европы.

Кроме того, предупреждали аналитики, необходимо учитывать и интересы отдельных европейских государств, способные самостоятельно проявиться в противодействии с Россией или сыграть провоцирующую роль в российских отношениях с военно-политическими структурами Европы.

Если, к примеру, в настоящее время Германия на официальном уровне не предъявляет претензий на Калининградскую область, а пытается лишь экономически и этнически проникнуть в нее, то в будущем нельзя исключить других форм и способов воздействия на этот российский анклав, направленных на Нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Из этого следует, что не только ядерные, но и возрожденные безъядерные державы могут проявить стремление восстановить «историческую справедливость» нажимными методами. Если военное могущество России будет падать такими же темпами, то перерастание потенциальной военной опасности в реальную угрозу долго ждать не придется.

Затянувшийся процесс реформирования оборонной сферы, и прежде всего ее вооруженных сил поставил страну в положение слабой

в военном отношении державы. Если бы не ядерное оружие, которым она располагает, ее военно-стратегическое положение было бы сведено к нулю.

Почти все зарубежные эксперты обратили внимание на то, что в широко разрекламированном в 1997 году документе «Семь главных дел правительства России» не было заявлено о военной реформе, которая являлась важнейшей задачей всего государства. В ее решении должно участвовать и быть заинтересовано большое количество министерств и ведомств, все общество. Не было положений о реформировании силовых ведомств и в принятом правительством «Комплексном плане действий по реализации в 1997 году Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию», в котором имелся целый раздел № 6 «К активной внешней политике и эффективной военной реформе».

И это уже насторожило. Почему в двух важнейших документах последнего времени правительство не упомянуло о военной реформе? Случайностью это не могло быть, считали наблюдатели. Возникал вопрос: «Кто должен реализовывать раздел из послания президента по военной реформе? Или правительство не представляло важности этой проблемы для модернизации российского государства и опасности дальнейшего затягивания ее решения?»

Одной из причин такого положения было нечеткое разделение многими российскими политиками понятий «военная реформа» и «реформа вооруженных сил». И не всем в правительстве было ясно, что если в реформировании армии министерство обороны, особенно когда это гражданское ведомство, еще способно выполнить определенные мероприятия, то в комплексе задач военного реформирования его роль должна быть строго ограничена. И наоборот, основным разработчиком военной реформы и указаний президента — Верховного главнокомандующего — по ее проведению должно быть правительство. Только оно способно контролировать весь перечень проблем экономического, политического, социального, экологического, юридического, национального и, наконец, военного характера, относящихся к сфере военного реформирования, которое должно охватить кроме вооруженных сил и других силовых структур экономику, науку, образование, инфраструктуру и т. д.

Из всех силовых структур в 1997 году самая угрожающая ситуация сложилась в Вооруженных силах. Воинские части и соединения

российской армии, за исключением Ракетных войск стратегического назначения, ядерного компонента Военно-морского флота и воздушно-десантных войск, практически были небоеготовы и неспособны к ведению боевых действий даже в обороне. Российские Вооруженные силы в своей оргштатной структуре не отвечали требованиям времени и задачам обеспечения военной безопасности страны.

Сохранялся высокий уровень неукомплектованности частей и подразделений Вооруженных сил. С момента образования ВС РФ — с мая 1992 года и по 1997 год укомплектованность армии и флота солдатами (матросами) и сержантами (старшинами) колебалась от 55 до 65 процентов. Боевые надводные и подводные корабли ВМФ, в частности, на Северном флоте, были обеспечены специалистами менее чем на 85 процентов, поэтому на кораблях несли лишь двухсменную, вместо трехсменной, четырехчасовую вахту. В связи с этим автономность плавания сократилась до 8 —10 суток, что в три-четыре раза ниже нормы. В таком же положении были войска ПВО, ВВС.

Одной из причин сложившегося тяжелого положения был постоянно понижавшийся уровень количества призывников. Если в 1989 году юноши призывного возраста, состоявшие на воинском учете в РФ, составляли 52,1 процента, в 1992 году — 29,7 процента, то на 1 января 1997 года этот показатель составил лишь 19,7 процента. Не подлежали призыву на законном основании более 80 процентов юношей призывного возраста, основную массу которых составляли освобожденные или имевшие отсрочку от призыва на военную службу по состоянию здоровья — 19,2 процента, а также на время их учебы в высших учебных заведениях — 41,2 процента.

Определенное влияние на состояние боеготовности, дисциплины в Вооруженных силах оказывал низкий уровень общеобразовательной подготовки граждан, поступавших в войска. С каждым призывом увеличивалось количество нигде до этого не работавших и не учившихся. В осеннем призыве 1996 года таких насчитывалось 23 процента. Немало среди призывников осени 1996 года было лиц, имевших судимость — 6 процентов, состоявших на учете в милиции за правонарушения — до 8 процентов, регулярно употреблявших спиртные напитки — 12 процентов, пробовавших наркотики — около 8 процентов.

Росло число уклонявшихся от призыва на военную службу. Если в 1985 году таких было 433 человека, то осенью 1996 года — около 30 тысяч. Формальный подход к подбору призывников военно-врачебных комиссий способствовал попаданию в ряды вооруженных сил больных и неспособных носить оружие. В 1996 году 8440 человек были уволены из армии после трех месяцев службы как абсолютно к ней непригодные. 36 процентов среди них были с психическими расстройствами, 27 процентов имели хирургические заболевания, 8,4 процента — болезни нервной системы, 5,2 процента — слабое зрение, а 11,1 процента страдали энурезом.

Из-за недостатка у государства необходимых финансовых средств ближайшей перспективы не имело комплектование вооруженных сил по контракту. Отсутствие внимания властей к военным проблемам, нерешенность социально-экономических и бытовых проблем являлись причиной роста в вооруженных силах и других войсках количества чрезвычайных происшествий, гибели, травматизма и самоубийств военнослужащих.

В армий и на флоте в 1996 году из более чем двух тысяч человек общих потерь 10,7 процента военнослужащих погибли от умышленных убийств, 7 процентов — в результате несчастных случаев, 17,6 процента погибли в результате аварий автобронетанковой техники, 21,6 процента военнослужащих стали жертвами различных нарушений требований безопасности. Самое большое количество погибших при исполнении служебных обязанностей (почти одна треть) и среди погибших во внеслужебное время (почти четверть) — самоубийцы.

Всего же в 1996 году добровольно расстались с жизнью 526 военнослужащих, в том числе 153 офицера и прапорщика. Самоубийцы с психическими отклонениями среди них составляли только 5–8 процентов. Эта тенденция нарастала в 1997 году. Главная причина — отсутствие средств прокормить семью.

Не обошла силовые структуры и такая болезнь российского общества, как преступность. В 1997 году около 3,5 тысячи военнослужащих различных силовых ведомств (из них 1791 военнослужащий ВС РФ) отбывали наказание в дисциплинарных батальонах. В сферу преступной деятельности все более втягивались офицеры и прапорщики. По данным Главной военной прокуратуры, у

нее в производстве находились уголовные дела на 17 российских генералов.

Задержки с выплатами денежного содержания по-прежнему составляли три-четыре месяца.

Не находила своего разрешения острейшая социальная проблема — жилищная. В Вооруженных силах насчитывалось более 146 тысяч семей, нуждавшихся в обеспечении жилой площадью, в том числе почти 100 тысяч — бесквартирных. Кроме того, из закрытых военных городков подлежали переселению с занимаемых служебных площадей 81,6 тысяч семей граждан, утративших связь с министерством обороны. По данным Госкомстата России, на начало 1997 года 158,8 тысячи семей военнослужащих, уволенных из вооруженных сил, ожидали получения жилья по выбранному месту жительства. Особой остротой отличалась ситуация с обустройством в Северо-Кавказском регионе выведенных из Чечни российских военных частей. Сокращение численности вооруженных сил в рамках реформирования еще более обострит проблему обеспечения жильем бесквартирных военнослужащих.

Планировавшаяся правительством реформа социальной сферы должна была затронуть и социальные гарантии военнослужащих, сократив или урезав имевшиеся льготы. Офицеры в открытую обсуждали свои действия в данной ситуации. Масла в огонь подливали подметные письма и агитки, которые распространялись в воинских частях, Министерстве обороны и Генеральном штабе. Набирала силу идея созыва всеармейского офицерского собрания, на котором предполагалось предъявить правительству экономические и политические требования.

Армия, испытывавшая финансовые проблемы и большой некомплект личного состава срочной службы, катастрофически теряла свою боеспособность и становилась опасной для общества. Офицеры-летчики горько шутили: это хорошо, что нет керосина для штурмовиков, а то какая-нибудь отчаянная голова долетела бы до Кремля — рассказать, что происходит в войсках.

Неспособность государства содержать силовые структуры и всю инфраструктуру национальной безопасности на надлежащем уровне, их несоответствие современным задачам, изменившаяся геополитическая обстановка настоятельно требовала проведения в России военной

реформы, составной частью которой должно стать реформирование вооруженных сил.

Первые реальные шаги в этом направлении были сделаны руководством страны в конце мая — июне 1997 года. При Совете обороны появились две новые комиссии. Одну из них — по военному строительству — возглавил премьер-министр В. Черномырдин, вторую — по финансовому и экономическому обеспечению военной реформы — возглавил первый вице-премьер А. Чубайс.

Однако функции этих комиссий создали своеобразный «реформенный котлован», в который попадали не только непосредственно вооруженные силы, но и все силовые структуры, в том числе МВД и Федеральная пограничная служба. Возникал вопрос об отсутствии единого руководства: как можно строить армию, не определив, сколько выделено средств, и наоборот — как определять размеры ассигнований, не имея планов строительства! Эксперты считали, что было бы целесообразнее иметь одну комиссию с двумя рабочими группами и под общим управлением.

В ходе встречи 9 июня с президентом страны новый министр обороны И. Сергеев представил предложения по «первому этапу реформы Вооруженных сил РФ», согласно которым предполагалось существенно изменить организационно-штатную структуру вооруженных сил и сократить их количественно.

В соответствии с предложениями, реорганизованные вооруженные силы будут иметь трехвидовую структуру вместо тогдашней пятивидовой: Силы общего назначения, Силы ядерного сдерживания и Силы воздушной обороны. Предполагалось, что постреформенные ВС России к 2005 году будут насчитывать около 850 тысяч человек с промежуточной цифрой сокращения с тогдашних 1 миллиона 700 тысяч человек до 1 миллиона 200 тысяч к 2001 году.

В предлагавшемся И. Сергеевым варианте структуры ВС главкомы ВВС, ПВО и ВМФ могли лишиться своих должностей. В связи с этим группой высокопоставленных генералов проталкивалась другая идея. Соглашаясь на трехвидовую структуру, они предлагали создать виды вооруженных сил с разделением по принципу суша — море — воздух. Открытым сторонником такого варианта являлся главком ВВС П. Дейнекин.

Брожение идей и вариантов свидетельствовало о наличии противостояния отдельных групп в высшем руководстве вооруженных сил, связанного с незавершенностью концепции строительства ВС, отсутствием гласности в ее разработке. Подтверждением тому было явно запоздалое намерение министра обороны и начальника Генштаба заслушать главкомов всех видов и родов войск с целью получения объективных сведений о перспективах реформирования ВС.

Борьба сторонников различных вариантов реформирования армии, развернувшаяся в Минобороны и Генштабе, отсутствие обнародованной концепции строительства ВС, ее экономического обоснования, явное нежелание государственного руководства предавать огласке конкретные механизмы реформирования силовых структур оценивались наблюдателями и всеми заинтересованными лицами как свидетельство того, что ни у расколовшегося генералитета, ни в Кремле, ни на Старой площади не было предельно четко сформулированной концепции первого этапа реформ, ни хотя бы относительного взаимопонимания, как реформировать армию, а в более широком плане — как проводить военную реформу.

Предпринимавшиеся попытки «перестройки» силовых ведомств — просочившиеся в печать сведения об изменениях в Федеральной службе безопасности РФ — носили некоординированный характер, не были подчинены единой идеологии, пробивались кулуарными методами, иногда в ущерб другим спецслужбам и решению задач национальной безопасности в целом. Единого правительственного органа — штаба подготовки и проведения военной реформы не создано, как не было и гражданского контроля над силовыми структурами, о котором столько много говорилось.

Появившиеся в средствах массовой информации компрометирующие материалы на руководство некоторых силовых ведомств, в том числе и на министра юстиции В. Ковалева, реклама спецслужбами своей высокоэффективной деятельности говорили о стремлении некоторых из них показать свою значимость, росшее политическое влияние. Фактически утечку скандальной информации из МВД относительно В. Ковалева некоторые аналитики расценивали не только как показатель наличия коррупции в этом ведомстве и возможности проникновения представителей преступного мира в государственные структуры, но и как стремление напомнить

общественности о том, что МВД не прочь побороться за власть в стране.

Нельзя было не заметить, что скандалы охватывали все без исключения силовые структуры, что могло свидетельствовать о потере управления ими и острой необходимости изменения существовавшего отношения властей к людям в погонах. В подобном состоянии армия и другие войска не способны эффективно решать поставленные задачи и рассчитывать на них в кризисных ситуациях было безосновательно.

Дополнительный импульс нарастанию напряженности в армейской среде придало распространенное в конце июня 1997 года обращение председателя комитета Госдумы по обороне Л. Рохлина к Верховному главнокомандующему вооруженными силами и военнослужащим России. Л. Рохлин обвинил президента страны в том, что он не выполнял своих полномочий по военному строительству. В обращении содержалось настоятельное требование принять экстренные меры по улучшению положения в войсках, а также выражалось сомнение в обоснованности планов военного строительства, разрабатываемых Ю. Батуриным и новым руководством министерства обороны. Обращаясь к военнослужащим, Л. Рохлин призвал их бороться за свои социальные права, требовать принятия «верных решений» по военной реформе, обоснования их сроков и возможностей проведения.

Л. Рохлин призвал военнослужащих сплотиться, провести в каждой части офицерские собрания, на которых выработать законные требования и направить их российскому руководству.

Данное обращение, рисуя картину ситуации в вооруженных силах близкой к реальной, также позволяло предположить, что в высших военных кругах имелась группировка не только не согласная с наметившимся курсом в проведении реформы армии, но и готовая выступить против него. Не желая разделить судьбу И. Родионова и В. Самсонова, эти генералы использовали депутатский иммунитет и возможности Л. Рохлина. Вероятно, они рассчитывали на поддержку в военно-промышленном комплексе и оппозиции. Правда, настораживавшим политологов моментом было то, что Л. Рохлин являлся членом движения НДР, которое тут же поспешило отмежеваться от «диссидента».

Таким образом, наряду с декларировавшимся стремлением руководства страны наконец приступить к проведению военной

реформы, складывалось впечатление, что у него не было ни четкого понимания проблемы, ни конкретной программы действий, подтвержденной экономическими расчетами по реформированию всего блока государственных структур, обеспечивавших обороноспособность страны, защиту ее национальных интересов в политической, экономической, военной и других областях.

Российские политологи ощущают под ногами легкое землетрясение, когда узнают степень информированности Запада о происходящих в России процессах. Уже не для кого не секрет, что питательной средой для деятельности иностранных спецслужб на территории России стал сильно затянувшийся период строительства основ новой государственности, сочетающий в себе такие черты, как слабость и непрофессионализм органов власти при широкой информационной свободе и получившей реальные очертания политической «открытости», зачаточное развитие институтов гражданского общества, низкая политическая и правовая культура населения, огромнейшие экономические затруднения.

Интерес к постоянному присутствию, зримому и незримому, в России со стороны стран Запада вполне понятен. Часть американских экспертов уверена в том, что несмотря на трудности и проблемы, Россия в начале XXI века восстановит свой прежний статус в системе международных отношений. Г. Роуэн (Аспенский институт, США) помещает Россию в ту группу неевропейских государств — наряду с Китаем, Кореей и Таиландом, чей экономический рост может после 2000 года быть наивысшим — около 4–5 процентов ежегодного прироста валового национального продукта. Другой американский эксперт, У.Хайлэнд, полагает, что «трудно представить Россию в качестве второразрядной державы. Советско-российское государство неизбежно возродится, будь то в форме либеральной социал-демократии, просвещенного деспотизма или грубой диктатуры. И когда это произойдёт, такое государство потребует учета его мнения в отношении Германии и Восточной Европы, а также гарантий безопасности на восточных и западных рубежах. У него будет огромная военная мощь, по крайней мере, внушающая опасение соседям. Новый Советский Союз в любой форме никуда не уйдет от русской истории».

С точки зрения авторитетного западного политолога М. Мандельбаума, Россия при любой форме правления в будущем

превратится в «ревизионистскую державу, — способную подорвать европейский порядок». Д. Йерген и Т. Густафсон пишут в том же духе, что к 2010 году Россия вновь соберет вокруг себя территории, ранее находившиеся под ее влиянием, и опять будет оказывать огромное воздействие на Европу, Азию и Ближний Восток. Авторы не исключают фантастической перспективы: российские банки к тому времени могут приступить к массовой скупке акций ведущих американских фирм и корпораций.

На случай же неблагоприятных «сценариев» — приход к власти авторитарного режима националистического толка и его экспансия, фрагментация государства, обострение политических противоречий вплоть до гражданских столкновений — американские организации намереваются оставить в своем распоряжении канал оперативного поступления достоверной информации о происходящем в России для своевременной и адекватной реакции со стороны США. Роль носителей такой потенциально значимой информации отводится тем лицам и организациям в России, с которыми заранее были установлены те или иные рабочие контакты.

На случай прихода к власти в Москве открыто антизападного правительства спецслужбы иностранных государств будут иметь максимально полную картину политических настроений и предпочтений тех лиц, с которыми они намерены иметь дело в дальнейшем. Пример Белоруссии в этом смысле характерен.

Озабоченность проникновением в Россию понятна, особенно с учетом того, что концепция «информационной войны», то есть доминирования в сфере сбора, анализа и управления информацией продолжает оставаться, с точки зрения американских военных, одной из основ стратегии США в международных конфликтах будущего. Генерал М. Левоновски из университета национальной обороны США прямо пишет, что для его страны важно иметь возможность воздействовать на аналитический процесс, протекающий в стане соперника, для стимулирования чувства опасности, изоляции, непреодолимых трудностей, а также для затруднения процесса принятия решений лидерами противной стороны.

На фоне этой общей картины выделяется ряд более конкретных факторов, благоприятствующих проникновению разведорганов зарубежных государств в Россию. Среди этих факторов на одном из

первых мест стоит слабая мобилизация российскими властями интеллектуальных, экспертных и аналитических ресурсов общества. Та легкость, с которой в Россию проникают различного рода иностранные организации — гуманитарные, благотворительные, научные, экспертные, культурные — во многом объясняется тем, что они восполняют собой тот идейный, информационный или ресурсный вакуум, который реально есть в России. Именно этим объясняется тот факт, что в Москве предрасположены обращать особое внимание на мнение США.

Большинство, иностранных организаций, обосновывающихся в России, довольно-таки четко и профессионально определяют свою «нишу», в рамках которой они собираются работать, используя отсутствие квалифицированной экспертизы и кадров в самой России. В области общественно-политических дисциплин — это различные методы исследования элиты, изучение и профилактика конфликтов, новые методы преподавания гуманитарных наук; в области управления — теория и практика менеджмента, маркетинговые исследования, управление информацией, конверсия; в области практической политики — моделирование деятельности политических партий и способы воздействия на власть; в социальной сфере — работа с неблагополучными категориями населения, молодежные проекты (с точки зрения иностранных партнеров, именно среди молодежи наименее всего ощущается ностальгия по прошлому и неудовлетворенность потерей России своего былого могущества в мире), защита прав человека и надзор за соблюдением законности в судопроизводстве.

Заполнение иностранными организациями тех пробелов, которые реально существуют в различных областях и отраслях, особенно заметно в сфере научноаналитической информации и политической экспертизы. Практически все научные ассоциации и негосударственные центры в России функционируют за счет денег, получаемых из-за рубежа в форме грантов. До тех пор, пока в самой России не появятся финансовые резервы, сопоставимые по своим масштабам с западными фондами, влияние последних вряд ли удастся снизить.

Естественно, иностранные фонды «заказывают музыку» — сами определяют приоритетные направления финансируемых исследований. Можно догадываться, что это за темы. В первую очередь, конечно, те,

по которым требуется самая достоверная информация — состояние экономики, общественных и государственных организаций, экологии, конверсии. Фонды в большинстве случае определяют и «разработку» объектов, интересующие соответствующие западные спецслужбы.

У «мозговых центров» есть своя тактика действий и в отношении официальных органов власти России. В 1994 году один из наиболее активных в России американских центров — «Фонд наследия» — выпустил на русском языке «Повестку дня для нового российского парламента». В документе содержались конкретные рекомендации, адресованные российским законодателям, относительно нормативных актов, которые им следует принять. Предписывалось принять законы по следующим направлениям: расширение сферы жилищной приватизации, ликвидация системы государственной поддержки колхозам и совхозам, разрешение иностранным банкам работать на российской территории, убрать из Конституции упоминания о социальных гарантиях, сместить баланс во взаимоотношениях между центром и регионами в пользу последних, законодательно запретить занимать официальные правительственные должности лицам, работавшим в структурах КПСС, запретить использование секретных осведомителей и т. д.

Подобные неприкрытые рекомендации, весьма откровенные и бескомпромиссные по своему вмешательству в политический процесс России, отчасти стали возможными на фоне нехватки действительно конструктивных идей для Думы в исполнении самих российских экспертов. Даже в Соединенных Штатах те предложения, которые столь навязчиво высказывали сотрудники «Фонда наследия», вызвали бы очень неоднозначную и противоречивую реакцию. В условиях же России их воплощение означало бы не что иное, как постановку масштабного социального эксперимента, увлекательного для наблюдения из другой страны, но чрезвычайно вредного для самой России. Неспроста известный американский эксперт по России Ч. Фэйрбанкс назвал эту стратегию «мирной интервенцией».

Для большинства иностранных организаций подобного рода основной целью является не столько нанесение прямого материального, финансового или экономического урона России, сколько создание системы влияния на отдельные группы ее политической элиты и, в известном смысле, контроля за их деятельностью. Многие

американские специалисты признают, что одним из основных эффектов политики США в отношении Москвы должна стать большая прогнозируемость и предсказуемость политических событий в России. Этому и служит собираемая различными фондами и центрами информация, полезная для понимания процессов, происходящих в стране, позволяющая выстроить линию взаимоотношений с российским политическим истеблишментом.

Что же касается открытого давления, то одной из наиболее серьезных, с далеко идущими последствиями для национальной безопасности России геостратегических потерь 1997 года военные аналитики считают общий проигрыш российскими политиками продолжавшегося более трех лет дипломатического сражения вокруг проблемы расширения НАТО на Восток. То, что произошло в конце весны и в середине лета 1997 года, явилось по существу началом общего геостратегического наступления Запада на его «восточном фронте» на ослабленные, а на многих участках и заблаговременное оставленные Россией позиции. 27 мая в Париже был подписан Основополагающий пакт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, а уже на состоявшейся 8–9 июля в Мадриде сессии Совета НАТО было принято решение о приглашении в состав альянса первых трех «новобранцев» из Восточной Европы — Польши, Чехии и Венгрии. Преувеличивая исходившую для них опасность со стороны России, эти страны сами запросились в НАТО.

Двум другим кандидатам «первой волны» — Румынии и Словении велено было подождать год-другой, пока их тоже не позовут. Приехавшим в Мадрид лидерам стран Балтии — Латвии, Литвы и Эстонии также пока не удалось на официальном уровне получить подтверждение их стремления стать членами НАТО уже в 1999 году. Однако со стороны натовского руководства им ясно было дано понять, что «двери блока ни для кого не закрыты» и что планы расширения еще могут измениться. В Мадриде была подписана хартия. об особом партнерстве между Украиной и НАТО.

В принятии руководящими органами НАТО решения о поглощении части свободного европейского стратегического пространства, оставшегося после ликвидации Организации стран Варшавского Договора, некоторые военные наблюдатели увидели стремление

заложить основы для нового передела мира, в котором главными действующими лицами будут выступать США и Германия. Появятся новые разделительные линии в Европе. Россию попытаются изолировать от нее и даже некоторых бывших советских республик, жестко очертить рамки ее геополитической свободы и указать ей те рубежи, переступить которые она не имеет права ни при каких обстоятельствах.

Вот почему позиция России долго оставалась камнем преткновения на восточном маршруте НАТО. Их диалог все это время велся по схеме глухого с немым. А если иногда у глухого прорезывался слух, а у немого дар речи, то из их разговора, касавшихся высоких материй, для многих россиян не были видны главные проблемы, в первую очередь военные, которые и должны волновать российское общество.

России обещали различные схемы сотрудничества — гарантии, хартии, обещания не развертывать на территориях стран Восточной Европы ядерное оружие и тому подобное. Однако никто из членов НАТО не захотел прислушаться к России, понять ее озабоченность и отказаться от идеи расширения. Отсутствие такого желания показало, что слишком выгодная геостратегическая ситуация складывалась в Европе для Запада с приближением границ ответственности НАТО непосредственно к российским границам. Россией захотели управлять. Управлять при помощи силы.

Мадридские решения фактически разрушили Ялтинско-Потсдамскую (1945 г.) систему послевоенного политического устройства в Европе и более позднюю систему договоров, заключенных в рамках ОБСЕ. У истоков международных актов Ялты и Хельсинки, был между прочим, Советский Союз, без согласия и доброй воли которого ни первое, ни второе не было бы возможным. В 1997 году с Россией, являющейся правопреемницей СССР, перестали считаться. Или делали вид, что считаются, а поступили так, как надо натовцам.

Москва высказывалась категорически против расширения состава блока, особенно за счет вхождения в него государств Восточной Европы. Когда стало ясно, что этот вопрос является решенным, Кремль, с целью минимизировать негативные для него последствия расширения, пошел на подписание Основополагающего акта. В Кремле считали, что это замедлит реализацию решения о продвижении НАТО.

Говорили о какой-то мифической возможности наделения России правом «вето» на противоречащие ее интересам решения НАТО. Однако сразу же после парижского подписания стало ясно, что натовские страны даже и не думали идти на какие-либо уступки Москве.

Негативность итогов мадридской сессии НАТО для России состояла и в том, что процессу расширения блока придан такой характер, который по существу не ставил никаких географических, временных и иных ограничений его продвижения на Восток. Поэтому и страны Балтии, и Румыния со Словенией и Словакией, и Украина засматривались на натовские мундиры и мысленно примеряли их. Не это ли имел в виду президент Украины Л. Кучма, который в интервью журналу «Фокус» отметил, что «Украина получила от НАТО все, чего добивалась», и назвал «ключевым» положение хартии о признании Украины «неотъемлемой частью демократий Центральной и Восточной Европы», то есть ее нового геополитического статуса.

Развитие партнерства между Киевом и Брюсселем ориентировано в основном на укрепление двусторонних отношений и усиление выгодной для США и НАТО регионально-стратегической роли Украины. Она взяла на себя обязательство укреплять демократический и гражданский контроль над вооруженными силами, а также обеспечить со временем их оперативную совместимость с силами НАТО, что входит в стандартный набор условий для вступления в альянс. Президент Украины Л. Кучма назвал подписание хартии «промежуточным результатом» и отметил, что она «не ставит точку в развитии отношений между Украиной и альянсом».

В хартии подчеркнуто, что страны альянса будут продолжать поддерживать суверенитет и независимость Украины, ее территориальную целостность, а также принцип нерушимости границ. Заместитель министра иностранных дел Украины А. Бутейко заявил, что хартия «полностью снимает все тревоги и обеспокоенности в отношении границ и территориальной целостности Украины». По мнению фонда К. Адэнауэра, России не нужны в отдельности ни Крым, ни Севастополь, ни Черноморский флот. России нужна союзническая Украина. Но последняя таковой не является. И пока Россия не замирится с Украиной, пока между ними не возникнет союза хотя бы подобно тому, что существует между Германией и Францией, попытки

России сыграть сколь-либо серьезную роль в глобальном раскладе сил будут обречены на провал.

С принятием в НАТО Польши, Чехии и Венгрии совокупный потенциал блока возрастет на 60 миллионов человек населения, 370 тысяч военнослужащих, почти 3 тысячи танков и более чем на 650 боевых самолетов. С вхождением в НАТО Румынии и Словении эти позиции возрастут еще на 25 миллионов человек, 240 тысяч солдат и офицеров, 1400 танков и 420 боевых самолетов. Даже если учесть запланированные сокращения вооруженных сил и вооружений указанных стран, все равно вхождение их в НАТО создаст еще больший перевес в балансе сил НАТО и России в пользу блока. Этот перевес останется существенным даже при условии объединения военных потенциалов России и Белоруссии.

Решение о приглашении в НАТО трех государств спровоцировало усиление группировок войск потенциальных новых членов альянса в их восточных районах. Польское командование передислоцировало многие свои соединения и части с западного направления в районы, приграничные с Калининградской областью Российской Федерации. Разве это не признаки будущего буфера между Россией и Европой?

Большинство стран, стремящихся к членству в НАТО, будут из кожи лезть, чтобы доказать свою лояльность блоку и готовность стать полноправным его членом. Военные учения, маневры и прочие мероприятия, проводимые в рамках «Партнерства во имя мира» стали постоянным и все возраставшим по значимости элементом военно-стратегической обстановки вблизи западных границ России.

Довольно опасной тенденцией в политике руководства некоторых стран ближнего зарубежья становились предпринимавшиеся ими попытки привлечь страны НАТО и военные структуры этого альянса к непосредственному участию в урегулировании существующих на постсоветском пространстве конфликтных и кризисных ситуаций. Это относилось прежде всего к зоне грузино-абхазского противостояния, к Нагорному Карабаху, в некоторой степени — к Приднестровью. Фактически это может стать особой формой расширения НАТО. Представители его военного руководства откровенно заявляли: они в состоянии применить силу, если на это последует согласие со стороны ООН или ОБСЕ.

Как-то уже забылось, что 22 (!) июня 1994 года Россия подписала в Брюсселе рамочный документ и тем самым присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира». Считается, что этим действием фактически был поднят российский шлагбаум на пути принятия решения о расширении НАТО: 1 декабря того же года на очередной сессии Совета НАТО оно состоялось.

Только где-то со второй половины 1996 года российские официальные власти начали робкую политико-дипломатическую кампанию, направленную против принятых в НАТО решений по расширению на Восток. Но было уже поздно!

Что остается России в этих условиях? Искать новых союзников и стратегических партнеров на юге и на востоке. И хотя выбор здесь довольно ограничен, военные аналитики считают, что он все-таки есть.

Любопытен анализ аргументов против расширения НАТО. Российские руководители убеждали натовцев в том, что это «сыграет на руку коммунистам». Те, в свою очередь, обвиняли первых в тайном стремлении заручиться поддержкой НАТО на тот случай, если «станет жарко», то есть возникнет угроза «курсу реформ и демократии». Преобладали в основном аргументы, отражавшие политическую и идеологическую борьбу. Между тем проблема куда более сложная и опасная. По существу Россию и новые независимые государства, возникшие на пространстве Советского Союза, пытаются лишить плодов их многотрудных ратных и созидательных усилий всего века. Неужели они будут принесены в жертву каким-то временным конъюнктурным соображениям горстки политиков?

Впрочем, к этому россиянам не привыкать. Собирался же в августе 1991 года один переполненный демократическими ценностями маршал разбомбить с самолетов древнюю святыню русских — Кремль — ради одной-единственной цели: победить засевших там «путчистов».

Глава 3
РАЗНОШЕРСТНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Социальная напряженность внутри страны нарастает. — Оппозиция: структура, численность, лидеры. — Почему от них отмежевываются массы? — КПРФ: «умеренные» и «радикалы». — Протестное движение: без руля и без ветрил. — Куда зовут независимые профсоюзы. — Формы протеста. — Осенний «поход на Москву». — Лев Рохлин.

После нескольких месяцев борьбы между правительством и Федеральным собранием бюджет на 1997 год был утвержден 12 февраля. Исчерпывающую оценку принятому документу дал председатель бюджетного комитета Совета Федерации К. Титов, заявивший, что «доходная часть бюджета нереалистична, а расходная утопична».

Его мнение подтвердили данные Минфина, согласно которым сумма налогов, собранных в январе, составила только 41 процент от запланированной в бюджете-97. Долги по налоговым платежам на 1 февраля составили 138 триллионов рублей.

Выступая 18 апреля 1997 года в Совете Федерации, первый вице-премьер А. Чубайс охарактеризовал состояние экономики «как чудовищный государственный бюджетный кризис, масштабы которого ставят под вопрос саму возможность государства осуществлять свои государственные функции».

Данные по итогам первого квартала удручали. Доходы бюджета были выполнены на 56,6 процента, расходы — на 62,8 процента. Дефицит бюджета превысил 8 процентов. Недополучены деньги в казну по следующим позициям: налогов собрано лишь 39 процентов от плана, акцизов — 31 процент, лицензионные сборы на алкоголь составили около 30 процентов от запланированных.

Признание А. Чубайсом наличия бюджетного кризиса перечеркивало всю экономико-пропагандистскую работу президентского аппарата в последние полтора года, а также' ее основной постулат о прочной финансовой стабилизации в стране.

Динамика макроэкономических показателей уже в 1996 году свидетельствовала о том, что Россия в прямом и переносном смысле исчерпала резервы для поддержания мифа о прочном финансовом положении.

Пирамида ГКО, созданная Минфином и Центробанком, очень быстро не только перестала приносить доходы бюджету, но и превратилась для казны в тяжелейшую обузу.

За 1996 год были практически проедены золотовалютные резервы России.

Несмотря на усилия правительства, не удалось остановить деградацию налоговой и платежной системы. По сути, финансовый кризис охватил Россию уже в 1996 году. Учитывая то, что Минфин одновременно финансировал шесть графиков погашения задолженности за 1996 год, ее рост продолжался, и в основном по заработной плате бюджетников. В середине 1997 года она составляла 13 триллионов рублей.

Одной из попыток президента и премьер-министра исправить положение с наполнением доходной части бюджета было назначение министра внутренних дел А. Куликова вице-премьером правительства. Продолжая возглавлять МВД, он одновременно координировал деятельность Государственной налоговой службы, Федеральной службы налоговой полиции, Государственного таможенного комитета, Федеральной службы валютного и экспортного контроля. Для реализации мер по обеспечению доходов бюджета А. Куликов привлек возможности Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки и Федеральной пограничной службы.

По мнению А. Куликова, совместные усилия курируемых им ведомств позволят снять социальную напряженность и наполнить бюджет реальными деньгами, а значит, «сократить забастовки и голодовки». Однако его же заместитель по МВД И. Молчанов сомневался в том, что силовыми методами можно навести порядок в экономике. Он был убежден, что «пока не заработает промышленность и не будут проведены соответствующие реформы в стране, мы никогда не разделаемся с долгами по зарплате и по пенсиям».

Отсутствие средств определяло катастрофическое положение агропромышленного комплекса России. В 85 из 89 регионов страны не было денег на проведение посевной кампании. Прямые поступления из

федерального бюджета были мизерными — в первом квартале всего лишь 11 процентов от плана.

На состоявшейся 18 апреля пресс-конференции А. Чубайс постарался смягчить свои слова о «чудовищном бюджетном кризисе», приведя ряд данных, свидетельствовавших о прекращении спада производства. По сведениям правительства, объем валового внутреннего продукта за первые три месяца 1997 года составил 605 триллионов рублей и превысил показатель соответствующего периода прошлого года на 0,3 процента.

Признав невозможность исполнения действовавшего бюджета, правительство в числе первоочередных мер по исправлению ситуации в финансовой сфере сочло необходимым провести секвестр бюджетных расходов. Для большинства политиков было ясно, что предложения А. Чубайса по секвестированию бюджета не означали каких-либо серьезных изменений в экономической стратегии правительства, а просто легализовывали сложившийся порядок вещей, когда отрасли все равно не получали всех назначенных бюджетных средств. Однако у оппозиции появилась еще одна возможность атаки на власть.

В состоянии массового сознания превалировали негативные тенденции, выражавшиеся в продолжавшемся падении авторитета власти, не способной решить основные социально-экономические проблемы значительной части населения и, главное, в распространении «баррикадных настроений», которые постепенно охватывали различные слои российского общества.

Наблюдатели отмечали все большее сходство волны протестов с ситуацией начала 90-х годов, приведшей к известным политическим последствиям. Если в 1994–1995 годах забастовочное движение можно было охарактеризовать как вполне регулируемое, а выдвигавшиеся участниками требования как в основном выполнимые или решаемые в перспективе, то с 1996 года обстановка начала выходить из-под контроля.

В 1996 году акциями протеста — забастовками, голодовками, перекрытием движения на авто- и железнодорожных магистралях были охвачены практически все угледобывающие регионы страны — российская часть Донбасса, Заполярье, Кузбасс, Приморский край, Хакасия, Тульская область. В демонстрациях протеста, пикетированиях, голодовках и забастовках участвовали трудовые коллективы различной

отраслевой принадлежности практически во всех областях, краях и автономных республиках страны. Забастовочным движением были охвачены рабочие и служащие систем образования, здравоохранения, оборонных предприятий, энергосистемы, металлургии, моторостроения, тракторостроения, химической промышленности. Бастовали докеры 12 морских портов, метростроевцы Москвы, авиадиспетчеры.

Акции протеста устраивали даже военнослужащие МВД — в карельском городе Сегеже 59 сотрудников внутренней службы объявили голодовку. Против задержек зарплаты выступали рабочие и служащие Российской армии. В октябре 1996 года в Москве федерацией профсоюза рабочих и служащих вооруженных сил был проведен митинг протеста, поддержанный на Северном и Тихоокеанском флотах.

По сравнению с 1995 годом масштабы забастовочного движения увеличились более чем в десять раз. География стачек почти не была связана с шахтерскими «эпицентрами» волнении. Повсеместным явлением стали длительные голодовки.

В начале ноября 1996 года под эгидой Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) прошла общероссийская акция протеста под лозунгом «За труд, заработную плату, социальные гарантии». Забастовки, шествия, пикетирования, собрания, митинги были проведены практически во всех субъектах Федерации. Во многих городах центра России тон проводимых мероприятий определяли представители коммунистов и народно-патриотических сил.

Усугубившаяся в 1997 году ситуация ***с*** задержками выплаты зарплаты и пенсий (в январе не получили зарплату 38 процентов работавших — более 20 миллионов человек) вызвала новую волну забастовочного движения. Массовая бедность, переходившая в «застойную фазу», продолжавшиеся до 45 месяцев задержки выплат заплат и пенсий усугубляли социальную напряженность.

С середины января прекратила работу крупнейшая в Воркутинском бассейне шахта «Воргашорская». В 55 регионах страны около 200 тысяч работников образования провели митинги и пикетирования. С 1 февраля угольщики Приморья прекратили отгрузку угля на электростанции АО «Дальэнерго» и бытовые котельные. Шахтеры Сахалина угрожали перейти от забастовок к физической расправе над руководителями угольных предприятий. 61 ликвидатор последствий

аварии на Чернобыльской АЭС из города Киреевска Тульской области объявили голодовку, требуя выплаты пособия за 11 месяцев.

6—7 февраля бастовали работники Государственного российского центра атомного судостроения в Северодвинске, долг государства которому превысил 1 триллион рублей. Вторую в 1997 году общероссийскую акцию в защиту образования провели 17–25 февраля преподаватели вузов, школ и воспитатели дошкольных учреждений в 86 регионах страны. Общее количество участников оценивалось в 400 тысяч человек.

Пикетирование зданий мэрии, Дома правительства РФ и Госдумы осуществили в середине февраля метростроевцы Москвы. По решению забастовочного комитета АО «Кузбассэнерго» сократили подачу электроэнергии и тепла промышленным предприятиям Томь-Усинская, Семеровская ГРЭС, Западно-Сибирская и Кузнецкая ТЭЦ. Объявляли забастовку медработники.

Очередной этап общероссийской акции протеста «За труд, зарплату и социальные гарантии» под руководством ФНПР состоялся 27 марта. Повсеместно участники акции выдвигали политические лозунги, в том числе об отставке президента и правительства. Эксперты отмечали, что лидеры ФНПР пользуются все меньшим доверием и поддержкой как со стороны региональных профсоюзных структур, так, в особенности, и со стороны трудовых коллективов за «соглашательство с властями». Профсоюзные руководители на местах под давлением социально-экономических реалий выступали все более радикально, а в депрессивных регионах зачастую с позиций, близких радикальным кругам оппозиционных организаций и неформальных объединений типа забастовочных комитетов.

В ряде регионов структуры ФНПР вовсе утратили влияние на трудовые коллективы и вытеснены самопровозглашенными стачкомами, которые, как, например, в Кузбассе, не только руководят забастовочным движением, но и взяли на себя некоторые управленческие функции.

Вынужденной реакцией на складывавшуюся ситуацию явились более жесткие заявления профсоюзных лидеров относительно экономического курса правительства в связи с подготовкой демонстративных акций 1 мая, в ходе которых профсоюзы и левая

оппозиция оспаривали друг у друга право быть выразителем протеста широких масс.

Аналитики отмечали ускоренную политизацию протестного движения. Если в массовых выступлениях прошлых лет основной движущей силой являлись профсоюзные организации, то мероприятия 27 марта и 1 мая характеризовались самым активным участием в них левой оппозиции. В ряде регионов, прежде всего так называемого «красного пояса», ей удалось во многом перехватить инициативу и выступить организатором акций протеста. Явственным стало стремление левой оппозиции «оседлать» протестное движение трудящихся.

Анализ состоявшихся в 1996–1997 годах акций протеста и их сравнение с аналогичными мероприятиями предыдущих лет позволили выделить ряд тенденций этого явления.

Социологи отметили, что пока «потенциал протеста» аккумулировался в социально пассивных группах населения, уровень самоорганизации которых был крайне низок. Появлявшиеся на предприятиях стачечные комитеты, например, в Кемеровской области, претендовавшие на роль параллельных органов власти, немногочисленны и разрозненны. Партии и профсоюзы, призванные отстаивать интересы различных групп общества, не пользовались доверием россиян. Полностью доверяли политическим партиям 3,2 процента опрошенных, частично — 17,5 процента, не доверяли — 51,8 процента. Профсоюзам полностью доверяли 7 процентов, частично — 24,4 процента и не доверяли 44,7 процента.

Вместе с тем нельзя не учитывать тенденций радикализации нищающего населения, проявлений признаков роста боевитости масс и поиска координирующей силы. В частности, согласно данным ВЦИОМ, 62 процента опрошенных готовы поддержать установление в стране авторитарного режима. Значительно выросло число граждан, особенно в депрессивных районах, не исключавших использования крайних мер в борьбе за свои права.

Одной из особенностей забастовочного движения 1997 года социологи называли стремление использовать его в интересах региональных элит. Пытаясь добиться от федерального центра экономических уступок, местные власти, включая избранных губернаторов, имели возможность, манипулируя акциями протеста,

оказывать дополнительное давление на Москву. В свою очередь, у российского правительства и самого президента нет рычагов влияния на избранных губернаторов. Неустойчивость ситуации усиливалась и в связи с все более явственной враждебностью провинциальной России по отношению к Москве как средоточию в глазах многих россиян «мафиозно-криминальных группировок». Не случайно большинство забастовок и демонстраций проходят с выдвижением требований к федеральному центру.

Требования участников забастовочного движения в основном носили экономический характер, однако с непринятием правительством и местными властями действенных мер по выходу из кризиса все чаще начали выдвигаться политические лозунги — отставка президента, правительства, принятие Госдумой законов, запрещающих приватизацию предприятий, смена политического и экономического курса.

Некоторые социологические центры считали, что расширение влияния левой оппозиции на массы обусловлено отнюдь не желанием населения восстановить хорошо знакомую форму социализма, а эмоционально-психологической потребностью выразить протест курсу правительства.

Протестовать было из-за чего.

В процессе реставрации капиталистических отношений в России образовался «дикий рынок». Критическим уровнем падения внутреннего валового продукта любой страны в переходный период считается 40-процентный рубеж. В России он составил уже 50 процентов. В результате практически началась деиндустриализация страны.

Доля продукции обрабатывающей промышленности в российском экспорте упала с 22 процентов в 1990 году до 11 процентов в 1996-м, а высокотехнологичных изделий с 4 процентов до одного. Подготовленные комиссией Совета Европы по образованию прогнозы говорят о том, что к 2013 году работники высокоинтеллектуального труда в России исчезнут как социальная группа. Фактически этот процесс уже начался, и показателем его стало падение выпуска продукции машиностроения в пять раз за шесть лет реформ.

Одним из показателей этого спада является свертывание научных исследований, без которых невозможен прогресс в промышленности и

на транспорте. Прикладная и фундаментальная наука вынуждена закрывать свои институты и лаборатории, распродавать или сдавать в аренду здания и служебные помещения, отдавать за бесценок оборудование и материалы, резко сокращать штаты своих сотрудников, прекращать комплектацию научных библиотек.

Американское законодательство содержит положение о том, что основой экономики США является сельскохозяйственное производство. Это положение свято соблюдается, в результате чего половина мировых запасов зерна находится в Соединенных Штатах.

В России такого нет. Более того, ее сельское хозяйство разорено, живет в долг и находится на пороге новых бедствий. Сравнительно недавно Россия не уступала развитым странам Западной Европы по производству важнейших сельскохозяйственных продуктов. В 1996 году валовая продукция сельского хозяйства России по сравнению с 1990 годом уменьшилась на 40 процентов, причем производство зерна и сахарной свеклы сократилось почти вдвое, картофеля в четыре раза, овощей в три раза. По численности крупного рогатого скота, овец, коз, свиней и птицы страна отброшена на 30 лет назад.

С 1994 года сельскохозяйственное производство в целом стало убыточным. Свернуто строительство жилья, объектов соцкульбыта, во многих селах не работает радио и телевидение.

Согласно современным международным нормам, угроза национальной продовольственной безопасности наступает, когда страна импортирует 30 процентов продовольствия. США стабильно импортируют 17–19 процентов потребляемого ими продовольствия, СССР импортировал 14–16 процентов. В 1997 году Россия, по данным Госкомстата, закупала за рубежом 54 процента продовольствия. По обеспечению продуктами питания страна за годы реформ скатилась с 7-го на 40-е место в мире.

Обобщенным показателем продовольственного благополучия является обеспечение населения питанием на уровне медицински обоснованных норм. В дореформенный период россияне потребляли в среднем 3300 килокалорий. В настоящее время на отечественные продукты приходится только 1100–1200 килокалорий, что ниже грани, с которой начинается тотальный голод. Это означает; что Россия уже находится в состоянии самой серьезной зависимости от продовольственного импорта.

Общий долг по заработной плате в 1997 году превышал 52 триллиона рублей. Росла задолженность по пенсиям. Из-за первоочередных и экстренных переводов денег пенсионерам на 5 процентов по сравнению с таким же периодом 1996 года было ограничено финансирование сферы образования, на 5 процентов — культуры, на 10 процентов — СМИ, на 23 процента — здравоохранения.

По данным Госкомстата, среднемесячная начисленная зарплата в первом квартале 1997 года выросла на 19 процентов по сравнению с тем же периодом предыдущего года и составила 830 тысяч рублей. Однако реального улучшения жизни не происходило, так как несвоевременные выплаты съедали большую часть этого «увеличения». Свыше 40 процентов работавших не получали вовремя зарплату.

Но даже если зарплата и выплачивалась в срок, то ее весьма низкий уровень, постоянная угроза остановки предприятия, безработицы, очередного кризиса неплатежей ежедневно напоминали миллионам россиян о возможной катастрофе семейных бюджетов.

За унизительным порогом прожиточного минимума, то есть чертой бедности, в феврале 1997 года находилось более 31 миллиона человек — каждый пятый житель страны. При этом подавляющую часть бедного населения России — около 17 миллионов человек — составляли не бомжи, не выброшенные из жизни маргиналы, а работающие.

В бюджетной сфере за время реформ, начиная с 1992 года, произошло глубокое падение реальной зарплаты. Ставка 1-го разряда за этот период номинально выросла в 59,3 раза, а потребительские цены выросли в 184,6 раза, что обусловило падение реальной зарплаты до уровня в одну треть от первоначальной величины. Зарплата же самых высококвалифицированных работников-бюджетников приблизилась к границе абсолютной нищеты — прожиточному минимуму. За его чертой постоянно находилось подавляющее число обладателей низших и средних (по 13-й включительно) разрядов — преобладающее большинство работников бюджетной сферы. Это было явное доказательство дискриминационной политики заработной платы.

Одной из острых социальных проблем, переживаемых обществом и демонстрирующих безрадостную перспективу его деградации, является проблема материнства и детства.

Из досье по «детскому вопросу»:

В России в 1996 году было 36,7 миллиона детей. За год их количество сократилось на 700 тысяч. За годы реформ — на 3 миллиона 700 тысяч. Детская смертность в России выше, чем в Европе, в три раза.

В стране 400 тысяч детей-инвалидов. 600 тысяч — на учете диспансеров. Около 90 процентов детей России круглый год находятся в состоянии гипоавитаминоза. В 1996 году в армию было призвано 15 тысяч дистрофиков.

12 миллионов детей России живут за чертой бедности. По данным разных источников, в стране от полутора до двух миллионов беспризорных. Это уровень 1918 года.

В несколько раз выросло число умственно отсталых детей.

В России более 300 тысяч детей-беженцев до 16 лет. В 1996 году от родителей бежали 33 тысячи детей, 6 тысяч — из детских домов и интернатов.

125 тысяч родителей стоят на учете как неблагополучные. Половина из них — матери. 25 тысяч родителей в год лишаются родительских прав.

Ежегодно в России совершается 17 тысяч преступлений, потерпевшими в которых являются дети. Около 2 тысяч детей в год кончают самоубийством, 1,5 тысячи несовершеннолетних подвергаются сексуальному насилию.

В 12 раз выросло количество преступлений, связанных с вовлечением детей в порнобизнес. В 1996 году подростками было совершено 10 тысяч наркопреступлений. 66 процентов подростков, отбывших наказание, возвращаются в криминальный мир.

К концу марта 1997 года в целом завершилась шестимесячная кампания по выборам глав администраций субъектов Российской Федерации. Победу одержали в основном известные хозяйственники и управленцы, а имевшее в ряде случаев место «протестное голосование», как правило, не носило политической направленности.

Эксперты отмечали, что более высокий уровень политизированности выборов наблюдался в регионах с тяжелой экономической ситуацией. Именно здесь около трех четвертей избранных губернаторов выдвигались в качестве кандидатов от оппозиции либо были поддержаны объединениями левой и

национально-патриотической ориентации. Эти кандидаты обещали избирателям, с одной стороны, добиваться изменения курса реформ, а с другой — обеспечить скорое улучшение материального положения путем «выбивания» из центра дотаций и инвестиций.

Количество переизбранных на второй срок губернаторов и качественный состав вновь избранных в целом обеспечивал преемственность власти на местах. Уже в первые дни после выборов абсолютное большинство губернаторов, избранных от оппозиции, заявило о намерении конструктивно сотрудничать с федеральными властями.

Избирательная кампания сентября 1996 — марта 1997 года, несколько разрядив обстановку на местах, не сняла основных противоречий. Новый всплеск политической активности начался со второй половины года, когда начались выборы в органы представительной власти в 30 регионах. В политической жизни заметно возросла роль национального, этнического факторов, которые начали проявляться в условиях перераспределения властных полномочий на местах.

Противоречия в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений уже продолжительное время оказывали заметное влияние на развитие социально-политической обстановки в регионах. Проявлялись они в основном в деятельности общественных организаций и движений националистической ориентации, а также в развитии тенденций сепаратизма и национального обособления.

По мере нарастания социальной напряженности структуры левопатриотической оппозиции существенно активизировали свои действия по расширению политического влияния на рабочую среду. Они укрепляли связи с профсоюзными организациями, инициировали создание на предприятиях постоянно действующих стачкомов для координации акций протеста работников бюджетной сферы, принимали участие в самих акциях, разворачивали в регионах школы политической учебы, ориентированные на перевод экономической борьбы трудящихся в политическую, продумывали формы взаимодействия трудовых коллективов и региональных отделений партий.

В то же время процессы в среде прокоммунистической оппозиции отличались крайней сложностью и противоречивостью. Наблюдатели отмечали, что неудача на президентских выборах 1996 года усложнила

положение Г. Зюганова. Этот факт, а также не очень понятные широким массам действия фракции КПРФ в Думе — поддержка председателя правительства, голосование в пользу бюджета — инициировали определенные центробежные процессы. В руководстве КПРФ сформировалось, по крайней мере, три четко выраженные группировки. Первая, возглавлявшаяся самим Г. Зюгановым, ставила своей целью «врастание во власть» и исповедывала лозунг «Время работает на нас». Вторая стремилась трансформировать КПРФ в социал-демократическую партию, традиционно находящуюся в оппозиции к власти. Третья, радикальная, призывала прекратить «заигрывать с режимом», вести борьбу за восстановление СССР, не исключая при этом и вариантов «силовой борьбы».

Борьбой этих группировок между собой, а также конфликтом между «встраиванием» во власть руководящего слоя этой партии и сохранением радикальных настроений среди партийного актива определялся политический курс КПРФ. Сложные процессы в связи с этим происходили на всех этажах партийной структуры — в ЦК, парламентской фракции, на уровне массовой базы.

«Кризис идентичности» Компартии вышел на поверхность после президентских выборов 1996 года, однако он подспудно вызревал еще с осени 1993 года, когда КПРФ, вербально отвергая новый режим, сделала тем не менее выбор в пользу «ухода с улицы в парламент». За период работы предыдущего созыва Думы часть партии адаптировалась к новым политическим реалиям, приняла новые «правила игры», но масса партийных активистов и значительная часть электората коммунистов осталась на позициях «непримиримого оппозиционного активизма».

Принятие коммунистами итогов выборов, голосование большинства фракции КПРФ за кандидатуру премьер-министра и последовавшие события политической жизни усугубили внутренний кризис в этой наиболее крупной оппозиционной политической организации. Главное противостояние разворачивалось вокруг вопроса: использовать ли появившийся у партии властный ресурс в законодательных органах для давления на власть и «выбивания» желательных для коммунистов уступок, или превратить его в орудие для поражения «антинародного режима».

Это противоречие ряд политологов выводил из различия в карьерной судьбе разных отрядов активистов КПРФ. «Умеренные» функционеры КПРФ в значительной мере принадлежали к старой партийной и хозяйственной номенклатуре, не привыкшей находиться в оппозиции, зато имевшей значительный управленческий опыт. КПРФ для них стала единственно возможной после 1991 года политической нишей, через которую они могли бы вернуться во власть. Не следовало, однако, думать, что все «умеренные» — обязательно бывшие «партократы». А. Подберезкин и его команда своим примером опровергает подобный вывод.

Напротив, «радикалы» по большей части представляли собой людей, не имевших до 1991 года доступа к власти и, следовательно, готовых в течение длительного времени работать в оппозиции. Многие из них активно участвовали в деятельности леворадикальных оппозиционных организаций в 1990–1993 годы, некоторые выступали против «перестройки» начиная с 1989 года. Даже отдельные статусные в прошлом фигуры не меняли общей картины. Генерал А. Макашов еще в 1990 году зарекомендовал себя как открытый политический противник М. Горбачева.

Противостояние «радикалов» и «умеренных» носило в основном подковерный характер. Руководство партии откровенно опасалось раскола. Однако время от времени разногласия прорывались на страницы прессы — достаточно вспомнить напряженную полемику между А. Подберезкиным и Т. Астраханкиной.

Комментируя это противостояние, политологи особо оговаривали «фактор электората»: коммунистический избиратель был озлоблен на власть и настроен протестно, но вряд ли был склонен к резким потрясениям и даже массовым акциям протеста. В летнем «походе на Москву» и в мероприятиях, посвященных октябрьским событиям 1993 года, по подсчетам наблюдателей, приняло участие незначительное количество людей. В основном это были давние активисты левого движения.

В последнее время «радикалы» заметно активизировались, и этот процесс начался с регионов. По настоянию «радикалов» из парламентской фракции депутаты во время парламентских каникул держали совет с низовыми структурами, и 60 региональных организаций КПРФ настояли на внесение вопроса о вотуме недоверия

правительству. Провинциальные «радикалы» в большей степени, чем их коллеги из центра, ощущали на себе воздействие партийных масс, все более радикализировавшихся.

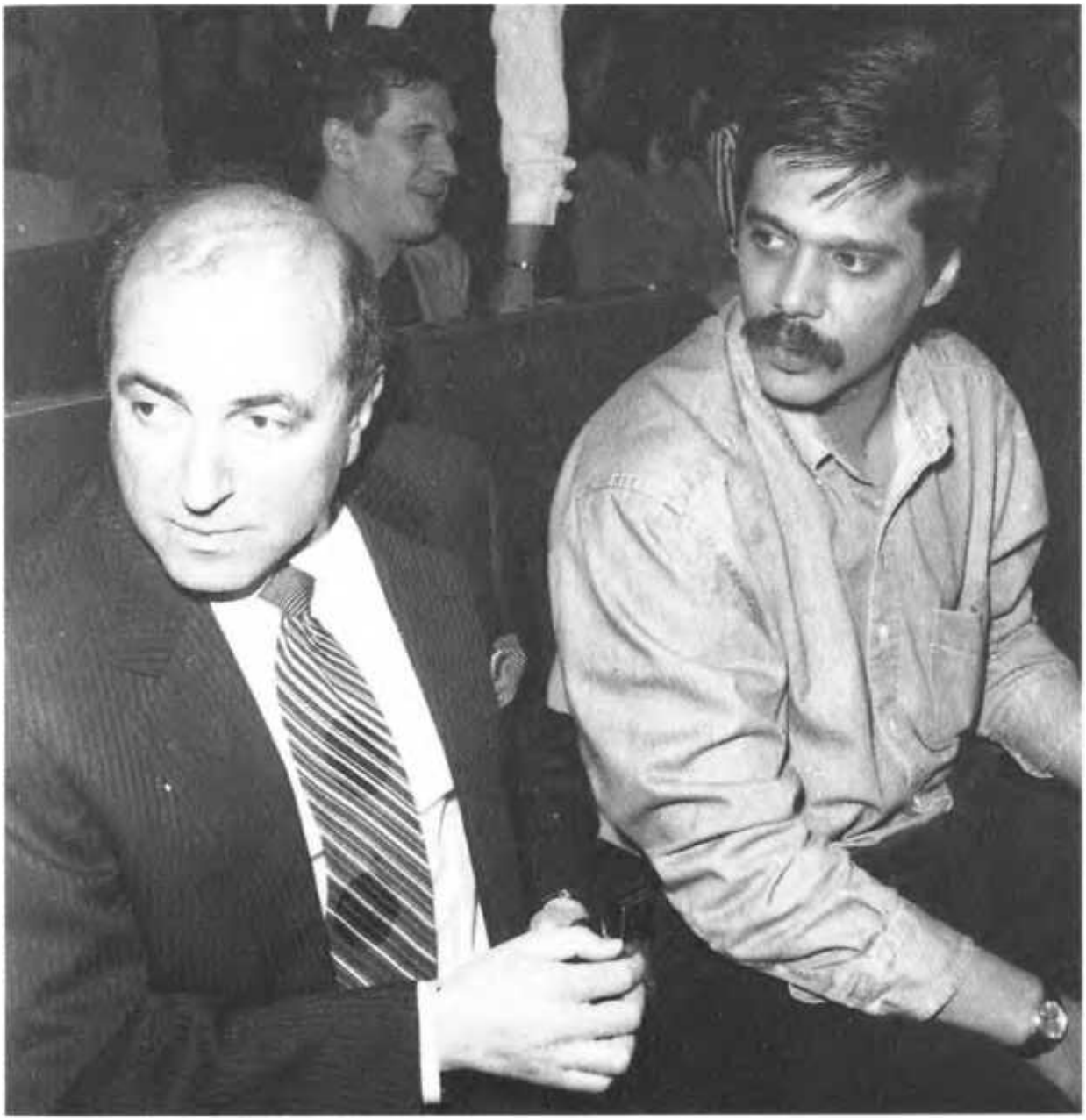
«Радикалы» были обеспокоены тем, что существовавший в России политический и экономический строй может окончательно стабилизироваться. Если эти процессы действительно станут необратимыми, то КПРФ будет обречена на существование внутри политической системы, исключавшей социалистическую реставрацию. Поэтому «радикалы» делали ставку на расширение внепарламентских методов борьбы и «непримиримость» партийной фракции в Госдуме.

Коммунисты, как «радикалы», так и «умеренные», поддержали предложение давнего оппонента одного из лидеров «умеренных» А. Подберезкина, депутата Т. Астраханкиной, о создании думской комиссии по расследованию событий октября 1993 года, нарушив тем самым известный компромисс 1994 года — амнистия в обмен на роспуск подобной комиссии. Политологи не сомневались, что комиссия, где КПРФ и ее союзники были в большинстве, вынесет решение, не устраивающее президента. «Умеренные» не смогли отклонить предложение Т. Астраханкиной, популярной среди партийного актива.

Идеологические расхождения внутри КПРФ были одной из «линий, напряжения». Кто возьмет верх: «твердые ленинцы», «социал-демократы» или «социал-патриоты»?

Все вышеозначенные проблемы в полной мере проявились в ходе работы IV съезда КПРФ, состоявшемся в Москве 19–20 апреля 1997 года.

На съезде стало очевидным, что увлечение руководства партии легитимными методами борьбы и идеей внедрения в структуры власти в условиях нараставшего социального кризиса могло привести КПРФ к утрате организационной целостности и влияния на партийные массы, особенно в регионах. Однако, несмотря на жесткую критику руководства партии со стороны низовых организаций, КПРФ удалось избежать раскола благодаря ужесточению политической риторики ее руководителей.



Б. Березовского что-то встревожило. Или кто-то?

Б. Березовский не любит шума

Управляющий делами Президента РФ П. Бородин вручает приз за спортивные достижения

Не спроста же И. Рыбкин назвал Б. Березовского своим достоянием

Финансовый магнат В. Гусинский

Глава администрации Президента РФ В. Юмашев

Банкир А. Смоленский

Самый суровый генерал в России

В. Жириновский — «парадоксов друг»

Л. Нарусова, депутат Госдумы, без супруга. А. Собчак в это время вдали от России

Ш. Басаев проводит брифинг

Генеральный секретарь НАТО Х. Солана и Б. Немцов

Бывший министр юстиции Б. Ковалев до бани или уже после бани?

Дочь и советница Президента РФ Т. Дьяченко

Председатель Госдумы РФ Г. Селезнев в плотном окружении прессы

В постановлении съезда было заявлено, что «КПРФ, являясь партией ответственной и непримиримой оппозиции, видит задачу в том, чтобы отстранить правящий режим от власти, кардинально изменить социально-экономический курс в интересах народа». Откликаясь на призывы активистов с мест, съезд рекомендовал

Центральному комитету и партийным организациям КПРФ «наряду с оправдавшими себя методами парламентской борьбы широко использовать внепарламентские формы сопротивления режиму». Руководству КПРФ поручалось возглавить массовые акции 1 и 9 мая и «развернуть широким фронтом подготовку к Всероссийской политической забастовке, решительно использовать для этого формы прямого обращения к народу».

Съезд рекомендовал парламентской фракции КПРФ «сосредоточить внимание на вопросах изменения Конституции, смены социально-экономического курса, отстранения от власти нынешнего режима, используя при этом все формы парламентской борьбы». Съезд разрешил думской фракции использовать вотум недоверия кабинету министров тогда, когда она сочтет это необходимым, подтвердив утверждение ЦК КПРФ о том, что лозунг недоверия правительству не снят, но тактические соображения будут главными для его претворения в жизнь.

В данном постановлении эксперты увидели выбор КПРФ в пользу проведения компромиссной политической линии. Став элементом российской политической системы, КПРФ стремилась заключить так называемый «исторический компромисс», то есть соглашение с «партией власти». Партия Г. Зюганова не готова была возложить на себя единоличную ответственность за положение дел в стране. Цель лидеров КПРФ, по некоторым оценкам, заключалась не в овладении всей полнотой власти, а в участии во власти через заключение соглашения с основными политическими силами страны, и в первую очередь, с некоторыми из доминировавших групп российской политической и бизнес-элиты.

По некоторым оценкам, стратегия КПРФ носила во многом объективно вынужденный характер и была предопределена как качеством самой партии, так и внешними обстоятельствами. Прагматичная партийная верхушка осознавала невозможность реставрации советской политической и социально-экономической системы. Для партии в целом был характерен традиционный советский тип политической культуры с ее дисциплинированностью, боязнью несанкционированной политической и социальной активности, упованием на авторитет вышестоящих организаций.

Таким образом, съезд подтвердил неизменность курса КПРФ на проведение легитимной, регулируемой политики в рамках системной оппозиции. Однако в целях сохранения партийного единства аналитики ожидали усиления радикализма в риторике вождей КПРФ, нанесения думской оппозицией «булавочных уколов» президенту, А. Чубайсу и Б. Немцову.

И, действительно, сфокусировав критику на «главе западного лобби» и проводнике «антинародных реформ» А. Чубайсе, КПРФ продолжала вплоть до осени 1997 года оказывать поддержку «защитнику» национальных производителей и естественных монополий, «государственнику» В. Черномырдину. В то же время аналитики прогнозировали: союз коммунистов и чиновников не может продолжаться значительное время, поскольку Г. Зюганов и В. Черномырдин засматривались на высший государственный пост и соперничества им не избежать. Как в воду смотрели авторы прогнозов: не прошло и года, как пути Г. Зюганова и В. Черномырдина разошлись.

Но вернемся в год 1997-й. Обсуждение и выработка стратегии левой оппозиции стали основным содержанием состоявшегося 9 апреля III съезда всероссийского общественно-политического движения «Духовное наследие». Выступивший с докладом лидер движения А. Подберезкин определил его главную задачу — формирование в общественном сознании государственно-патриотической идеологии. Актуальность этого вызвана, по мнению докладчика, тремя причинами.

Затянувшийся кризис в государстве перерос в «ползучую катастрофу», и Россию затягивало в заключительный этап смуты, грозивший стихийными бунтами. Власть не сделала никаких выводов из допущенных ошибок и осознанно усугубляла катастрофу, которой дала благозвучное название «реформы». С возрастанием влияния народно-патриотической оппозиции растет и степень ее ответственности за происходившее в стране.

По мнению участников съезда, единственным реальным выходом из тупика было возвращение людям четкого мировоззрения, которое должно сложиться из национальной самоидентификации, синтеза науки и веры, гармоничного взаимодействия интересов личности и общества, а также патриотизма.

Выступивший на съезде Г. Зюганов, обвинив власти в постигших Россию бедах, объявил о необходимости тщательно готовиться к

акциям 1 и 9 мая и обращаться уже адресно к конкретным виновникам, заняться серьезной работой в «красном поясе», бороться всеми доступными методами с коррупцией и преступностью, а также всячески содействовать союзу с Белоруссией, призванному стать основой нового крепкого государства.

На учредительном съезде российской организации Партии советских коммунистов 20 апреля в Москве было принято решение начать объединение сторонников «Трудовой России» В. Анпилова на территории бывшего СССР. Участвовали представители Российской коммунистической рабочей партии и «Манифеста советских коммунистов» из 34 регионов России, а также наблюдатели от ВКП(б) Н. Андреевой, РКП-КПСС, компартий Литвы, Кабардино-Балкарии, Татарстана.

Съезд направил приветствие Г. Зюганову. Делегаты утвердили план «похода на Москву», который наметили начать 12 июля из Тулы и Рязани, а завершить 18–21 июля акциями протеста в Москве.

Однако по мере осложнения социальной ситуации на местах функционеры КПРФ ощущали все большую конкуренцию со стороны леворадикальных и особенно национал-патриотических объединений. В областях Центра и Юга России заметно росла численность сторонников «Русского национального единства» (РНЕ) и Национально-республиканской партии России. В ряде случаев их активистам удавалось сорганизовать граждан на проведение острых акций, например, на перекрытие магистралей.

Аналитиками КПРФ был зафиксирован тот факт, что в ходе общероссийской акции протеста 27 марта лозунги митинговавших и леворадикальной оппозиции практически не отличались по содержанию. Политологи связывали это с тем, что настроения масс все более приближались по эмоциональным признакам к требованиям «Трудовой России» и КПРФ. Опасаясь потери влияния на рядовых коммунистов, руководство КПРФ после интенсивных консультаций заключило соглашение о «стратегическом сотрудничестве» с рядом коммунистических объединений, в частности, с Российской партией коммунистов и Российской коммунистической партией. Соглашение предусматривало согласованные действия в периоды массовых выступлений трудящихся. На IV съезде КПРФ был принят ряд документов, содержащих призывы к консолидации усилий различных

оппозиционных сил, в том числе резолюция «О единстве действий коммунистического, рабочего, аграрного и народно-патриотического движений».

Вместе с тем, по мнению аналитиков, реальную конкуренцию КПРФ в обозримой перспективе могло составить не радикальное крыло левого движения, а новый вариант «третьей силы» в лице Российской народно-республиканской партии (РНРП) под руководством А. Лебедя, учредительный съезд которой состоялся 14 марта 1997 года. В регионах активно создавались отделения РНРП — в основном, на социальной базе движения «Честь и Родина». На многих избирателей по-прежнему было велико влияние самой личности А. Лебедя.

Активисты РНРП ориентировались на проведение широкой агитационной работы, установление контактов с профсоюзными организациями и трудовыми коллективами, личное участие в акциях протеста. В этих действиях просматривалась цель перехвата у КПРФ роли основной оппозиционной силы и перетягивания на свою сторону тех социальных слоев, которые наиболее активно выступали против экономического курса властей и составляли опору коммунистического движения.

Несмотря на объявление президентом 1997 года годом общественного согласия, уже к концу первого полугодия политические процессы стали приобретать отчетливо конфронтационный характер. Отчетливо нарастала поляризация политических сил.

Основными полюсами нараставшего политического противостояния аналитики считали высшую исполнительную и высшую законодательную власти, соответственно группу «молодых реформаторов» в правительстве и левые фракции во главе с коммунистами в Государственной думе.

Главным яблоком раздора, по оценке экспертов, являлось решение кабинета министров о секвестре расходной части бюджета на 1997 гад, предусматривавшем значительное урезание финансирования важных сфер жизнедеятельности государства, а также намерение существенно сократить социальные льготы различным категориям населения. Немалыми раздражителями для парламентской оппозиции были также действия «молодых реформаторов» по проведению жилищно-коммунальной реформы и расчленению естественных монополий.

Противостояние вокруг ключевых показателей социально-экономического развития проходили на фоне нарастания атмосферы взаимной напряженности и неприязни. В ответ на жесткую антикоммунистическую риторику первого вице-премьера А. Чубайса на съезде «Демократического выбора России», вброс в средства массовой информации сценариев разгона нижней палаты парламента и участившиеся реплики президентского окружения о необходимости перезахоронения тела В. И. Ленина лидеры КПРФ на. пленуме своего ЦК выступили с резкими заявлениями в адрес главы государства и «молодых реформаторов».

В принятом обращении ЦК КПРФ к гражданам России под броским заголовком «Остановим диктатуру, защитим Родину!» содержался призыв готовиться к осенней всероссийской стачке протеста трудящихся с лозунгами: «Отставка президента Ельцина», «Отказ от губительного политического и экономического курса», «Создание правительства народного доверия». Левая оппозиция прямо обвиняла руководство страны в том, что нагнетаемый им кризис необходим прежде всего как предлог для роспуска Государственной думы, чтобы в последующем получить на определенный срок всю полноту власти в стране, довести до конца намеченные либеральные реформы и выполнить свои обязательства перед международными финансовыми организациями.

Маневрирование исполнительной власти осложнялось принятым большинством членов Совета Федерации обращением к органам государственной власти с призывом не допустить неконституционного роспуска нижней палаты.

Политическое противостояние в центре проецировалось на регионы. Они гораздо острее, чем столица, ощущали последствия социально-экономического кризиса. Это выливалось, с одной стороны, в активизацию на региональном уровне деятельности оппозиционных партий и организаций и, как следствие, в результате выборов в местные органы власти, с другой — в нарастание противостояния по иному водоразделу: регионы — центр.

Политологи, как отечественные, так и зарубежные, сходились во мнении о том, что оппозиция в России к 1997 году представляла весьма внушительную силу. Судьба реформ во многом зависела от правильного выбора и проведения реформаторами политической линии по

отношению к «протестному» движению. Очень важно было найти точный, обновленный взгляд на социальные слои, представлявшие оппозицию. Этого нельзя было сделать без отказа от ряда устаревших принципов в оценке состояния общества. Новым здесь, на взгляд исследователей, тяготевших к властным структурам, было то, что оппозиционная структура формировалась не по классовому признаку, а по политическим организациям, интересам, стремлениям тех или иных социальных групп населения.

Рабочий класс, по оценкам этих политологов, в количественном отношении имел устойчивую тенденцию к сокращению. То же происходило и с крестьянством. Что касается интеллигенции, то она не представляла из себя однородной общественной силы и проявляла себя лишь в той мере, в какой это было выгодно ее строго определенным группам. Поэтому рассчитывать на солидарность рабочего класса, крестьянства и тем более людей интеллектуального труда было бы роковой ошибкой. Не случайно ни одна политическая организация не выражала и намека на такую солидарность, которая еще недавно лежала в основе политической борьбы.

По мнению других исследователей, эта точка зрения является спорной. Они отвергают концепции, согласно которым классовый подход при решении политических и экономических проблем сегодня уже не может быть рычагом, способным перевернуть мир, как это представлялось в прошлом и в первой четверти двадцатого века. Дискуссии в стане оппозиции продолжаются.

Действительно, оппозиция исключительно разношерстна. Значительная ее часть базировалась на идеологии, на приверженности определенному социально-политическому строю, а точнее советскому образу жизни. Другая часть оппозиции преследовала сугубо политические цели — обретение власти, народной по своему характеру. Следующая часть оппозиции боролась за возрождение справедливых начал в развитии общества и государства. Этот перечень можно было бы продолжить, но есть еще один параметр, который мог бы объединить очень широкий спектр общественных сил — величие России в интересах большинства ее граждан.

В политике огромную роль продолжают играть личностные мотивы руководителей оппозиции. В том числе такие, как карьеризм, амбиции, корыстолюбие. Поэтому все попытки оппозиции объединить

в своих рядах различные социально-политические силы успеха не имели. За последние несколько лет возникали различные объединительные патриотические фронты, со-. юзы, движения, но все они канули в Лету или влачат незаметное существование. Одних только коммунистических партий в России — восемь. Идеологические расхождения наблюдались и в самой крупной из них — КПРФ.

В 1997 году формально она была отлучена от федеральной исполнительной власти. Это в 1998 году в правительство придут ее представители. А в 1997-м единственным властным ресурсом КПРФ была ее мощная фракция в Госдуме. Вместе с союзниками («Народовластие» и аграрии) КПРФ фактически обладала «контрольным пакетом» в нижней палате. Кроме того, ей принадлежали посты председателя Думы, одного из его заместителей, председателей ряда ключевых комитетов, в том числе по законодательству, безопасности, экономической политике, общественным организациям и другие.

Фракция в Госдуме отличалась неоднородностью. В ней выделялись два основных течения, сложные отношения между которыми наносили отпечаток на деятельность не только фракции, но и партии в целом. Одно течение настроено на использование по большей части «парламентских» методов ведения политической борьбы, а во «внепарламентской» сфере ориентировалось на взаимодействие с умеренным профобъединением ФНПР. Представители данного течения высказывали способность на взаимопонимание с той частью правительства, которую они считали «немонетаристски» настроенной.

Среди представителей этого течения преобладали выходцы из партийной, государственной и хозяйственной бюрократии, значительная часть которых более или менее успешно приспособилась к новым экономическим и политическим реалиям — председатель Госдумы Г. Селезнев, бывший председатель Госплана и член Политбюро ЦК КПСС, а затем удачливый бизнесмен Ю. Маслюков, бывший председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов, бывший секретарь ЦК КП РСФСР А. Соколов, бывший секретарь ЦК КПСС И. Мельников, заместитель председателя комитета Госдумы по бюджету Ю. Воронин. К этому же течению примыкали лидер КПРФ Г. Зюганов и его заместитель В. Купцов. Значительное влияние на «умеренных» в

КПРФ оказывало движение «Духовное наследие», возглавляемое депутатом Госдумы от КПРФ А. Подберезкиным.

Второе течение настроено более радикально. Оно «вышло» из «Трудовой России» и других радикальных коммунистических группировок начала 1990-х годов. По мнению представителей данного течения, любой компромисс с исполнительной властью лишь укрепит строй, сложившийся в России, и приведет к падению авторитета КПРФ среди протестно настроенного электората. Думскую трибуну «радикалы» использовали только для антиправительственной агитации и разоблачений. Что же касается законодательной работы, они придерживались принципа «чем хуже, тем лучше» и не Желали брать на себя даже символическую ответственность за выпущенные «рыночные» законы.

Если «умеренные» искали союзников среди профсоюзов, то для «радикалов» «синие профсоюзы» М. Шмакова слишком «соглашательски настроены». Наилучшими союзниками признавались мелкие леворадикальные группировки типа «трудороссов». В обоснование приводился тот факт, что «левые коммунисты» на прошлых парламентских выборах получили намного больше голосов, чем «Союз труда» и чуть было не попали в Думу.

К «радикалам» во фракции относили депутатов А. Макашова, Т. Астраханкину, В. Шандыбина и других. Кроме них, одним из лидеров «радикалов» считали члена ЦК КПРФ Т. Авалиани, делегированного партией в депутатскую труппу «Народовластие». В основном «радикалами» были депутаты-«заднескамеечники», не занимавшие руководящих постов ни на фракционном, ни на общедумском уровнях, хотя «непримиримостью» нападок на власть отличались и некоторые статусные думские фигуры, например, председатели комитетов В. Илюхин и В. Варенников.

В целом фракцию КПРФ отличали высокая дисциплина голосования как на пленарных заседаниях, так и в комитетах. При этом прагматично настроенным «умеренным» часто удавалось убедить проголосовать за компромиссные решения и «радикалов», особенно когда дело касалось специальных вопросов, в которых большинство радикально настроенных депутатов малокомпетентно.

Линия «умеренного» руководства фракции КПРФ на сотрудничество с правительством нашла свое отражение в целом ряде

действий, давших повод лидеру «Яблока» Г. Явлинскому назвать зюгановцев одной из партий правительственной коалиции. Большинство коммунистов голосовало за назначение В. Черномырдина на пост главы правительства, поддержало проект госбюджета на 1997 год. Против голосовали лишь «радикалы».

Таким образом КПРФ смогла «освоить» тот властный ресурс, который она завоевала на думских выборах 1995 года. Возрастали и претензии коммунистического руководства на непосредственное участие в работе исполнительной власти. Еще на заключительном этапе президентской власти Г. Зюганов, видимо, осознавая неминуемое поражение, сформулировал требования, которые аналитики интерпретировали не иначе, как попытку конвертировать «парламентский ресурс» во влияние на исполнительную власть.

Речь шла не только о согласительных органах типа создававшегося «круглого стола», но главным образом о полумифическом Госсовете, то есть фактически «коллегиальном президенте», в котором коммунисты имели бы заведомое большинство. Эта инициатива, по мнению некоторых политологов, прямо указывала на настроенность верхушки КПРФ на вхождение во власть в условиях, когда ее завоевание конституционными средствами представляется невозможным, а может даже и нежелательным. При этом, отмечали наблюдатели, зюгановцы готовы были идти на значительные компромиссы — соглашаться с делегированием в исполнительную власть своих сторонников без изменения программы правительства. Если во время работы Госдумы переход коммунистического вице-спикера В. Ковалева на пост министра юстиции был сочтен «предательством», то в 1996 году сопредседатель НПСР А. Тулеев вошел в кабинет министров с полного согласия руководства КПРФ.

На уровне федерального центра до 1998 года прямые переходы коммунистов в исполнительную власть носили характер «единичных казусов». Более приемлемой для Кремля была модель «перевоспитание статусом», то есть подтягивания к исполнительной власти умеренных фигур, оказавшихся на значимых постах в думской иерархии.

Несколько иная картина со вхождением КПРФ во власть на региональном уровне.

В 1996–1997 годах КПРФ, сохранив свой оппозиционный статус в глазах избирателей, фактически, в лице своего регионального

руководства, оказалась объективно приближенной к власти. В ряде регионов на губернаторских выборах победили кандидаты, поддержанные КПРФ. В результате часть выдвиженцев партии заняла высокие посты в структурах исполнительной власти в данных регионах.

Полностью «коммунизировалась» верхушка исполнительной власти Брянской области. Губернатором здесь был избран член КПРФ Ю. Лодкин, мэром областного центра — коммунист Н. Сарвиро. Сходная ситуация сложилась и в Рязанской области — губернатор В. Любимов, мэр П. Маматов. В других регионах одержавшие победу политики включили представителей поддержавшей их на выборах КПРФ в структуры исполнительной власти.

Впрочем, далеко не все партфункционеры на местах получили возможность инкорпорироваться во власть. Победившие на выборах кандидаты, как коммунисты, так и беспартийные, осознавали, что без профессиональной команды им не удастся сколько-нибудь эффективно управлять своими, по большей части депрессивными, регионами. Поэтому лидеры местных организаций КПРФ, как правило, получали «отступное» в виде поста вице-губернатора, а большинство должностей в администрациях заполнялись более или менее аполитичными хозяйственниками.

Среди вице-губернаторов той же Брянской области лишь один член КПРФ — С. Холощак, курирующий вопросы образования и культуры. Пост явно второстепенный в структуре администрации. Сходная ситуация и в регионах с губернаторами-некоммунистами. В Псковской области кандидат от ЛДПР Е. Михайлов ограничил приход во власть членов КПРФ назначением А. Колосова первым вице-губернатором, ответственным за промышленность, транспорт, связь и жилкомхоз. В Воронежской области И. Шабанов «продвинул» на руководящие посты в своем окружении двух зюгановцев — А. Меркулова (первый вице-губернатор, в прошлом депутат Госдумы) и В. Толчеев (председатель комитета по управлению имуществом, бывший член РКРП, перешедший в КПРФ), кроме того, организатор избирательных кампаний КПРФ В. Корнеев получил немаловажный пост руководителя аппарата администрации.

Аналитики отмечали, что из 19 губернаторов, выигравших выборы при поддержке блока НПСР, лишь пятеро формально состояли в КПРФ.

Зато в Воронежской, Рязанской и Брянской областях в связи с губернаторскими выборами возникали коллизии между «согласованным» кандидатом НПСР и «местной фигурой», пытавшейся делать ставку на областные партийные структуры. Правда, лишь в Воронеже «диссидент» участвовал в выборах, а в остальных случаях неудавшиеся кандидаты — депутаты Думы от этих областей — «всего лишь» вставляли палки в колеса официальным кандидатам.

Во многих случаях коммунистам приходилось ставить на наиболее проходную фигуру из «социально близких» политиков. Это само по себе предопределяло «компромиссный» стиль отношений партии с будущим губернатором. Интересно, что В. Стародубцев, избранный при активном содействии КПРФ губернатором Тульской области, не предоставил местным лидерам коммунистов постов вице-губернаторов, назначив, правда, ряд активистов КПРФ главами районных администраций. Сдержанность в назначении коммунистов на руководящие посты, по наблюдениям политологов, проявил и губернатор Волгоградской области, член КПРФ Н. Максюта. Его первыми назначенцами стали бывшие руководящие деятели старых обкомовских структур, а не КПРФ. К тому же и сам Максюта заявил: «Отныне партийные принципы не будут для меня определяющими. Если необходимо, то я готов приостановить свое членство в КПРФ».

Зато беспартийный В. Густов, пришедший к власти в Ленинградской области при поддержке широкого блока от коммунистов до демократов, счел возможным назначить на пост своего заместителя по социальной сфере коммуниста Воронцова, правда, пригласив на ряд других должностей реформаторов-рыночников.

Наблюдатели также заметили, что все губернаторы подчеркнуто дистанцировались от местных обкомов КПРФ, которые, впрочем, получили хорошие возможности для активной деятельности, расширения партийных рядов, ведения пропаганды, «расстановки» своих сторонников на среднем и нижнем уровнях аппарата администрации. Однако когда первый секретарь пытался возродить советские порядки и командовать губернатором, то получал решительную отповедь. Широкую известность в этом смысле получил случай с губернатором Ставропольского края А. Черногоровым, бывшим главой КПРФ в городе Ставрополе, который немедленно после избрания пресек попытку местного руководителя крайкома заняться

политической агитацией от имени краевой администрации. Необходимость сотрудничества с федеральной властью заставила глав администраций — коммунистов забыть о парт-дисциплине. Брянский губернатор Ю. Лодкин, например, сумел наладить конструктивное взаимодействие по финансовым вопросам области с А. Чубайсом.

Не только губернаторы, но и вице-губернаторы от КПРФ, получив в свои руки рычаги власти, сдвигались в сторону центра, в большей степени придерживались прагматических подходов к управлению находящихся в их ведении структурами. Реальный набор инструментов воздействия на социально-экономическую ситуацию у «левых» и «правых» губернаторов мало чем отличался, зависимость от федеральной «финансовой иглы» у них не ниже. Соответственно, выдвиженцы НПСР постепенно начинали ощущать себя не представителями КПРФ во власти, а органичной частью самой власти, что лишало их деятельность оппозиционного оттенка. Изгнанием из аппарата представителей конкурировавших номенклатурных группировок обычно заканчивалась «чистка», которая в общественном мнении связывалась с приходом к власти представителей КПРФ. Деятельность коммуниста-администратора на практике мало чем отличается от работы на аналогичном посту агрария или представителя умеренно настроенных промышленных кругов. Даже его отношение к средствам массовой информации не является особенно одиозным по сравнению с аналогичным стремлением установить контроль над информационной сферой, проявляемым типичным губернатором-«назначенцем» в прежние времена.

Новые администраторы из числа коммунистов и сочувствующих им политиков подвергались критике со стороны активистов КПРФ и более левых прокоммунистических организаций. Отказ от «свертывания» реформ, в лучшем случае их корректировка, вызывали недовольство радикально настроенной части оппозиции. Это было характерно даже для Воронежской области, в руководстве которой, как отмечалось выше, весьма велик процент членов КПРФ.

В то же время избранные при поддержке коммунистов губернаторы, как правило, не стремились форсировать процесс формального дистанцирования от КПРФ. Лишь несколько губернаторов сразу же после избрания «отреклись» от своего сотрудничества с комму листами. Среди них вступившие в движение НДР Боковиков и

Броневич — руководители небольших северных автономных округов. Справедливости следует отметить, что в отличие от Боковикова, Броневич получила поддержку КПРФ лишь перед вторым туром выборов.

Еще один случай «ренегатства» с точки зрения коммунистов — поведение губернатора Курской области А. Руцкого. Он не только отказался выполнить негласное соглашение и провести на пост главы законодательного собрания области коммуниста А. Михайлова, но и, резко выступил против планировавшихся мероприятий КПРФ и объединенной оппозиции, носивших ярко выраженный антиправительственный характер. Однако феномен А. Руцкого вполне объясним — его кандидатура на пост губернатора не встретила поддержки со стороны окружения А. Михайлова, а после того как кандидатура Руцкого была зарегистрирована, лидер КПРФ в области из основного кандидата превратился в запасного.

Сторонники Михайлова до конца рассчитывали, что Руцкого не зарегистрируют и их кандидату не придется выбывать из игры. В результате А. Михайлов только из-за давления со, стороны центрального руководства КПРФ снял свою кандидатуру в пользу А. Руцкого. Зюгановцы как в области, так и в центре рассматривали поддержку А. Руцкого как грубую ошибку, хотя другого выхода у них фактически не было — бывший вице-президент России был явным фаворитом выборов и, к тому же, коммунисты вряд ли смогли бы объяснить своим избирателям, почему они не оказали поддержки одному из сопредседателей НПСР.

Наконец, губернатор Калининградской области Л. Горбенко тоже вошел в конфликт с местной организацией КПРФ. В качестве «платы» за поддержку перед вторым туром Л. Горбенко назначил своим первым заместителем бывшего конкурента, лидера местных коммунистов Семенова. Однако тот лишь непродолжительное время занимал свою должность — между «первым» и «вторым» лицами области возник конфликт, закончившийся отставкой Семенова. Однако Горбенко по своей политической биографии был намного дальше от коммунистов, чем Руцкой, поэтому к числу «ренегатов» его, как и Броневич, можно отнести лишь с большой долей условности.

Еще более значительные позиции, чем в администрациях регионов, коммунисты получили в органах законодательной власти

субъектов Федерации. Пожалуй, только губернатору Саратовской области Д. Аяцкову удалось сделать с виду невозможное — на выборах, проходивших в 1997 году, коммунисты потерпели поражение. В некоторых регионах законодательные собрания возглавили местные функционеры КПРФ, ставшие тем самым членами Совета Федерации. В ряде крупных, городов сложилось существование реформаторски настроенных мэров и «красных» горсоветов, например, в Тамбове и Волгограде, которое приводит к возникновению конфликтных ситуаций.

Коммунисты в регионах, безусловно, играли заметную роль, а в ряде из них и доминирующую. Если их прорыв в законодательную власть регионов в 1994–1995 годах лишь в небольшой степени способствовал их инкорпорированию во власть, то губернаторские выборы 1996–1997 годов сделали этот процесс намного более активным.

Вотум недоверия правительству, инициированный думской фракцией КПРФ в октябре 1997 года, привлек внимание политологов в контексте особенностей оппозиционной борьбы после парламентских и президентских выборов.

Очевидно, изначально вотум недоверия рассматривался как тактический прием — независимо от того, имелось ли в виду действительно набрать за него 226 голосов. Мотивация таких действий, по мнению аналитиков, многообразна. Это и усиление давления на руководство радикального партийного актива, и стремление дать отпор «молодым реформаторам», попугать их перед бюджетным процессом. «Примирительное» выступление Г. Зюганова после отчета премьера в Думе 8 октября позволяло сделать наблюдателям вывод о том, что обострять ситуацию предполагалось лишь в ограниченных масштабах.

Однако впервые в его парламентской истории лидеру коммунистов пришлось столкнуться со столь сильным давлением со стороны радикалов. Во-первых, у них появился явный лидер — В. Илюхин. Во-вторых, такой курс были склонны поддержать несколько десятков депутатов. В-третьих, аналогичное требование сформулировали и думские союзники Г.Зюганова: аграрии — чтобы поднять планку корпоративного торга с правительством, Н. Рыжков — ввиду резкого обострения отношений со вторым лидером «Народовластия» С. Бабуриным. В этих условиях и родилась более радикальная позиция

коммунистов и их союзников — 146 подписей и требование дисциплинированного голосования за вотум под угрозой исключения из фракции.

Видимо, даже такая постановка вопроса не означала готовности фракции идти до конца — скорее всего, имелось в виду «подвесить» правительство угрозой второго вотума на период бюджетного процесса, набрав заодно и пропагандистский дивиденд. Вариант роспуска Думы даже в этих условиях оставался для коммунистов нежелательным, хотя рост рейтинга Г. Зюганова после его «легкой радикализации», заведомая невыгодность для власти выборов зимой 1997–1998 года и падавший рейтинг А. Лебедя позволяли коммунистам рассматривать роспуск Думы как крайний, но не невозможный вариант.

Наблюдатели особо подчеркивали политический риск такого развития событий для лидерского авторитета Г. Зюганова — ведь вотум недоверия означал бы крах политики «торга» с исполнительной властью, которая являлась «фирменным продуктом» Г. Зюганова, возглавлявшего как саму партию, так и ее фракцию в Думе.

Однако, по оценкам политологов, коммунисты не учли резкую реакцию президента и правительства на попытки КПРФ демонстрировать свой радикализм. Исполнительная власть закрыла для думской оппозиции вариант «подвешенного правительства», фактически предложив в обмен пакет уступок и согласительных процедур. Поэтому лидерам коммунистов пришлось давать задний ход, откладывая вопрос о вынесении вотума недоверия и занимаясь торгом с правительством.

Общий итог переговоров и маневров исполнительной власти и думской оппозиции неправомочно оценивать в терминах «побед» и «поражений». Тем не менее, «умеренные» в КПРФ вынесли из него целый ряд позитивных для себя последствий. Общим итогом событий двух октябрьских недель стал перелом общего вектора президентской политики с «конфронтационной», продемонстрированной радиообращением Б. Ельцина 3 октября, на «диалоговый». Объективно сместились акценты в расстановке сил в исполнительной власти — линия, традиционно ассоциировавшаяся с премьером, стала «общегосударственной», а уступки были обещаны «по ведомству» ненавистных «молодых реформаторов». Стали реализовываться давние коммунистические проекты «круглого стола» и, наконец,

исполнительная власть пошла на конкретные уступки, в том числе и в ревниво оберегаемой ею сфере СМИ.

Именно этот «пакет успехов» предопределил победу линии Г. Зюганова на партийном форуме. Пленум ЦК КПРФ, состоявшийся 18 октября, полностью одобрил линию «умеренных». Попытки радикальной части ЦК призвать к бескомпромиссной тактике не увенчались успехом — сторону «умеренных» приняли такие популярные среди протестной части массовой базы партии политики, как С. Горячева и В. Илюхин. Главным аргументом, убедившим радикалов из ЦК поддержать компромиссную линию, стал следующий — путем переговоров можно добиться большего, чем с помощью эффектных жестов.

Второй после КПРФ по численности и влиятельности партией оставалась ЛДПР. Наиболее жизнедеятельными были около одной трети ее региональных организаций. Партия активно участвовала в выборах, пополняла свои ряды. Кроме Пскова, где ЛДПР удалось выиграть губернаторские выборы, большое количество голосов получили ее кандидаты на выборах глав исполнительной власти в республике Марий-Эл — около 33 процентов голосов, в областях: Ивановской — 24, Читинской — 19,5 и Калужской — 10 процентов.

Правда, после выборов около половины организаций ЛДПР снизили свою активность. По наблюдениям экспертов, в отдельных региональных структурах ЛДПР продолжались расколы, ряд координаторов решениями руководства партии были сняты со своих постов — в основном за поддержку на выборах коммунистических кандидатов. Это касалось Кировской, Магаданской, Самарской областей, Алтайского края, Мордовской республики. В результате происходил отток членов ЛДПР в другие организации, в том числе в НПСР.

Численность в 1997 году по разным оценкам составляла от 200 до 300 тысяч человек, активная часть около 50 тысяч.

В оппозиции к правительству считало себя и «Яблоко». Это движение имело несколько крупных организаций, особенно в Краснодарском и Красноярском краях, Петербурге, Белгородской, Нижегородской и еще нескольких областях. В остальных регионах организации «Яблока» были немногочисленные, неактивные, скорее напоминавшие некие замкнутые клубы. На избирателей влияла

личность самого Г. Явлинского, его выступления и поведение. Других ярких фигур в движении не наблюдалось.

Немало споров вызывала политика профсоюзов. Власть и разбогатевший небольшой слой населения принимали широкий спектр мер для того, чтобы снизить социальную напряженность, или хотя бы перевести ее в неопасное социально-политическое направление. По мнению ряда аналитиков, одним их рычагов борьбы с радикализацией настроения масс и являлись независимые профсоюзы, а также несколько десятков профессиональных отраслевых союзов, появившихся практически во всех регионах Российской Федерации.

Независимые профсоюзы, возникшие в России в конце 80-х годов, с самого начала взяли курс на решительную поддержку политики Б. Ельцина в обретении Россией независимости. Некоторые политологи называют их одним из рычагов развала Советского Союза. Наиболее сильное влияние независимые профсоюзы имели в Москве. В 1990 году их возглавил М. Шмаков. В 1993 году он стал председателем независимых профсоюзов России. В их рядах около 42 миллионов человек.

С самого начала М. Шмаков взял курс на деполитизацию, увод членов профсоюзов от политики и подчинение всей их деятельности исключительно экономическим проблемам. До какого-то времени такую линию удавалось проводить, но с 1995 года данная тактика перестала срабатывать. Члены профсоюзов, вопреки установкам из центра, все активнее включались в политику. Не случайно на митингах политические требования начали приобретать все более масштабный характер.

М. Шмаков отказывался от совместных действий с патриотической оппозицией, упорно не соглашался даже на малейшую степень политизации своей организации. Но и он начал понимать, что политика уже ворвалась в широкие профсоюзные массы. Это особенно стало заметно в регионах. В таком же направлении движется и Москва.

По мнению аналитиков, политизация профсоюзного движения — вопрос времени, причем весьма близкого. Заангажированность М. Шмакова в этом вопросе придаст вовлеченности профсоюзов в политику не плавный, спокойный, а лавинообразный характер. Люди, испытывающие невероятные трудности в жизни, попавшие в плен

безработицы, голода, самой настоящей нищеты, начали прозревать, что истоки гибельного экономического курса — в большой политике.

Вопрос в том, в какое политическое течение окунется профсоюзное движение. То. ли его подхватит бурный поток радикального направления и оно будет содействовать реализации самых крайних мер по выходу из кризиса, то ли все обойдется без уличных беспорядков и широкие профсоюзные массы будут на стороне тех политиков, кто намеревается вывести страну из кризиса безболезненным путем.

По некоторым оценкам, из 42 миллионов членов независимых профсоюзов на улицы для участия в акциях протеста регулярно выходят более 20 миллионов человек. Безусловно, на эту мощную силу будут претендовать многие политики самой разной идеологической направленности.

Структура протестных сил, сформировавшихся в 1997 году, была бы не полна без рассмотрения движения Л. Рохлина. Западные наблюдатели сразу же отметили, что инициатива председателя думского комитета по обороне, члена проправительственной фракции «Наш дом Россия» генерала Л. Рохлина, создавшего «Движение поддержки армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) вызвала не только большое внимание со стороны президента Б. Ельцина и его ближайшего окружения, но и серьезное беспокойство по поводу возможных последствий этого шага.

Положение в армии действительно вызывало крайнее беспокойство в военной среде, а также широкую обеспокоенность в самом российском обществе. По оценкам объективных источников из высших армейских кругов, Вооруженных Сил России практически не было, что, по мнению многих офицеров, явилось результатом сознательной политики и действий.

Разговоры о военной реформе и президентский указ по этому вопросу не спасали положения дел в армии и на флоте. Это было очевидно для мало-мальски осведомленных людей, в том числе и для авторов последних решений в области военной политики.

С учетом вышеизложенного движение Рохлина имело под собой благодатную почву с точки зрения мобилизации широких слоев общественности, не говоря уже об армейских кругах, на активную поддержку вооруженных сил.

Некоторые представители власти считали, что с помощью определенных мер нужно если не покончить с этим движением, то, по крайней мере, свести его возможные негативные последствия для режима к минимуму. С другой стороны, его можно использовать как уникальную возможность «вычислить», точно определить тех военнослужащих любого уровня, которые примут в нем активное участие, для последующей очистки от них армейской среды. Формальный повод имелся — предстояло сокращение численности вооруженных сил в ближайшие два года на 500 тысяч человек.

Политологи сходились во мнении, что учредительный съезд движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки», прошедший в сентябре 1997 года, изменил конфигурацию политических сил в оппозиционной части российского общества. Генерал Л. Рохлин выступил с заявлениями более резкими, чем оппозиционеры со стажем из Народно-патриотического союза России.

Генерал поставил перед собой цель довольно объемного характера — попытаться объединить вокруг себя представителей военно-промышленного комплекса, недовольных политическим и экономическим курсом российской исполнительной власти. Нова ли была идея? Ведь и до Л. Рохлина существовали такие организации, как Лига содействия оборонным предприятиям, которая лоббировала интересы военной промышленности, «Союз офицеров» подполковника С. Терехова, пытавшийся привлечь в свои ряды офицеров, находившихся на действительной службе или уволенных в запас, многочисленные ветеранские организации. Их недостатком было отсутствие популярного лидера с громким именем.

Л. Рохлин восполнил этот недостаток. Авторитет генерала был чрезвычайно высок.

Л. Рохлину удалось привлечь в ряды своего движения целый ряд общественных организаций, представлявших интересы военнослужащих, ветеранов, работников оборонной промышленности. Достаточно сказать, что в июле 1997 года на заседании оргкомитета присутствовали представители 39 организаций. Однако, по мнению аналитиков из московского Центра политических технологий, радикализм высказываний генерала, его курс на открытую конфронтацию с исполнительной властью привел к тому, что умеренная

составляющая этих организаций максимально дистанцировалась от движения, создаваемого Л. Рохлиным.

Аналитики приводили такие примеры. Российский союз промышленников и предпринимателей, в оргкомитете движения представлял не его признанный лидер А. Вольский, известный как опытный и осторожный политик, а один из многочисленных вице-президентов РСПП И. Артюх, убежденный противник экономических реформ, занимавший консервативные позиции еще в перестроечный период. От Лиги содействия оборонным предприятиям в оргкомитет вошел ее вице-президент Л. Шулунов, а не президент А. Долголаптев, значительно более «статусный» функционер, бывший член Совета Федерации.

Российский союз ветеранов Афганистана в рохлинском движении представлял В. Костюченко, известный своими оппозиционными политическими взглядами, а также тем, что на выборах депутата Госдумы в Тульской области снял свою кандидатуру в пользу А. Коржакова и участвовал в его избирательной кампании. В. Костюченко играл большую роль в Российском фонде инвалидов войны в Афганистане, известном своей вовлеченностью в кровавый конфликт между различными группировками ветеранов-»афганцев». В рамках Российского союза ветеранов Афганистана он значительно менее влиятелен — председатель этой организации Ф. Клинцевич настроен лояльно к российской исполнительной власти и противился вовлечению «афганских» структур в оппозиционные политические комбинации.

Еще одна организация, примкнувшая к движению Л. Рохлина, — Всевеликое войско Донское во главе с атаманом Н. Козицыным, имевшим непризнанное в российских вооруженных силах генеральское звание. Политическая карьера Н. Козицына имела довольно извилистый характер — начав в качестве антикоммуниста, представителя «белого» казачества, он на губернаторских выборах 1996 года в Ростовской области поддержал кандидатуру коммуниста Л. Иванченко. Этого Н. Козицыну не забыл губернатор В. Чуб. В результате организация Козицына еще более, чем раньше, приобрела маргинальный характер.

Наиболее полно в движении оказались представлены ветеранские организации — Российский союз ветеранов вооруженных сил, Всероссийская ассоциация Героев Советского Союза и кавалеров

ордена Славы трех степеней, Российский комитет ветеранов войны. В руководство движения вошли их лидеры — известные военачальники прошлых лет Г. Яшкин, М. Одинцов, В. Говоров. Однако отношения между лидерами ветеранских структур тоже оставляли желать лучшего. В 1994 году имел место крупный конфликт в рамках ветеранских организаций, в ходе которого Г. Яшкин и М. Одинцов находились по разные стороны «баррикад».

Значительно более важным выглядело то, что в движении приняли участие многие «знаковые» фигуры оппозиции, обладавшие руководящими позициями в Госдуме. Среди них были четыре председателя думских комитетов. Кроме самого Л. Рохлина, это руководители, комитета по делам ветеранов В. Варенников, по промышленности, строительству, транспорту и энергетике В. Гусев, по конверсии В. Костин. В деятельности движения участвовали многие известные «отставники» — генерал-полковники В. Ачалов и А. Макашов, представители леворадикального «Союза офицеров» подполковника С. Терехова и другие. Начальником штаба рохлинского движения стал генерал-полковник И. Мальцев, бывший начальник Главного штаба ПВО СССР, уволенный в отставку за содействие ГКЧП в августе 1991 года.

Однако количество военнослужащих, находившихся на действительной службе и участвовавших в движении, было невелико, что, правда, по оценкам аналитиков Центра политических технологий, свидетельствовало не столько о непринятии ими политических установок Л. Рохлина, сколько о нежелании вступать в конфликт с начальством — позиция, знакомая еще по октябрю 1993 года. Что касается «отставников», то многие из них практически утратили реальную связь с армией и воспринимались в военных кругах как отыгранные фигуры или лица, заслуживавшие уважения, но слишком «возрастные».

В составе рохлинской организации представители спецслужб играли значительную роль, не ограничивавшуюся привлечением такой «знаковой» для отставных и действовавших разведчиков и контрразведчиков фигуры, как Л. Шебаршин — первый «раскрученный» средствами массовой информации начальник разведки, автор двух книг, написанных после ухода в отставку. Создание движения Л. Рохлина поддержали такие организации бывших

сотрудников спецслужб, как Клуб ветеранов госбезопасности, Совет ветеранов военной разведки, Клуб инвалидов и ветеранов военной контрразведки. Западные аналитики особо отметили наличие в числе участников движения Клуба ветеранов спецразведки Военно-морского флота. Именно в этой службе работал в течение многих лет контр-адмирал Г. Захаров, бывший заместитель А. Коржакова, уволенный из Службы безопасности президента вскоре после вынужденной отставки своего шефа.

Наличие в составе движения Л. Рохлина большого числа общественных организаций позволяло ему рассчитывать на довольно широкую поддержку со стороны различных групп населения, связанных с военно-промышленным комплексом. В то же время часть этих организаций лишь претендовала на значимую роль в общественно-политической жизни и носила скорее маргинальный характер.

Интересна информация, поступившая в некоторые аналитические центры из кругов, близких к генералу А. Лебедю. В ней появление на политической арене Л. Рохлина интерпретировалось как «активное мероприятие партии власти», пытавшейся ослабить влияние А. Лебедя на армию и снизить его рейтинг.

А. Лебедь был уверен, что в нужный момент он сумеет оторвать от Л. Рохлина часть электората из числа сторонников левой оппозиции, примыкавшей в рохлинскому движению. Такую уверенность А. Лебедь аргументировал своим все еще достаточно высоким рейтингом в армии и в регионах.

Социологи утверждали, что рейтинг А. Лебедя стабильно держался в провинции на уровне 12–15 процентов, а за время избирательной кампании мог быть доведен до 25–30 процентов. В этой связи А. Лебедь принял решение сосредоточить усилия своей команды на пропагандистской работе в регионах и в армейской среде. В отличие от тезиса Л. Рохлина о том, что вокруг армии сложилась тупиковая ситуация, А. Лебедь заявил: такой выход он лично знает.

По оценкам аналитиков уже упоминавшегося Центра политических технологий, структуры, ориентированные на генерала А. Лебедя, отнеслись к движению Л. Рохлина довольно прохладно. Оба генерала чувствовали, что являются потенциальными конкурентами. Поэтому, наверное, летом 1997 года Л. Рохлин дистанцировался от А. Лебедя под предлогом, что движение не должно служить полигоном для

будущих кандидатов в президенты. Хотя это не помешало тому же Л. Рохлину не только пригласить Г. Зюганова на сентябрьский съезд своего движения, но и дать выступить.

Организации, лидером которых являлся А. Лебедь — Российская народно-республиканская партия и движение «Честь и Родина» — поддержали создание рохлинского движения. Им и не оставалось другого. В противном случае они оказались бы в изоляции при работе среди работников военно-промышленного комплекса, на голоса которых А. Лебедь особенно рассчитывал. Но после съезда А. Лебедь выступил с резкой критикой Л. Рохлина и его организации. Кстати, сам А. Лебедь участия в съезде не принимал. Его отказ, весьма слабо прикрытый предлогом поездки в Японию. и Южную Корею, вполне логичен. Дело не столько в том, что тесные контакты лидера ДПА с левой оппозицией сделали бы невозможным самостоятельную игру А. Лебедя, а в том, что в тандеме с Л. Рохлиным А. Лебедь неизбежно бы проигрывал не столько как политик, сколько как личность.

По мнению А. Лебедя, Л. Рохлин не имел права «приватизировать тему армии», а КПРФ — с целью укрепления своих позиций — не имела права подмять под себя только что созданное движение. Кроме того, А. Лебедь задал несколько «неудобных» для Л. Рохлина вопросов: откуда идет финансирование движения, каким образом оно получило такие широкие возможности для ведения пропаганды.

Главное отличие А. Лебедя от Л. Рохлина, по мнению аналитиков Центра политических технологий, состояло в том, что если первый, борясь за привлечение на свою сторону рядовых активистов левых оппозиционных партий и движений, включая КПРФ, резко отмежевался от их лидеров, то второй готов был сотрудничать с самым широким кругом потенциальных союзников. Разделяли Л. Рохлина и А. Лебедя и отношение к чеченской проблеме. Если Лебедь старался выглядеть в качестве миротворца при разрешении конфликта, то Л. Рохлин, сам участвовавший в чеченской войне, считался сторонником решительных мер и однозначно дистанцировался от хасавюртовских соглашений.

В то же время противостояние двух генералов по чеченской проблеме выразилось в примечательном эпизоде, когда Л. Рохлин предложил предоставить Чечне независимость, «миротворец» А. Лебедь сразу же выступил против этого предложения с весьма экзотической аргументацией. «В мире около 400 различных

конфликтов, — сказал он, — связанных со стремлением к независимости. Если сегодня Россия признает Чечню суверенным государством, на следующий же день против России будут применены международные санкции». Такая реакция А. Лебедя свидетельствовала о его стремлении максимально отмежеваться от любых рохлинских инициатив.

Возможно, на взаимоотношения двух генералов оказывал влияние и личностный фактор. В некотором роде они представляли полную противоположность друг другу, хотя в массовом сознании воспринимались в одном ряду генералов-«афганцев». А. Лебедь вырос в «крепкой» благополучной семье, служил в основном в центральной России. Восемь лет в Рязанском воздушно-десантном училище, затем Тульская дивизия ВДВ, в Афганистане воевал около полугода. Л. Рохлин никогда не испытывал к своему отцу теплых чувств — он покинул семью, когда Льву было всего восемь месяцев. Л. Рохлин служил в Заполярье, Туркестане, Закавказье, в Афганистане находился более двух лет, был тяжело ранен.

Если карьера А. Лебедя до 1992 года развивалась поступательно и по армейским понятиям очень быстро — генерал-лейтенант и командующий армией в 42 года, то карьера Л. Рохлина была не столь стремительной. Хотя звание майора и подполковника он получил досрочно, в Афганистане был снят с должности командира полка за неудачно проведенную боевую операцию. Впрочем, по мнению хорошо знавших эту историю людей, провал операции нельзя было ставить в вину командиру полка. Несмотря на то, что он вскоре вновь вступил в командование полком там же, в Афганистане, этот случай и, возможно, тяжелое ранение привели к определенной задержке в дальнейшем продвижении по службе — командиром корпуса он стал в 46 лет. Для большинства офицеров это очень неплохой показатель, но по сравнению со стремительными военными карьерами П. Грачева (даже до 1991 года), А. Лебедя, Б. Громова, В. Миронова и других известных генералов-»афганцев» — результат скромный, особенно для него, неизменно блестяще заканчивавшего все военно-учебные заведения.

Поэтому аналитики допускали наличие не только политической, но и психологической, коренящейся в особенностях биографий, несовместимости двух генералов, которая наложила отпечаток на их

дальнейшие взаимоотношения. Уже осенью 1997 года союз между Л. Рохлиным и А. Лебедем выглядел крайне маловероятным.

Трагическая гибель Л. Рохлина в 1998 году послужила еще одним поводом для тщательного исследования его взаимоотношений как с соперниками, так и с союзниками. Общественность волновал вопрос: что двигало поступками Л. Рохлина, почему он, боевой генерал, прикормленный властями, член проправительственного движения «Наш дом Россия», выступил с требованием отставки президента. Это не укладывалось ни в служебные, ни в этические нормы: генерал требовал отставки своего Верховного главнокомандующего. У военных так не принято. И после этого его, вопреки логике, не исключили из состава НДР, где он занимал один из руководящих постов в думской фракции, более того, фракция НДР не освободила его от поста председателя думского комитета по обороне. Неужели его смелость была санкционирована свыше?

Аналитики принялись за скрупулезное изучение отношений Л. Рохлина с КПРФ и ее лидером Г. Зюгановым. Любопытные наблюдения в этом плане наработал тот же Центр политических технологий.

С самого начала работы по конституированию движения Л. Рохлин и его ближайшие соратники, включая недавнего министра обороны И. Родионова, предпринимали попытки интегрировать все имевшиеся организации военно-промышленного блока в «зонтичную»-структуру, которая максимально эффективно могла бы взаимодействовать с оппозиционными партиями и движениями, в первую очередь с КПРФ. В ней Л. Рохлин видел своего основного потенциального союзника. Лидеры КПРФ по достоинству оценили позицию генерала, не пожелавшего, подобно А. Лебедю, претендовать на роль единоличного политического вождя, и ограничившего свои устремления ролью лидера одной из наиболее протестно настроенных частей электората — работников военно-промышленного комплекса.

Две организации, близкие к КПРФ, стояли у истоков движения Л. Рохлина — «Духовное наследие» и Российский коммунистический союз молодежи. В числе участников движения было также социал-патриотическое движение «Держава», входившее в Народно-патриотический союз России. Его радикально настроенные участники не склонны были переходить вслед за своим бывшим председателем А.

Руцким на лояльные к властям позиции, а оперативно приняли решение поддержать инициативу Л. Рохлина.

КПРФ и ДПА были едины практически по всем основным вопросам — от стратегических, начиная от отношения к федеральной исполнительной власти и заканчивая конкретными проблемами военно-промышленного комплекса. И по второстепенным вопросам часто наблюдалось симптоматичное единство позиций. Например, благожелательное отношение к приморскому губернатору Е. Наздратенко. Недаром коммунисты вместе со своими союзниками в нарушение «пакетного» соглашения предотвратили изгнание Л. Рохлина с поста председателя комитета Госдумы по обороне. Были основания предполагать, что значительная часть актива рохлинского движения состояла из активистов КПРФ. Этим объяснялось создание в рекордно короткие сроки сети региональных отделений ДПА. Уже к 28 августа 1997 года филиалы движения были сформированы в 46 регионах, а на съезде объявлено о том, что сторонники Л. Рохлина представлены в 68 субъектах Федерации.

Союз Л. Рохлина с коммунистами, внешне оформившийся не только участием Г. Зюганова и других лидеров КПРФ в съезде ДПА, но и привлечением Л. Рохлина к работе совещания основных оппозиционных лидеров, состоявшегося сразу же после съезда, наводил на мысль о единстве их действий. В этой связи радикальные призывы Л. Рохлина, настаивавшего на отставке Б. Ельцина и поставившего эту задачу одной из основных для своего движения, находились в синхронном соответствии с «осенним наступлением» КПРФ.

Аналитики заметили, что Г. Зюганов именно на съезде ДПА сделал шаг в сторону от своей прежней позиции «сбережения Думы», выступив с нападками не только на политику исполнительной власти, что естественно для оппозиции, но и лично на президента, назвав его «главарем». Как опытный политик, Г. Зюганов понимал, что активное участие в деятельности рохлинского движения, открыто настроенного на конфронтацию с президентом, не будет способствовать улучшению отношений между исполнительной и законодательной ветвями власти. Личные же выпады воспринимались Б. Ельциным всегда очень болезненно — достаточно вспомнить особенности развития конфликта Ельцин — Хасбулатов. Как и ожидалось, реакция на «оговорку» Г. Зюганова последовала в радиообращении президента 3 октября.

Правда, многие эксперты и СМИ обратили внимание на то, что Л. Рохлин объявил — он намерен добиваться ухода президента конституционными средствами. И они же отметили высказывание генерала А. Макашова о том, что он и его сторонники действовали в октябре 1993 года в рамках Конституции. Особое внимание было обращено на следующие слова Л. Рохлина: «Нам необходимо принять все меры, чтобы не допустить антиконституционных действий власти против народа». Вполне вероятно, заметили наблюдатели, что Л. Рохлин не имел в виду экстремистских выступлений, но тот факт, что он так и не дезавуировал заявление А. Макашова, говорил о многом.

Тесный союз коммунистов с «рохлинцами» заставлял предположить, что КПРФ готова была к активизации своей деятельности, занятию более отчетливой оппозиционной позиции, что вело к противостоянию с президентом, вплоть до возможности проведения досрочных выборов в Госдуму. Эта особенность была показательна на фоне слабых стремлений президента к компромиссу с парламентом, проявлявшегося вплоть до выступления Г. Зюганова на съезде движения Л. Рохлина: незначительных поправок к закону о свободе совести, компромиссному поведению по отношению к белорусскому президенту А. Лукашенко в «деле Шеремета» (срыв визита А. Лукашенко в Ярославскую и Липецкую области пришелся уже на момент резкого ухудшения отношений между президентом и Госдумой).

Обращало на себя влияние движения Л. Рохлина на позиции активистов КПРФ. «Умеренные» коммунисты или радикалировались, или оставались в меньшинстве, в том числе даже в думской фракции — оплоте «умеренных» сил в КПРФ. Не осталось незамеченным и то, что председатель Госдумы Г. Селезнев оказался в числе двух коммунистов, не поддержавших Л. Рохлина при голосовании о его смещении с поста председателя комитета по обороне.

Все наблюдатели сходились во мнении, что левая оппозиция — и умеренная, и радикальная — в лице генерала Л. Рохлина и его движения получила весомого союзника. В российских политических кругах не прекращалась интенсивная дискуссия по поводу реального потенциала ДПА, к которой в своеобразной форме подключилась и военная прокуратура, пытавшаяся определить степень криминальности призыва Л. Рохлина к смене режима и власти. В связи с этим некоторые

«мозговые центры» иронизировали: «партия власти», наверное, готовилась сделать из Л. Рохлина «гонимого» и «опального», что неизбежно повысит его протестный вес сверх той меры, на которую было способно ДПА. Мол, пример карьеры самого лидера «партии власти» ни его, ни окружение ничему не научил.

Поддержит ли армия Л. Рохлина в форс-мажорных обстоятельствах? Сколько действовавших офицеров участвовало в учредительном съезде ДПА? Достаточно ли у российских спецслужб сил, чтобы нейтрализовать влияние ДПА на армию или нет? На эти вопросы искали ответы зарубежные аналитики.

Они же констатировали, что в истории российской оппозиции и, в частности, российской военной оппозиции, в движении Л. Рохлина присутствовало новое качество. Оно состояло прежде всего в том, что в отличие от своих предшественников Л. Рохлин являлся не изгоем, а заслуженным боевым генералом, пользовавшимся личным авторитетом, независимым от его политических взглядов. Рохлин, чего не было ни у Лебедя, ни у других представителей военной оппозиции, настоятельно отвергал понимание своего движения как политического, настаивая на том, что оно вполне совместимо с Конституцией, запрещавшей политическую деятельность в вооруженных силах, и не входил в противоречие с законом. И, наконец, ДПА выдвигало отдельные политические требования, например, отставку президента, не по идеологическим причинам, а в связи с «неспособностью» Верховного главнокомандующего справиться со своими обязанностями, что привело к развалу вверенной ему армии.

Глава 4
ЧУБАЙСБУРГ И БЕРЕЗОВГРАД

Третье «временное правительство». — Кульбиты Чубайса. — Тихий Березовский. — Татьяна Дьяченко на кремлевской службе. — Почему у них нет своих партий и общественно-политических движений. — Команда «молодых реформаторов» и В. Черномырдин. — Межклановая борьба в Кремле. — Дробление естественных монополий. — Очередной этап приватизации госсобственности. — Экономические элиты, их политический и информационный эквивалент.

Анализ конфиденциальной информации, поступавшей из государственных структур, приводил «мозговые центры» к выводу о том, что в системе исполнительной власти весной 1997 года сложилась «патовая» ситуация, не позволявшая создать дееспособное правительство и проводить более или менее сбалансированную политическую линию.

Помимо обострения борьбы за власть между В. Черномырдиным и А. Чубайсом, такое положение стало результатом разыгранной комбинации Б. Березовским, преследовавшим цель снизить шансы команде А. Чубайса на полную победу при заполнении общей кадровой схемы исполнительной власти. Б. Березовскому, в частности, удалось убедить членов семьи Б. Ельцина выступить против назначения «человека Чубайса» руководителем администрации президента и продвинуть на эту должность «незначительного, но верного» В. Юмашева. С ним заместитель секретаря Совета безопасности поддерживал прочные личные связи.

Было ясно, что этот маневр был проведен Б. Березовским «в пику Чубайсу» с далеко идущими целями. Он, в частности, позволил заместителю секретаря Совета безопасности закрепиться в ближайшем семейном окружении президента. Как утверждали компетентные наблюдатели, столь широкие перспективы открылись перед Б. Березовским после того как он буквально «очаровал» членов семьи Б. Ельцина личным участием в продвижении их интересов — переходом

на работу в качестве руководителя «Аэрофлота» зятя президента В. Окулова. Переместив другого своего протеже Е. Шапошникова в команду помощников президента, Б. Березовский сделал дальний прицел на попытку продвижения его на пост министра обороны.

Эти изменения позволили Б. Березовскому из под-. чиненного положения перейти в разряд самостоятельной фигуры, лавировавшей на противоречиях между группировками В. Черномырдина (естественные монополии) и А. Чубайса («молодые волки» из числа ставленников МВФ, части банкиров) и разыгрывавшей за счет этого собственную политическую линию.

Близостью к семье президента Б. Березовский получил доступ к наиболее выгодным «кускам» приватизируемой госсобственности и самым перспективным программам сотрудничества с Западом. По существу он заполнил «вакуум», образовавшийся в окружении Б. Ельцина с отставкой А. Коржакова, и перетягивал на себя курирование оставшихся «бесхозными» политических и экономических сфер, подчиненных ранее главе Службы безопасности президента.

Следствием обострения противоборства по лини Черномырдин — Чубайс и усиления политического влияния Б. Березовского стала «немыслимая» в нормальных условиях задержка с формированием правительственного кабинета и фактический провал линии на передачу всей полноты власти группировке А. Чубайса. В близких Б. Ельцину кругах говорили, что когда А. Чубайс узнал о «происках» Б. Березовского, он «впал в ярость» и кричал по правительственной связи, что публично откажется от поста первого вице-премьера.

Предложенный в качестве «компенсации за потери» А. Чубайсу пост министра финансов, в свою очередь, поверг в уныние В. Черномырдина, который, по мнению ряда СМИ, лишался «своего человека» — первого замминистра А. Вавилова, посвященного практически во все деликатные финансовые дела премьера, а также еще ряда своих сторонников в Минфине. Эти утраты существенно ослабляли позиции премьера в финансовом мире.

В этой связи отмечалось, что в самый горячий период формирования правительства — 15 и 16 марта В. Черномырдин проявил отчаянное сопротивление реализации планов А. Чубайса провести «ползучий правительственный переворот». Он трижды за те дни встречался с членами семьи президента и убеждал их поддержать

кандидатуры членов кабинета, представлявшие интересы естественных монополий. В это же время премьер усилил давление на А. Чубайса, проведя атаку через Центробанк на его ставленника — руководителя Федеральной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку Д. Васильева.

В целом наблюдатели воспринимали введение в правительство Б. Немцова в качестве первого вице-премьера и расширение числа вице-премьеров с четырех до шести как временное поражение А. Чубайса. Вновь отмечалась не последняя роль Б. Березовского в продвижении Б. Немцова в качестве противовеса А. Чубайсу, что должно было затруднить бывшему руководителю президентской администраций концентрировать власть в своих руках. В необходимости осуществления такого кадрового хода Б. Березовскому удалось уговорить как В. Черномырдина, так и Т. Дьяченко. Этот удар А. Чубайс будет компенсировать повышенной активностью, направленной на укрепление личных политических позиций, в том числе и за счет сближения с лидерами регионов через Б. Немцова. Поездка А. Чубайса в Кузбасс и четко выраженная поддержка его линии со стороны верхушки угольной отрасли, после чего состоялось решение о назначении его руководителем межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов, лишь подтверждала такого рода прогнозы.

Другим направлением укрепления своих позиций А. Чубайс считал инициированную на Западе кампанию по расчленению и регионализации естественных монополий, прежде всего РАО «Газпром». Эта кампания целенаправленно использовалась А. Чубайсом для давления на премьера. Она сопровождалась «выбросами» компромата на В. Черномырдина, на его ближайшие связи, в том числе руководителя «Газпрома» Р. Вяхирева, А. Вавилова, а также намечавшимся «выдавливанием» из Центробанка С. Дубинина. Именно так расценивалась публикация во французской газете «Монд» и перепечатанной газетой «Известия» статьи о личных доходах премьера, равных 5 миллиардам долларов, с намеками на связь с организованной преступностью.

Предполагалось, что кампания против естественных монополий будет вестись в основном руками Б. Немцова, которому готовилась роль «исполнителя» широкомасштабных замыслов А. Чубайса. Пока,

отмечали специалисты, новоиспеченный первый вице-премьер либо до конца не осознавал масштабности амбиций своего влиятельного «союзника», либо стремился использовать этот союз в интересах укрепления собственных позиций в московских инстанциях. У него были собственные властные амбиции и это проявлялось, в частности, в том, что он во всяком случае официально склонялся к более мягким подходам разрешения этой проблемы. Поэтому, считали аналитики, скорее рано, чем поздно, линия Б. Немцова войдет в конфликт с амбициозными замыслами А. Чубайса, в основе которых лежала «неуемная жажда личной власти».

Специалисты ожидали, что атаки А. Чубайса на премьера будут активизированы. Это было обусловлено не только личными амбициями первого вице-премьера, но и объективными обстоятельствами — главные противоборствовавшие группировки вступили в решающую фазу борьбы за передел государственной собственности и это будет подталкивать их к обострению «подковерной» борьбы. Тем самым «патовая» ситуация во власти будет постепенно преодолеваться и скорее всего не в пользу премьера, проявлявшего слишком большую податливость и терпимость в отношении своего главного соперника.

Премьер-министр, безусловно, понимал, что его новый первый заместитель Б. Немцов — часть выстраиваемой президентом сложной системы сдержек и противовесов в правительстве и что ему, главе кабинета, придется играть по предлагаемым правилам. В. Черномырдину было удобно сосредоточить усилия Б. Немцова на жилищно-коммунальной реформе. Тогда первый вице-премьер попал бы под огонь критики как со стороны Совета Федерации, так и левого думского большинства, искавшего возможность компенсировать в глазах избирателей неизбежное голосование за секвестр бюджета.

Стремительное обострение ситуации в межклановой кремлевской борьбе нашло свое отражение в силовых структурах. Размолвка, случившаяся 24 апреля на совещании руководства Минобороны, МВД и ФСБ, была отнюдь не случайной.

Натиск «чубайсовского крыла» кабинета в лице вице-премьеров Я. Уринсона и А. Коха на министра обороны И. Родионова с требованием продать ряд военных спецобъектов для покрытия провала в финансировании ключевых статей бюджета, касавшихся Минобороны РФ, был приурочен к предстоявшему визиту госсекретаря США М.

Олбрайт в Москву. Демарш кабинета имел целью показать, что театральная жесткость Кремля не связана с позицией военных. Отсюда интрига вокруг начальника ГРУ Генштаба Ф. Ладыгина, которого И. Родионов пытался «выдавить», а секретарь Совета обороны Ю. Батурин, наоборот, оставить в должности после достижения 60 лет. С этим же, по мнению наблюдателей, был связан и мощный прессинг «прочубайсовских» СМИ на вице-премьера правительства — министра внутренних дел А. Куликова. По данным зарубежных источников, группа А. Чубайса обретала возможность обострить отношения МО и МВД.

Какой виделась ситуация в российском руководстве зарубежным представителям в Москве?

Комментируя назначение Б. Немцова первым заместителем председателя правительства РФ, испанские дипломаты в Москве отмечали «неожиданность и непредсказуемость этого кадрового решения», истинный смысл которого, по их оценкам, заключается в укреплении позиций А. Чубайса, «политику которого должен претворять в жизнь весьма популярный в настоящий момент нижегородский губернатор».

Когда из состава правительства выведены наиболее могущественные противники реформ, а В. Черномырдин так и не сформулировал четко свою позицию по данному вопросу, «либерально настроенное крыло имеет значительный перевес». Одобрение этого назначения Г. Явлинским дает возможность Западу полагать, что именно «Б. Немцов способен через четыре года объединить демократические силы и привлечь на свою сторону электорат генерала А. Лебедя», подчеркивали диппредставители.

Испанские дипломаты считали Б. Немцова наиболее перспективным представителем региональной элиты, который не только завоевал симпатии населения, но и добился реальных результатов при проведении реформ в отдельно взятой области.

По оценкам германских корреспондентов в Москве, «Б. Ельцин остался верен однажды избранной финансовой стратегии», избавив россиян от неизбежного в случае немедленного объединения с Белоруссией экономического кризиса, а очередная попытка парламентской оппозиции изменить расстановку политических сил в Кремле с помощью Минска потерпела фиаско. Именно «обновленная

команда реформаторов во главе с А. Чубайсом и Б. Немцовым» смогла предотвратить утверждение варианта интеграции, предложенного А. Лукашенко, «чьи диктаторские замашки во многом способствовали ухудшению финансово-экономической ситуации в России».

В заслугу Б. Немцову, которого на Западе считали «главной движущей силой реформ», западногерманские журналисты также ставили его намерение добиваться полного погашения задолженностей перед бюджетом со стороны РАО «Единые Энергетические Системы» и «Газпром».

В связи с этим немцы отмечали, что хотя «позиции команды В. Черномырдина в российских структурах власти в последнее время заметно пошатнулись», особенно после отставки Г. Меликьяна, входившего в состав руководства «номенклатурной» партии «Наш дом Россия», и возглавлявшего Минтопэнерго П. Родионова, с которым В. Черномырдина связывала совместная работа в «Газпроме», самого председателя правительства России открыто поддерживали доминировавшие в Государственной думе коммунисты и фракции националистической направленности.

Английские политологи отмечали, что вопрос о реструктуризации естественных монополий со временем приобретал ярко выраженную политическую окраску, поскольку позволял гражданам России и представителям западных СМИ следить за теми протекавшими в высших эшелонах власти «процессами, которые обычно тщательно укрыты от посторонних глаз». По оценкам англичан, в России сложилась ситуация, когда «роль председателя правительства в формировании экономической политики государства несколько снизилась, но В. Черномырдин по-прежнему остается наиболее ответственным за действия своих новых подчиненных», которые, естественно, совсем не заинтересованы в его отставке.

Американские экономисты считали, что ни А. Чубайс, ни Б. Немцов не собирались дробить монолитную транснациональную компанию «Газпром», так как «понятия реструктуризации и совершенствование управления вовсе не означают фактическое разделение». Действия первых заместителей председателя правительства России представлялись на Западе вполне закономерными, особенно «после скандальных заявлений Р. Вяхирева в Государственной думе о засилье иностранных монополий».

Какие же планы вынашивались в правительстве России по реструктуризации естественных монополий?

После завершения основных кадровых перестановок в руководящем звене последовали его практические шаги, вызвавшие бурную реакцию в кругах политической и экономической элиты.

Своего рода детонатором этой реакции послужило предложение первого вице-премьера Б. Немцова «навести порядок» в естественных монополиях и последовавшие за этим конкретные акции правительства в отношении РАО «ЕЭС России» и РАО «Газпром».

Хотя, как отмечалось в совместном заявлении правительства РФ и Международного валютного фонда, речь шла лишь о вычленении из естественных монополий производств, таковыми не являющимися, все понимали, что за этим стояли далеко шедшие по своим политическим и экономическим последствиям для России замыслы.

Некоторые аналитики полагали, что этим могло быть положено начало самой разрушительной для российской экономики акции, конечной целью которой было расчленение РАО «Газпром» на 23 газовые компании, наделенные правами самостоятельных хозяйственных структур с возможным последующим образованием на их основе четырех-пяти новых корпораций по региональному признаку.

В результате проведения такого рода демонополизации Москва практически лишилась бы важнейшего рычага своего влияния в сфере международных отношений в диалоге с Западом.

Дробление газового монополиста, по мнению многих экспертов, привело бы лишь к удорожанию газа для производителя и, следовательно, для потребителя, и сделало бы его добычу нерентабельным. Это привело бы, в свою очередь, к тому, что функционировавшие российские предприятия встали бы окончательно.

Из двух «китов» в прошлом советской, а ныне российской экономики, один — военно-промышленный комплекс — уже был разрушен. Подошла очередь последнего — топливно-энергетического.

РАО «Газпром» — одна из немногих структур, которая сохранила объемы добычи и реализации газа — не только обеспечивала внутренние потребности страны, но и приносила устойчивые валютные доходы.

Она по сути бесплатно снабжала энергоносителями неплатежеспособные агропромышленный и военно-промышленный

комплексы, предоставляла населению бесплатно фактически каждый второй кубометр газа. В должниках у «Газпрома» числился 61 субъект Федерации. Таких неплатежей не выдержала бы ни одна компания в мире, и только масштабы «Газпрома» позволяли ему выжить.

По мнению некоторых экспертов, были основания считать, что А. Чубайс и Б. Немцов говорили не всю правду о естественных монополиях.

Б. Немцов в программе «Итоги» заявил о долгах РАО «Газпром» перед федеральным бюджетом на 14,9 триллионов рублей. Сумма, в самом деле гигантская, если не считать задолженности потребителей перед «Газпромом» на сумму почти в пять раз большую, из которой львиная доля приходилась как раз на бюджет.

Сальдо расчетов с бюджетом у «Газпрома» всегда было положительное, и Б. Немцов не мог не знать этого хотя бы в силу того, что та же Нижегородская область регулярно не платила за поставки газа, как и многие другие регионы.

Умолчал Б. Немцов и о функции «второго бюджета» (скрытого субсидирования населения), которые выполняла газовая монополия, и об отсутствии основного признака «неправильного» поведения монополии, выражавшегося в сверхвысоких ценах. В России давно уже цены на подавляющую часть товаров достигли международного уровня, чего нельзя было сказать о газе или об электроэнергии. Немцов также умолчал о четвертой российской естественной монополии — нефтетрубопроводной компании «Транснефть», разговоров о которой старательно избегали. Видимо, потому, делали выводы наблюдатели, что «Транснефть» напрямую была связана с бизнесом крупнейших западных нефтяных компаний, работавших в России.

Все это, по мнению аналитиков, подтверждало версию о том, что речь шла о новом витке гигантского передела собственности, затеваемого на российской политической сцене, или, по меньшей мере, борьбе за контроль над отраслью.

Причинно-следственная связь между деятельностью «Газпрома» и попытками его разрушить становилась все более прозрачной. Уже на официальном уровне говорилось, что главным инициатором осуществления жестких мер в отношении «Газпрома», как и компании «ЕЭС России» и МПС, был Международный валютный фонд,

выдвинувший в качестве одного из основных условий предоставления кредитов России именно проведение антимонопольной политики.

Российское правительство, находившееся в. жесточайшей зависимости от МВФ, вынуждено было под его давлением еще в 1995 году применить к «Газпрому» санкции, существенно уменьшавшие прибыль последнего. Был упразднен стабилизационный фонд, повышен акциз, сняты налоговые льготы.

Проведение политики «демонополизации» применительно к «Газпрому» преследовало вроде бы благородную цель — пополнение за счет компании доходной части бюджета и снижение благодаря этому размеров государственной задолженности. В этом были заинтересованы Минфин, Минэкономики и Госналогслужба, а также бедствовавшие силовые структуры — Министерство обороны, МВД, ФСБ, социальные — Минсоцзащиты, Минздрав, Миннауки. Они рассчитывали получить дополнительные бюджетное финансирование. Однако в российских условиях, где бюджетные средства имели обыкновение исчезать в различного рода «черных дырах», газпромовские деньги обогатили бы скорее привилегированных клиентов бюджета, нежели действительно помогли бы рассасыванию федеральных долгов.

На самом деле «демонополизация» естественных монополий привела бы к снижению конкурентноспособности «Газпрома» за рубежом, что отвечало интересам западных конкурентов РАО и стоявшему за ними Международному валютному фонду. Конкурентами в данном случае являлись транснациональные корпорации, ведшие разработку норвежских и других газовых промыслов. Именно норвежский газ являлся главным конкурентом российского на большинстве европейских рынков и прежде всего в Германии. Названия этих компаний хорошо известны, они входят в число так называемых семи сестер мирового нефтегазового комплекса.

Некоторые российские чиновники, сросшиеся собственными интересами с МВФ, в свою очередь, стремились получить политический и финансовый вес на Западе. Их действия удивительным образом отвечали стремлениям определенных кругов Запада поставить Россию в полную от них зависимость. Во всяком случае, замахиваясь на «Газпром», как одну из основ российской экономики, никто еще не доказал, что с ее разделением отрасль будет работать эффективнее.

Появлявшиеся в средствах массовой информации материалы, призванные опровергнуть доводы противников разрушения естественных монополий, выглядели неубедительно. В частности, расчленение советского монополиста воздушных перевозок — «Аэрофлота» на множество авиакомпаний не привело, как известно, ни к повышению безопасности полетов, ни к снижению цен на авиауслуги, ни к его дальнейшему развитию.

«Демонополизация» «Газпрома» привела бы к установлению над ним контроля со стороны зарубежных конкурентов, иностранных инвесторов, а также крупнейших российских банковских холдингов, связанных с иностранным капиталом.

Вместе с тем некоторые экономисты считали, что антимонопольная кампания была начата не ради исключительно разрушительных целей. А. Чубайс еще в 1993 году хотел расчленить «Газпром», но тогда ему этого сделать не удалось. В 1997 году уже незачем было разрушать то, что можно было перераспределить. Поэтому контроль над топливно-энергетическим комплексом мог носить характер промежуточной цели.

Новые президентские выборы намечались в 2000 году, но могли состояться и раньше. Сохранить же власть Кремлю можно было лишь с помощью тех «высокоэффективных избирательных технологий» и разовых финансово-популистских шагов, которые были использованы в период выборов 1996 года. Это требовало колоссальных затрат. Контроль над газовой и электроэнергетической монополиями, равносильный контролю над 15 процентами валового национального продукта, в значительной степени решал эту проблему. Перераспределив активы крупнейших компаний, власти смогли бы обезопасить себя от возможности использования этих активов своими политическими конкурентами. Поэтому некоторые аналитики рассматривали напор на топливно-энергетический сектор как один из шагов к установлению в России монополии на предвыборные финансовые ресурсы.

Вопрос о сформированном однопартийном правом правительстве не подлежал сомнению. Теперь речь шла об установлении однопартийного контроля над собственностью. Концентрация в одних руках власти, собственности и СМИ — ключ к решению правящей элитой проблемы выживания. Как смогут распределить властные

полномочия два молодых и весьма амбициозных политика, занимавших одинаковую ступень иерархической лестницы — покажет время. Аналитики не исключали, что согласованность действий А. Чубайса и Б. Немцова на начальном этапе становления обновленного правительства могло смениться со временем нездоровой конкурентной борьбой и скрытым противостоянием.

Развернувшиеся в середине апреля 1997 года события вокруг «Газпрома» ознаменовали начала нового этапа борьбы между двумя крупными группами финансово-промышленной элиты России, а именно: укрепившимися во власти представителями капитала, нажитого главным образом спекулятивным путем и взросшего на бюджетных средствах, и частью промышленно-финансовой элиты, имевшей тесные связи с промышленностью и выросшей на ее капитале, в том числе на капитале «Газпрома». Первая группа была тесно связана с западными финансово-политическими кругами. Нетрудно догадаться, на чьей стороне была большая часть ведущих средств массовой информации.

Итак, первый раунд поединка состоялся. «Газпром» в лице Р. Вяхирева обратился за поддержкой в Госдуму и получил ее со стороны практически всех фракций и депутатских групп. Сообщение о том, что в судьбе «Газпрома» прямо заинтересованы Международный валютный фонд и Мировой банк, вызвало бурю эмоций в Думе. В итоге она приняла за основу проект постановления, в первом пункте которого было записано: «Считать недопустимыми… действия, направленные на разрушение единой системы газоснабжения потребителей России, а также организационной структуры РАО «Газпром».

Фракции КПРФ, ЛДПР и «Народовластие» на случай, если бы не удалось отстоять целостность «Газпрома», готовили еще один законопроект, в соответствии с которым все заключенные тазовыми компаниями соглашения должны получать право на жизнь только после их утверждения на федеральном уровне.

В ответ два первых вице-премьера провели дружную атаку на естественные монополии и, главным образом, на «Газпром». Б. Немцов на заседании правительства сформулировал суть претензий: 35 из 40 процентов акций, закрепленных в государственной собственности, были переданы РАО без конкурса и бесплатно в доверительное управление. Государство не получило ни копейки от этой сделки, не

получало оно и причитавшихся дивидендов, которые, в соответствии с указом президента, шли на техническое перевооружение компании. Б. Немцов потребовал срочного приведения уставов акционерных обществ (монополий) в соответствие с законодательством.

А. Чубайс, поддержав Б. Немцова, предложил отдельно обсудить проблему «как с юридической, так и с содержательной стороны» и на одном из заседаний правительства принять принципиальное решение. А. Кох был еще более конкретен. Он отметил, что не понимает бурной инвестиционной деятельности «Газпрома», который может, к примеру, себе позволить купить акции НТВ, в то время как РАО является крупнейшим должником федерального бюджета и по идее все поступавшие на его «счет неплательщика» средства должны в обязательном порядке направляться в бюджет.

Наблюдатели отметили немаловажное обстоятельство: к моменту проведения этого заседания правительства В. Черномырдин в срочном порядке убыл в двухдневный отпуск. А накануне в средствах массовой информации прошла серия скандальных публикаций о миллиардах премьера, нажитых им якобы на связи с естественными монополиями.

14 апреля состоялась встреча главы «Газпрома» с Б. Немцовым. На ней была достигнута договоренность о том, что трастовый договор, согласно которому государственный пакет акций передан в доверительное управление руководству «Газпрома», сохранит свою силу, но «будет скорректирован». Таким образом, председатель правления «Газпрома» подтвердил, что его компания готова выполнить все основные требования А. Чубайса и Б. Немцова — выплатить долги, избавиться от непрофильных предприятий, скорректировать трастовый договор.

Тем не менее эксперты сомневались, что подобное развитие событий устроит «молодых реформаторов» из правительства. Конечная цель действа с естественными монополиями, как уже говорилось выше, состояла вовсе не в том, чтобы газовая промышленность и электроэнергетика избавились от неплатежей. «Молодые реформаторы» хотели взять под контроль естественные монополии. В РАО «ЕЭС России» им это частично удалось сделать. Первым вице-президентом компании по экономике, финансам, инвестиционной деятельности и ценным бумагам стал 28-летний выдвиженец Б. Немцова Б. Бревнов, являвшийся председателем правления банка «Нижегородский

банкирский дом», женатый на гражданке США. По мнению специалистов, он был абсолютно неизвестен в электроэнергетике страны. Б. Бревнову поручалось курирование вопросов финансовой стабилизации, реформирования и приватизации. Едва вступив в должность, он заявил о подготовке к реализации одного из инвестиционных проектов РАО «ЕЭС России» совместно с Мировым банком реконструкции и развития.

Оснований для того, чтобы проделать такую же процедуру с «Газпромом», у реформаторов из правительства пока не было. Поэтому, несмотря на то, что Б. Немцов нашел «взаимоприемлемое решение» с Р. Вяхиревым относительно будущего РАО «Газпром», напряженность в вопросе о перспективах этой естественной монополии не спадала.

На своей пресс-конференции 15 апреля председатель правления РАО «Газпром» Р. Вяхирев попытался, по его собственному признанию, «потушить факел конфликта» вокруг своей компании и опровергнуть выдвинутые против нее обвинения. Было сказано, что «Газпром» уже проводит внутреннюю реформу. Производители отделялись от транспортировщиков, а те и другие — от торговцев. А все, что к газу прямо не относилось, будет распродано.

Официальный долг «Газпрома» перед федеральным бюджетом оценивался в 14,8 триллиона рублей. Р. Вяхирев оперировал совсем другой цифрой, оценив чистый долг в 7 триллионов, которые он торжественно обязался выплатить до 10 июня 1997 года. Для этого «Газпрому» скорее всего пришлось бы искать кредиты на Западе. Причин две: с одной стороны, огромная задолженность газовикам со стороны внутренних потребителей, с другой — Р. Вяхирев недвусмысленно намекал, что кредиты могут быть получены только «под него».

Руководитель «Газпрома» заявил, что он категорически против арифметики двойных стандартов, использовавшейся по отношению к его компании. Оглашенная членами правительства величина долга «Газпрома» бюджету представляла собой сумму чистой задолженности плюс разного рода пени и штрафы за просроченные платежи. В то же время «Газпром» по отношению к своим должникам не начислял пени и штрафов. Вероятно, отмечали наблюдатели, эти его слова следовало понимать как констатацию факта негласной договоренности,

существовавшей ранее между «Газпромом» и правительством о взаимном неприменении штрафных санкций.

В преддверии решающих схваток «Газпром» мобилизовывался. Была проведена очистка газпромовских структур от всего, что отвлекало от основной деятельности. Осуществили специализацию: буровиков собрали в единую компанию, каждое крупное предприятие по добыче превратили в самостоятельное дочернее акционерное общество, создали единую транспортную компанию. Крайне важным звеном стало создание специальной торговой фирмы «Межрегионгаз» для реализации газа на внутрироссийском рынке. Раньше этим занимались транспортные предприятия.

Продолжалась работа по совершенствованию структуры управления, централизации управления акциями в тех банках, где была доля «Газпрома», расширения круга подконтрольных ему средств массовой информации.

Но нельзя было забывать и того, что А. Чубайс заверил главу Международного валютного фонда в том, что программа демонополизации таких крупных российских структур, как РАО «Газпром» и РАО «ЕЭС» будет выполнена до конца.

Исполнение этого обещания столкнулось со многими трудностями. И дело было не только в однозначной позиции Госдумы и скрытом сопротивлении премьер-министра, но и в отсутствии единства среди ключевых фигур в команде реформаторов по тактике, конечным целям и путям осуществления политики демонополизации. Аналитики видели, что наиболее радикально был настроен А. Чубайс. Позиция Б. Немцова подвергалась некоторым изменениям в зависимости от обстоятельств. 12 апреля Б. Немцов в своем телевизионном интервью ведущему аналитического выпуска программы «Время» С. Доренко заявил о том, что «расчленения «Газпрома» не будет». В последующем он вновь подчеркивал, что под реформированием «Газпрома» следует понимать не процесс «дробления» компании, а осуществление мер, направленных на повышение эффективности работы госпакета акций концерна, находившегося в управлении у руководителей «Газпрома».

По мнению аналитиков «Газпрома», Б. Немцов так до конца и не стал представителем команды А. Чубайса в качестве публичного политика. В «мозговом центре» этой естественной монополии

превалировала версия, будто В. Потанин использовал Б. Немцова для шантажа «Газпрома».

Всем мало-мальски образованным людям в стране было ясно, что дальнейшая судьба РАО «Газпром» имела для России не только важное экономическое, но и политическое значение. Итоги развязки борьбы за эту компанию показали бы истинный расклад политических сил в структурах высшей государственной власти и предопределили бы направления дальнейшей эволюции страны.

В июне 1997 года исполнилось сто дней работы обновленного кабинета министров, названного некоторыми политологами третьим «временным правительством». Эта дата прошла почти незамеченной, тем более, что В. Черномырдин убыл в отпуск, оставив «на хозяйстве» А. Чубайса. В отсутствие премьер-министра «молодые реформаторы» развернули свою деятельность на полную мощь, по всем направлениям политики, экономики, финансов, совершенствования системы госуправления и т. д.

Одним из векторов активности правительства явилось декларированное А. Чубайсом и давно предлагавшееся многими экспертами усиление роли государства в подъеме экономики страны. С этой целью, в частности, проводились мероприятия по наведению порядка в сфере финансов, усилению контроля за естественными монополиями, упорядочению межбюджетных отношений, выработке и реализации новой социальной политики. Одновременно усилилось давление на Думу с целью добиться создания законодательной базы для продолжения либеральных реформ и наступление на региональные элиты в интересах ограничения их политических и экономических амбиций.

Активность новой команды реформаторов впечатляла. Развернулась деятельность по всем пунктам действительно насущных «семи важных дел» правительства, утвержденных Б. Ельциным. Но судить о результатах и тем более умиляться успехам было еще рано. Налицо было осуществление только одного шага — выплата к 1 июля задолженности по пенсиям. Однако некоторые экономисты отметили, что проводилось оно за счет других не менее важных сфер.

По другим шести пунктам, может быть, кроме того, в котором «честно и открыто объяснять гражданам страны все действия правительства», сдвигов заметить почти невозможно. Борьба с

коррупцией ограничилась несколькими генеральскими делами «квартирного характера» и заполнений деклараций о доходах, которые никто не проверял. Вместо объявленного подъема экономики в секвестированный бюджет официально заложили спад. Намеченное в программе сокращение госаппарата привело за месяц к тому, что в Белом доме стало не хватать кабинетов. В этот же ряд можно было отнести и результаты функционирования Временной чрезвычайной комиссии, начавшей весьма решительно и многообещающе.

Аналитики задавали вопрос: понятно ли правительству, что, имея дело с чрезвычайной социальной ситуацией, кризисом экономики, с возрастающей нестабильностью в регионах, нельзя ограничиваться лозунгами, даже хорошо обеспеченными в пропагандистском плане. Все более необходимой становилась хорошая проработка программ и законов, их одобрение законодательными органами и целенаправленная деятельность по реализации.

В этой связи большое значение приобретало качество взаимоотношений правительства с Федеральным собранием. Данный вопрос постоянно находился в поле зрения правительства. Такого внимания верхняя и нижняя палаты парламента не удостаивались давно. Для достижения результатов кабинет министров испытывал и кнут, и пряник.

В частности, активно использовались слухи о планах роспуска Думы, тезисы о расширений функций Совета Федерации. Просчитывались варианты нового распределения мест в нижней палате в случае выборов летом, осенью или зимой. Также изучалась реакция на якобы достигнутый А. Чубайсом и Б. Немцовым договор с Г. Зюгановым и Н. Рыжковым о компромиссе по социальному блоку программ и секвестру бюджета.

Одновременно в правительственных кулуарах разнесся слух об отставке премьер-министра и замене его А. Чубайсом, как реакции президента на неуступчивость Думы. Муссировалась версия о том, что В. Черномырдин целиком сосредоточится на политической деятельности в НДР.

Аналитики терялись в догадках, насколько выгодно было Б. Ельцину заниматься в тот момент кадровыми перестановками в высших эшелонах. Вероятно, это зависело в значительной мере от политической конъюнктуры и степени заинтересованности в фигуре премьера,

обладавшей авторитетом, признаваемой «партией власти» и оппозицией.

Обращало на себя внимание регулярное восхваление президентом Б. Ельциным успехов команды А. Чубайса и одновременно противопоставление ей работы В. Черномырдина. Деятельность возглавляемого им правительства даже сравнивалась с практикой союзного совета министров застойных времен. В данной ситуации в кулуарах вновь усилилось обсуждение вопроса о возможной отставке премьера. Эти слухи решительно опровергали вице-премьеры О. Сысуев и ***Я.*** Уринсон, а А. Чубайс и Б. Немцов старались не давать ни малейшего повода усомниться в создании в правительстве команды единомышленников. Внешне эта команда так и выглядела, действуя единым фронтом. Только А. Тулеев и А. Куликов не вписывались в «стройный хор». Но и они были вынуждены по большинству вопросов принимать общую позицию под угрозой необходимости покинуть правительство.

Настораживало, однако, стремление молодых первых вице-премьеров расширить свои властные возможности. А. Чубайс, в частности, сумел добавить к своим многочисленным обязанностям руководство комиссией по вопросам финансовой и денежно-кредитной политики, комиссией по государственному внешнему долгу и финансовым активам РФ, комиссией по финансовому обеспечению военной реформы. Прибавилось полномочий у Б. Немцова и Я. Уринсона. Таким об-разом, по влиятельности А. Чубайс не уступал премьер-министру, особенно с учетом «общекомандных» возможностей, включавших поддержку руководителя администрации президента В. Юмашева и лично Б. Ельцина.

В этих условиях позиция «невмешательства» В. Черномырдина могла объясняться его надеждой или даже уверенностью в том, что чубайсовская команда не сумеет выполнить всех обещаний или сделает это с такими последствиями для экономики и социальной сферы, что вызовет открытый протест общества и соответственную реакцию президента.

Пока же А. Чубайсу удавалось играть роль бесспорного лидера в команде, несмотря на утверждения некоторых наблюдателей о Б. Немцове как возможном противовесе.

Еще одно преимущество, с которым противники или критики А. Чубайса не могли не считаться, — поддержка и доверие влиятельных финансовых кругов. Об этом свидетельствовало и интервью Б. Березовского, опубликованное 17 июня 1997 года в газете «Коммерсант» и посвященное годовщине первого тура президентских выборов, в результате которых Б. Ельцин вновь стал главой государства. Именно в период подготовки к выборам российский капитал, обеспокоенный возможностью прихода к власти Г. Зюганова, по словам Б. Березовского, сделал ставку на А. Чубайса как организатора, способного на выделенные финансовыми элитами деньги обеспечить победу на выборах тому кандидату, который бы защитил их интересы.

Судя по высказываниям тогдашнего заместителя секретаря Совета безопасности, союз представителей капитала с участием первого вице-премьера со времени выборов претерпел некоторые изменения, но возможностей к возобновлению деятельности и укреплению не растерял, особенно в случае возникновения серьезных общих проблем.

Интервью Б. Березовского было расценено многими экспертами как заявление о готовности стоявших за ним представителей российского капитала поддержать молодых членов правительства в проведении непопулярных реформ, способных дестабилизировать ситуацию в стране. Переданную газете информацию об отработанных в 1996 году механизмах предвыборной борьбы можно было понять как решимость применить их вновь. Другое дело, что Б. Березовский известен как автор и специалист нестандартных решений и у него всегда был в запасе вариант, гарантировавший от проигрыша при неблагоприятном развитии ситуации. Поэтому информация о имевших место контактах заместителя секретаря Совета безопасности с Г. Зюгановым вполне могла подтвердиться.

Деятельность двух первых вице-премьеров свидетельствовала о наличии у них примерно одинаковых личных планов на будущее, не ограничивавшихся тогдашними высокими правительственными постами. В этой связи аналитики считали неслучайным продвижение «молодыми реформаторами» идеи проведения праймериз — общественных отборочных выборов. Судя по рейтингам популярности, преимущество удерживал Б. Немцов, рассчитывавший на поддержку части избирателей.

Что касалось А. Чубайса, то по ряду причин, в том числе и в связи с приватизационным прошлым, ему вряд ли светило укрепиться в сердцах электората. В такой ситуации возможным и вполне легитимным наблюдатели считали назначение А. Чубайса премьером президентским указом, но в случае роспуска Думы. Проведение же новых парламентских выборов по мажоритарным округам при их хорошей организации, по некоторым оценкам, способно было создать послушную или управляемую Думу. Вот только сбрасывать со счетов В. Черномырдина пока было еще рано.

Тогдашний премьер-министр хорошо понимал опасность быть отодвинутым при попустительстве президента, и потому усиленно расширял контакты во всевозможных пластах власти и общества. Характерными примерами являлись взаимоотношения В. Черномырдина с Думой, с большинством региональных лидеров, а также изменение тактики действий НДР, которая постепенно отказывалась от роли политической обслуги Кремля, превращаясь в ряде случаев в оппозиционную силу. Наблюдатели обратили внимание на поездку министров-силовиков в Сочи, где отдыхал премьер, которая состоялась за день до его возвращения в Москву. Конечно, согласование вопросов разработки военной реформы очень важная причина для такого вояжа, но в Белом доме был исполняющий обязанности председателя правительства А. Чубайс, а проблема реформы была срочной уже не один год и могла бы подождать еще один день. Возникал вопрос: не являлось ли это событие демонстрацией особых отношений между В. Черномырдиным и силовыми структурами, неприязнь которых к А. Чубайсу скрыть трудно?

Все более реальным становился прогноз некоторых экспертов, предсказывавших, что в случае отставки премьера, «Наш дом Россия» превратится в его политическую базу как кандидата на президентский пост в 2000 году. Сигналом для развития такого сценария могло бы послужить определение Б. Ельциным престолонаследника из числа «молодежи».

В данной ситуации даже просчитывалась возможность, хотя еще и весьма призрачная, появления блока Черномырдин — Лужков. Такая связка способна была не только теоретически, но и практически решить проблему победы на выборах. По крайней мере, у нее бы хватило для этого экономических да и политических средств.

Но в 1997 году московский мэр, демонстрируя преданность Б. Ельцину, вынужден был находиться в оппозиции его фаворитам. На состоявшейся в начале июня встрече с президентом Ю. Лужков заверял, что у него нет принципиальных разногласий с федеральной властью. Но на позднейшем этапе конфликта Ю. Лужкова с А. Чубайсом президент явно поддержал последнего. Московскому руководителю было указано на несоответствие его высказываний по Крыму и Севастополю политике России, и в итоге предписано заниматься делами в своей «вотчине».

Однако в той ситуации, которая сложилась в стране, это вряд ли было возможно. Ю. Лужков продолжал деятельность по укреплению своих позиций в регионах путем поддержки тех или иных местных руководителей, оказания экономической помощи и расширения взаимовыгодных связей, своей деятельностью укреплял позиции в Совете Федерации.

Несколько неожиданно прозвучало 9 июня обвинение председателя Совета Федерации Е. Строева в «далеко идущих политических планах», связанных с президентскими выборами 2000 года. С этим заявлением выступил президент фонда «Политика» В. Никонов, утверждавший, что в этой связи особенно опасен для России союз Е. Строева с лебедевским соратником С. Глазьевым, взгляды которого не соответствовали проповедывавшейся российским руководством экономической идеологии. В любом случае информацию об амбициях председателя Совета Федерации нельзя было считать случайной, как и то, что он не без оснований претендовал на роль лидера региональных элит.

А. Лебедю не удалось продвинуться в реализации своих планов по завоеванию потенциальных сторонников. Почти единственная попытка «показать себя» была связана с телеграммой поддержки лично приморскому губернатору. Не проявил себя генерал и в отстаивании интересов армии, хотя и принял участие во всероссийском офицерском собрании после президентского разноса И. Родионову и В. Самсонову. Правда, наблюдатели не исключали работы его сторонников непосредственно в воинских коллективах. Планы А. Лебедя по-прежнему строились на ожидании ошибки властей, которую он считал неизбежной.

Согласно проведенному ВЦИОМ в конце мая — начале июня социологическому опросу, получен следующий порядок распределения политиков, пользовавшихся наибольшим доверием россиян (в процентах): Б. Немцов — 25, А. Лебедь — 15, Ю. Лужков — 14, Г. Зюганов — 14, Г. Явлинский — 11, Б. Ельцин — 8, В. Черномырдин — 7, В. Жириновский — 4, А. Чубайс — 3, Е. Гайдар — 2.

Деятельность «молодых реформаторов» по оказанию давления на Думу, кроме прочего, не способствовала и укреплению авторитета правительства в лагере сенаторов. В Совете Федерации было подготовлено заявление «О поддержке конституционного порядка в стране», в котором выражалась озабоченность возможностью неконституционного роспуска нижней палаты парламента, что, по мнению подписантов, могло привести к обострению социально-политической обстановки в стране. Документ подписали члены Совета Федерации, представлявшие различные регионы и придерживавшиеся различной политической ориентации.

Заявление многими экспертами было расценено как свидетельство того, что представители региональных элит не заинтересованы в изменении сложившейся расстановки сил в высших органах власти и опасались ущемления в перспективе и своих интересов.

Одним из направлений активности правительства, призванной поднять его престиж и расширить поддержку в массах, была работа со СМИ. Наблюдатели отмечали, что определенные результаты были достигнуты, особенно в тех случаях, когда эта работа проводилась планомерно и квалифицированно. Наибольших успехов исполнительная власть и поддерживавшие ее элиты добились на телевидении и радио. Неплохо оценивалась экспертами пропаганда программы «семь главных дел правительства России». В то же время удалось создать информационный барьер для А. Лебедя, Ю. Лужкова, Г. Зюганова как наиболее опасных претендентов на высший государственный пост.

Однако были и срывы, которые были расценены Фондом защиты гласности как попытки «усмирения средств массовой информации, публикующих нежелательные правительству материалы». Речь шла прежде всего о журнале «Российская Федерация» и областной газете «Тамбовская жизнь».

Оппозиция считала, что А. Чубайс и его команда накануне решительных схваток за власть стремились взять под свой контроль средства массовой информации. Со своей стороны, КПРФ посвятила вопросу информационно-пропагандистской работы специальный пленум ЦК, состоявшийся 21 июня.

Но, несмотря на развернутую «молодыми реформаторами» наступательную пропаганду своих начинаний, рост доверия масс к власти и ее лидерам не наблюдался. Более того, все явственнее формировалась тенденция критического отношения простых россиян к правительству.

Многие независимые эксперты полагали, что кредит доверия, отпущенный первым вице-премьерам, на исходе. Даже их союзник и один из идеологов либеральных реформ Е. Гайдар считал, что «у этой команды есть время до октября». Самыми серьезными проблемами для правительства, по его мнению, являлись невыплаты зарплат и пенсий, низкий уровень оплаты труда, а также рост безработицы.

Прогнозировалось, что осенью 1997 года значительная часть населения почувствует первые последствия жилищно-коммунальной реформы и вероятной отмены многих льгот. Только 6 процентов опрошенных целиком поддерживали эту реформу, а более 60 процентов относились к ней резко отрицательно или с сожалением. Около 10 процентов россиян уже тогда вообще не платили за квартиру и услуги.

На кого могли опереться «молодые реформаторы»? Поддерживавшие правительство партии и движения были малочисленны и слабо организованны. На средний класс? Он, вероятнее всего, и должен был пострадать от социальных реформ. На интеллигенцию? Она была бедна и неавторитетна, занята добыванием средств на выживание. Первые вице-премьеры активизировали свою деятельность по обеспечению поддержки региональных элит, в том числе на базе ассоциаций «Сибирское соглашение» и «Большая Волга». Однако этого было явно недостаточно.

В данной ситуации обратило на себя внимание политологов принятое 12 июня пленумом совета «Демократического выбора России» заявление «Об отношении к новому курсу правительства», в котором содержался призыв к президенту «решительно поддержать» кабинет министров в осуществлении «реформирования экономики». А. Чубайс объявил на пленуме о «поворотном этапе в проведении

реформ», которые превратят Россию в «высокоиндустриальную страну с необычно высоким уровнем жизни», вопреки всем, кто «ненавидит наши дела».

Назвав себя принципиальным противником любых досрочных изменений в законодательной власти, председатель ДРВ тем не менее подготовку к возможным новым думским выборам объявил приоритетом политики партии в ближайшие месяцы. По мнению Е. Гайдара, «идея единства демократов в нашей стране воплотилась не в виде союза партий, а в виде союза в правительстве», где работали А. Чубайс, один из создателей «Демократического выбора России», В. Черномырдин — лидер НДР и Б. Немцов, которого поддерживало «Яблоко». Вот только гарантий прочности объединения этого «триумвирата» в кабинете министров не давал никто.

Интересной в данной ситуации представлялась позиция руководства «Яблока», считавшегося партией интеллигенции. Сам Г. Явлинский сделал летом 1997 года ряд громких заявлений гневно-разоблачительного характера, в том числе о намерении добиваться отставки обновленного кабинета министров. По его мнению, правительство не могло собрать налоги, создать бюджет и управлять государственными финансами, не способно было остановить развал армии и обеспечить безопасность граждан, выплатить пенсии и зарплаты, не в состоянии преодолеть стагнацию в экономике и коррупцию в госаппарате, обмануло страну с бюджетом-97 и лукавило с секвестром. Лидер «Яблока» назвал «семь главных дел правительства» блефом и заявил, что ничего «яблочного» в обновленном кабинете нет.

Так что Е. Гайдар несколько переоценил поддержку Б. Немцову и правительству со стороны Г. Явлинского и его команды.

Летом 1997 года, как отмечали наблюдатели; в борьбе между «тандемом» А. Чубайс — Б. Немцов и премьером В. Черномырдиным наблюдалось некоторое затишье. Ему тут же придали тактический характер.

По наблюдениям аналитиков, после неудачного «удара в лоб» по ограничению полномочий премьера, предпринятого в марте, «молодые волки» усилили на него косвенное давление — как закулисное, так и пропагандистское. Они пользовались некоторым преимуществом, поскольку удалось не только заручиться поддержкой президента и ряда влиятельных банковских структур, но и захватить ведущие позиции в

экономическом блоке правительства и в средствах массовой информации.

В целом, и это уже ни для кого не было секретом, команда А. Чубайса перешла к тактике постепенного выдавливания В. Черномырдина из реальной политики. Усилия направлялись на перехват контроля над первичной «обкаткой» правительственных решений с тем, чтобы довести их проработку до уровня необратимости и навязать в таком виде премьеру.

Одновременно в дозированной форме — тактика «булавочных уколов» — предпринимались шаги по свертыванию влияния премьера в тех государственных, политических и предпринимательских структурах, которые традиционно составляли его опорную базу. Мероприятия носили планомерный характер, в действиях его участников просматривалась скоординированность. Не исключалось, что они направлялись из одного центра.

Суть акций по ограничению влияния и даже дискредитации главы правительства усматривалась в попытках «отсечения» премьера от президента, перевод взаимоотношений между ними в неконструктивное русло.

У Б. Ельцина целенаправленно подогревали подозрительность в том, что В. Черномырдин является его соперником в борьбе за власть. Подконтрольные А. Чубайсу средства массовой информации, комментируя итоги съезда движения «Наш дом Россия», однозначно представили премьера единственным кандидатом в президенты, хотя конкретные имена и не назывались.

Одновременно инспирировались публичные выступления президента с не всегда корректной критикой деятельности премьера, а нередко и с прямыми выпадами в его адрес, как это было в радиообращении от 25 апреля. Обвинения в «ретроградстве», боязни «уступить дорогу молодым» были, несомненно, весьма болезненны для В. Черномырдина, вынуждали его публично «огрызаться» («управлять государством — это не автомобилем», где явно просматривался намек на Б. Немцова), что при соответственной интерпретации лишь углубляло взаимное недоверие между президентом и премьером.

Это радиообращение было воспринято многими политологами как полная сдача Б. Ельциным контроля над процессами во властных структурах «молодым волкам». Он оставил позиции «лидера, стоящего

над схваткой», однозначно ассоциировал себя с линией первых вице-премьеров, по существу озвучивая лишь то, что готовилось на политической кухне А. Чубайса.

Введя в игру против главы правительства Б. Немцова, А. Чубайс добился, как считали аналитики, двуединой цели в укреплении своих личных позиций. Он восстановил пошатнувшиеся было отношения с семьей президента, поскольку ряд СМИ намекал на то, что бывший нижегородский губернатор приходится дальним родственником Наины Иосифовны. Кроме того, он создал условия для постепенной изоляции В. Черномырдина в правительстве.

Многие вопросы, требовавшие ранее обсуждения между премьером и президентом, решались уже на уровне Б. Ельцин — Б. Немцов, а премьер лишь ставился о них в известность, и нередко задним числом. Не исключено, что все эти вопросы заблаговременно и детально обсуждались между первыми вице-премьерами.

Таким образом А. Чубайс расширил свою свободу маневра в противостоянии с премьером. Он переложил на Б. Немцова часть функций, выполнение которых вело к прямым конфликтам с В. Черномырдиным — ту же проблему естественных монополий. Кроме того, энергичное внедрение «второго первого вице-премьера» в правительство — подчас с чисто популистскими идеями — позволяло А. Чубайсу перевести на него критику в случае обострения социальной напряженности.

Параллельно «молодые волки» активизировали закулисную работу по внедрению своих людей в структуры информационной подпитки премьера и подготовки принимаемых им решений.

В этом контексте назначение С. Васильева заместителем руководителя аппарата правительства было расценено зарубежными наблюдателями как крупный успех А. Чубайса. Оно позволяло ему вклиниться в хорошо отлаженную и по сути конфиденциальную связку В. Черномырдин — В. Бабичев. Тем самым, по мнению западных обозревателей, обеспечивалась заблаговременная информированность о подходах премьера к решению тех или иных вопросов, что избавляло от непредсказуемых шагов с его стороны.

Обладание полной инициативой и контролем над средствами массовой информации позволяло А. Чубайсу свободно маневрировать пропагандистским обеспечением своих взаимоотношений с премьером.

Попытки прямо дискредитировать В. Черномырдина, в частности, через публикацию в зарубежной прессе сведений о его личных доходах, оказались провальными. Премьер ответил на выпад вполне адекватно, руками главы «ЛУКойла» В. Алекперова добиваясь отставки главного редактора «Известий» И. Голембиовского, считая, очевидно, что последний лично принимал участие в продвижении этой информации.

Накануне поездки в США А. Чубайс совершил очередной пропагандистский маневр. В интервью телевидению он представил взаимоотношения в правительстве как полную идиллию, подчеркнув отсутствие каких бы то ни было разногласий между ним, Б. Немцовым и премьером по поводу проведения экономических реформ. Наряду с американским аспектом наблюдатели усмотрели в таком маневре желание вбить клин в отношения В. Черномырдина с рядом влиятельных регионалов, например, с Ю. Лужковым, имеющим собственное представление о реформах. Кроме того, усиливалось и недоверие к главе правительства со стороны «государственников» в Госдуме, в том числе и из народно-патриотического блока.

Сторонники тандема А. Чубайс — Б. Немцов отдавали себе отчет в заведомой провальности попыток внести раскол между В. Черномырдиным и руководителями крупных хозяйственных структур, в первую очередь, естественных монополий. Поэтому, наряду с перехватом инициативы в сфере политики государства, в отношении этих структур применялась тактика отсечения руководства компании от управленческих процессов.

Последняя апробировалась в РАО «ЕЭС». В состав его правления был введен на правах представителя государства Б. Бревнов — давний человек Б. Немцова. В дальнейшем планировалось завязать на Б. Бревнова весь комплекс вопросов, связанных с отношениями по линии «компания — правительство», с тем, чтобы, постепенно расширяя круг его компетенции, оттеснять высшее руководство РАО «ЕЭС» от реальных дел. На очереди стояли подобные мероприятия в «Газпроме», по которому Б. Немцов готовил решение о создании специального совета представителей государства. Суть принимавшихся мер в целом была аналогична РАО «ЕЭС» — создать контролируемый властями орган, изолировавший руководство компании от реальных процессов в ней. Процедура подбора и внедрения своих людей в естественные

монополии резко упростилась после назначения Б. Немцова министром топлива и энергетики.

С назначением А. Чубайса министром финансов и последовавшей вскоре отставкой первого заместителя министра А. Вавилова премьер лишился одной из важнейших составляющих своей властной пирамиды — распределения государственных ресурсов, практическое значение которого трудно переоценить. Тем не менее в руках В. Черномырдина оставались весьма важные финансовые инструменты — контроль над Центробанком, Сбербанком и рядом других банковских структур прохождения госфинансов. Без полного контроля над ними «молодые реформаторы» не в состоянии были использовать финансовую сферу в политических целях.

Центробанк косвенно втягивался в борьбу за власть, в частности, за счет публичной полемики с Федеральной комиссией по ценным бумагам, требовавшей устранения коммерческих банков с фондового рынка и монопольного права на лицензирование его участников.

Одновременно в окружении А. Чубайса было принято решение усилить давление на главу Центробанка С. Дубинина с тем, чтобы вынудить его уйти со своего поста. На него активно собирался компроматов готовившихся первичных аналитических материалах, часть из которых попадала на «серый информационный рынок», предпринимались попытки возложить на него ответственность за провалы в — финансовой политике, в том числе за обострение социальной напряженности. В печать продвигались тезисы о том, что именно он являлся инициатором сдерживания инфляции любой ценой, ответственным за сокращение валютных резервов страны, роста числа проблемных банков. Ошибкой лично С. Дубинина называлась передача значительной доли функций по исполнению госбюджета Сбербанку, что усилило риски в сфере частных вкладов.

Рекламировались проблемы «ухода за рубеж» векселей Сбербанка на сумму 126 миллионов долларов, приобретения в конце 1995 года Центробанком 85 тонн не существовавшего золота с последовавшим его выкупом Минфином. С. Дубинину вменялось в вину невыполнение решений правительства по погашению бюджетных задолженностей, задержки в выплате пенсий, утраты контроля за функционированием кредитно-денежной системы, произвольное внесение путаницы в бухгалтерскую отчетность коммерческих банков.

Подобные обвинения содержали многочисленные натяжки, но в целом, полагали специалисты, при массовом выбросе на публику такой компромат вполне достаточен для отставки С. Дубинина. Вслед за этим — в порядке «эффекта домино» — вынашивались планы вычищения его сторонников из других важных для государства финансовых структур.

Утрата контроля над финансовой сферой, по мнению специалистов, сделала бы необратимым процесс вытеснения главы правительства от реальных рычагов власти и резко ослабила бы его способность представлять интересы «государственнического» крыла экономико-политической элиты страны, а следовательно и интегрирующую общественную функцию, которой уже не обладал президент. В конечном итоге это было чревато резким углублением раскола не только общества, но и самой элиты с самыми непредсказуемыми последствиями.

Подобная перспектива хорошо осознавалась лидерами «молодых реформаторов», которые стремились избежать эксцессов в ходе экономико-социальных экспериментов. Поэтому наряду с дальнейшим ослаблением влияния премьера они вынуждены были оставлять за ним интегрирующую функцию, по возможности в наиболее слабом и манипулируемом объеме. Замены В. Черномырдину в такой роли в окружении А. Чубайса пока не видели. Поэтому предполагалось, что борьба за власть в обозримой перспективе скорее всего будет вестись в вяло текущем режиме, хотя и не исключались всплески ожесточения этого противоборства.

Таких, например, как выпад А. Чубайса на заседании Совета Федерации по поводу провальности бюджета с фактическим обвинением премьера в антигосударственной деятельности. Наблюдатели тем не менее не склонны были приписывать А. Чубайсу столь далеко шедшие намеки, а объясняли это скорее запальчивостью первого вице-премьера, его молодым задором. Тем более, что В. Черномырдину пока достаточно легко удавалось парировать выпады «молодых волков».

Вот это как раз и заставило «молодых реформаторов» действовать все более напористо и агрессивно. Начался штурм последнего редута — силовых министерств. Вслед за скандальной отставкой министра обороны и начальника Генштаба ожидали смещения глав МВД и ФСБ.

Беспрецедентная по своему тону и характеру публичная «порка» Б. Ельциным на заседаний Совета безопасности в целом-то уважаемого многими в обществе и в армии И. Родионова вызвала недоумение элиты и крайнее недовольство российского офицерства. Тем более, что, по мнению ряда аналитиков, имела место очевидная попытка Верховного главнокомандующего свалить на министра обороны свои собственные недоработки и упущения, в том числе и в решении кадровых вопросов.

Самым серьезным препятствием на пути «младореформаторов» были российские регионы. Подпираемые снизу, губернаторы не могли не сопротивляться второму изданию «шокотерапии», поскольку именно им пришлось бы улаживать и гасить неизбежные при этом социальные конфликты.

В борьбе за подчинение провинциальной России воле «младореформаторов» использовались самые разные средства. Это и перечисление трансфертов в регионы в зависимости от проведения в них жилищно-коммунальной реформы, и обещание региональным лидерам тех или иных преференций, и усиление противоречий между областями с русским населением и национальными республиками. Если с помощью такой тактики и можно было избежать образования консолидированного фронта регионов, выступавших против Кремля, то уж добиться главной цели — повышения управляемости страной — было никак невозможно.

Ни один аналитик не сомневался в том, что Россию ожидал очередной широкомасштабный передел собственности. За либеральным проектом «младореформаторов» видели их отчетливую цель — установление своего полного контроля над ключевыми инструментами власти и основными экономическими богатствами страны. Усматривалась попытка кардинально сломать существовавшую в стране после распада Советского Союза полицентричную конструкцию власти — альянс директората, руководителей естественных монополий, верхушки генералитета, региональных лидеров. Ставилась задача стать единоличными, монопольными держателями как финансово-экономической и информационной, так и политической власти в России.

В этой связи прогнозировалось дальнейшее нарастание ожесточенной борьбы между «молодым» и «старшим» поколениями российской элиты. Борьбы, подрывавшей основы и без того хрупкой

политической стабильности и грозившей распадом России как единого целого.

Было очевидно, что в этой борьбе «всенародно избранный» президент взял сторону далеко не самой большей части народа. Вольно или невольно, Б. Ельцин втянулся в орбиту полного влияния на него «молодых реформаторов» и стоявших за ними внутри-российских и международных сил. Он стал их глашатаем и «тараном» одновременно. «Тараном», способным на своем пути снести любого государственного или политического деятеля, в чем-то несогласного с политикой «младореформаторов», даже если этот деятель и сделал для укрепления личной власти и поддержания авторитета президента несоизмеримо больше, чем все «молодые реформаторы», вместе взятые.

Сила последних — в разобщенности и несогласованности действий их противников. Понимая это, они навязывали свою игру, предпочитая в борьбе за укрепление своей политической власти подрывать потенциал соперников усилиями самих же соперников, стравливая их по разным, как правило, малозначительным поводам, и избирательно нанося свои собственные удары лишь в решающие моменты.

Несмотря на ожидавшееся появление разногласий между А. Чубайсом и Б. Немцовым, а также конкурентных начал в их взаимоотношениях, оба этих политика на удивление представляли собой одну сплоченную команду. Они действовали слаженно, гибко и наступательно, умело маневрируя и эффективно используя сконцентрированные в их руках большие властные полномочия. Эта команда имела общий «мозговой центр», в распоряжении которого, по данным зарубежных источников, были значительные интеллектуальные силы специалистов не только Гарвардского университета, но и других политических институтов США.

В то же время другая часть аналитиков считала, что в команде «молодых реформаторов» пресловутого единства, приписываемого им, как раз и не хватало.

Отмечалось, что Б. Немцов проводил все более самостоятельную линию. Причем, он выступал не только от имени прозападных сторонников реформ в правительстве, но и от себя лично. На заседании правительства 5 июня он неожиданно заговорил об опасности «сепаратных соглашений» с Татарией, Башкирией, Якутией и

Ингушетией, которые, мол, наносят серьезный ущерб экономике России и ставят в неудобное положение федеральное правительство во взаимоотношениях с областями и краями Российской Федерации. В этом увидели знак того, что нижегородский экс-губернатор начал примерять к себе образ государственника явно с прицелом на следующие президентские выборы. На этом пути он вряд ли найдет сочувствие и поддержку А. Чубайса, отмечали наблюдатели, предвидя черную кошку, которая вот-вот пробежит между двумя единомышленниками.

Обращало на себя внимание также возникновение явных противоречий между секретарем Совета безопасности. И. Рыбкиным и Б. Немцовым по вопросу об условиях транспортировки нефти каспийского международного консорциума из Баку в Новороссийск. И. Рыбкин договорился с Грозным, что в обмен на прокачку нефти через территорию Ичкерии Россия, кроме всего прочего, выделит Чечне ежегодную экспортную квоту чеченской нефти. Б. Немцов в качестве главы Минтопэнерго выступил против и тем самым на некоторое время задержал подписание российско-чеченского нефтяного соглашения. Правда, экс-губернатор скорее руководствовался инструкциями Международного валютного фонда, выступившего еще более года назад за отмену всяческих экспортных квот и лицензий.

Появились свидетельства и о серьезных скандалах и внутренних конфликтах в команде А. Чубайса. Достоянием гласности стали оплошности руководителя Федеральной комиссии по ценным бумагам Д. Васильева, которого А. Чубайс лично пригласил на работу из Петербурга в Москву. Выяснилось, что комиссия существовала в основном на западные деньги. За последние два года она получила 200 миллионов долларов от американского Агентства международного развития, английского фонда «Ноу хау», Комиссии ЕС, Всемирного банка, в то время как из российского бюджета перечислялось всего лишь по 1 миллиону долларов.

Кроме того, в печать просочились неблаговидные деяния американских советников комиссии по ценным бумагам, сотрудников Гарвардского университета Г. Хэя и А. Шляйфера. Они «неправильно расходовали» американскую финансовую помощь на развитие рынка ценных бумаг в России и использовали свое служебное положение для продвижения собственных деловых интересов в России. В результате

правительство США разорвало контракт с Гарвардским университетом и заморозило программу помощи стоимостью в 14 миллионов долларов.

Дальнейшее развитие получил и другой скандал. В конце апреля 1997 года в аэропорт «Шереметьево-2» прибыла веселая группа высокопоставленных лиц с неформальными подругами жизни. Компания намеревалась провести праздничные майские дни в Израиле. Особо важных персон, конечно же, пропустили без таможенного досмотра. А вот «девушкам» предложили пройти положенные формальности. Кавалеры, оскорбленные такой наглостью, учинили скандал.

Вскоре один израильский журнал поместил фотографию загоравшей на земле обетованной вельможной группы с подругами жизни и упомянул об инциденте в Шереметьево. Журнал лег на стол А. Чубайсу. В инцидент вмешался премьер. Воспользовавшись моментом, он отдал распоряжение аппарату правительства начать отстранение от обслуживания государственных программ и ведения счетов госучреждений крупного банка, владелец которого был участником праздничного вояжа в Израиль. В результате банк впервые не участвовал в осуществлении довольно крупной сделки «Росвооружения» на сумму 25 миллионов долларов.

Еще одно обстоятельство, лишившее «младореформаторов» прежнего наступательного азарта в отношении Думы, состояло в том, что им так и не удалось разгромить команду В. Черномырдина и свалить самого премьера. Стало очевидным, что трехнедельный отпуск главы кабинета в июне не являлся прелюдией к его отставке. Скорее всего, он был вызван характерной для В. Черномырдина осторожностью. Премьер ушел в тень как раз тогда, когда, в очередной раз обострились отношения его заместителей с Думой и когда «младореформаторы» завершили, составление планов болезненных для населения социально-экономических реформ.

Разумеется, летом 1997 года между группами В. Черномырдина и А. Чубайса с Б. Немцовым замирения не случилось. Просто аппаратные игры больше не носили прежнего драматического характера. Похоже было, что борьба переходила из стратегической в тактическую плоскость. Правда, время от времени возникали слухи о готовившихся новых кадровых перестановках, которые серьезно ослабили бы

позиции премьера. В частности, в начале июня было много разговоров об отставке руководителя Центробанка С. Дубинина.

Летний штиль многими воспринимался как затишье перед бурей. И та, и другая сторона продолжали активно укреплять свои позиции. А. Чубайс в первой половине июня дважды удостоился публичной благодарности за хорошую работу. Это, очевидно, должно было продемонстрировать сохранявшееся благорасположение Б. Ельцина к А. Чубайсу, несмотря на забастовки, голодовки и другие акции протеста в стране. О своей продолжавшейся поддержке реформаторов просигнализировала и заграница. *5* июня Всемирный банк выделил России, начиная с июня 1997 года, шесть целевых кредитов на сумму 884,6 миллиона долларов.

Но консолидировалась и черномырдинская группировка. Ранее заключенный ею стратегический союз с «СБС-Агро» и Б. Березовским был подтвержден при распределении мест в совете директоров «Сибнефти». На общем собрании ее акционеров в совет директоров были делегированы Р. Вяхирев (назначен председателем совета директоров), А. Смоленский, близкий к Б. Березовскому Б. Патаркацишвили. После весьма неприятного разговора с А. Чубайсом Д. Васильев начал устанавливать рабочие отношения с недругами «первого первого» вице-премьера, в том числе и с «Газпромом». В результате по взаимному согласию сторон Федеральная комиссия по ценным бумагам получила контроль над рынком газпромовских акций.

Правда, и в стане премьера, точнее, у его недавно приобретенного союзника, возникли проблемы. Появились сообщения о резком ослаблении позиций А. Масхадова в Чечне и Р. Аушева в Ингушетии. Бывший вице-президент Ингушетии Б. Агапов уже перебрался в Москву на должность заместителя секретаря Совета безопасности. Вроде бы был не прочь переехать в российскую столицу и его прежний начальник Р. Аушев. Но и Масхадов, и Аушев играли ключевую роль в продвижении интересов Березовского на Кавказе. Если бы эти два лидера ушли, то могли возникнуть трудности для основателя «ЛогоВАЗа» в продолжении его нефтяных игр на юге России.

Примечательным событием в политической жизни России в июне 1997 года стал выход в эфир на третьем частотном канале созданной по инициативе и при активной поддержке московского мэра телекомпании «ТВ Центр». Ее появлению мешала чубайсовская группировка.

Пытался взять «ТВ Центр» под свой контроль и В. Черномырдин. То, что телекомпания осталась под крылом московского правительства, свидетельствовало о прочности политических позиций Ю. Лужкова. Он был, пожалуй, единственным крупным политиком, который мог себе позволить отстаивать свою точку зрения вне зависимости от складывавшейся политической конъюнктуры.

После подписания российско-украинских соглашений Ю. Лужков подтвердил свой взгляд на Севастополь как на русский город. Раздраженной реакции Кремля на это заявление не последовало. Правда, Ельцин во время личной встречи с Лужковым посоветовал не очень ссориться с федеральным правительством по поводу реформы жилищно-коммунального хозяйства. Но городской голова и здесь нашел способ защитить свою позицию. В одном из телеинтервью он признал разногласия между Белым домом и Тверской, но заметил, что президент уважает его, мэра, точку зрения. А это, по словам Лужкова, свидетельство того, что в России сложилось демократическое государство.

Не случайно Ю. Лужков находил себе все новых союзников. Он нашел общие позиции с руководителем Федеральной комиссии по ценным бумагам Д. Васильевым. Комиссия подписала соглашение с правительством Москвы о сотрудничестве в развитии инфраструктуры рынка. В соответствии с этим соглашением комиссия по ценным бумагам взяла на себя обязательство содействовать превращению Московской фондовой биржи в учреждение мирового уровня и значения.

Осенью 1997 года, как и ожидалось, противостояние между различными группами и течениями в федеральном правительстве получило новое развитие.

Уже в сентябре стали распространяться слухи о том, что вскоре начнет раскручиваться очередной виток противоборства между «молодыми реформаторами» и «старой гвардией», в той или иной степени ориентировавшейся на В. Черномырдина. Предполагалось, что эта борьба будет сопровождаться преданием компромата на А. Чубайса и Б. Немцова. Наблюдатели предполагали, что достанется и другой стороне. Никто не сомневался, что раздел государственной собственности будет продолжен, и в рамках этого процесса опять столкнутся интересы конкурировавших банковских структур и их

политических покровителей. Не случайно противники летом не только конфликтовали друг с другом, но, как это часто бывает накануне крупных сражений, занимались наведением порядка в своих рядах. Не все, правда, у них получилось.

Как мероприятие, направленное на внутреннюю консолидацию, наблюдатели рассматривали пролоббированное чубайсовским крылом правительства решение отложить до конца года перевод счетов государственных учреждений из уполномоченных банков в Центробанк. Первоначально это решение предполагалось осуществить на два-три месяца раньше, при этом основной жертвой становился бы банк ОНЭКСИМ. До 18 сентября он мог лишиться счетов ГТК, на которых постоянно находилось до 5 триллионов рублей. Если бы в первые осенние месяцы у него бы отняли еще и деньги «Росвооружения», то ОНЭКСИМ не только не смог бы заплатить за приватизированные в последние месяцы компании, но и перестал бы выполнять текущие обязательства перед клиентами. Банк получил передышку до конца года и, более того, возможность участвовать в новых приватизационных конкурсах.

Определенный успех был достигнут сторонниками А. Чубайса в борьбе с А. Куликовым. Многочисленные попытки убрать куратора силовых структур и главу МВД ни к чему не приводили, поскольку главного «силовика» не давал в обиду В. Черномырдин. Тогда противники А. Куликова применили нестандартный прием. С поста начальника внутренних войск был уволен генерал А. Шкирко. Вместо него руководить внутренними войсками назначили «чужеродного» армейского генерала Л. Шевцова, который к тому же, в отличие от своего предшественника, стал именоваться даже не командующим, а главнокомандующим. Вряд ли Л. Шевцов в силу своего ведомственного «бэкграунда» сумеет найти общий язык с министром, писала российская пресса. Но, видимо, догадывалась она, миссия нового главнокомандующего как раз и состояла в том, чтобы расколоть МВД и отделить внутренние войска от А. Куликова, лишив тем самым силового вице-премьера значительной доли его влияния.

Не исключено, предполагали аналитики, что А. Куликова «объехали» и с другой стороны. Государственным военным инспектором — секретарем Совета обороны был назначен первый заместитель министра обороны А. Кокошин. На самом деле должность

инспектора-секретаря, замещавшаяся от имени администрации президента, являлась противовесом вице-премьерской должности А. Куликова. А. Кокошин имел более военную, а А. Куликов — милицейскую ориентацию. Но при необходимости полномочия инспектора-секретаря могли быть расширены за счет урезания сферы влияния вице-премьера от МВД на другие силовые структуры.

Политическая фигура А. Кокошина, назначенца первого призыва, давала возможность провести такую комбинацию. Хотя существовало мнение, что А. Кокошин человек В. Черномырдина, все же он выглядел слишком гибким, чтобы ориентироваться только на премьера. К тому же после смещения И. Родионова в оборонной сфере заметно усилилось влияние А. Чубайса, возглавившего комиссию по финансированию военной реформы. А уж он-то не допустил бы назначения на потенциально важный пост нелояльного ему человека.

Команда А. Чубайса продолжала осторожно критиковать Е. Примакова с целью заменить его на более лояльного политика, например, С. Ястржембского. «Свалить» министра иностранных дел, по мнению аналитиков, был не прочь и Б. Березовский, который продвигал на его место И. Рыбкина. Именно заместитель секретаря Совета безопасности подсказал Б. Ельцину направить Е. Примакова в Белоруссию разбираться с А. Лукашенко относительно ареста в республике журналистов ОРТ. Расчет строился на том, что Е. Примаков споткнется или, как это бывало в прошлом не раз, проявит к А. Лукашенко свои симпатии, и будет уволен. В случае продвижения И. Рыбкина в МИД Б. Березовский планировал стать полновластным хозяином Совета безопасности.

Планы А. Чубайса и Б. Березовского мог нарушить А. Адамишин. Известный и влиятельный дипломат несколько месяцев назад был отозван из Лондона и находился не у дел. В случае ухода Е. Примакова он вполне мог претендовать на его место. Чтобы нейтрализовать А. Адамишина, его предусмотрительно назначили на пост министра по делам СНГ, благо он оставался вакантным после перевода А. Тулеева в руководители администрации Кемеровской области.

Группировка А. Чубайса смогла сохранить на гос-службе руководителя Федеральной комиссии по ценным бумагам Д. Васильева, хотя в середине лета казалось, что над его головой сгустились тучи. Чубайсовцы также постарались рекрутировать в свои ряды двух новых

участников взамен выбывших — уволенного А. Коха, осевшего в небезызвестной компании «Монтес Аури» и тем самым оказавшегося как бы на скамейке запасных команды А. Чубайса, и застреленного в Петербурге М. Маневича. На смену последнему пришел его первый заместитель Г. Греф.

Конечно, это назначение не полностью компенсировало потерю М. Маневича, который однозначно ориентировался на А. Чубайса. На первой же пресс-конференции Г. Греф заявил, что он является «человеком Яковлева, Чубайса и Немцова», то есть он согласен с реформаторским курсом в принципе, но не будет всецело принадлежать какой-то одной команде.

То же самое аналитики думали и о другом назначении. М. Бойко переместился в кресло руководителя Госкомимущества, а на его место в администрацию президента пришел М. Комиссар, возглавлявший информационное агентство «Интерфакс». Хотя данное агентство считалось прореформаторским, М. Комиссар был явно не в восторге от своего нового назначения. Он заявил, что покидает «Интерфакс» только на время работы в администрации. Такую позицию аналитики объясняли неуверенностью М. Комиссара в долгосрочных перспективах группировки А. Чубайса.

Основания для такой неуверенности, наверное, были. Осенью 1997 года участились сведения о начавшихся конфликтах внутри узкого круга сторонников А. Чубайса. В частности, по оценкам заслуживавших доверия источников, резко ухудшились отношения между главным российским приватизатором и руководителем администрации президента В. Юмашевым. Последний однозначно противопоставил себя банковской группировке ОНЭКСИМ-МФК, которая, хотя и отдалилась от А. Чубайса, но вовсе не порвала с ним.

В одном из аналитических докладов приводился такой эпизод. В конце августа группа ведущих банкиров, за исключением руководства группы «Альфа», составила коллективное обращение к президенту с жалобой на деятельность В. Потанина, который при поддержке А. Чубайса допустил перебор в коммерческих амбициях. Финансовые магнаты сначала планировали передать челобитную через В. Черномырдина. Но премьер во время своей еженедельной встречи с президентом бумагу придержал. Тогда банкиры обратились к В. Юмашеву, который их просьбу выполнил.

Близкие к администрации президента источники отмечали, что в последнее время несколько ушла в тень Т. Дьяченко. Это могло стать следствием ссоры двух близких к ней людей — В. Юмашева и А. Чубайса. Но не исключалось и то, что сам Б. Ельцин решил несколько умерить политическую активность дочери.

О некотором ослаблении позиций А. Чубайса судили и по тому, что после многочисленных проволочек Генпрокуратура начала расследование факта по лучения стотысячного долларового гонорара А. Кохом от иностранного издательства за ненаписанную книгу. Ю. Скуратов характеризовался наблюдателями как человек, известный своим чутьем на изменение политической конъюнктуры. Поэтому следить за ходом расследования было бы весьма интересно, ведь нить могла потянуться дальше — к покровителю экс-главы Госкомимущества.

Тактическое сближение позиций А. Чубайса и Б. Немцова на пике скандала вокруг приватизации «Связьинвеста» и «Норильского никеля», не свидетельствовало об их объединении в одну команду. Серьезных позиций в парламенте ни у одного, ни у другого не было.

Игрок команды В. Черномырдина, новый лидер думской фракции «Наш дом Россия» А. Шохин по согласованию с премьером планировал сделать более тесными отношения между думской фракцией и исполкомом движения НДР. В частности, говорилось о расширении состава исполкома за счет представителей фракции, что, по. словам А. Шохина, должно снизить вероятность дальнейших конфликтов между двумя этими органами. Особый упор делался на усилении законотворческой деятельности. В связи с этим ожидалось проявление повышенной, даже нарочитой активности фракции НДР при обсуждении налогового кодекса, пакета социальных законов, а также бюджета на 1998 год. Наконец, А. Шохин намеревался определить политическую судьбу каждого из членов фракции НДР.

Насколько новый лидер сумеет активизировать фракцию? По некоторым признакам, с проблемами на «внутреннем фронте» при поддержке премьера он скорее всего справится. Что же касалось усиления влияния фракции в Думе, здесь дело обстояло намного сложнее.

В конечном же итоге судьба и фракции, и всего движения НДР в целом зависела от позиции В. Черномырдина, его дальнейшей

политической судьбы. Если глава кабинета министров удержится на плаву, размышляли политологи, и хотя бы сохранит свое влияние во властных структурах, то, видимо, у НДР будут шансы избежать потерь и исчезновения с политической сцены. Если В. Черномырдин добьется для себя статуса кандидата в президенты от «партии власти», то движение НДР и его представители в Думе консолидируются и обретут новых сторонников. Если же В. Черномырдин потерпит поражение в противостоянии с «молодыми реформаторами» и потеряет свой пост, то перспективы НДР незавидны.

Кроме наведения первичного порядка в своем «Доме», черномырдинцам на том этапе удалось сохранить под своим контролем пост директора ФСБ. Б. Ельцин заявил, что менять Н. Ковалева пока не собирается. В то же время многим аналитикам было очевидно, что А. Чубайс будет продолжать попытки поставить во главе ФСБ своего человека — скорее всего Е. Савостьянова, работавшего в руководстве администрации президента.

Для премьера крайне важным было и другое заявление президента — что он не имеет оснований для увольнения Б. Березовского, действовавшего заодно с В. Черномырдиным, с госслужбы. Б. Ельцин публично высказался на этот счет, несмотря на сильное давление со стороны как А. Чубайса, так и Б. Немцова. Президент вновь показал, что в своей кадровой политике он по-прежнему придерживался принципа сдержек и противовесов.

Показателем уверенности сторонников премьера в своих силах аналитики считали и возрождение проекта создания инвестиционного консорциума во главе с близким к премьеру «Национальным резервным банком». В сентябре представитель этого банка заявил, что группа ведущих российских банков и компаний готова вложить в российскую экономику до 60 миллиардов долларов в течение ближайших четырех-пяти лет. Он также подчеркнул, что расчет на иностранные капиталовложения себя не оправдывает. В 1996 году в Россию из-за рубежа было инвестировано всего 2,1 миллиарда долларов, в то время как в самой стране реально мобилизовать в десятки раз большие суммы. Этому препятствовали внутренние расколы в кругах крупного бизнеса, отсутствие ярких лидеров и неопределенность в вопросе выбора общего кандидата на высший государственный пост.

Одним из главных событий осени 1997 года, которое, по мнению наблюдателей, должно оказать самое непосредственное влияние на дальнейшее развитие ситуации в России, явилось заключение союза «Газпрома» с компанией «Шелл» (17 ноября), а на другой день, 18 ноября — союза группы ОНЭКСИМ с «Бритиш Петролеум», к которому приложил руку и А. Чубайс.

Первая «схватка» между ними должна состояться на аукционе по продаже «Роснефти». Большинство аналитиков склонялись к тому, что победу в ней одержит, скорее всего, союз «Газпром — Шелл». Однако, кто бы ни победил, рассчитывать на большие деньги российскому правительству вряд ли придется. Называлась сумма в 800–900 миллионов долларов, но и она подвергалась сомнению. В этом случае перед Кремлем вновь остро встанет вопрос — чем платить бюджетникам и армии. Тем не менее «Роснефть» представляла собой довольно лакомый кусок — добыча 25030 миллионов тонн нефти в год. Поэтому оба союза укрепляли свои позиции за счет привлечения других компаний. «Газпром — Шелл» «зафрахтовал» «ЛУКойл», ОНЭКСИМ — БП — компанию «Сиданко».

В течение ноября президент предпринимал ряд акций, явно свидетельствовавших о смене курса Кремля. Разыгрывание многоходовой комбинации осуществлялось на фоне ряда идеологических новаций, главная из которых — цивилизованное сосуществование России со своим коммунистическим прошлым.

Б. Ельцин явно не хотел остаться в истории только ниспровергателем коммунизма. Роль «отца согласия», лидера, подведшего черту под социальными катаклизмами XX века в России, более отвечала бы его имиджу политика общенационального масштаба. Отсюда — дискуссии по поводу перезахоронения тела В.И. Ленина и погребения останков царской семьи, в которых политологи усматривали больше высокой исторической символики, чем политической пристрастности.

Стратегически Б. Ельцин понимал, что в XXI веке, когда уровень и масштаб внешних угроз для России возрастут, внутренняя смута была бы непозволительной роскошью. Чем глубже раскол в Москве, тем меньше с Россией считаются бывшие союзники и вчерашние вассалы. Это ярко продемонстрировал кишиневский саммит глав стран СНГ. Отсюда — послание Госдуме во время парламентско-

правительственного кризиса, более чем умеренный тон теле- и радиообращения 7 ноября, приглашение Г. Зюганова в поездку в Китай и участие в ней Н. Рыжкова. Сенсацией месяца назвали иностранные обозреватели посещение президентом Госдумы и вручение награды ее председателю.

Было похоже, что усилия Кремля направлялись на приручение «умеренных» в КПРФ путем превращения их в некое подобие европейской социал-демократии. Аналитики терялись в догадках, чем вызвана неожиданная толерантность Б. Ельцина по отношению к левой оппозиции и проведенные кадровые перестановки. Признание того факта, что в разделенной стране невозможны результативные реформы? Признание результата проведенных преобразований неудовлетворительными? Решение разделить ответственность за дальнейший ход реформ? Консолидировать электорат в преддверии ожидаемых выборов?

Достижение соглашения с коммунистами потребовало ряда кадровых изменений. Первой среди них была отставка значимой фигуры «олигархического капитализма» Б. Березовского, с восторгом встреченная в Думе накануне 7 ноября.

Аналитики сразу же связали ее с состоявшейся накануне аудиенцией у президента двух первых вице-премьеров, которые якобы делали не первый заход по этому вопросу. Однако похоже, что они сами узнали об отставке Б. Березовского на встрече у президента. Подтверждением тому служило сообщение пресс-службы Б. Ельцина о роли А. Чубайса и Б. Немцова в отставке Б. Березовского — ход, не характерный для «новорусской» кремлевской дипломатии. Следовательно, вопрос решался в связке Б. Ельцин — В. Черномырдин.

Общая схема причин увольнения, по мнению наблюдателей, была следующая. Прежде всего, это продолжавшаяся вопреки воле президента, «информационная война» Б. Березовского и его «клана» с правительством. На втором месте — стремление Б. Березовского попасть в руководство «Газпрома», что вызвало крайне резкую реакцию Б. Ельцина. И, наконец, ряд проколов «дипломатического» и «имиджевого» плана: именно Б. Березовский заявил, что выборы 1996 года выиграл «российский капитализм» и страной управляют «семь

банков», которые нанимали власть. Такое явное умаление личной роли Б. Ельцина в том и другом случае не могло не задеть президента.

Достижение согласия потребовало принести в жертву и оппонентов Б. Березовского — А. Коха, П. Мостового, М. Бойко, А. Казакова и разделения портфелей первых вице-премьеров и соответствующих ключевых министров. Широкая подача российской и зарубежной общественности целой серии компромата в отношении А. Чубайса значительно подорвало его имидж «борца за справедливость». Достаточно вспомнить лишь некоторые громкие скандалы, связанные с его именем — коробку из-под ксероксной бумаги, неадекватные доходы за три месяца работы в «Мондес аури», получение неадекватного гонорара за «писательские труды», протекционирование ОНЭКСИМ-банку.

Обращали на себя внимание попытки А. Чубайса и его сторонников перевести скандалы в плоскость политической борьбы, придать им идеологическую окраску. Иногда это удавалось. Только наиболее трезвомыслящие и незаангажированные аналитики и политологи исходили из того, что борьба двух финансовых групп — это одно, а попытка заполучить «нечистым» путем неправедные деньги — совсем другое.

В последнее время президент давал А. Чубайсу лестные оценки: «много сделал для России», «его знают на Западе», «умный человек», «хорошо провел переговоры с Украиной». Однако его влияние и авторитет как внутри страны, так и на Западе к концу 1997 года упали до чрезвычайно низкого уровня. Он лишился опоры в виде многих ключевых министров в правительстве, дал В. Черномырдину хорошую возможность открыто проявить ранее тщательно скрываемую неприязнь, выраженную в том, что впервые «на хозяйстве» был оставлен Б. Немцов, а главное — ограничить вмешательство своего «заклятого друга» в решения, принимаемые правительством. Существенно был подорван и личный имидж «большевика от демократии», который в глазах многих предстал совсем в ином свете.

Но, пожалуй, самое показательное в том, что Запад на существенное ограничение роли А. Чубайса отреагировал достаточно прохладно. Вопреки мрачным прогнозам Е. Гайдара, курсы российских акций на фондовых биржах Запада после отставки А. Чубайса с поста министра не снизились. Комментарии западной прессы в целом свелись

к тому, что капитализм в России укрепился настолько, что дальнейшее его развитие уже не зависело от конкретной личности.

Что касается анализа сложившегося положения внутри правительства, то наблюдатели отмечали укрепление позиций В. Черномырдина и особенно заметно Б. Немцова, хотя делали оговорку: последний, скорее всего, являлся не более чем «калифом на час».

Новый министр финансов М. Задорнов, по мнению аналитиков, принципиальных разногласий с курсом, проводимым А. Чубайсом и его командой, не имел. Вместе с тем высказывалось предположение, что он вряд ли примкнет к его сторонникам. Скорее всего, будет склоняться к В. Черномырдину, тем более, что при своем назначении он оговорил определенные условия: назначение на ключевые посты в министерство финансов своих людей, право непосредственного доклада премьеру, минуя курирующего вице-премьера. В этом увидели намерение проводить собственную линию.

Западные «мозговые центры» отметили формирование в России «стратегического центра» в лице В. Черномырдина, Е. Строева, Г. Селезнева, который намеревался взять на себя основную нагрузку в процессе консолидации общества. Прогнозировалось, что в стране к 1999 году будет завершено формирование «молодого» российского капитала в регионах и молодых региональных элит, которые совместно с существующими криминальными группировками могут составить должную конкуренцию политикам старой формации.

Глава 5
ОДИНОКИЙ ЕЛЬЦИН

Интриги во дворе царя Бориса. — Бароны Кремля, или калифы на час. — Прибавочная стоимость кошелька фаворитов. — Ностальгия по былому всевластию. — Президент расстается со старой гвардией. — Или его сознательно оставляют без надежных людей? — Галерея соперников: лики и личины. — А кто союзники? — Жертвы царской хитрости. — Заложник своей системы. — Линия на примирение. — Плачевные итоги. Кто «отвинчивает» от него преданных соратников?

В английской газете «Файнэншл таймс» за 22–23 ноября 1997 года была опубликована статья корреспондента в Москве Кристин Фрилэнд под заголовком «Во дворе царя Бориса», в которой описывались «интриги, которые привели к падению российского реформатора».

В статье утверждалось, что «сегодня президент Б. Ельцин демонстрирует в известной степени ностальгию по эпохе, когда кремлевские правители пользовались по сути безраздельным правом». Он не возражал против величания его «царем Борисом», и не протестовал, когда один из амбициозных молодых министров заявил: «Если Б. Ельцин станет царем, то я — монархист».

' «Самой последней жертвой царской хитрости, — писала далее К. Фрилэнд, — стал бывший придворный фаворит А. Чубайс, гуру российской приватизации, который завоевал в прошлом (1996. — *В. Г.)* году доверие Б. Ельцина, умело организовав кампанию по его переизбранию. Всего несколько недель назад звезда этого реформатора казалась выше на небосклоне, чем когда-либо, после того как он убедил президента убрать другого влиятельного барона Кремля и непримиримого соперника А. Чубайса — Б.Березовского».

В начале ноября Б. Ельцин получил письменные объяснения А. Чубайса по поводу сомнительного гонорара за книгу в размере 450 тысяч долларов. Они «привели его в ярость». «В этот критический момент красноречие А. Чубайса подвело его». Некоторые говорили, что А. Чубайс не смог успокоить президента. Другие утверждали, что он

«рассердил президента, пытаясь дистанцироваться от своих четырех протеже, которые вместе с ним получили деньги за написание спорной истории российской приватизации».

«Как бы то ни было, судьба А. Чубайса в этот момент была предрешена». Ельцин немедленно приказал подготовить указ об отставке одного из соавторов А. Чубайса. Когда В. Юмашев проявил затяжку с подготовкой документа, терпение президента подошло к концу и он заявил, что «или указ будет готов через час, или главе президентской администрации тоже не сносить головы».

Борьба потребует новых жертв, считал английский корреспондент. Соавторы А. Чубайса лишились своих постов, а сам он потерял должность министра финансов.

Для противников А. Чубайса, которые составляли большинство политической и финансовой элиты России, обвинения в его адрес были манной небесной. «Пять минут спустя после появления в эфире журналиста А. Минкина банкиры, враждебные А. Чубайсу, начали звонить своим знакомым, чтобы поделиться радостью по поводу того, что первому вице-премьеру приходит конец».

К. Фрилэнд утверждала со ссылкой на бизнесмена, близкого к мэрии Москвы, что «Ю. Лужков, чья ненависть к А. Чубайсу проявлялась изначально, отреагировал на новость всего шестью словами: «Уволить его, уволить его, уволить его!»

Согласно московским слухам, писала «Файнэншл таймс», движущей силой скандала был Б. Березовский, однако поскольку А. Чубайс и его команда не смогли оспорить утверждения А. Минкина, их жалобы выглядели довольно пустыми. «В любом случае, — отмечает автор статьи в английской газете, — более важным каналом влияния оказались теплые связи Б. Березовского с семьей президента». Даже самые верные сторонники А. Чубайса полагали, что он «сам вырыл себе яму».

К. Фрилэнд, излагая суть перипетий вокруг А. Чубайса, не стеснялась в оценках и формулировках: «в Кремле происходит медленная политическая экзекуция», первый вице-премьер «превратился из наиболее влиятельного человека в политический труп», «в личном плане он дискредитирован, а его некогда мощная бюрократическая машина разрушена». На деле же, как указывала «Файнэншл таймс», «победа оказалась пирровой». По стандартам

посткоммунистической России, эпизод с получением А. Чубайсом сверхвысокого гонорара «выглядит достаточно тривиально» (явный намек на всеобщую коррумпированность высокопоставленных чиновников и злоупотребления служебным положением), однако «этот инцидент не является единственной причиной проблем Чубайса».

Возможно, за свои ошибки первый вице-премьер еще не заплатил сполна. Парламент «требует его головы в обмен на одобрение налогового кодекса и принятие бюджета на 1998 год», а «кремлевские принцы более умеренно поддержат такие требования». «Однако, как всегда, окончательное решение будет принимать царь Борис», — заключала газета.

Английская «Файнэншл таймс» была не исключением. В других влиятельных изданиях Запада — «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» тоже появились публикации, свидетельствовавшие, по мнению наблюдателей, об изменении отношения западного истеблишмента к первому вице-премьеру российского правительства.

Тональность перехода ряда ведущих западных средств массовой информации от безудержного восхваления «главного приватизатора, символа реформ, проводника идей строительства капитализма в России» к резкой, подчас уничижительной критике А. Чубайса задал известный советолог П. Реддвей на страницах «Вашингтон пост» еще в августе 1997 года. Он охарактеризовал А. Чубайса как «авторитарного и нечистоплотного политика, глубоко ненавистного для большинства своих сограждан».

Следовательно, на Западе знали, что получение вместе с ведущими членами своей команды крупного гонорара за ненаписанную книгу об истории российской приватизации, вызвавшее политическую бурю в России, являлось не первым примером «грязной игры» А. Чубайса, стремления к личному обогащению, протекционизма в пользу узкого круга приближенных лиц в заведомо выгодный бизнес.

Поворотный шаг П. Реддвея, который следовало рассматривать как признак охлаждения к А. Чубайсу или предостережения ему, по мнению ряда аналитиков, не мог быть не согласован с представителями администрации США. Объективно публикация в «Вашингтон пост» вредила репутации наиболее прозападно настроенного реформатора, однако имидж невозможно защитить или повысить только поддержкой извне.

По оценкам экспертов, американцы пришли к выводу о том, что при всей заманчивости иметь влиятельного и послушного проводника своих идей в высшем эшелоне российской власти они в долгосрочной перспективе больше теряют, чем выигрывают. В российском обществе росли антиамериканские настроения. А. Чубайс не выполнил своей главной задачи: сплотить крупный российский бизнес на общей платформе, обеспечить мощную поддержку со стороны предпринимателей действиям президента и правительства. Исходя из личных корыстных соображений, он, по мнению заокеанских аналитиков, прямо содействовал нарушению давосских договоренностей между российскими банкирами и развязыванию острой «информационной войны» в стране, которая давала козыри оппозиции и подрывала престиж власти как таковой.

Тезис о том, что А. Чубайс по-прежнему рассматривался на Западе как один из стратегов реформ и наиболее квалифицированных профессионалов в сфере международных финансово-экономических связей, конечно же, не был снят, но отошел на второй план. Суть комментариев конца 1997 года сводилась к тому, что близкий конец политической карьеры А. Чубайса предопределен. Он потерял контроль над приватизацией, вопросами несостоятельности предприятий, финансами. Более того, он утратил авторитет на Западе.

«Нью-Йорк таймс» подчеркивала, в частности, что «Чубайс опозорился и подвел российские реформы». Он оказался не только «проводником реформ, но и их врагом», «не стесняясь исповедывать фаворитизм как смазку реформ». Еще в 1996 году, когда он «временно возглавлял «Гражданское согласие», этому мозговому тресту удалось получить беспроцентный заем в 3 миллиона долларов от банка, который извлек прибыль от приватизационных сделок правительства». Газета делала вывод, что ему следовало уйти и с поста первого вице-премьера.

В резком тоне была выдержана и статья Дж. Бернстейна в «Москоу таймс». «Почему его сторонники на Западе вынуждены отказаться от него в связи *с* относительно мелким скандалом? — задавался вопросом автор. — Потому что он должен был, как ожидалось, оказаться выше этого», придя во власть с «исторической миссией — построить российский капитализм». Команда Е. Гайдара, подчеркивала весьма популярная в западных предпринимательских кругах газета, направила

в Россию сегмент олигархического капитализма, допустила инфляцию и обнищание населения, в то время как обогатились экспортеры, получавшие лицензии и квоты от «либерального» правительства Е.Гайдара, а федеральные бюджетные деньги оседали в частных банках. А. Чубайс был организатором залоговых аукционов, которые, как признал в интервью «Бизнес уик» глава ОНЭКСИМ-банка В. Потанин, были «внутренними сделками».

Кое-кому на Западе «инстинктивно нравились Гайдар, Чубайс и компания», отмечал Дж. Бернстейн, однако теперь «они шокированы тем, как некоторые из этих реформаторов набивали собственные карманы». Концовка статьи Дж. Бернстейна выглядела как прогноз: «Чубайс и его команда вытесняются теперь некоторыми кланами, которым они помогли войти во власть, в то время как другие демократические лидеры ранней волны, такие, как бывший губернатор Санкт-Петербурга А. Собчак и бывший вице-мэр С. Станкевич, оказались за границей в связи с обвинением их в коррупции».

Западная пресса не скупилась на краски и детали, подчеркивавшие роль А. Чубайса в политических событиях двух последних лет.

Вспоминали, что А. Чубайс постепенно выдворил из окружения главы государства людей, которые в течение многих лет добросовестно работали над имиджем первого лица, предоставляя в эфир и на страницы газет фото- и видеоматериалы только со знаком «плюс». Чубайс ввел личную цензуру над всеми материалами, имевшими отношение к освещению деятельности главы государства в средствах массовой информации. Направленность этой цензуры говорила сама за себя.

Короткие фрагменты встреч Б. Ельцина с А. Чубайсом, появлявшиеся на телеэкране, выхватывали из контекста их диалога наиболее неудачные, иногда просто уничижительные для президента фразы. У зрителя невольно складывалось впечатление, что глава государства все время о чем-то просил руководителя своей администрации — то не затягивать с подготовкой послания Федеральному собранию, чтобы «успеть отшлифовать его на звук» (?), то как следует подготовиться к встрече в Хельсинки (кому, Чубайсу?).

Для чего режиссеры телепередач монтировали фразы такого рода в своих сюжетах? Конечно же, это делалось преднамеренно, для создания в общественном мнении уверенности в том, что А. Чубайс незаменим и

президент его очень ценит. Но об этом было известно и без телевидения. Следовательно, появление таких материалов в СМИ целенаправленно формировало у зрителей убежденность в том, что президент недееспособен.

Смотрите, какая цепочка выстраивалась, восклицали западные журналисты. Выбираемые для показа на телеэкране фразы, телодвижения, ракурсы с участием президента были повсеместно неудачными, нелепыми, оставлявшими тягостное впечатление у зрителей. И на этом фоне — контрастно выигрышно демонстрировал свои возможности всесильный, дееспособный, эффективный и незаменимый Чубайс. Возникало вполне обоснованное подозрение в том, что формирование у граждан уверенности в скором «уходе по состоянию здоровья» первого лица государства являлось результатом не истинного положения вещей, сколько результатом специально разработанной информационной политики.

Иностранные журналисты, подробно описывая тактику политических рокировок А. Чубайса, отмечали повторяемость многих ее элементов. Как правило, ответной реакцией этого политика на любые обвинения, характеризовавшие его с отрицательной стороны, являлась подготовка соответствующих интриг для отвлечения от него президентского и общественного мнения и привлечения внимания на заранее сформированный «образ врага». Западные средства массовой информации называли в этой связи следующие интриги: «борьба с инициаторами переноса и срыва президентских выборов», «выявление врагов демократии и свободы слова», «разоблачение представителей партии войны», «раскрытие планов тех, кто был уверен в отрицательном исходе операции Б. Ельцина на сердце», «недопущение консолидации коммунистов в преддверии расширения НАТО» и другие.

Первой жертвой борьбы А. Чубайса за верховную власть аналитики считают главного телохранителя Б. Ельцина генерала А. Коржакова. Затем пришла очередь секретаря Совета безопасности А. Лебедя. Потом были натравлены друг на друга секретарь Совета обороны Ю. Батурин и министр обороны И. Родионов, в результате чего министр сначала остался без погон, а потом и без министерского кабинета. А. Чубайсу иностранные журналисты приписали и президентский гнев, жертвой которого едва не стала Дума, с которой он пообещал «расправиться».

Западные наблюдатели отметили любопытный нюанс: в лексиконе А. Чубайса вовсе отсутствовала социальная тема. Все его оценки состояния экономики были выдержаны в исключительно мажорных тонах — естественно, тех ее сегментов, которые он курировал сам. Участки, за которые отвечал-премьер, подвергались резкой критике. На телевидении и в газетах были показаны и опубликованы заказные сюжеты и статьи, характеризовавшие премьера весьма негативно не только с точки зрения деловых, но и моральных качеств. Иностранные журналисты, например, высказали догадку, в чьей голове родилась утечка информации для сюжета о том, как премьер застрелил медведицу и медвежат в ярославском лесу.

Из западных источников следует объяснение, почему А. Чубайс стремился ослабить позиции премьера, вытеснить его из круга лиц, пользовавшихся доверием президента. Дело здесь, считают западные аналитики, не только во властных амбициях А. Чубайса. Дело в том, что к 1996 году изменился геополитический характер борьбы за раздел сфер влияния в России. В Европе якобы становилось все больше сторонников идеи превращения России в сильное государство вместо безраздельно господствовавшей еще пять лет назад идеи распада страны, отвечавшей национальным интересам США.

Действительно, оценивая геополитические аспекты проблемы в последние годы, можно было заметить, как отражались в российской политике интересы крупнейших транснациональных корпораций, как усиливалась борьба за передел сфер влияния между американским, европейским и другими «центрами силы», ассоциируемыми не только с внушительным финансовым капиталом, но и гораздо более сложными способами управления глобальными мировыми процессами.

Происходившие в России экономические преобразования были не что иное, как отражение сущности противодействия двух основных геополитических стратегий развития. Одна из них направлена на сохранение целостности державы, другая предполагает ее стремительный развал. По мнению специалистов в области геополитики, программа финансовой помощи российским экономическим реформам со стороны Международного валютного фонда столь охотно предоставлявшаяся «под Чубайса», предполагает движение страны по второму варианту. А вот ряд европейских финансовых организаций, оказывающих помощь России «под

Черномырдина», предпочитают иметь в ее лице сильного, а не раздробленного распрями соседа.

Международные исследовательские центры заметили, что былая преимущественная ориентация экономического развития России на реализацию стратегий, выгодных национальным интересам США, постепенно сменилась поворотом в сторону Европы и юго-восточных стран. В качестве примеров приводились вступление России в «Парижский клуб», ее сближение с Европейским союзом, Францией, Германией, Китаем, Японией, усиление связей частного российского капитала с европейскими банками и юго-восточными корпорациями.

Без учета этих факторов оценка происходивших в России событий была бы не полна. Хотя в массовом сознании преобладало объяснение происходившего борьбой внутрироссийских группировок и, прежде всего, московской, екатеринбургской и петербургской, представители которых регулярно пересаживались из одних правительственных кресел в другие.

Но, опять же, интересы каждого из этих кланов лоббировали соответствующие международные структуры. В случае с А. Чубайсом и его командой круг наиболее влиятельных зарубежных покровителей был известен — это Международный валютный фонд, Агентство международного развития США, Гарвардский институт международного развития, ряд других американских финансовых структур. Премьера В. Черномырдина, в свою очередь, поддерживали крупнейшие европейские банки и, прежде всего, немецкие, ряд могущественных европейских финансовых и политических институтов, крупнейшие транснациональные корпорации, некоторые влиятельные неправительственные структуры и общества.

Вышеуказанное и многое другое, по мнению российских политиков и наблюдателей, отражали новый подход Запада к оценке расстановки сил на российской политической арене и предвещали более сложное маневрирование зарубежных политиков, исходя из реалий взаимоотношений внутри «партии власти» в России и росшего недовольства населения страны социально-экономическим положением.

Российские аналитики обратили внимание и на тот факт, что московские информационные агентства, исправно распространявшие

массу материалов о публикациях иностранных корреспондентов, в основном обошли молчанием вышеупомянутые статьи о А. Чубайсе.

По мнению ряда аналитических центров России, на политическую обстановку в стране конца 1997 года сильно влияло в первую очередь болезненное состояние и длительное отсутствие президента на его рабочем месте в Кремле. Это способствовало росту интриг во властных структурах, которые тратили время на поиски формул согласия и рамок временных союзов, выяснение будущности «молодых реформаторов», вариантов ожидавшейся реорганизации кабинета министров.

В декабре Б. Ельцин снова заболел и отсутствовал на работе достаточно длительный период. Недуги и отпуск президента расставили акценты на многих вопросах, остававшихся до тех пор не совсем ясными для российской политической элиты.

Всем, наконец, стало очевидно, что оставшаяся часть президентского срока будет сочетать периоды относительной активности Б. Ельцина с достаточно длительными паузами полного или частичного отхода от государственных дел. Визит в начале декабря 1997 года в Швецию, когда количество совершенных им ошибок приблизилось к критической отметке, показал, что он физически не выдерживал нормального рабочего режима. Характерными чертами являлись ограниченная работоспособность главы государства, увеличение степени его манипулируемости, возрастание роли семьи в принятии решений. Безусловно, и в таком состоянии он был бы способен осуществлять рутинную часть своих обязанностей, но едва ли следовало ожидать резких перемен курса, которые отличали в прошлом его политический стиль.

Болезнь президента подтвердила возросшую роль его ближайшего окружения, которая, по общему мнению, могла только усиливаться. Администрация президента становилась все более «семейной» организацией с усилением «женского» компонента. Тем не менее, в отличие от администрации времен А. Чубайса, президентский аппарат образца второй половины 1997 года едва ли был способен выступать с автономными политическими инициативами.

Уже не оставалось сомнений, что выдвижения Б. Ельцина на третий срок не будет. Муссирование темы его третьего президентства способно было лишь оказывать сдерживающее воздействие на таких потенциальных кандидатов, как Ю. Лужков, и служить источником

определенного психологического дискомфорта для коммунистической оппозиции. В создавшихся условиях ельцинское окружение вынуждено было всерьез задуматься о кандидатуре его возможного преемника.

По оценкам западных источников, которые, разумеется, не являлись тайной для ельцинской администрации, в конце 1997 года основными претендентами на власть в России являлись шесть человек.

Наиболее серьезным соискателем на пост президента выглядел В. Черномырдин, располагавший мощной финансовой поддержкой со стороны «Газпрома» и крупных финансово-промышленных структур. За время нахождения на посту премьер-министра ему удалось преодолеть сопротивление группировки О. Сосковца — А. Коржакова и расставить своих людей на ключевых постах.

Одно из решающих мест в системе финансовой поддержки премьера отводилось председателю Центробанка С. Дубинину, который получил свой пост в 1995 году в результате подкупа депутатов Государственной думы. По сведениям западных источников, один из близких «Газпрому» банков израсходовал на эти цели около 3 миллионов долларов. В дальнейшем С. Дубинин при поддержке премьера активно использовал Центробанк для создания контролируемой им группы банков, обслуживавших В. Черномырдина и «Газпром» (их список тоже приводится в спецдонесении).

Кроме того, по данным западных специалистов, в тот момент на поддержку В. Черномырдина ориентировались Б. Березовский, А. Смоленский и В. Гусинский. Стратегическое решение об этом было принято ими во время болезни Б. Ельцина в 1996 году. Отчасти это объяснялось тем, что с момента назначения А. Чубайса в администрацию президента и в правительство РФ с ним стало сложнее договариваться по решению вопросов, явно шедших вразрез с государственными интересами. В то же время возможности премьера по ведению собственной предвыборной кампании были ограничены в связи с необходимостью соблюдения лояльности к Б. Ельцину.

По западной шкале весомости претендентов второе место отводилось Ю. Лужкову. Однако отмечалось, что, несмотря на наличие амбиций общероссийского масштаба и репутацию «крепкого хозяина», а также безусловную поддержку населения Москвы, он имел шансы на успех только в связке с одним из реальных претендентов на пост

президента. В этом случае ему пришлось бы довольствоваться постом премьер-министра.

На третьем месте — А. Лебедь. После ухода из власти его популярность, достигнув максимального предела, резко снизилась. Отсутствие четких политических ориентиров и квалифицированной команды, конфликтный характер осложняли перспективы победы генерала.

Б. Немцов в этом списке занимал четвертое место. На фоне известных и «традиционных» политиков его фигура несла сильный заряд популизма и в течение некоторого времени могла быть весьма привлекательной для российских избирателей. Однако ошибки и просчеты, допущенные на посту губернатора Нижегородской области и за относительно короткий период работы в федеральном правительстве, могли быть использованы его противниками.

Б. Немцов являлся явным фаворитом Б. Ельцина, который, приблизив к себе этого молодого и напористого политика, держал в постоянном напряжении как В. Черномырдина, так и А. Чубайса. Передача Б. Немцову контроля над естественными монополиями серьезно ограничивала возможности А. Чубайса по наполнению федерального бюджета и, соответственно, по решению социальных задач. Однако отсутствие у Б. Немцова полноценной команды давало хорошие шансы Б. Березовскому, А. Смоленскому и В. Гусинскому для попыток подчинения Б. Немцова своему влиянию.

Г. Зюганов занимал в списке пятую строку. Шансы на национально-коммунистический реванш в России, по мнению аналитиков западных спецслужб, за последнее время значительно ослабли, так как оппозиция продемонстрировала свою неспособность воспользоваться многомесячными задержками зарплаты и пенсий для организации массовых выступлений против власти. Однако дальнейшая судьба Г. Зюганова во многом зависела от успеха действий правительства по проведению экономических реформ.

И, наконец, А. Чубайс. Ему аналитики западных спецслужб отводили ключевую роль в проведении экономических реформ. Он одновременно был и «рабочей лошадью», и «козлом отпущения».

К числу несомненных достоинств Чубайса западные аналитики относили способность действовать жестко и напористо, достигать намеченных целей и добиваться результатов. Чубайс считался наиболее

работоспособным и компетентным руководителем в российском правительстве. В то же время существовали опасения, что в ближайшее время ему придется вместо решения экономических задач сосредоточиться на политической борьбе с группировками, поддерживавшими Б. Немцова и пытавшимися помешать созданию союза В. Черномырдина в качестве будущего президента и А. Чубайса в качестве будущего премьера.

Уровень связей А. Чубайса с наиболее влиятельными международными финансовыми кругами оценивался как недостаточный для решения стоявших перед ним задач, так как для реализации своих планов А. Чубайсу необходимо не только привлекать зарубежные финансовые ресурсы в Россию, но и в ряде случаев блокировать каналы' финансирования своих оппонентов, а для этого необходимы его более доверительные отношения с финансово-экономической элитой Запада и в первую очередь США. Если А. Чубайсу удастся решить эту задачу, то негативное восприятие его в качестве публичного политика может быть в значительной степени компенсировано.

Наибольшее беспокойство на Западе вызывала возможность резкой неуправляемой конфронтации между ведущими финансово-промышленными группировками в России, способными дестабилизировать и экономику, и социально-политическую ситуацию в стране. Резко негативную реакцию вызывала деятельность отдельных руководителей крупнейших банковских и финансовых структур, имевших сомнительную репутацию на Западе.

В столицах крупнейших стран мира прекрасно знали и то, что состояние здоровья российского президента поставило его в большую зависимость от ближайшего окружения, которое являлось основным каналом информирования Б. Ельцина о главных событиях в стране и за рубежом. Семья президента, и в первую очередь его младшая дочь Т. Дьяченко, превратились в серьезный объект внимания, за который вели ожесточенную борьбу враждовавшие политические и финансовые группировки.

Несмотря на то что очередные президентские выборы в стране должны состояться в 2000 году, задолго до этой даты велась активная борьба за власть с учетом возможности проведения досрочных выборов. Основной особенностью этой борьбы было то, что впервые в

России ее вели не политические партии и отдельные политики, а ведущие финансово-промышленные группировки, пытавшиеся привести в Кремль и «Белый дом» своих людей и извлечь максимальную экономическую прибыль. Это было связано в первую очередь с тем, что если ранее основным источником дохода уполномоченных коммерческих банков, составлявших ядро крупных финансово-промышленных групп, являлась перекачка бюджетных средств на рынок государственных ценных бумаг и получение прибыли таким образом, то в конце 1997 года в связи с резким снижением доходности ГКО и необходимостью мобилизации финансовых ресурсов для решения социальных задач происходила их переориентация на другие источники дохода. Крупные банки активно включились в борьбу за приобретение государственных пакетов акций крупнейших предприятий топливно-энергетического комплекса, металлургии, связи, обладание которыми позволяло им привлекать значительные по российским меркам ресурсы на Западе путем размещения своих облигаций, а также выгодно перепродавать. свои доли участия в недооцененных российских, предприятиях.

Стремление приобрести за максимально низкую цену наиболее привлекательные предприятия (»Норильский никель», «Тюменская нефтяная компания», «Связьинвест» и другие) вызвало острую конкурентную борьбу внутри группы банкиров, выступавших ранее единым фронтом в ходе предвыборной кампании Б. Ельцина в 1996 году. В эту группу входили: Б. Березовский («ЛогоВАЗ» — «Аэрофлот — «Объединенный банк»), А. Смоленский (СБС-Агро), В. Гусинский (группа «Мост»), М. Фридман и П. Авен (группа «Альфа»), В. Потанин (ОНЭКСИМ-банк и МФК), М. Ходорковский («Менатеп» — «Роспром»), а также А. Лебедев («Национальный резервный банк»). Наиболее острая борьба развернулась между группировкой Б. Березовского — А. Смоленского, поддерживаемой В. Гусинским, ориентировавшейся на поддержку В. Черномырдина, и группировкой В. Потанина, поддерживавшей А. Чубайса.

Авторитарный характер президента не позволял наиболее активным участникам этой борьбы открыто декларировать свои цели, однако это не делало борьбу менее ожесточенной.

Хотя Б. Ельцин отошел в ноябре — декабре 1997 года на какое-то время от активной деятельности, поиск путей общественного согласия,

начатый в период осеннего кризиса, продолжался. Президент пытался подвести черту под целой эпохой политического развития страны в русле конфронтации.

В его политике прослеживались две линии поведения по отношению к оппозиции — противостояние или диалог, в зависимости от особенностей политической обстановки. И все же доминировавшим оставалось противоборство, тогда как линия примирения была вынужденной и носила подчиненный характер. Весной — летом 1997 года конфронтационная стратегия связывалась с именами «молодых реформаторов», тогда как диалоговая — с премьер-министром В. Черномырдиным.

Когда в ходе бюджетного кризиса осени 1997 года Б. Ельцин решил перехватить лавры миротворца, это вылилось не просто в очередное смещение акцентов. Контакты премьера с думской оппозицией преследовали краткосрочные цели и носили преимущественно характер закулисного торга. Президент же, по оценкам, не только возвел компромиссную стратегию в ранг общегосударственной политики, но и подвел под нее институциональную базу. Процедуры согласия быстро обрели собственную инерцию.

Как показали события конца 1997 года, болезнь президента не подорвала данную тенденцию. Результатами стали фактический отказ оппозиции от идеи импичмента президенту, свертывание дискуссий о состоянии его здоровья и продолжение интеграции ряда коммунистических деятелей в истеблишмент.

Аналитики ожидали, что возврат Б. Ельцина к активной политике сделает формы диалога более открытыми и прочными, хотя это не означало, что все ходы исполнительной власти будут согласительными. Были основания полагать, что идея национального примирения будет носить долгосрочный характер. У Б. Ельцина не было ни достаточных физических сил, ни желания, ни политических ресурсов для того, чтобы менять намеченный недавно курс на прямо противоположный. Он хотел бы войти в историю в качестве первого президента всех россиян и «отца нации». Коммунистическая элита тоже была заинтересована в таком развитии, поскольку, как она надеялась, открывалась дорога к мирному завоеванию власти в стране. Основные оппоненты в лице «молодых реформаторов» на тот момент вели

арьергардные бои, а другие потенциальные противники нового курса не обладали необходимыми политическими ресурсами.

Поворот в сторону согласительной политики, по мнению наблюдателей, был связан не только с пробуксовкой реформистского курса, который олицетворяли первые вице-премьеры А. Чубайс и Б. Немцов. Нахождение хотя бы минимального взаимопонимания с Думой оказывалось жизненно необходимым, учитывая, что ряд вопросов решить можно было только через принятие соответствующих законов. Похоже, Б. Ельцин пришел к выводу, что перманентный конфликт с законодательной властью представлял собой политический тупик, а при определенных условиях мог стать для него смертельно опасным.

В утверждении идеи согласия было заинтересовано тогда большинство действующих политических сил, о чем свидетельствовали принятие Думой бюджета на 1998 год в первом и втором чтениях; проведение встреч «четверки» и круглого стола по вопросу о земле, где Б. Ельцин выступил с примирительными заявлениями; «джентльменское» поведение сторон при принятии закона о правительстве; предоставление думской оппозиции ранее обещанных уступок — «парламентского часа» на телевидении, издание «Парламентской газеты», в результате чего руководство КПРФ получило в свое распоряжение удобное оправдание, с помощью которого она отбивала атаки левых радикалов.

Прогнозировалось, что линия на достижение согласия будет преобладать и в 1998 году, и лишь с приближением парламентских выборов в 1999 году логика предвыборной борьбы может взять верх. Исполнительная власть и коммунистическая оппозиция в складывавшейся обстановке объективно не были заинтересованы в разрушении процедур и механизмов поиска компромиссов. «Молодые реформаторы», ослабленные серией скандалов и политических поражений, уже неспособны были идти в бой с открытым забралом.

Аналитики считали также, что линией на согласие подрывались позиции целого ряда политических лидеров, таких, как Ю. Лужков, Г. Явлинский и А. Лебедь, которые ввиду их не включения в процедуры согласования, оттеснялись на обочину политического процесса. Наибольший политический урон это наносило, по мнению некоторых политологов, московскому мэру.

Утверждение примирительной линии, когда власть и оппозиция действовали практически в унисон, наглядно прослеживалось на примере чеченской проблемы, одной из наиболее конфликтных для российской политической элиты в течение последних лет.

Нападение на город Буйнакск в Дагестане вызвало резкий комментарий лишь у одного представителя федеральной власти — А. Куликова, которого поддержал московский мэр. Однако мотивы заявления министра внутренних дел о возможности превентивных ударов по лагерям чеченских боевиков были совершенно прозрачны: ему нужно было снять *с* себя ответственность за происшедшее; оправдать полицейские меры, предпринимаемые на сопредельных с Чечней территориях; поднять свои акции перед предстоявшей реструктуризацией кабинета. Многие наблюдатели оценили демарш А. Куликова как отражение его завышенных политических амбиций.

На деле вся политическая элита, независимо от партийной окраски, понимала, что возврата к военному решению чеченской проблемы быть не может. Деньги Чечне будут даваться, нефть через ее территорию будет течь, а Москва как поддерживала, так и будет поддерживать А. Масхадова, поскольку все другие варианты еще хуже. Надежда остановить выход Чечни из состава России с помощью задействования экономических и административных рычагов по-прежнему будет определять политику Москвы на Кавказе.

Представители оппозиции в лице лидеров КПРФ и ЛДПР проявили единодушие с-исполнительной властью, заявив, что не видят препятствий к тому, чтобы вести дела с новым главой чеченского правительства Ш. Басаевым — организатором террористического акта в Буденновске. Вместе с тем предполагалось, что коммунистическая оппозиция не может удовлетвориться уже достигнутым и будет настаивать на все новых уступках. Ее требования будут неизбежно нарастать при прохождении очередного проекта бюджета через Думу и сокращаться в сезоны относительного политического затишья.

Главным представлялся вопрос о принципах формирования и персональном составе кабинета министров. Аналитики с учетом верховенства конституционных полномочий президента и непредсказуемости его действий не имели какого-либо единого мнения на сей счет и рассматривали сразу несколько вариантов. Среди них: сохранение правительства неизменным в его тогдашнем составе;

формирование нового кабинета без участия А. Чубайса, но и без включения в его состав представителей КПРФ; вхождение в правительство нескольких представителей коммунистической оппозиции, в частности, назывался Ю. Маслюков, но лишь в качестве профессионалов, а не как делегированных членов КПРФ; формирование правительства народного доверия из представителей различных партий, что являлось одной из программных установок КПРФ.

Коммунисты исходили из того, что в любом случае дело сдвинулось с мертвой точки и движение в направлении коалиционного правительства начато. Соответственно, исполнительная власть была заинтересована в обратном — не дать повода говорить о недоверии предшествовавшей практике. Тем не менее, президенту и кабинету министров для снижения остроты общественной критики в свой адрес уже пришлось заплатить немалую цену, которая имела важные политические и идеологические измерения.

Президент вступил в новую ситуацию с резко суженными политическими ресурсами. Лишившись одной из своих традиционных опор в лице либералов, он утратил свободу маневра, возможность играть на противоречиях, автономно отстраивать линию собственного поведения. Конечно, аппарат, как и прежде, оставался в его распоряжении. Но в ельцинском окружении не осталось сил, опираясь на которые он мог бы противостоять дрейфу навстречу коммунистической оппозиции, если бы в какой-то момент это оказалось необходимым. Регенерировать ресурс «младореформаторства» было уже невозможно. Б. Ельцин в значительной мере оказывался заложником других сил — В. Черномырдина и думской оппозиции.

Вынужденный переход к идеям примирения и согласия сопровождался фактическим отказом Б. Ельцина от привычной для него системы сдержек и противовесов. Ослабление «молодых реформаторов» привело к тому, что акции В. Черномырдина резко рванули вверх.

В новой ситуации было не совсем понятно, откуда могли взяться столь любимые Б. Ельциным противовесы тогдашнему премьеру даже в случае проведения реорганизации кабинета. Если бы президент все-таки попытался вернуться к своей привычной системе, то у него, похоже, было бы несколько путей. Либо вновь сделать ставку на

«молодых реформаторов», на что аналитиков наталкивало несколько демонстративное потепление отношений с Б. Немцовым, либо привлечь в правительство кого-либо из губернаторов, либо попытаться «накачать» политически министра внутренних дел А. Куликова. Однако все эти варианты представлялись трудно реализуемыми и малоэффективными. Роль реального хозяина кабинета, скорее всего, отводилась В. Черномырдину.

Но сближение с коммунистами способно было привести к эрозии образа Б. Ельцина как олицетворения реформ в глазах либерально ориентированных политических сил и слоев общества. «Партии власти» было бы крайне сложно в новых условиях вести идеологическую борьбу с коммунистами через государственные и другие подконтрольные средства массовой информации. Включение же все большего числа представителей компартии в истеблишмент означало бы фактическую легитимизацию КПРФ в глазах значительной части общества, показало бы одним, что «не все потеряно», а другой части левого электората, напротив, что все власть имущие «одним миром мазаны».

Кремлевские официальные аналитики предупреждали в своих конфиденциальных записках: обозначившаяся тенденция чревата в перспективе серьезными потерями как для «партии власти», так и для оппозиционных сил, в зависимости от того, кто кого переиграет.

По оценкам экспертов, поражение «молодых реформаторов» оказалось и предпосылкой, и результатом появления идеи общенационального согласия. В известной мере их отступление было предопределено. Здесь сыграли свою роль и личные качества, и состояние массового сознания, и нереализуемость поставленных целей.

Общество психологически и материально не было готово платить за радикальные социальные преобразования. «Молодые реформаторы» исповедовали авторитарный стиль поведения, вели себя бескомпромиссно, не согласовывая предпринимаемые шаги с другими элитными группами. Стало очевидно противоречие между заявленными целями и реальными достижениями. Приход А. Чубайса и Б. Немцова со своими командами в правительство сопровождался явно завышенными ожиданиями. Опыт, однако, показал, что они оказались совершенно не эффективны в решении долгосрочных задач, явно недооценили своих конкурентов. Раскрученное их оппонентами «дело

писателей» нанесло прежде всего А. Чубайсу непоправимый моральный и политический урон, скомпрометировав его даже в глазах реформаторски ориентированной части населения.

Полученный на старте весной 1997 года кредит доверия был исчерпан всего лишь за полгода. Власть растранжирила ресурс обновления, появившийся у нее с приходом в правительство «молодых реформаторов». Теперь ей попросту неоткуда было брать публичное доверие. Если ставка делалась на пробуждение в обществе каких-то симпатий к действовавшей власти, то теперь ее последним ресурсом оставалась, как ни странно, росшая социальная апатия.

Кризис по-разному отразился на положении А. Чубайса и Б. Немцова.

Первый понес тяжелейший политический урон. Ресурсы, которыми он располагал при вхождении в правительство, включали в себя хорошо налаженные контакты с президентом и его семьей, сплоченную команду единомышленников, влияние на администрацию президента, поддержку ведущих СМИ, тесное партнерство с банковским сообществом, авторитет на Западе. К концу 1997 года из этого набора остались лишь компетентность да поддержка Запада, хотя уже несколько проблематичная.

Ключевые фигуры чубайсовской команды оказались скомпрометированы и были вынуждены покинуть свои посты. В значительной мере была утеряна поддержка президента, а отношения с семьей и ближайшим окружением испорчены. Разладились отношения А. Чубайса с бизнес-элитой. На его стороне практически не осталось ведущих СМИ. Все эти ресурсы были практически невосстановимы.

В изменившихся условиях А. Чубайс по существу перестал быть самостоятельной политической фигурой. Сам он, похоже, стремился остаться в правительстве, что отвечало сиюминутным интересам как президента, так и премьер-министра. Однако теперь он превращался в исполнителя, лишенного политических возможностей. Причем если раньше его можно было считать орудием президента, то сейчас он превращался, скорее, в инструмент в руках премьера и в первого кандидата на «заклание». Было ясно, что им пожертвуют при любом крупном конфликте с Думой.

Б. Немцов обладал меньшим объемом исходных ресурсов — навыками публичного политика, расположением президента и его

семьи, поддержкой СМИ. Пожалуй, его главная слабость заключалась в отсутствии собственной команды, что побудило искать союз с А. Чубайсом. Когда же позиции последнего были безнадежно подорваны, Б. Немцов счел за благо дистанцироваться от него. Однако дальнейшая политическая стратегия Б. Немцова, похоже, была неясна даже ему самому.

Расположение президента к бывшему нижегородскому губернатору, несмотря на некоторые демонстративные жесты, пошло на убыль, осложнились отношения с семьей Б. Ельцина. К тому же Б. Немцов сделался едва ли не главной мишенью для многих средств массовой информации. Пошла вниз его популярность, а позиции оказались оголены почти в той же степени, что и у А. Чубайса.

Ослабление «молодых реформаторов» естественным образом привело к упрочению позиций премьер-министра В. Черномырдина. Его стиль работы по поиску диалога с думской оппозицией приобрел черты общегосударственного курса. По сути премьер преодолел двоевластие и стал полным хозяином кабинета министров, восстановил особые отношения с президентом и взял на себя ведущую роль во взаимодействии с Думой. Соответственно, вырос и его авторитет в элите. После образования нефтяного гиганта ЮКСИ укрепилось его положение в финансовой олигархии. Наконец, он начал демонстрировать признаки эффективного публичного политика. Даже его рейтинг немного подрос. Главное же, что он оставался единственным деятелем, устраивавшим основные политические силы страны.

Фактическое возвышение премьер-министра получило и формальное закрепление, вызвав серьезные институциональные подвижки, к примеру, вступление в силу закона о правительстве, в системе исполнительной власти и ее отношениях с президентом. Премьер получил формально право распределять обязанности внутри правительства. Закон отменял должности первых вице-премьеров. Отставка премьер-министра отныне автоматически влекла за собой отставку всего кабинета.

Таким образом, и за правительством в целом, и за его председателем закреплялось властное пространство, автономное от президентской вертикали. Однако правительству принадлежала более важная и самостоятельная роль в системе исполнительной власти.

Возросшая автономия премьер-министра стала результатом не только вступления в силу закона о правительстве, но еще в большей мере — следствием укрепления личного влияния В. Черномырдина и снизившейся активности президента. Ни одно кадровое перемещение было невозможно вопреки воле главы кабинета. Когда осенью 1997 года премьер пригрозил возможной отставкой, он обращался скорее не к оппозиции, а к близкому окружению Б. Ельцина.

Создать премьеру противовесы в рамках правительства стало гораздо труднее. Другой реальной фигуры на эту роль не просматривалось, и вряд ли она могла появиться в случае возможной реорганизации кабинета. Привычную систему сдержек и противовесов президент мог построить только за пределами правительства, например, опираясь на свою администрацию, но это выглядело бы лишь психологической компенсацией за утрату прежней системы. Ослабить прочность тандема президент — премьер, с учетом того, что семья Б. Ельцина, похоже, наконец определилась с преемником и гарантом собственного благополучия, становилось практически невозможной задачей.

Именно такие изменения в реальном положении и формальном статусе премьера вызвали необходимость в перераспределении обязанностей внутри кабинета, инициированных премьер-министром и одобренных президентом. В. Черномырдин еще больше ослабил позиции «молодых реформаторов», лишив их ресурсообразующих полномочий, переподчинив соответствующие структуры себе или передав их в ведение других вице-премьеров. Это относилось прежде всего к контролю над Минфином, ТЭКом, средствами массовой информации.

В то же время аналитики отмечали, что возвышение В. Черномырдина делало его во многих отношениях более уязвимым. Он фактически лишился важного для него громоотвода в лице А. Чубайса. В глазах общества теперь премьер отвечал за все. Видимо, обозначая возникшую опасность, он и возложил на «молодых реформаторов» ответственность за те участки деятельности, где более всего были возможны провалы и взрывы социального протеста. Усиление В. Черномырдина не могло не вызвать также традиционной ревности президента. В прошлом на аналогичные ситуации Б. Ельцин всегда реагировал действиями, резко ослаблявшими позиции премьера. И хотя

поле для такого маневра значительно сузилось, аналитиками не исключалось, что президент попытается предпринять нечто подобное, скорее всего, в заметно смягченной форме, воспользовавшись предстоявшей реорганизацией кабинета.

Оценивая ближайшую перспективу на начало 1998 года, аналитики обращали первоочередное внимание на предстоявшие два важнейших политических события — ежегодное президентское послание Федеральному собранию и ожидавшуюся реорганизацию кабинета министров.

Согласно имевшейся предварительной информации, текст послания Б. Ельцина ожидался дежурным, а значит, его выступление перед Федеральным собранием не могло иметь сколько-нибудь серьезного политического резонанса. Предполагалось, что оно не будет ставить эпохальных целей, а окажется подчинено ближайшей задаче — обеспечению в 1998 году реального подъема экономики. Этот последний относительно спокойный, «неполитический» год перед электоральным марафоном 1999–2000 годов давал уникальный шанс сдвинуть состояние экономики с мертвой точки.

Та же цель — добиться ощутимого продвижения реформ в последнем «неполитическом» году — должна была, по мнению аналитиков, определять и логику реорганизации кабинета. Перестановки внутри него, как ожидалось, должны были диктоваться не макрополитическими соображениями — как уравновесить Черномырдина, а чисто функциональными задачами — как сделать кабинет более дееспособным. Но, разумеется, было ясно, что все конкурировавшие политические силы попытаются воспользоваться данной ситуацией в своих интересах.

С точки зрения исполнительной власти наиболее предпочтительным являлся вариант сохранения тогдашнего состава кабинета с малозначительными изменениями, возможно, с низведением статуса первых вице-премьеров до обычных заместителей главы правительства. Исходили из того, что торг с коммунистами легче вести, пока в правительстве оставался А. Чубайс. Психологически власть, похоже, готова была пойти даже на вариант включения «лояльных» представителей думской оппозиции в состав кабинета, хотя, по преобладавшему мнению, третье и четвертое чтение бюджета уже могли пройти без дополнительных уступок коммунистам. Вариант

создания полноценного коалиционного правительства рассматривался аналитиками как маловероятный, не в последнюю очередь потому, что он должен был вызвать резкое противодействие со стороны В. Черномырдина.

Другой аспект проблемы состоял в том, откуда исполнительная власть могла черпать кадры для обновления кабинета? По-видимому, как федеральный административный резерв, так и думский некоммунистический, после прихода в правительство М. Задорнова и его команды, были практически исчерпаны.

Официальная информация о действиях президента была крайне противоречивой. С одной стороны, правительство получило очередной выговор — конечно же, за неудовлетворительную работу. И вдруг прямо противоположное высказывание: «Улучшилось настроение людей, и по зарплате такого шума нет». Если учесть тот факт, что пресса в конце 1997 года постоянно сообщала о забастовках бюджетников, так и не получивших обещанные деньги, то создавалось впечатление, что Б. Ельцин был не в курсе реального положения дел в стране.

Новый виток получила дискуссия по вопросу о его третьем президентском сроке. Сам Б. Ельцин заявил, что намерен руководствоваться в этом вопросе только Конституцией и в связи с этим больше думает не о своем президентстве на третий срок, а о своем преемнике, который столь же твердо и последовательно проводил бы в стране демократические реформы.

Его окружение, и прежде всего Б. Немцов, выступали с заявлениями, что «перспектива участия Бориса Ельцина в новых выборах существует», что «Б. Ельцин — единственный гарант стабильности». Эти заявления прозвучали весьма кстати: на ближайшее время был назначен закрытый пленум Конституционного суда России, на котором ожидалось обсуждение вопроса, принимать ли к рассмотрению депутатский запрос о новом президентском сроке.

В борьбе, шедшей вокруг этого вопроса, выделялось несколько аспектов. Становилось очевидным, что радикал-реформаторские силы, группировавшиеся вокруг президента, под стабильностью понимали сохранение политического статус-кво, в котором они и дальше смогут находиться у власти и продолжать ту социально-экономическую политику, которая обеспечивала реализацию реформ в соответствии с

выбранной ими моделью при полном игнорировании взглядов и намерений оппозиционных режиму сил.

Неопределенность, двусмысленность позиции президента влекла за собой определенную политическую нервозность, что до последнего времени позволяло сдерживать открытые выступления с претензиями на будущую власть со стороны ряда государственных деятелей. Заявления Г. Явлинского и А. Лебедя о их готовности участвовать в президентских выборах ничего не меняли. Для околопрезидентского окружения важно было другое: сохранение данного положения позволяло выиграть время и создать предпочтительные позиции в системе государственного управления, финансовых структурах и средствах массовой информации для будущего преемника президента, если Б. Ельцин действительно не будет участвовать в выборах.

Эта неопределенность, двойственность, почти откровенная политическая игра оказывала в значительной степени дестабилизирующее воздействие на ситуацию, прежде всего в структурах государственной власти, и, как следствие — в обществе.

Внутренние противоречия в структурах власти в конце 1997 года продолжали оставаться основным фактором, оказывавшим дестабилизирующее воздействие на ситуацию в стране. Перенесенный в очередной раз на конец февраля 1998 года отчет кабинета министров потерял свою актуальность, но не снял существовавшего кризиса власти.

Правда, А. Чубайсу удалось некоторым образом восстановить контроль над экономическим блоком правительства, о чем свидетельствовали назначения Ф. Газизуллина заместителем председателя правительства — министром государственного имущества РФ и Г. Таля — руководителем Федеральной службы по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению. И Ф. Газизуллин, и Г. Таль считались членами команды первого вице-премьера. Однако вряд ли можно было говорить о возможности полного восстановления первым вице-премьером утраченных позиций.

С неудачи вступал в новый 1998 год и первый вице-премьер Б. Немцов: он не вошел в качестве представителя государства в совет директоров РАО «Газпром». Кроме того, было известно, что В. Черномырдин готовил проект распоряжения, которым он переводил под свое кураторство топливно-энергетический комплекс страны.

Отражением внутренних противоречий стал и скандал в РАО «ЕЭС», связанный с именем председателя правления Б. Бревновым. Кто бы из этого конфликта ни извлек дивиденды, сам по себе он не способствовал росту авторитета власти и правительства.

На первый взгляд, позиции «молодых реформаторов» значительно ослабели. Однако на самом деле все было не так просто. И не так уж кривил душой А. Чубайс, когда бодро комментировал свою новую роль в правительстве. Он больше не отвечал за бюджетные расходы, следовательно, не являлся и главным виновником невыплаты зарплаты бюджетникам. Что касалось Б. Немцова, то за ним осталось его главное политическое оружие — прямой доступ и влияние на президента.

О премьере все говорили однозначно — он значительно усилил свои позиции. К концу 1997 года он стал — впервые за шесть лет! — полномочным председателем правительства. Но, с другой стороны, превратился в основную мишень для критики и слева, и справа, и сверху. Скованный многочисленными обязанностями премьер сузил себе поле для политического маневра. В сложившейся ситуации, с учетом склонности президента к сложным кадровым комбинациям, аналитики предполагали дальнейшие изменения в правительстве. Но того, что произошло в марте 1998 года, — отставки самого В. Черномырдина, — никто не предугадал.

На пороге нового года положение в лагере оппозиции складывалось следующим образом.

Г. Зюганов заявил о намерении коммунистов в 1998 году активно участвовать в общественной жизни страны. КПРФ планировала присоединиться к акции Л. Рохлина, намеченной на 23 февраля. Лидер коммунистов также напомнил, что 27 марта исполняется год со дня проведения всероссийской акции протеста, и сказал, что в 1998 году ее необходимо повторить «с еще большей активностью». Однако подобные заявления аналитиками рассматривались скорее как демонстративный радикал-коммунистический популизм, так как руководство КПРФ, по имевшимся сведениям, пока не собиралось отказываться от проводившейся в последнее время тактики «встраивания во власть».

Превращение КПРФ в парламентскую партию негативно воспринималось многими радикально настроенными коммунистами, что приводило к внутренним противоречиям. В этой связи интерес для

комментариев представлял факт отстранения заместителя председателя Госдумы С. Бабурина от курирования вопросов, связанных с контактами нижней палаты со странами СНГ.

Позиция С. Бабурина, входившего в депутатскую группу «Народовластие», по некоторым оценкам, давно противоречила курсу КПРФ. Однако до недавнего времени радикализм вице-спикера не создавал особых проблем. К январю 1998 года ситуация изменилась. После того как Б. Ельцин объявил 1998 год годом СНГ, сохранение за С. Бабуриным его прежнего круга обязанностей могло испортить отношения Думы и Кремля. Важно было и то, что многие депутаты тяготели к С. Бабурину. И хотя никто из коммунистов не собирался вставать под знамена вице-спикера, раскол партии настолько пугал ее руководство, что оно готово было на любые превентивные меры.

Еще один конфликт уходившего 1997 года — из-за договоренности НДР с КПРФ, «Яблоком» и ЛДПР об отстранении Л. Рохлина от руководства комитетом по обороне. В. Илюхин отметил, что Г. Зюганов не проинформировал свою фракцию в Госдуме относительно договоренности с НДР, а также заявил, что «если лидер фракции согласен отстранить Л. Рохлина, то это еще не значит, что с этим согласна вся наша фракция». Если раньше коммунистическая фракция поддерживала лидера ДПА, то изменившаяся позиция руководства Компартии объяснялась тем, что оно недовольно политической активностью Л. Рохлина, посягавшего на электорат Г. Зюганова.

Отвечая на уже традиционный вопрос, будет ли он участвовать в президентских выборах 2000 года, Ю. Лужков сказал: «Я могу точно сказать только то, что в 2000 году буду баллотироваться на пост мэра». До того он решительно отвергал всякую возможность своего участия в президентских выборах.

В силу присущей ему осторожности Ю. Лужков снова не сказал ни да, ни нет. И хотя эта недосказанность предоставляла московскому мэру возможность отступить в случае изменения ситуации, его новое разъяснение давало пищу для слухов о его президентских намерениях.

Ю. Лужкова видели среди кандидатов в президенты последние два года, а к началу 1998-го его шансы значительно возросли. Вот и Б. Немцов заявил о том, что Лужков имеет сегодня в отсутствии Б. Ельцина высокие шансы на победу в выборах, поскольку его поддержит

«все чиновничество, начиная от сельских администраций и заканчивая московскими».

Ю. Лужков, по наблюдениям аналитиков, продолжал вести активную политическую деятельность, оперативно реагируя на происходившие в стране события. Он первым выразил солидарность министру внутренних дел А. Куликову по поводу превентивных ударов по чеченским бандитским базам, пояснив, что «государство обязано защищать своих граждан так, как это делают другие цивилизованные и уважающие себя страны», продекларировал приверженность к социализму с «демократическим лицом», регулируемому рынку.

Таким образом, в оппозиции продолжалось развитие тенденции к перегруппировке сил в отдельных ее самостоятельных звеньях, просматривалось стремление создать новые оппозиционные группы, в том числе и на идеях социализма. В целом, возвращение к тем или иным положениям социализма, прежде всего в вопросах социальной политики, социальной защищенности, «справедливости» приватизационной аферы, духовного наследия становилось ощутимым элементом политики не только левой, но и центристской оппозиции. В этом смысле можно было сделать вывод, что партии, политические группы и движения, готовясь к парламентским выборам 1999 года, стремились учесть настроения почти 40 миллионов избирателей, придерживавшихся в той или иной степени социалистических если не взглядов, то настроений.

По мнению многих независимых экспертов, в целом в 1997 году отмечалась тенденция ослабления влияния левой оппозиции в обществе. Ей не удалось мобилизовать население на серьезные массовые выступления, в ее среде усилились раскольнические проявления. С точки зрения реального влияния на оппозиционно настроенные слои общества, коммунистов начали теснить альтернативные им «военно-патриотические» оппозиционные объединения.

Главным политическим итогом уходившего года, провозглашенного «годом согласия и примирения», аналитики называли сохранение гражданского мира, недопущение перерастания высокой социальной напряженности в открытое противостояние общества и власти. Социальные и трудовые конфликты разрешались с использованием механизмов выборов, забастовочного движения и

протестных выступлений, которые в большинстве своем протекали в установленных законом границах. В результате, несмотря на действие целого комплекса негативных факторов, предрекаемый оппозицией социальный взрыв не произошел.

Развитие социально-политических процессов в 1997 году указывало, по мнению правительственных аналитиков, на формирование в политической системе российского общества определенного состава прочности. Постоянная работа в экстремальных условиях мобилизовывала ресурсы исполнительной власти, которая приобретала навыки локализации острых социальных конфликтов, задействования переговорных механизмов, достижения компромиссов с политическими оппонентами.

Аналитики из оппозиционного лагеря, наоборот, считали, что конфронтационные тенденции в развитии политического процесса в 1997 году властям преодолеть не удалось. Обострение борьбы между различными группировками правящей элиты за перераспределение собственности и сопровождаемое «выбросом» компрометирующих материалов о коррупции в высших эшелонах власти резко снизили ее авторитет и социальную базу. Недоверие в обществе к конкретным государственным институтам, персонально к ряду руководящих лиц и проводимому ими курсу в этой связи достигло предельного уровня.

Западные аналитики, оценивая итоги уходившего года, приходили к выводу, что отсутствие реальных позитивных сдвигов в социальной сфере в большинстве регионов страны способствовало расширению радикальных настроений в лево-оппозиционных кругах и усилению их давления на центральные партийные органы. Последние вынуждены были реагировать на массовое недовольство периодическими резкими заявлениями в адрес властей, продолжая, однако, вполне цивилизованный диалог с ними по линии думской работы.

1997 год, по мнению западных наблюдателей, стал для России годом окончательного оформления системы исполнительной и законодательной власти на региональном уровне. В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации к концу года завершились выборы глав администраций и депутатов местных органов законодательной власти.

С одной стороны, избранные главы местных администраций вне зависимости от их партийной принадлежности продемонстрировали

быструю утрату идеологической окраски, превращаясь в политических прагматиков, готовых к конструктивному сотрудничеству с центром.

С другой стороны, новый статус юридически независимых от центра «народных избранников», опиравшихся на экономический потенциал регионов, заложил основу формирования на общероссийском уровне нового активного субъекта политической жизни в лице губернаторского корпуса. Убедительным подтверждением того, что новые губернаторы и президенты были намерены пользоваться открывшимися возможностями независимого управления, стала судьба реформы жилищно-коммунального хозяйства. Продекларированная центром жесткость этой реформы оказалась парализованной стремлением региональных руководителей свести к минимуму ее социальные издержки, в том числе путем реализации самостоятельных концепций в этой сфере.

В 1998 году эксперты ожидали возрастания реального политического веса Совета Федерации, более полного использования сенаторами данных им законом прав в области регулирования важнейших экономических и политических аспектов государственного управления. Прогнозировалось, что региональные руководители сыграют решающую роль в определении пути развития земельной реформы.

На фоне особой актуальности вопроса о конструктивном взаимодействии федеральных органов исполнительной и законодательной власти большинством экспертов была отмечена своевременность и перспективность инициативы Б. Ельцина по возобновлению работы «совета четырех», включавшего президента, председателя правительства и руководителей обеих палат парламента. Деятельность этого консультативного органа значительно расширяла «договорное пространство» российской политики и заложила основу создания механизма выработки комплекса антикризисных мероприятий и предупреждения политических кризисов.

Безусловно, решающее влияние на ситуацию в стране продолжали оказывать процессы в экономической сфере.

Анализ фактических данных по основным макроэкономическим показателям 1997 года и их сравнение с теми, которые были зафиксированы в «Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 1997 г.», показывали, что в 1997 году на фоне

стабилизации в ряде сфер в экономике страны по-прежнему наблюдались негативные тенденции.

В частности, общее снижение инвестиций в январе — октябре 1997 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года составило 6,6 процента. Продолжали сокращаться доходы предприятий — на 15 процентов по сравнению с 1996 годом. Доля убыточных предприятий достигла почти половины. Новым моментом явилась практически полная утрата предприятиями собственного оборотного капитала: его доля в оборотных активах сократилась в 1997 году с 10 до 3–4 процентов.

Не происходило реального перетока финансовых средств в производственную сферу, инвестиции постоянно сокращались. В условиях отсутствия оборотных средств денежное обращение между предприятиями все более вытеснялось бартером и другими финансовыми суррогатами. Это нашло свое отражение в росте неплатежей: кредиторская задолженность в первом полугодии выросла в 1,5 раза, дебиторская — в 1,2 раза. По сравнению с 1996 годом масса прибыли предприятий снизилась на 15 процентов. А в некоторых секторах экономики — лесопромышленном комплексе, черной металлургии, промышленности стройматериалов, легкой промышленности — прибыль вообще не была получена. Одновременно убытки предприятий промышленности выросли в 1,4 раза.

Стагнирующая производственная сфера не в состоянии была обеспечить нормальное исполнение бюджета. За январь — сентябрь 1997 года по доходам бюджет был исполнен только на 65,2 процента. Сорвана программа по сбору налогов. По итогам трех кварталов их собираемость оказалась на 10–12 процентов ниже, чем в 1996 году. Падение собираемости налогов становилось одной из основных причин нараставшей задолженности по заработной плате в большинстве регионов. Низкий уровень доходов не позволял обеспечить выполнение государством своих функций в области национальной безопасности и социальных гарантий, создать реальные предпосылки экономического роста.

Наиболее тяжелая ситуация с неплатежами сложилась в машиностроении и военно-промышленном комплексе. По остаточному принципу финансировались расходы на закупки вооружения и военной

техники, оплату НИОКР и капитальное строительство. Не выделялись средства на инвестиционные программы конверсии оборонной промышленности. Финансирование оборонного заказа не превышало 40–45 процентов. Каждое второе предприятие оборонной промышленности было близко к банкротству.

Оборонный комплекс, находившийся в условиях недофинансирования и широкомасштабной реструктуризации, оказался фактически без управляющего воздействия со стороны государства. Нарушились механизмы сопряжения усилий оборонных предприятий, правительственных и неправительственных организаций, научно-исследовательских учреждений в деле развития высокотехнологичных и наукоемких производств. Все это вело к физическому и моральному износу оборудования вплоть до его некомпенсируемого выбытия, развалу кооперации, снижению квалификации работников, падению качества продукции и утере ряда высоких технологий — до 300 в год.

По оценкам многих экспертов, в сложившихся условиях рост производственных инвестиций, оживление производства и оздоровление общей экономической ситуации были невозможны в силу непреодолимого разрыва в доходности спекулятивных операций и рентабельности производственной сферы. На фоне продолжавшегося ухудшения финансового положения производственного сектора ситуация на финансовом рынке в течение трех кварталов, вплоть до его резкой дестабилизации в конце октября 1997 года, характеризовалась высокой доходностью операций — в 100–300 процентов годовых. При этом, если раньше спекулятивный оборот шел в основном на рынке ценных бумаг, то в конце года он осуществлялся за счет повышения курсовой стоимости акций российских производственных предприятий, большинство из которых имело неудовлетворительное финансовое состояние.

Равновесие, сложившееся на денежном рынке, носило неустойчивый характер и достигалось посредством лавинообразного увеличения государственного внутреннего долга. Текущие расходы на его обслуживание более чем вдвое превышали налоговые поступления в бюджет. Это вынуждало правительство искать заимствования за рубежом. В конце 1997 года внутренние расходы государства существенно зависели от мобилизации внешних источников финансовых ресурсов. В 1996 году на внешних инвесторов

приходилось обеспечение И процентов федеральных расходов, в 1997 — 23 процента.

По мнению экспертов, достигнутая макроэкономическая стабилизация носила крайне неустойчивый характер, так как искусственное связывание денежной массы в пирамиде ГКО могло в любой момент обрушиться. Это было обусловлено и весьма существенной долей нерезидентов, оперировавших на основных сегментах денежного рынка: по ГКО-ОФЗ — 30 процентов, по межбанковским кредитам — 55–60 процентов, по корпоративным ценным бумагам — 60–65 процентов. Эксперты опасались, что резкий отток средств с рынка ГКО мог привести к весьма серьезным последствиям для экономики страны.

Нестабильность финансовой системы России наглядно показал разразившийся в конце октября 1997 года кризис на мировых фондовых рынках, который вызвал резкую дестабилизацию российского фондового рынка. В первую очередь это отразилось на снижении курса наиболее ликвидных и популярных акций отечественных предприятий.

Обвал цен на рынке акций привел к потенциальным потерям российского бюджета. После кризиса стоимость российских компаний пропорционально снизилась, что негативным образом сказалось на доходах бюджета на прошедших аукционах и конкурсах по продаже крупных пакетов акций ряда ведущих компаний. Это непосредственно отразилось на выплатах пенсий и зарплаты бюджетникам.

Возможности стабилизации российской экономики эксперты непосредственным образом связывали с внутриполитическими факторами. Настроения инвесторов во многом определяла ситуация с принятием бюджета, возможные кадровые изменения в российском правительстве, доверие, которое ему оказывалось высшим законодательным органом страны, достижение консенсуса между ведущими политическими силами.

Аналитики самой разной политической ориентации сходились во мнении, что в 1997 году особенно отчетливо проявилась тенденция криминализации многих аспектов не только экономической, но и общественно-политической жизни страны.

Характерным явлением становилось скрытое участие криминальных структур в политике, прежде всего путем финансовой поддержки конкретных партий и общественных организаций. В

результате в институтах исполнительной и законодательной власти складывались группы лоббистов интересов кланов, финансовых групп и фирм с сомнительным капиталом, им создавался режим наибольшего благоприятствования.

Достаточно отчетливо усилия криминальных кругов по проникновению во властные структуры проявились в ходе кампаний по выборам в органы местной законодательной и исполнительной власти во второй половине 1997 года. В подавляющем большинстве регионов страны были зафиксированы факты прямого участия представителей либо связей оргпреступных группировок в таких выборах. В печати сообщалось, что из 295 зарегистрированных кандидатов в депутаты Приморской краевой Думы 33 претендента относились к вышеназванным категориям. В Мурманской области из 206 кандидатов в областную Думу 17 человек имели отношение к околокриминальной среде.

В 1997 году не произошло качественного перелома в социальной сфере, зеркально отражавшей реальное состояние экономики страны. Июльско-августовские выплаты задолженностей по пенсиям и части содержания военнослужащих носили разовый и во многом пропагандистский характер. Они явились результатом расходования невосполнимых для бюджета ресурсов — приватизации крупнейших экономических объектов и зарубежных заимствований. Задержки по времени распродажи оставшейся части ведущих государственных компаний и выплат по кредитам Международного валютного фонда и займу Всемирного банка срывали обещания правительства решить проблемы задолженностей до конца 1997 года и окончательно сводили на нет кредит доверия, выданный населением «молодым реформаторам».

Общая численность безработных выросла за 1997 год почти на 3 процента и составила 6,8 миллиона человек. Тенденция роста безработицы сохранялась. 35 миллионов россиян жили за чертой бедности. В соответствии с результатами социологических исследований в крупных индустриальных центрах, до 70 процентов граждан не верили в возможность положительных перемен в ближайшее время и в декларации правительства в этой области.

Неизбежно возникавшая при этом социальная напряженность находила разрешение в различных коллективных акциях протеста. В

1997 году в таких действиях участвовали более 60 тысяч предприятий. И по числу участников, и по масштабам движение рабочего протеста значительно превысило уровень 1996 года, охватив практически всю территорию страны и большинство категорий трудящихся.

Существовала реальная опасность возникновения в стране стихийной забастовочной волны, охватывавшей различные регионы и отрасли. Реанимация старых и образование новых стачкомов на предприятиях и в учреждениях свидетельствовало о том, что в обществе постепенно складывалась обстановка, когда трудовые коллективы могли выйти из-под контроля умеренных профсоюзов и предъявить руководству государства жесткие политические требования. Ряд экспертов считал вполне вероятными отдельные попытки доведенных до отчаяния трудящихся «выбить» свои же заработанные деньги с помощью еще более радикальных, чем забастовки, «силовых» способов.

Наблюдатели на местах констатировали фактическую смычку низовых профсоюзных комитетов предприятий с местными отделениями оппозиционных политических партий, что придавало забастовочному движению в российских регионов, и особенно на Дальнем Востоке, в Сибири, в Центральной России, все более отчетливую политическую направленность.

Фактором, способным стимулировать скачкообразный рост социальной и политической напряженности, многие эксперты считали попытку реализации в короткие сроки социальной и жилищно-коммунальной реформы. В силу своей неготовности и по причине низкого уровня доходов основная масса населения оказалась крайне восприимчивой к аргументам оппозиции и местных региональных лидеров, которые не преминули использовать недовольство граждан как инструмент давления на федеральную исполнительную власть.

Ее заверениям о стабилизации и скором оживлении экономики всерьез уже никто не верил, поскольку за ними всякий раз следовали не конкретные и понятные людям дела, а новые реформаторские начинания, в целесообразности и эффективности которых сомневались даже сторонники правительственного курса. Более того, все провозглашаемые планы реанимации государства за счет предельно опустошенных кошельков простых граждан не находили понимания, а следовательно и поддержки в широких слоях населения.

Попытки поддержать госбюджет на плаву не в ущерб ловким предпринимателям, приобретавшим именно за счет госбюджета недвижимость, фешенебельные виллы за рубежом, а за счет рядовых тружеников, не получающих по много месяцев честно заработанные деньги, не могли привести к желаемым результатам.

Первоначальное неверие основной — средне- и малообеспеченной — части населения в утрату многих институтов социальной поддержки, в том числе к привычным в советские времена бесплатному образованию, просвещению, медицинскому обслуживанию, постепенно сменилось острым недовольством. Прогрессировавшие в стране социальная несправедливость, неравноправие, беззащитность людей перед коррумпированными чиновниками и преступным миром порождали у них внутренний протест и несогласие с проводимой властью политикой, идущей, кстати, вразрез с предвыборными обещаниями.

Вследствие этого народные массы чувствовали себя обманутыми и униженными. Объективно в стране были созданы условия для смены власти. Но тяжелый груз многочисленных ошибок при проведении внутренней и внешней политики пригвоздил власть к правящему креслу. Она, маневрируя, интригуя и заигрывая, не выпускала из своих рук ключевые рычаги государственного управления и влияния. Но, несмотря на определенные успехи в борьбе за контроль над этими рычагами, власть заметно слабела. И это было видно прежде всего в малом ресурсе политических и жизненных сил у ее лидера, равнозначной замены которому в достаточно узкой группе семейно-финансовой олигархии не просматривалось.

В конце сентября 1997 года в России побывал представитель семьи Рокфеллеров с группой лиц. Они провели серию встреч с российскими политическими и финансовыми кругами. Предметом интереса американцев было положение в руководстве страны и, прежде всего, вопрос, кто же мог прийти на смену главе российского государства в обозримом будущем.

Из бесед с членами делегации стало ясно, что американцы пришли к определенным выводам, определили свою точку зрения по интересовавшим их вопросам и намерены были доложить Б. Клинтону соображения, суть которых сводилась к следующему:

Политическое и социально-экономическое положение в России критическое. Надежд, что оно улучшится при нынешних государственных деятелях, ожидать практически невозможно.

Б. Ельцин не дотянет до новых президентских выборов, по крайней мере, политически, и уступит место другому. Во всяком случае, с определенностью можно сказать, что обстоятельства заставят его пойти на такой шаг.

Фигуры А. Чубайса и Б. Немцова — не проходные. На первые должности в государстве они не вырвутся. Другие деятели на российском внутриполитическом горизонте, которые могли бы занять высшие посты, пока не просматривались.

В. Черномырдин показал себя слабым руководителем. Он непопулярен и некомпетентен. Делать ставку на него для США было бы непозволительным риском.

Единственная кандидатура, которая по мнению американцев, является в настоящее время перспективной, — это Ю. Лужков. Если мэру Москвы ничто не помешает, то его шансы стать на следующих выборах главой государства предпочтительнее, чем у других.

Есть только один фактор, который может реально помешать Ю. Лужкову: его окружение. Сделает он «чистку» среди приближенных лиц — выиграет, не сделает — проиграет.

Некоторые фигуры из окружения Ю. Лужкова, по мнению американцев, настроили против себя большую часть московских финансовых кругов и столичной элиты, стали для Ю. Лужкова «грузом, который может его утопить».

Неожиданную оценку событиям, происходившим в России, дал американский миллиардер и финансист Дж. Сорос. Оценивая свою мечту о создании постсоветского открытого общества как «наивность», он сообщил в интервью газете «Вашингтон пост», что «Россия находится в ужасном положении из-за подъема нескольких банкиров и предпринимателей — новой русской олигархии, которые не только сконцентрировали большую часть экономики в нескольких руках, но и поддерживают тесные связи с сильными мира сего».

«Они весьма неотесанные и весьма хищные», — привела газета слова Дж. Сороса. «Государство развалилось, и каждый разворовывает его имущество, как может», — коротко сказал он, характеризуя обстановку в России.

На какие же реальные политические силы опиралась российская власть в 1997 году?

Практически единственным соперником левой и правой оппозиции в ее стремлении к высшим руководящим постам в стране, по оценкам экспертов, являлось «концентрированное выражение партии власти» — всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом Россия».

Проведя в 1997 году съезд, участники движения пришли к выводу: НДР выступает в качестве института, способного объединить значительную часть правящей элиты как в Центре, так и в регионах. Особая роль НДР объяснялась способностью его лидера интегрировать различные политические силы и интересы. Иллюстрацией к этому явилось, с одной стороны, присутствие на съезде руководителей правительства, не являвшихся членами НДР, — А. Чубайса, Б. Немцова, Я. Уринсона, Е. Ясина, чем, как считали наблюдатели, была продемонстрирована их лояльность к В. Черномырдину; с другой — конструктивный диалог, ведшийся между премьер-министром и руководством КПРФ, поддержка председателя правительства тесной интеграции с Белоруссией, отмежевывавшая его от линии «молодых реформаторов».

Руководство НДР в ходе съезда четко определило перечень социальных групп, на которых ориентировалось движение. Это, в первую очередь, коллективы предприятий, нашедших свое место в рыночной экономике, а также предприниматели, фермеры, кооператоры, вузовская молодежь. К числу своих потенциальных сторонников лидер НДР отнес миллионы бюджетников — врачей, учителей, работников культуры, ученых, военнослужащих, склонных к протестному голосованию из-за невыплаты зарплаты. Однако В. Черномырдин рассчитывал на нормализацию ситуации с бюджетом, что, по его мнению, позволило бы повернуть указанный электорат лицом к НДР.

Стремление заручиться поддержкой не только преуспевающих групп населения, но и части аутсайдеров, настроенных демократически, диктовало и тактику НДР, дистанцировавшегося от радикальных реформаторов, чьи инициативы уже изменили в худшую сторону положение и без того разочарованных в реформаторском курсе социальных слоев. Именно поэтому движение намеревалось

выработать механизмы, позволявшие наименее болезненно провести жилищно-коммунальную реформу, вызывавшую наибольшие опасения с точки зрения ее социальных последствий.

По той же причине лидеры движения предписали местным отделениям НДР активнее демонстрировать близость «партии власти» к простому народу, для чего перейти на постоянный режим работы по принципу «открытых дверей», вплоть до занятия правозащитной деятельностью.

НДР претендовало не только на лидирующую роль среди реформаторов и центристов, но и на статус политической силы, способной вести диалог с оппозицией, в том числе с коммунистической. Это, по мнению идеологов движения, отвечало настроениям значительной части общества, не желавшей очередных потрясений в связи с жестким противостоянием двух непримиримых лагерей. Стремление найти компромисс с оппозицией по антикризисной программе в сочетании с отсутствием у умеренной части оппозиции резкого неприятия фигуры В. Черномырдина могло позволить сделать диалог достаточно эффективным. Решительная отповедь сторонникам «резких движений» — типа разгона Государственной думы — также могла быть с благодарностью воспринята коммунистами, руководство которых стремилось сохранить нижнюю палату парламента в ее прежнем составе.

Однако ряд независимых экспертов скептически воспринял намерения идеологов НДР, поскольку обострение социальной напряженности в обществе и радикализация в связи с этим КПРФ способны были минимизировать положительный эффект от конструктивного подхода НДР к оппозиции.

Желание лидера НДР создать широкое объединение демократических сил «без всяких предварительных условий, предубеждений и идеологических разборок» эксперты считали вряд ли осуществимым. Такие организации, как «Демократический выбор России», «Демократическая Россия» и им подобные вряд ли пойдут на союз с НДР, хотя на региональном уровне тактические союзы между НДР и представителями этих организаций были возможны. Особенно это было характерно для тех регионов, где НДР находился в оппозиции к избранным при поддержке КПРФ главам администраций.

Маловероятным считали союз между НДР и «Яблоком», которое всячески демонстрировало свою оппозиционность к экономическому курсу правительства В. Черномырдина и делало исключение лишь для Б. Немцова, что объяснялось, наверное, не только кредитом доверия «молодому реформатору», но и тесными в прошлом связями между первым вице-премьером и лидерами «Яблока».

Так или иначе, освоенная в наибольшей степени, чем оппонентами, центристская ниша, властные и финансовые ресурсы, реальное представительство в регионах делали НДР одним из основных участников будущих парламентских выборов, а намерение выдвинуть собственного кандидата на пост президента Российской Федерации свидетельствовали о росте амбиций движения. Идея стабильного развития, провозглашенная НДР, наверное, была способна привлечь голоса избирателей, но только при одном условии — при наличии хотя бы относительной социально-экономической стабилизации. А ее не было.

По прогнозам большинства аналитиков, НДР как политическое движение не имело перспектив. Оно отражало работу самого правительства и, как кабинет министров, не имело стратегии, приемлемых концепций, твердых убеждений и целей. Что касалось фракции НДР в Думе, то допускалась возможность того, что депутатская солидарность позволит ей дожить до окончания срока полномочий парламента. Трудно говорить о чем-то большем, если никто из членов думской фракции НДР не смог толком ни сформулировать, ни высказать даже отношения к демаршу Л. Рохлина, а ее руководитель С. Беляев был занят лишь тем, что отслеживал положение В. Черномырдина, дабы не попасть впросак и не оказаться «не у дел политики».

Если звезда «молодых реформаторов» в силу ряда объективных и субъективных причин потускнела, то кто мог стать новым фаворитом президента? По имевшимся на конец 1997 года данным, во время последнего отпуска Б. Ельцин был приятно удивлен результатами деятельности самарского губернатора К. Титова. Итогом президентского «головокружения» от самарских успехов стало подписание договора о разграничении полномочий между центром и Самарской областью. Сам же губернатор, по имевшимся сведениям, получил приглашение перебираться в Москву, но вроде бы не дал

согласия. Тем не менее, у К. Титова, как считали, очень неплохие федеральные перспективы.

Некоторые аналитики уже видели в нем будущего российского премьера при новом президенте. Они не исключали и того, что К. Титов мог занять место В. Черномырдина или одного из первых вице-премьеров и при Б. Ельцине, если бы он вдруг провел грандиозную перетряску всей федеральной элиты, в ходе которой потерял бы место тогдашний руководитель кабинета министров.

В то же время было известно, что аналогичное предложение переехать в Москву получил также глава администрации Саратовской области Д. Аяцков во время пребывания там Б. Ельцина. Кроме того, по некоторым данным, кресло губернатора должен был покинуть и перебраться в Москву недавно переизбранный на эту должность Л. Рокецкий, который руководил Тюменской областью.

Такой вот «резерв кадров» на всю 150-миллионную Россию был у президента в 1997 году.

Конец первой книги

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ПРИСЯГА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Дана Б. Н. Ельциным 9 августа 1996 года на торжественной церемонии вступления в должность президента РФ)

Клянусь при осуществлении полномочий президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу.

2. О ЧЕМ ДОГОВОРИЛИСЬ С БЕЛАРУСЬЮ

ДОГОВОР от 2 апреля 1997 года О СОЮЗЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Российская Федерация и Республика Беларусь, исходя из духовной близости и общности исторической судьбы своих народов, опираясь на их волю к дальнейшему единению, стремясь эффективно использовать материальный и интеллектуальный потенциалы России и Беларуси в интересах их социального и экономического прогресса, действуя в соответствии с основами конституционного строя Сторон и общепризнанными принципами и нормами международного права, основываясь на Договоре об образовании Сообщества России и Белоруссии от 2 апреля 1996 года и развивая его положения в целях достижения действенной интеграции в экономической и других сферах общественной жизни, договорились о нижеследующем.

Статья 1

Сообщество России и Белоруссии преобразуется в Союз с наделением его полномочиями согласно Уставу Союза.

Каждое государство — участник Союза сохраняет государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность, Конституцию, государственный флаг, герб и другие атрибуты государственности.

Статья 2

Целями Союза являются:

укрепление отношений братства, дружбы и всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Беларусь в политической, экономической, социальной, военной, научной, культурной и других областях;

повышение уровня жизни народов и создание благоприятных условий для всестороннего гармоничного развития личности;

устойчивое социально — экономическое развитие государств-участников Союза на основе объединения их материального и интеллектуального потенциалов, использования рыночных механизмов функционирования экономики;

сближение национальных правовых систем, формирование правовой системы Союза;

обеспечение безопасности и поддержание высокой обороноспособности, совместная борьба с преступностью;

содействие обеспечению общеевропейской безопасности и развитию взаимовыгодного сотрудничества в Европе и мире.

Статья 3

Неотъемлемой частью настоящего Договора является Устав Союза.

Статья 4

В настоящий Договор и Устав Союза могут вноситься по взаимному согласию Сторон изменения и дополнения, которые подлежат ратификации.

Статья 5

Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Сторон по другим международным договорам, участниками которых они являются, и не направлен против третьих государств.

Статья 6

Договор об образовании Сообщества России и Белоруссии от 2 апреля 1996 года, ранее принятые органами Сообщества нормативные правовые акты продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Договору.

Статья 7

Настоящий Договор открыт для присоединения к нему других государств, являющихся субъектами международного права, разделяющих цели и принципы Союза и принимающих на себя в полном объеме обязательства, вытекающие из Договора и Устава.

Присоединение осуществляется с согласия государств — участников.

Статья 8

Настоящий Договор и Устав Союза, подписанные главами государств — участников, подлежат ратификации и вступают в силу с даты обмена ратификационными грамотами.

Настоящий Договор является бессрочным. Любая из Сторон может выйти из него, уведомив об этом в письменной форме другое государство — участника за 12 месяцев до выхода.

Статья 9

Настоящий Договор регистрируется в соответствии со статьей 102 Устава Организации Объединенных Наций.

Совершено в г. Москве 2 апреля 1997 года в двух экземплярах, каждый на русском и белорусском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Президент
Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН
Президент Республики Беларусь А. ЛУКАШЕНКО

3. О ЧЕМ ДОГОВОРИЛИСЬ С ЧЕЧНЕЙ

Документ № 1

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, нижеподписавшиеся, учитывая достигнутый прогресс в реализации соглашений о прекращении военных действий, стремясь создать взаимоприемлемые предпосылки для политического урегулирования вооруженного конфликта, признавая недопустимость применения вооруженной силы или угрозы ее применения при решении спорных вопросов, исходя из общепризнанного права народов на самоопределение, принципов равноправия, добровольности и свободы волеизъявления, укрепления межнационального согласия и безопасности народов, изъявляя волю к безусловной защите прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, места жительства и иных различий, пресечению актов насилия в отношении политических оппонентов, исходя при этом из Всеобщей декларации прав человека 1949 года и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, совместно разработали Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, на основе которых будет строиться дальнейший переговорный процесс.

А. ЛЕБЕДЬ А. МАСХАДОВ

С. ХАРЛАМОВ С. АБУМУСЛИМОВ

Дата: 31. 08. 96 г. Место подписания: Хасавюрт В присутствии Главы Группы Содействия ОБСЕ в Чеченской Республике Т. Гульдиман

Документ 2

ПРИНЦИПЫ

определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой

1. Соглашение об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, определяемых в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года.

2. Не позднее 1 октября 1996 г. формируется Объединенная комиссия из представителей органов государственной власти Российской Федерации и Чеченской Республики, задачами которой являются:

— осуществление контроля за исполнением Указа Президента Российской Федерации от 25 июня 1996 г. № 985 и подготовка предложений по завершению вывода войск;

— подготовка согласованных мероприятий по борьбе с преступностью, терроризмом и проявлением национальной и религиозной вражды и контроль за их исполнением;

— подготовка предложений по восстановлению валютно-финансовых и бюджетных взаимоотношений;

— подготовка и внесение в Правительство Российской Федерации программ восстановления социально-экономического комплекса Чеченской Республики;

— контроль за согласованным взаимодействием органов государственной власти и иных заинтересованных организаций при обеспечении населения продовольствием и медикаментами.

3. Законодательство Чеченской Республики основывается на соблюдении прав человека и гражданина, праве народов на самоопределение, принципах равноправия народов, обеспечения гражданского мира, межнационального согласия и безопасности проживающих на территории Чеченской Республики граждан независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и иных различий.

4. Объединенная комиссия завершает свою работу по взаимной договоренности.

Документ 3

ДОГОВОР

о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия (Москва, 12 мая 1997 г.)

Высокие договаривающиеся стороны, желая прекратить многовековое противостояние, стремясь установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения, договорились:

1. Навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов.

2. Строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, при этом стороны взаимодействуют в сферах, определяемых конкретными соглашениями.

3. Договор является основой для заключения дальнейших договоров и соглашений по всему комплексу взаимоотношений.

4. Договор составлен в двух экземплярах, причем оба экземпляра имеют равную юридическую силу.

5. Настоящий договор вступает в действие со дня подписания.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН

Президент Чеченской Республики Ичкерия А. МАСХАДОВ

г. Москва,

12 мая 1997 года

Документ 4

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Российской Федерации и Правительством Чеченской Республики Ичкерия

Руководствуясь Договором о мире ***и***- принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия от 12 мая 1997 года, в целях налаживания взаимовыгодного экономического сотрудничества и подготовки условий для заключения полномасштабного договора между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия, стороны договорились:

1. Выполнить ранее достигнутые соглашения от 23 ноября 1996 года по вопросам:

— восстановления объектов жизнеобеспечения в населенных пунктах Чеченской Республики Ичкерия;

— выплаты пенсий, пособий, заработной платы;

— выплаты компенсаций лицам, пострадавшим в результате боевых действий;

— реализации в полном объеме программы восстановления социально-экономического комплекса, разработанной Правительством Чеченской Республики Ичкерия и согласованной с Правительством Российской Федерации.

2. Министерствам и ведомствам Российской Федерации и Чеченской Республики Ичкерия разработать и заключить конкретные соглашения по реализации пункта № 1 данного документа в месячный срок.

3. На основе соответствующих Указов Президента Российской Федерации и Президента Чеченской Республики Ичкерия завершить необходимые мероприятия по розыску и освобождению всех насильственно удерживаемых лиц, а также работы по опознанию и захоронению погибших.

4. С момента подписания настоящего Соглашения Объединенная Правительственная комиссия прекращает свою деятельность.

5. Соглашение составлено в двух экземплярах, причем оба экземпляра имеют равную юридическую силу.

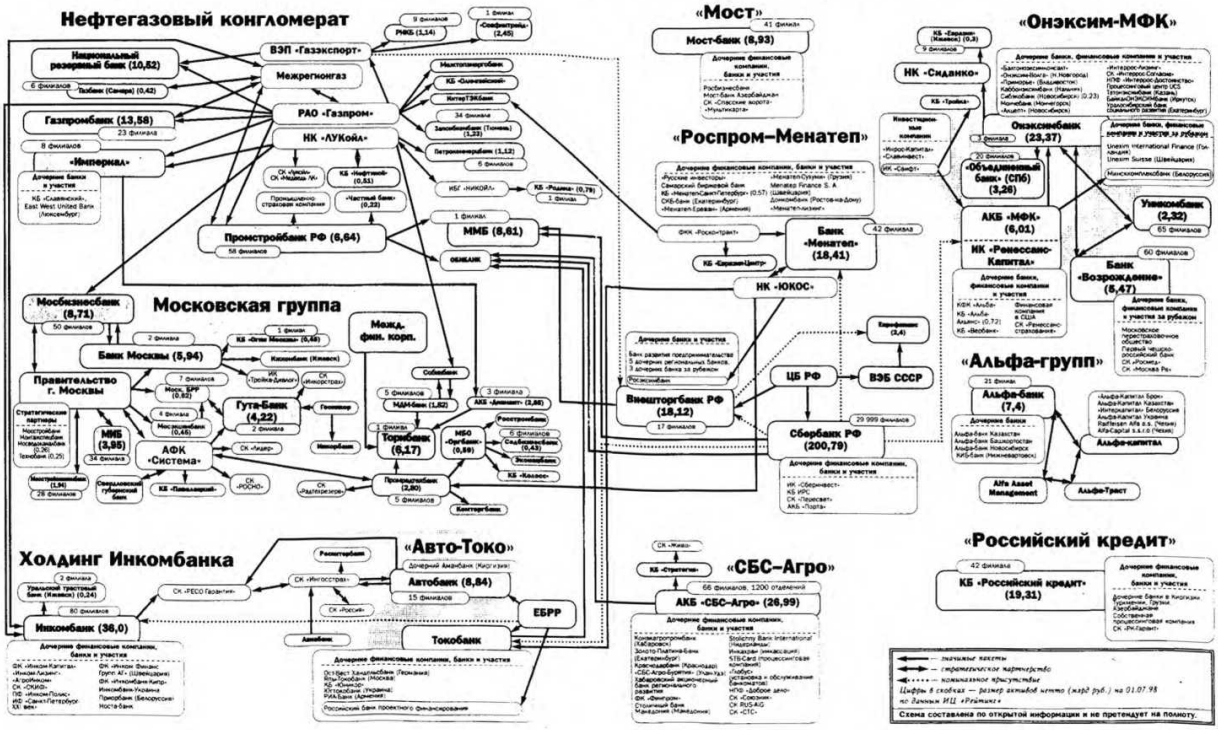
6. Настоящее Соглашение вступает в действие с момента подписания.

Председатель Правительства Российской Федерации В. ЧЕРНОМЫРДИН

Премьер-министр

Чеченской Республики Ичкерия А. МАСХАДОВ

Крупнейшие холдинги, группы и альянсы российских банков



ВАГИФ ГУСЕЙНОВ

Генерал-майор КГБ В. А. Гусейнов начинал с журналистики: работал на радио, редактировал молодежную газету. Был первым секретарем ЦК комсомола Азербайджана, секретарем ЦК ВЛКСМ по международным вопросам, руководителем одного из управлений МИД СССР, последним председателем КГБ Азербайджана.
В настоящее время В. А. Гусейнов возглавляет крупный аналитический центр в Москве.
В своей книге «От Ельцина к...?» он раскрывает механизмы тайной борьбы за президентское кресло, развернувшейся сразу же после избрания Б. Ельцина в 1996 году на второй срок. Вы узнаете интересные подробности:

- ***КТО И КАК ПОДБИРАЕТ ПРЕЕМНИКА Б. ЕЛЬЦИНУ***
- ***ПОЧЕМУ ТАК ЧАСТО МЕНЯЕТСЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО***
- ***КОМУ ДОСТАНЕТСЯ РОССИЯ: ЛУЖКОВУ, ЧЕРНОМЫРДИНУ, ЛЕБЕДЮ, ЗЮГАНОВУ?***

ISBN 5-224-00505-1